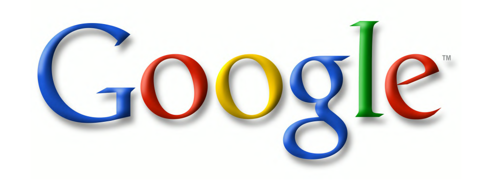

Петръ Великій

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

составленныхъ преподавателями

ПЕТРОВСКАГО УЧИЛИЩА

С.-Петербургскаго купеческаго общества

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ,

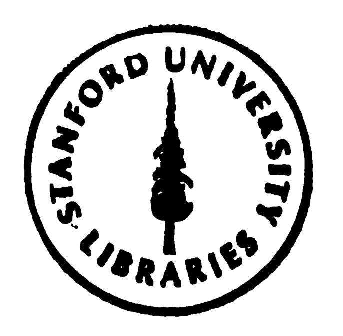
Его Императорскаго Величества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

SS

Автотипія съ грав. Я. Хубракенъ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

На память учащимся

16 Мая 1903 г.

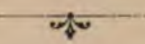
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ

16 Мая 1903 г.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Petr Velikii.

Петръ Великій

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

составленныхъ преподавателями

ПЕТРОВСКАГО УЧИЛИЩА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КУПЕЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ,

Его Императорскаго Величества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

Печатано по постановленію Педагогическаго Комитета Петровскаго Училища С.-Петербургскаго Купеческаго Общества.

Типо-Литографія «Энергія», С.-Петербургъ, Загородный пр., 17.

Педагогическій Комитетъ Петровскаго Училища постановилъ издать ко дню празднованія двухсотлѣтія города С.-Петербурга сборникъ статей, посвященныхъ жизни и дѣятельности Петра Великаго. На приглашеніе Педагогическаго Комитета отозвались также бывшіе преподаватели Училища профессора С. Ѳ. Платоновъ и А. К. Бороздинъ, разрѣшившіе перепечатать ихъ статьи о Петрѣ. Статья „Время Петра Великаго“ перепечатана, съ сокращеніями, изъ „Лекцій“ проф. Платонова; очеркъ проф. Бороздина „Петръ Великій по его письмамъ въ 1688—1703 годахъ“ представляетъ въ дополненномъ видѣ статью, напечатанную въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1888 года. Остальныя статьи появляются въ печати впервые.

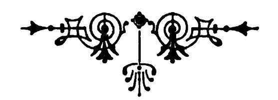
Статьи приноровлены къ пониманію учениковъ старшихъ и отчасти среднихъ классовъ и требуютъ предварительнаго ознакомленія съ главнѣйшими фактами изъ исторіи Петра Великаго, изложенными въ общепринятыхъ учебникахъ по русской исторіи.

Недостатокъ времени не позволилъ разработать всѣ намѣченныя Педагогическимъ Комитетомъ темы. Выпуская, тѣмъ не менѣе, настоящій сборникъ, Училище надѣется, что онъ принесетъ извѣстную

пользу любознательнымъ юношамъ, желающимъ расширить свои свѣдѣнія о личности Преобразователя Россіи.

Къ сборнику приложенъ портретъ Петра Великаго, исполненный Экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ.

Средства на изданіе сборника даны Попечительнымъ Совѣтомъ Петровскаго Училища, который отнесся очень сочувственно къ этому предпріятію.

Содержаніе.

Время Петра Великаго.

Взгляды науки и русскаго общества на Петра Великаго.

Въ научныхъ трудахъ очень часто XVIII и XIX вв. представляются особымъ періодомъ въ историческомъ развитіи нашей государственной жизни. Этому періоду усвоено нѣсколько названій: одни зовутъ его „Императорскимъ“, другіе „Петербургскимъ“, третьи просто называютъ это время новой русской исторіей.

Новую русскую исторію обыкновенно начинаютъ съ такъ называемой эпохи преобразованій нашего общественнаго быта. Главнымъ дѣятелемъ этихъ преобразованій былъ Петръ Великій. Поэтому время его царствованія представляется нашему сознанію той гранью, которая отдѣляетъ старую Русь отъ преобразованной Россіи. Съ этой грани намъ и должно начать свое изученіе и прежде всего, стало быть, познакомиться съ сущностью преобразованій и съ преобразовательной дѣятельностью Петра.

Но дѣятельность Петра до сихъ поръ не имѣетъ въ нашемъ общественномъ сознаніи одной твердо установленной оцѣнки. На преобразованія Петра смотрѣли разно его современники, смотримъ разно и мы, люди XIX и начала XX вѣка. Одни старались объяснить себѣ значеніе реформы для послѣдующей русской жизни, другіе занимались вопросомъ объ отношеніи этой реформы къ явленіямъ предшествовавшей эпохи, третьи судили личность и дѣятельность Петра съ нравственной точки зрѣнія.

Вѣдѣнію историка подлежатъ, строго говоря, только двѣ первыя категоріи мнѣній, какъ историческія по своему су-

ществу. Знакомясь съ ними, мы замѣчаемъ, что эти мнѣнія, иногда, рѣзко противорѣчатъ другъ другу. Происходятъ такія несогласія отъ многихъ причинъ: во 1-хъ, преобразованія Петра, захватывая въ большей или меньшей степени всѣ стороны древне-русской жизни, представляютъ собою такой сложный историческій фактъ, что всестороннее пониманіе его трудно дается отдѣльному уму. Во 2-хъ, не всѣ мнѣнія о реформахъ Петра выходятъ изъ одинаковыхъ основаній. Въ то время, какъ одни изслѣдователи изучаютъ время Петра съ цѣлью достичь объективнаго историческаго вывода о его значеніи въ развитіи народной жизни, другіе стремятся въ преобразовательной дѣятельности начала XVIII в. найти оправданія тѣхъ или иныхъ своихъ воззрѣній на современные общественные вопросы. Если первый пріемъ изученія слѣдуетъ назвать научнымъ, то второму всего приличнѣе названіе публицистическаго. Въ 3-хъ, общее развитіе науки русской исторіи всегда оказывало и будетъ оказывать вліяніе на представленія наши о Петрѣ. Чѣмъ больше мы будемъ знать нашу исторію, тѣмъ лучше мы будемъ понимать смыслъ преобразованій. Нѣтъ сомнѣнія, что мы находимся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ наши предки, и знаемъ больше, чѣмъ они; но наши потомки то же скажутъ и о насъ. Мы откинули много прежнихъ историческихъ заблужденій, но не имѣемъ права сказать, что знаемъ прошлое безошибочно,—наши потомки будутъ знать и больше, и вѣрнѣе насъ.

Не мы первые начали разсуждать о Петрѣ Великомъ. Его дѣятельность уже обсуждали его современники. Ихъ взгляды смѣнялись взглядами ближайшаго потомства, судившаго по преданію, по наслышкѣ, а не по личнымъ впечатлѣніямъ. Затѣмъ мѣсто преданій заняли историческіе документы. Петръ сталъ предметомъ научнаго вѣдѣнія. Каждое поколѣніе несло съ собою свое особое міровоззрѣніе и относилось къ Петру по-своему. Для насъ очень важно знать, какъ въ различное время видоизмѣнялось это отношеніе къ Петру нашего общества.

Современники Петра считали его одного причиною и двигателемъ той новизны, какую вносили въ жизнь его реформы. Эта новизна для однихъ была пріятна, потому что они видѣли въ ней осуществленіе своихъ желаній и симпа-

тій; для другихъ она была ужаснымъ дѣломъ, ибо, какъ имъ казалось, подрывались основы стараго быта, освященныя стариннымъ Московскимъ правовѣріемъ. Равнодушнаго отношенія къ реформамъ не было ни у кого, такъ какъ реформы задѣвали всѣхъ. Но не всѣ одинаково рѣзко выражали свои взгляды. Пылкая, смѣлая преданность Петру и его дѣлу отличаетъ многихъ его помощниковъ; страшная ненависть слышится въ отзывахъ о Петрѣ у многихъ поборниковъ старины. Первые доходятъ до того, что зовутъ Петра „земнымъ богомъ", вторые не страшатся называть его антихристомъ. И тѣ и другіе признаютъ въ Петрѣ страшную силу и мощь, и ни тѣ, ни другіе не могутъ спокойно отнестись къ нему, потому что находятся подъ вліяніемъ его дѣятельности. И преданный Петру Нартовъ, двадцать лѣтъ ему служившій, и какой-нибудь изувѣръ-раскольникъ, ненавидѣвшій Петра всѣмъ своимъ существомъ, одинаково поражены Петромъ и одинаково неспособны судить его безпристрастно. Когда умеръ Петръ и кончилась его реформаторская дѣятельность, когда преемники, не понимая его, часто останавливали и портили начатое имъ, дѣло Петра не умерло и Россія не могла вернуться въ прежнее состояніе. Плоды его дѣятельности—внѣшняя сила Россіи и новый порядокъ внутри страны—были на глазахъ у каждаго, жгучая вражда недовольныхъ стала воспоминаніемъ. Но многіе сознательно жившіе люди, и долго спустя послѣ смерти Петра продолжали ему удивляться не меньше современниковъ. Они жили въ созданной имъ гражданской обстановкѣ и пользовались культурой, которую онъ такъ старательно насаждалъ. Все, что они видѣли вокругъ себя въ общественной сферѣ, вело начало отъ Петра. О Петрѣ осталось много воспоминаній; о томъ же, что было до него, стали забывать. Если Петръ внесъ въ Россію свѣтъ просвѣщенія и создалъ ея политическую силу, то до него, какъ думали, была „тьма и ничтожество". Такъ приблизительно характеризовалъ до-Петровскую Русь канцлеръ графъ Головкинъ, поднося Петру титулъ Императора въ 1721 г. Онъ выразился еще рѣзче, говоря, что геніемъ Петра мы „изъ небытія въ бытіе произведены". Въ послѣдующее время эта точка зрѣнія замѣчательно привилась: Ломоносовъ называлъ Петра „богомъ", ходячее стихотвореніе звало его „свѣтомъ"

Россіи. Петра считали творцомъ всего, что находили хорошаго вокругъ себя. Видя во всѣхъ сферахъ общественной жизни начинанія Петра, его силы преувеличивали до сверхъестественныхъ размѣровъ. Такъ было въ первой половинѣ XVIII в. Вспомнимъ, что тогда не существовало еще исторической науки, что возможность просвѣщенія, данная Петромъ, создала еще немногихъ просвѣщенныхъ людей. Эти немногіе люди судили Петра по тому преданію, какое сохранилось въ обществѣ о времени преобразованій.

Но не все, что было въ Россіи послѣ Петра, было хорошо. Не всѣмъ, по крайней мѣрѣ, оставались довольны мыслящіе люди XVIII в. Они видѣли, напримѣръ, что усвоеніе западно-европейской образованности, начатое при Петрѣ, превращалось часто въ простое перениманіе культурной внѣшности. Они видѣли, что знакомство съ Западомъ, съ пользой приносило къ намъ часто и пороки западно-европейскаго общества. Далеко не всѣ русскіе люди оказывались способными воспринять съ Запада здоровыя начала его жизни и оставались грубыми варварами, соединяя однако съ глубокимъ невѣжествомъ нарядную внѣшность европейскихъ щеголей. Въ сатирическихъ журналахъ, второй половины прошлаго вѣка, мы постоянно встрѣчаемъ нападки на этотъ разладъ внѣшности и внутренняго содержанія. Раздаются голоса противъ безтолковаго заимствованія западныхъ формъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развитіе историческихъ знаній позволяетъ уже людямъ XVIII в. оглянуться назадъ, на до-Петровское время. И вотъ многіе передовые люди (князь Щербатовъ, Болтинъ, Новиковъ) темнымъ сторонамъ своей эпохи противопоставляютъ свѣтлыя стороны до-Петровской поры. Они не развѣнчиваютъ дѣятельности Петра, но и не боготворятъ его личности. Они рѣшаются критиковать его реформу и находятъ, что она была односторонней, привила намъ много хорошаго со стороны, но отняла отъ насъ много своего хорошаго. Къ такому выводу они приходятъ путемъ изученія прошлаго, но это изученіе далеко не спокойно: оно вызвано недостатками настоящаго и идеализируетъ прошлую жизнь. Однако эта идеализація направлена не противъ самого Петра, а противъ нѣкоторыхъ послѣдствій его реформы. Личность Петра и въ концѣ XVIII в. окружена такимъ же ореоломъ, какъ и въ началѣ столѣтія. Императрица Екатерина относится

къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Находятся люди, посвящающіе всю свою жизнь собранію историческаго матеріала, служащаго къ прославленію Петра,—таковъ купецъ Голиковъ.

Во второй половинѣ XVIII в. зарождается уже наука Русской Исторіи. Но историки того времени или усердно собираютъ матеріалы для исторіи (какъ Миллеръ), или заняты изслѣдованіемъ древнѣйшихъ эпохъ русской жизни (Ломоносовъ, Байеръ, Штритеръ, Татищевъ, Щербатовъ, Шлецеръ). Петръ еще внѣ предѣловъ ихъ вѣдѣнія. Первую научную оцѣнку получаетъ онъ отъ Карамзина.

Но Карамзинъ, какъ историкъ, принадлежитъ уже XIX в. Ученый по критическимъ пріемамъ, художникъ по натурѣ и моралистъ по міровоззрѣнію, онъ представлялъ себѣ русскую историческую жизнь, какъ постепенное развитіе національно-государственнаго могущества. Къ этому могуществу Россію велъ рядъ талантливыхъ дѣятелей. Среди нихъ Петру принадлежало одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ; но, читая „Исторію Государства Россійскаго“ въ связи съ другими историческими трудами Карамзина, вы замѣчаете, что Петру, какъ дѣятелю, Карамзинъ предпочиталъ другого историческаго дѣятеля—Ивана III-го. Этотъ послѣдній сдѣлалъ свое княжество сильнымъ государствомъ и познакомилъ Русь съ западной Европой безо всякой ломки и насильственныхъ мѣръ. Петръ же насиловалъ русскую природу и рѣзко ломалъ старый бытъ. Карамзинъ думалъ, что можно было бы обойтись и безъ этого. Своими взглядами Карамзинъ сталъ въ нѣкоторую связь съ критическими воззрѣніями на Петра упомянутыхъ нами людей XVIII в. Такъ же, какъ они, онъ не показалъ исторической необходимости петровскихъ реформъ, но онъ уже намекалъ, что необходимость реформы чувствовалась и ранѣе Петра. Въ XVII в., говорилъ онъ, сознавали, что нужно заимствовать съ Запада: „явился Петръ“, — и заимствованіе стало главнымъ средствомъ реформы. Но почему именно „явился Петръ“, Карамзинъ еще не могъ сказать.

Въ эпоху Карамзина началось уже вполнѣ научное изслѣдованіе нашей старины. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ первой половинѣ XIX в. въ русскомъ обществѣ пробуждалась сознательная общественная жизнь, распространялось философское образованіе, рождался интересъ къ нашему прошлому,

желаніе знать общій ходъ нашего историческаго развитія. Не будучи историкомъ, Пушкинъ желалъ работать надъ исторіей Петра, но смерть помѣшала этому. Не будучи историкомъ, Чаадаевъ принялся размышлять надъ русской исторіей и пришелъ къ печальному выводу, что у насъ нѣтъ ни исторіи, ни культуры.

Обращаясь къ прошлому, русскіе образованные люди не имѣли спеціальныхъ историческихъ знаній и вносили въ толкованіе прошлаго тѣ точки зрѣнія, какія почерпали въ занятіяхъ нѣмецкой философіей; германская метафизика XIX в. очень вліяла на русскую образованную молодежь, и особенно метафизическая система Гегеля. Подъ вліяніемъ его философіи, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ Россіи образовались философскіе кружки, выработавшіе цѣльное міровоззрѣніе и имѣвшіе большое вліяніе на умственную жизнь русскаго общества средины нашего вѣка. Въ этихъ кружкахъ принципы германской философіи примѣнялись къ явленіямъ русской жизни и вырабатывалось, такимъ образомъ, историческое міросозерцаніе. Самостоятельная мысль этихъ „людей 40-хъ годовъ“, отправляясь отъ данныхъ германской философіи, приходила къ своимъ особымъ выводамъ, у разныхъ лицъ неодинаковымъ. Всѣ послѣдователи Гегеля между прочими философскими положеніями, выносили изъ его ученія двѣ мысли, которыя въ простомъ изложеніи выразятся такъ: 1-ая мысль: всѣ народы дѣлятся на историческіе и неисторическіе; первые участвуютъ въ общемъ міровомъ прогрессѣ, вторые стоятъ внѣ его и осуждены на вѣчное духовное рабство; 2-ая мысль: высшимъ выразителемъ міроваго прогресса, его верхней (послѣдней) ступенью, является германская нація съ ея протестантской церковью. Германско-протестантская цивилизація есть, такимъ образомъ, послѣднее слово міроваго прогресса. Одни изъ русскихъ послѣдователей Гегеля вполнѣ раздѣляли эти воззрѣнія; для нихъ поэтому древняя Русь, не знавшая западной германской цивилизаціи и не имѣвшая своей, была страною неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вѣчный застой. Эту „азіатскую страну“ (такъ называлъ ее Бѣлинскій) Петръ Великій своей реформой пріобщилъ къ гуманной цивилизаціи, создалъ ей возможность прогресса. До Петра у насъ не было исторіи, не было разумной жизни. Петръ далъ намъ

эту жизнь, и поэтому его значеніе безконечно важно и высоко. Онъ не могъ имѣть никакой связи съ предыдущей русской жизнью, ибо дѣйствовалъ совсѣмъ противоположно ея основнымъ началамъ. Люди, думавшіе такъ, получили названіе западниковъ. Они, какъ легко замѣтить, сошлись совсѣмъ близко съ тѣми современниками Петра, которые считали его земнымъ богомъ, произведшимъ Россію изъ небытія въ бытіе.

Но не всѣ люди 40-хъ годовъ думали такъ. Нѣкоторые, принимая теорію міроваго прогресса Гегеля, по чувству патріотизма возмущались его мнѣніемъ, что германская цивилизація есть послѣдняя ступень прогресса, и что славянское племя есть неисторическое племя. Они не видѣли причины, почему прогрессъ долженъ остановиться на германцахъ; изъ исторіи они выносили убѣжденіе, что славянство было далеко отъ застоя, имѣло свое историческое развитіе, свою культуру. Эта культура была самостоятельна и отличалась отъ германской въ трехъ отношеніяхъ:

1) На западѣ, у германцевъ, христіанство явилось въ формѣ католичества и затѣмъ протестантства; на востокѣ у славянъ—въ формѣ православія.

2) Древне-классическую культуру германцы восприняли изъ Рима въ формѣ латинской, славяне—изъ Византіи, въ формѣ греческой. Между той и другой культурой есть существенныя различія.

3) Наконецъ, государственный бытъ въ древне-германскихъ государствахъ сложился путемъ завоеванія; у славянъ и у русскихъ въ частности, путемъ мирнымъ. Поэтому въ основаніи общественныхъ отношеній на западѣ лежитъ вѣковая вражда; у насъ ея нѣтъ.

Самостоятельное развитіе этихъ трехъ началъ составляло содержаніе древне-русской жизни. Такъ думали нѣкоторые болѣе самостоятельные послѣдователи германской философіи, получившіе названіе славянофиловъ. Наибольшаго развитія самостоятельная русская жизнь достигла въ эпоху Московскаго государства. Петръ нарушилъ это развитіе. Онъ своей насильственной реформой внесъ къ намъ чуждыя, даже противоположныя начала западной германской цивилизаціи. Онъ повернулъ правильное теченіе народной

жизни на ложную дорогу заимствованій. Онъ не понималъ завѣтовъ прошлаго, не понималъ нашего „національнаго духа“. Чтобы остаться вѣрными этому національному духу, мы должны отречься отъ чуждыхъ западно-европейскихъ началъ и возвратиться къ самобытной старинѣ. Тогда, сознательно развивая національныя наши начала, мы своей цивилизаціей можемъ смѣнить германскую и станемъ въ общемъ міровомъ развитіи выше германцевъ.

Таковы воззрѣнія славянофиловъ. Петръ, по ихъ мнѣнію, измѣнилъ прошлому, дѣйствовалъ противъ него. Славянофилы ставили высоко личность Петра, признавали пользу нѣкоторыхъ его дѣлъ, но считали его реформу не національною и вредною въ самомъ ея существѣ. У нихъ, какъ и у западниковъ, Петръ былъ лишенъ всякой внутренней связи съ предшествовавшей ему исторической жизнью.

Слѣдуетъ замѣтить, что ни одно изъ разсмотрѣнныхъ нами воззрѣній на Петра не было въ состояніи указать и объяснить внутреннюю связь его преобразованій съ предыдущею исторіей. Даже Карамзинъ не шелъ далѣе смутнаго намека. Эту связь Петра съ прошлымъ уловилъ чутьемъ въ 40-хъ годахъ Погодинъ, но не ранѣе, какъ въ 1863 г., онъ могъ высказать объ этомъ свои мысли. Причиной этому былъ отчасти недостатокъ историческаго матеріала, отчасти отсутствіе у Погодина цѣльнаго историческаго міросозерцанія.

Такое міросозерцаніе было внесено въ наши университеты въ концѣ 40-хъ годовъ, когда Погодинъ уже кончилъ свою профессорскую дѣятельность. Носители новыхъ историческихъ идей были молодые ученые, воззрѣнія которыхъ на нашу исторію въ то время назывались „теоріей родового быта“. Впослѣдствіи же эти ученые стали извѣстны подъ собирательнымъ именемъ „историко-юридической школы“. Они первые установили мысль о томъ, что реформы Петра явились необходимымъ слѣдствіемъ всего историческаго развитія русской жизни.

Воспитались эти ученые подъ вліяніемъ германской философіи и исторической науки. Вначалѣ нашего вѣка историческая наука въ Германіи сдѣлала большіе успѣхи. Дѣятели такъ называемой „германской исторической школы“

внесли въ изученіе исторіи чрезвычайно плодотворныя руководящія идеи и новые, точные методы изслѣдованія историческаго матеріала. Главной мыслью германскихъ историковъ была мысль о томъ, что развитіе человѣческихъ обществъ не есть результатъ случайностей и единичной воли отдѣльныхъ лицъ; напротивъ, это развитіе совершается, какъ развитіе организма, по строгимъ законамъ, ниспровергнуть которые не можетъ сила человѣка. Первый шагъ къ такому воззрѣнію сдѣлалъ еще въ концѣ XVIII в. Фр. Августъ Вольфъ въ своемъ трудѣ Prolegomena in Homerum (1795). За нимъ послѣдовали историки — Нибуръ и Готфридъ Миллеръ, занимавшіеся исторіей Рима и Греціи; историки юристы Эйхгорнъ (историкъ древне-германскаго права) и Савиньи (историкъ римскаго права). Ихъ направленіе создало въ Германіи къ половинѣ XIX вѣка блестящее положеніе исторической науки.

Подъ вліяніемъ германской науки воспитывались и наши ученые. Они усвоили себѣ всѣ выводы и воззрѣнія нѣмецкой исторической школы. Нѣкоторые изъ нихъ увлекались и философіей Гегеля. Хотя въ Германіи точная и строго фактическая историческая школа не всегда жила въ ладу съ метафизическими умствованіями Гегеля и его послѣдователей, тѣмъ не менѣе историки и Гегель сходились въ основномъ воззрѣніи на исторію, какъ на закономѣрное развитіе человѣческихъ обществъ. И историки и Гегель отрицали случайность, и ихъ воззрѣнія поэтому могли ужиться въ одной личности.

Эти воззрѣнія и были приложены къ русской исторіи нашими учеными. Первые сдѣлали это въ своихъ лекціяхъ и печатныхъ трудахъ профессора Московскаго университета С. М. Соловьевъ и К. Д. Кавелинъ. Они думали показать въ русской исторической жизни органическое развитіе тѣхъ началъ, которыя были даны первоначальнымъ бытомъ нашего племени. Они полагали, что главнымъ содержаніемъ нашей исторической жизни была естественная смѣна однѣхъ формъ жизни другими. Подмѣтивъ порядокъ этой смѣны, они надѣялись найти законы нашего историческаго развитія. По ихъ мнѣнію, государственный порядокъ окончательно установленъ у насъ дѣятельностью Петра Великаго. Петръ Великій своими реформами отвѣчалъ на требованія націо-

нальной жизни, которая ко времени Петра развилась уже до государственныхъ формъ бытія. Стало быть, дѣятельность Петра вытекала изъ исторической необходимости и была вполнѣ національна.

Такъ, въ первый разъ была установлена органическая связь преобразованій Петра съ общимъ ходомъ русской исторіи. Нетрудно замѣтить, что эта связь—чисто логическая, лишенная пока фактическаго содержанія. Непосредственнаго историческаго преемства, между Русью XVII в. и эпохой Петра, въ первыхъ трудахъ Соловьева и Кавелина указано не было. Это преемство, вообще, долго не давалось нашему ученому сознанію.

Стараясь сыскать это непосредственное преемство, какъ сами Соловьевъ и Кавелинъ, такъ и ихъ послѣдователи историки-юристы, обращаясь къ изученію до-Петровской эпохи, склонны были думать, что Россія въ XVII в. дожила до государственнаго кризиса. „Древняя русская жизнь—говоритъ Кавелинъ,—исчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Она сдѣлала все, что могла, и, окончивъ свое призваніе, прекратилась". Петръ вывелъ Россію изъ этого кризиса на новый путь. По мнѣнію Соловьева, въ XVII в. наше государство дошло до полной несостоятельности, нравственной, экономической и административной, и могло выйти на правильную дорогу только путемъ рѣзкой реформы (Исторія, т. XIII). Эта реформа пришла съ Петромъ. Такъ судили о XVII в. и другіе изслѣдователи (Дмитріевъ и др.). Въ обществѣ распространился взглядъ на Московскую Русь, какъ на страну застоя, не имѣвшую силъ для прогрессивнаго развитія. Эта страна дожила до полнаго разложенія, надо было крайнее усиліе для ея спасенія, и оно было сдѣлано Петромъ. Такимъ образомъ, преобразованія Петра представлялись естественной исторической необходимостью, они были тѣсно связаны съ предыдущей эпохой, но только съ темными, отрицательными ея сторонами, только съ кризисомъ стараго строя.

Но такое пониманіе историческаго преемства между старой Русью и реформой въ послѣднее время замѣнилось другимъ. Новую точку зрѣнія внесъ въ науку тотъ же Со-

ловьевъ. Необходимо замѣтить, что его взгляды на реформу Петра, съ самаго начала его научной дѣятельности, отличались нѣкоторой двойственностью. Въ одной изъ раннихъ своихъ статей („Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи“, 1851 г.), говоря о критическомъ положеніи Московскаго государства въ XVII в., Соловьевъ не ограничивается только указаніемъ на явленія этого кризиса, но замѣчаетъ, что государи XVII в., для удовлетворенія новыхъ нуждъ государства, начали рядъ *преобразованій*. „Въ теченіе XVII в.,—говоритъ онъ,—явно обозначились новыя потребности государства и призваны были тѣ же средства для ихъ удовлетворенія, которыя были употреблены въ XVIII в., въ такъ называемую эпоху преобразованій“. Такимъ образомъ Петръ не только получилъ отъ стараго порядка одно сознаніе необходимости реформъ, но имѣлъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ ранѣе намѣченными путями. Словомъ, онъ рѣшалъ старую, не имъ поставленную задачу и рѣшалъ ранѣе извѣстнымъ способомъ. Позднѣе Соловьевъ блистательно развилъ такой взглядъ въ своихъ „Чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ“ (1872 г.). Здѣсь онъ прямо называетъ Петра „сыномъ своего народа“, выразителемъ народныхъ стремленій. Бросая общій взглядъ на весь ходъ нашей исторіи, онъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ естественно развивалось у нашихъ предковъ сознаніе своей политической слабости, умственной отсталости и экономическаго безсилія, какъ постепенно дѣлались попытки исправить свое положеніе, какъ постоянно стремились лучшіе люди къ общенію съ западомъ, какъ крѣпло въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости перемѣнъ: „народъ собрался въ дорогу,—заканчиваетъ онъ,—и ждалъ вождя“; этотъ вождь явился въ лицѣ Петра Великаго.

Высказанный послѣ долгаго и пристальнаго изученія фактовъ, этотъ взглядъ Соловьева поражаетъ и глубокой внутренней правдой и мастерствомъ изложенія. Не одинъ Соловьевъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ думалъ такъ объ историческомъ значеніи реформы (вспомнимъ Погодина), но одному Соловьеву удалось такъ убѣдительно и сильно формулировать свой взглядъ. Петръ—продолжатель стараго движенія, знакомаго древней Руси. Въ его реформѣ и направленіе и средства не новы,—они даны предшествовавшей

эпохой. Нова въ его реформѣ только страшная энергія Петра, быстрота и рѣзкость преобразовательнаго движенія, беззавѣтная преданность идеѣ, безкорыстное служеніе дѣлу до самозабвенія. Ново только то, что внесъ въ реформу личный геній, личный характеръ Петра.

Такая точка зрѣнія дала уже полное историческое содержаніе мысли объ органической связи реформы Петра съ общимъ ходомъ русской жизни. Эта мысль, какъ я указалъ, явилась у насъ чисто логическимъ путемъ, какъ апріорный выводъ изъ общаго историческаго созерцанія нѣкоторыхъ ученыхъ. Въ трудахъ Соловьева этотъ историческій выводъ достигъ высшей степени своего развитія; реформа Петра, такъ сказать, конкретно связалась съ предыдущими эпохами.

Развивая общее наше историческое сознаніе, идея Соловьева дала направленіе и многимъ частнымъ историческимъ изслѣдованіямъ. Историческія монографіи о XVII в. и времени Петра констатировали теперь связь преобразованій съ предыдущими эпохами и въ отдѣльныхъ сферахъ древне-русской жизни. Въ результатѣ такихъ монографій является всегда одинаковый выводъ, что Петръ непосредственно продолжалъ начинанія XVII в. и оставался всегда вѣренъ основнымъ началамъ нашего государственнаго быта, какъ онъ сложился въ XVII в. Пониманіе этого вѣка стало инымъ. Не далеко еще то время, когда эпоха первыхъ царей Романовыхъ представлялась временемъ общаго кризиса и разложенія, послѣдними минутами тупого застоя. Теперь представленія измѣнились,—XVII в. представляется вѣкомъ сильнаго общественнаго броженія, когда сознавали потребность перемѣнъ, пробовали вводить перемѣны, спорили за нихъ, искали новаго пути, угадывали, что этотъ путь въ сближеніи съ Западомъ и уже тянулись къ Западу. Теперь ясно, что XVII в. подготовилъ почву для реформы и самого Петра воспиталъ въ идеѣ реформы. Съ этой точки зрѣнія изученіе XVII в. получаетъ живой интересъ.

Итакъ, научное пониманіе Петра Великаго остановилось пока на мысли, лучше всего высказанной Соловьевымъ. Наша наука успѣла связать Петра съ прошлымъ и объяснить необходимость его реформъ. Факты его дѣятельности собраны и обслѣдованы въ нѣсколькихъ ученыхъ трудахъ. Исто-

рическіе результаты дѣятельности Петра, политической и преобразовательной, тоже не одинъ разъ указаны. Теперь мы можемъ изучать Петра вполнѣ научно.

Но если наша историческая наука пришла къ воззрѣнію на Петра болѣе или менѣе опредѣленному и обоснованному, то въ нашемъ обществѣ еще не выработалось однообразнаго и прочнаго отношенія къ его преобразованіямъ. Въ текущей литературѣ и въ обществѣ до сихъ поръ крайне разнообразно судятъ о Петрѣ. Продолжаются, время отъ времени, немного запоздалые споры о степени національности и необходимости Петровыхъ реформъ; подымается довольно праздный вопросъ о томъ, полезна или вредна была реформа Петра въ ея цѣломъ. Всѣ эти мнѣнія, въ сущности, являются видоизмѣненными отголосками исторически слагавшихся воззрѣній на Петра, которыя я старался изложить въ хронологической послѣдовательности.

Если мы еще разъ мысленно переберемъ всѣ старые и новые взгляды на Петра, то легко замѣтимъ, какъ разнообразны они, не только по содержанію, но и по тѣмъ основаніямъ, изъ которыхъ вытекали. Современники и ближайшее потомство Петра, лично задѣтые реформой, судили о немъ не спокойно: въ основаніи ихъ отзывовъ лежало чувство или крайней любви или ненависти. Чувство столько же руководило и тѣми людьми XVIII в., которые, какъ Щербатовъ, грустно смотрѣли на растлѣніе современныхъ нравовъ и считали его плохимъ результатомъ рѣзкой реформы. Позднѣе Петръ—какъ бы логическая посылка, отъ которой можно итти къ тѣмъ или другимъ философскимъ заключеніямъ о русской исторіи. Отъ вліянія метафизики не свободны и первые шаги изслѣдователей историко-юридической школы; но фактическое изученіе нашей исторіи, которое производилось ими очень добросовѣстно, дало нашимъ ученымъ возможность избавиться отъ предвзятыхъ доктринъ. Руководимые фактами, стремясь къ строго научному выводу, они создали научное отношеніе къ эпохѣ Петра Великаго.

Это научное отношеніе будетъ, конечно, далѣе развиваться въ нашей наукѣ. Но уже теперь плодомъ его является возможность основательно и свободно судить о Петрѣ. Его личность не оторвана отъ родной его почвы, онъ для насъ

уже не Богъ и не антихристъ, онъ—опредѣленное лицо, съ громадными силами, съ высокими достоинствами, съ человѣческими слабостями и недостатками. Мы теперь вполнѣ понимаемъ, что его личность и пороки—продуктъ его времени, а его дѣятельность и историческія заслуги—дѣло вѣчности.

Дѣтство и отрочество Петра.

Изученіе первыхъ лѣтъ жизни Петра имѣетъ большую важность въ томъ отношеніи, что позволяетъ намъ понять, въ какой обстановкѣ развивался характеръ Петра, какія впечатлѣнія вынесъ Петръ изъ своего дѣтства, какъ шла его умственная жизнь, какія отношенія сложились въ немъ къ средѣ, его воспитавшей. Существуетъ мнѣніе, что бурное дѣтство было причиной всѣхъ дальнѣйшихъ рѣзкостей въ поведеніи Петра и вызвало въ немъ жгучее озлобленіе противъ старины, стоявшей помѣхою на его дорогѣ. Далѣе мы увидимъ, что въ этомъ мнѣніи много правды. Самъ Петръ иногда съ горечью отзывался о своихъ дѣтскихъ годахъ.

Петръ былъ младшимъ сыномъ царя Алексѣя Михайловича. Царь Алексѣй былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Марьѣ Ильиничнѣ Милославской (1648—1669), во второй—на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной (съ 1671 года). Отъ перваго брака у него было 13 дѣтей. Многія изъ нихъ умерли еще при жизни отца, и изъ сыновей только Өеодоръ и Иванъ его пережили. Оба они были болѣзненными; у Өеодора была цынга, Иванъ страдалъ глазами, заикался, былъ слабъ тѣломъ и разсудкомъ. Быть можетъ, мысль остаться безъ наслѣдниковъ побудила царя Алексѣя спѣшить вторымъ бракомъ. Свою вторую жену Наталью Кирилловну царь встрѣтилъ въ домѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева, гдѣ она росла и воспитывалась въ обстановкѣ реформаціонной. Въ 1672 г. 30 мая у нихъ родился крѣпкій и здоровый мальчикъ, нареченный Петромъ.

Царь Алексѣй былъ очень радъ рожденію сына. Рады были и родственники его молодой жены, Матвѣевъ и семья

Нарышкиныхъ. Незнатные до тѣхъ поръ дворяне (про Наталью Кирилловну ея враги говорили, что прежде, чѣмъ стать царицей она „въ лаптяхъ ходила“), Нарышкины съ женитьбой царя приблизились ко двору и стали играть не малую роль въ придворной жизни. Ихъ возвышеніе было враждебно встрѣчено родственниками царя по первой его женѣ—Милославскими. Рожденіе Петра увеличило эту вражду первой и второй семей царя и сообщило ей новый характеръ. Для Милославскихъ рожденье Петра не могло быть праздникомъ, и вотъ почему: хотя наслѣдникомъ престола всегда считался, а съ 1674 г. оффиціально объявленъ былъ царевичъ Ѳеодоръ, тѣмъ не менѣе, при болѣзненности его и Ивана, и Петръ могъ имѣть надежду на престолъ. Если-бы царствовалъ Ѳеодоръ или Иванъ, политическое вліяніе всецѣло принадлежало бы ихъ роднѣ Милославскимъ; если-же власть перешла-бы къ Петру, опека надъ нимъ и вліяніе на дѣла принадлежали бы матери Петра и Нарышкинымъ. Благодаря такому положенію обстоятельствъ, съ рожденіемъ Петра семейный разладъ Милославскихъ и Нарышкиныхъ терялъ узкій семейный характеръ и получалъ болѣе широкое, политическое значеніе.

Отсутствіе родственной любви и непріязнь между Милославскими и Нарышкиными существовала и при жизни царя Алексѣя; но онъ сдерживалъ эту непріязнь своимъ личнымъ авторитетомъ, хотя увѣренно можно сказать, что и его авторитетъ не могъ примирить враждующія стороны. При полной противоположности интересовъ, родня царя расходилась и взглядами и воспитаніемъ. Старшія дѣти царя (особенно Ѳеодоръ и четвертая дочь Софья) получили блестящее, по тому времени, воспитаніе подъ руководствомъ С. Полоцкаго Въ этомъ воспитаніи силенъ былъ элементъ церковный, дѣйствовало польское вліяніе, замѣтное на южно-русскихъ монахахъ. Напротивъ, Нарышкина вышла изъ такой среды (Матвѣевы), которая, при отсутствіи богословскаго направленія, впитала въ себя вліяніе западно-европейской культуры. Это различіе направленій могло только усиливать вражду. Столкновеніе было неизбѣжно.

Въ январѣ 1676 г. умеръ царь Алексѣй. Ему было только 47 лѣтъ; его ранней смерти нельзя было предусмотрѣть. Поэтому обѣ семейныя партіи были застигнуты катастрофою

врасплохъ. На престолъ вступилъ 14-лѣтній Өеодоръ, но дѣла нѣкоторое время оставались въ рукахъ Матвѣева: царствовалъ представитель одной семейной партіи, управлялъ представитель другой. Такъ случилось потому, что въ послѣдніе годы царя Алексѣя родственники его второй жены были ближе къ царю и дѣламъ, чѣмъ Милославскіе. Однако скоро Милославскіе взяли верхъ; интригами способнѣйшаго изъ Милославскихъ Ивана Михайловича и вліятельнаго боярина Богдана Матвѣевича Хитрово, Матвѣевъ былъ удаленъ въ далекую ссылку (Пустозерскъ). Дѣлами завладѣли Милославскіе; но при дворѣ, кромѣ Милославскихъ и Нарышкиныхъ, образовалась третья партія. Подъ руководствомъ старыхъ бояръ Хитрово и Юрія Алексѣевича Долгорукаго, нѣкоторыя лица, съ бояриномъ Иваномъ Максимовичемъ Языковымъ во главѣ, завладѣли симпатіей царя Өеодора и отстранили отъ него всѣ другія вліянія. Потерявъ надежду видѣть потомство у царя и понимая приближеніе господства (въ случаѣ смерти Өеодора) или Нарышкиныхъ или Милославскихъ, партія Языкова впослѣдствіи стала искать сближенія съ Нарышкиными. Вотъ почему, въ концѣ царствованія Өеодора, былъ возвращенъ изъ ссылки Матвѣевъ. Вотъ почему, когда умеръ Өеодоръ (27 апрѣля 1682 года), восторжествовали Нарышкины, а не Милославскіе. Сложная игра придворныхъ партій, соединившая интересы стороны Языкова со стороной Нарышкиныхъ, повела къ тому, что помимо старшаго, больного и неспособнаго Ивана, царемъ былъ избранъ младшій братъ, царевичъ Петръ.

Послѣ смерти Өеодора, царя приходилось избирать, потому что не было закономъ установленнаго престолонаслѣдія. Патріархъ, Языковъ съ прочимъ боярствомъ и Нарышкины— хотѣли Петра. Десятилѣтній здоровый Петръ и въ самомъ дѣлѣ своей личностью представлялся болѣе способнымъ занять престолъ, чѣмъ полумертвый и тоже малолѣтній Иванъ (ему было 15 лѣтъ). Петръ былъ избранъ въ цари. Но обычаемъ была въ Московскомъ государствѣ узаконена форма царскаго избранія—посредствомъ земскаго собора. Соборомъ избрали Бориса Годунова и Михаила Өеодоровича, за отсутствіе собора упрекали царя В. И. Шуйскаго его современники. Въ данномъ случаѣ, при избраніи Петра къ созыву собора не прибѣгли. Рѣшили дѣло патріархъ съ боярской

думой, послѣ того какъ толпа народа (Московское вѣче, если умѣстно это архаическое выраженіе) крикомъ рѣшила, что желаетъ въ цари Петра. Такая форма избранія мало давала гарантій для будущаго, тѣмъ болѣе, что время было очень смутное. Милославскіе не могли помириться съ неудачей, ихъ сторонники открыто кричали на площади въ пользу Ивана, а не Петра; не всѣ стрѣльцы съ одинаковой охотой присягали Петру; во дворцѣ боялись рѣзкихъ партійныхъ столкновеній, бояре носили панцыри подъ одеждой.

Тѣмъ не менѣе Петръ сталъ царемъ. Опека надъ нимъ, по Московскому обычаю, принадлежала его матери. Царица Наталья Кирилловна стала центромъ правительства. Но подлѣ нея не было искренно преданныхъ помощниковъ и руководителей: Матвѣевъ еще не вернулся въ Москву изъ ссылки, братья царицы не отличались необходимыми для правленія способностями и опытомъ. Такимъ образомъ, новое правительство было слабо. Этимъ и воспользовалась сторона Милославскихъ, среди которыхъ было много выдающихся лицъ.

Главнымъ представителемъ этой партіи была царевна Софья, ученица Симеона Полоцкаго, личность безусловно умная и энергичная, которой душно было въ тѣсной полумонашеской обстановкѣ, окружавшей московскихъ царевенъ: образованіе расширило ея умственный кругозоръ, выработало въ ней широкіе запросы жизни, а отсутствіе стѣсняющаго внѣшняго авторитета родительской власти позволило Софьѣ искать отвѣты на эти вопросы внѣ терема. Она тѣсной сердечной связью сблизилась съ замѣчательнѣйшею личностью того времени княземъ В. В. Голицынымъ и вмѣшивалась въ общественную жизнь. Кровными узами привязанная къ дворцовой партіи Милославскихъ, Софья прониклась ея интересами. Какъ сильная и страстная натура, она лучше и сильнѣе всѣхъ чувствовала эти интересы и стала руководительницею этой партіи. Противники (т. е. Нарышкины и болѣе всѣхъ Наталья Кирилловна) были ей ненавистны, какъ обидчики ея и ея родныхъ. Въ то же время очень развитое честолюбіе Софьи показывало ей возможность, въ случаѣ воцаренія Ивана, стать во главѣ государства опекуншею неспособнаго брата, замѣнить ему мать, управлять государствомъ. Съ воцареніемъ Петра мѣсто это было занято Натальей Кирилловной, которая видѣла, конечно, въ

Софьѣ свою соперницу; отсюда взаимная ненависть мачихи и падчерицы. Кромѣ Софьи, у Милославскихъ былъ другой способный человѣкъ, И. М. Милославскій, падкій на интригу, изворотливый и лишенный твердыхъ нравственныхъ понятій. За Милославскимъ стоялъ родовитый Гедиминовичъ, князь И. А. Хованскій, который не столько дружилъ съ Милославскими, сколько не любилъ ихъ противниковъ. Но Хованскій и Голицынъ не были дѣятельными участниками той политической интриги, которая была ведена въ маѣ 1682 года преимущественно Софьей и Милославскими противъ Нарышкиныхъ.

Въ послѣдніе дни царя Θеодора и въ первые дни царствованія Петра московскіе стрѣльцы пришли въ нѣкоторое движеніе. Стрѣлецкое войско было переформировано въ полки, носившіе названіе по фамиліямъ полковниковъ. Жило оно изолированно отъ прочаго населенія Москвы, въ особыхъ „стрѣлецкихъ слободахъ“ въ разныхъ частяхъ города. И сами стрѣльцы и ихъ семьи, помимо службы, занимались промыслами и мелкой торговлей. Поэтому стрѣльцы, имѣя военную организацію, въ то же время не были замкнуто-живущимъ военнымъ сословіемъ, а сохраняли живыя связи съ остальнымъ Московскимъ населеніемъ. Въ началѣ 1682 года главнымъ начальникомъ стрѣлецкаго войска былъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, „развалина отъ старости и паралича“, какъ характеризуетъ его С. М. Соловьевъ. Онъ не могъ поддержать должной дисциплины. Полковники стрѣлецкіе начали притѣснять стрѣльцовъ, стрѣльцы на злоупотребленія властью отвѣчали нарушеніемъ порядка. Въ грубой формѣ заявляютъ они протестъ противъ притѣсненій, подавая съ ругательствами челобитья на начальниковъ и употребляя силу для освобожденія наказанныхъ товарищей. Это движеніе началось еще при Θеодорѣ, а при новомъ правительствѣ выразилось довольно рѣзко: сразу отъ 16 полковъ подана была во дворецъ челобитная на полковниковъ съ угрозою, если не накажутъ полковниковъ, расправиться съ ними самосудомъ. Правительство Натальи Кирилловны сдѣлало промахъ: вмѣсто спокойнаго изслѣдованія дѣла, оно съ испугу уступило стрѣльцамъ и, уволивъ полковниковъ, взыскало съ нихъ всѣ денежныя къ нимъ претензіи стрѣльцовъ. Уступка разнуздала стрѣльцовъ окончательно,

дисциплины не стало, самосудомъ расправлялись они со всѣми непріятными имъ начальниками. Полный безпорядокъ царилъ въ слободахъ. Съ перемѣною правительства стрѣльцы почувствовали, что они—сила, которой боятся даже во дворцѣ.

Всѣми этими обстоятельствами воспользовалась партія Милославскихъ, чтобы направить движеніе въ свою пользу, сообщить ему политическій характеръ, котораго оно до сихъ поръ не имѣло. Черезъ преданныхъ себѣ стрѣльцовъ (Циклера и др.) эта партія постаралась возбудить неудовольствіе полковъ противъ правительства Петра, перенести ихъ вниманіе отъ своихъ стрѣлецкихъ дѣлъ на политическое положеніе. Стрѣльцамъ усердно разсказывали, что за малолѣтнимъ Петромъ стоятъ бояре—„измѣнники", которые не хотятъ ему добра и государствомъ управляютъ въ свою пользу, а другимъ во вредъ; этимъ „измѣнники" злоумышляютъ на царскую семью, т. е. на царя Ивана и на Милославскихъ. Стрѣльцы вѣрили всѣмъ этимъ слухамъ и главными измѣнниками считали (конечно, по наущенію Милославскихъ) Матвѣева, Нарышкиныхъ и Языкова. Они явно грозили „свернуть шею" этимъ лицамъ и готовы были стать за царя и за благополучіе царской семьи. Милославскимъ, такимъ образомъ, удалось настроить стрѣльцовъ противъ своихъ политическихъ противниковъ. Между стрѣльцами былъ распространенъ списокъ измѣнниковъ, которыхъ слѣдовало истребить, но Милославскіе ждали еще пріѣзда въ Москву опаснѣйшаго своего противника Матвѣева, чтобы истребить и его, и потому удерживали стрѣльцовъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Матвѣевъ пріѣхалъ 11-го мая и, хотя былъ предупрежденъ о волненіяхъ стрѣльцовъ, но не придалъ имъ большого значенія и не принялъ предосторожностей.

15 мая произошелъ такъ называемый стрѣлецкій бунтъ. Милославскіе дали знать утромъ этого дня въ стрѣлецкія слободы, что измѣнники задушили царя Ивана. Стрѣльцовъ звали въ Кремль. Въ боевомъ порядкѣ выступили стрѣлецкіе полки въ Кремль, успѣли занять Кремлевскія ворота, прекратили сношенія его съ остальнымъ городомъ и подступили ко дворцу. Во дворцѣ собрались, услыша о приближеніи стрѣльцовъ, бояре, бывшіе въ Кремлѣ, и патріархъ. Изъ криковъ стрѣльцовъ они знали, зачѣмъ явилось стрѣлецкое войско, знали, что они считали царя Ивана

убитымъ. Поэтому на дворцовомъ совѣтѣ было рѣшено показать стрѣльцамъ и Ивана, и Петра, чтобы сразу убѣдить ихъ въ полномъ отсутствіи всякой измѣны и смуты во дворцѣ. Царица Наталья вывела обоихъ братьевъ на Красное крыльцо, и стрѣльцы, вступивъ въ разговоръ съ самимъ Иваномъ, услышали отъ него, что „его никто не изводитъ, и жаловаться ему не на кого". Эти слова показали стрѣльцамъ, что они жертва чьего-то обмана, что измѣнниковъ нѣтъ, истреблять некого. Старикъ Матвѣевъ умѣлой и сдержанной рѣчью успѣлъ успокоить стрѣльцовъ настолько, что они хотѣли разойтись. Но Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій испортилъ дѣло. Будучи, послѣ отца своего Юрья, вторымъ начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа и думая, что теперь стрѣльцы смирились совсѣмъ, онъ отнесся къ толпѣ съ бранью и грубо приказывалъ ей расходиться. Стрѣльцы, разсердясь и подстрекаемые людьми изъ партій Милославскихъ, бросились на него, убили его, и опьяненные первымъ убійствомъ, бросились во дворецъ искать другихъ „измѣнниковъ". Матвѣева они схватили на глазахъ царицы Натальи и Петра (нѣкоторые разсказывали, что даже выхватили изъ ихъ рукъ) и разсѣкли на части. За Матвѣевымъ были схвачены и убиты бояре кн. Г. Г. Ромодановскій, А. Кир. Нарышкинъ и др. лица. Особенно искали стрѣльцы ненавистнаго Мстиславскимъ Ив. Кир. Нарышкина, способнѣйшаго брата царицы, но не нашли, хотя обыскали весь дворецъ. Убійства совершились и внѣ дворца. Въ своемъ домѣ былъ убитъ кн. Юрій Долгорукій. На улицѣ найденъ и потомъ казненъ Ив. Макс. Языковъ, представитель третьей дворцовой партіи. Надъ трупами убитыхъ стрѣльцы ругались до поздняго вечера и, оставивъ караулы въ Кремлѣ, разошлись по домамъ.

16 мая возобновились сцены убійства. Стрѣльцы истребили всѣхъ тѣхъ, кого сторона Милославскихъ считала измѣнниками. Но желаемаго Ив. Кир. Нарышкина не нашли и въ этотъ день,—онъ искусно прятался во дворцѣ. 17 мая утромъ стрѣльцы настоятельно потребовали его выдачи какъ послѣдняго уцѣлѣвшаго измѣнника. Чтобы прекратить мятежъ, во дворцѣ нашли необходимымъ выдать Ивана Кирилловича. Онъ причастился и предался стрѣльцамъ; его пытали и убили. Этимъ окончился мятежъ.

Петръ и его мать были потрясены смертью родныхъ, ужа-

сами рѣзни, которая совершалась на ихъ глазахъ и оскорбленіями, которыя получали они отъ грубыхъ стрѣльцовъ. Около нихъ не осталось ни одного помощника и совѣтника: всѣ ихъ сторонники были истреблены, а уцѣлѣвшіе попрятались. У Милославскихъ, такимъ образомъ, исчезли ихъ политическіе противники. Хозяевами дѣлъ становились теперь они, Милославскіе; представительницею власти стала Софья, потому что Наталья Кирилловна удалилась отъ дѣлъ. Въ тѣ дни ее грозили даже „выгнать изъ дворца". Вступленіе во власть со стороны Милославскихъ выразилось тотчасъ же послѣ бунта тѣмъ, что мѣста, занятыя прежде въ высшей московской администраціи людьми близкими къ Нарышкинымъ, еще до окончанія бунта перешли къ сторонникамъ Софьи. Князь В. В. Голицынъ получилъ начальство надъ Посольскимъ Приказомъ; князь Ив. Андр. Хованскій съ сыномъ Андреемъ стали начальниками Стрѣлецкаго Приказа (т. е. всѣхъ стрѣлецкихъ войскъ). Иноземскій и Рейтарскій Приказы подчинены были Ив. Мих. Милославскому.

Но, завладѣвъ фактически властью, уничтоживъ однихъ и устранивъ отъ дѣлъ другихъ своихъ враговъ, Софья и ея сторонники не заручились еще никакимъ юридическимъ основаніемъ своего господствующаго положенія. Такимъ юридическимъ основаніемъ могло быть воцареніе царя Ивана и передача опеки надъ нимъ какому нибудь лицу его семьи. Этого Софья достигла помощью тѣхъ же стрѣльцовъ. Конечно, по наущенію ея сторонниковъ, стрѣльцы били челомъ о томъ, чтобы царствовалъ не одинъ Петръ, а оба брата. Боярская дума и высшее духовенство, боясь повторенія стрѣлецкаго бунта, 26 мая провозгласили первымъ царемъ Ивана, а Петра—вторымъ. Немедленно затѣмъ стрѣльцы били челомъ о томъ, чтобы правленіе поручено было, по молодости царей, Софьѣ. 29-го мая Софья согласилась править. Такимъ образомъ партія Софьи достигла оффиціальнаго признанія своего политическаго главенства.

Однако все населеніе Москвы и сами стрѣльцы сознавали, что стрѣлецкое движеніе, хотя и вознаграждалось правительствомъ, было все-таки незаконнымъ дѣломъ, бунтомъ. Сами стрѣльцы, поэтому, боялись наказанія въ будущемъ, когда правительство усилится и найдетъ помимо нихъ опору въ обществѣ и внѣшнюю силу. Стараясь избѣжать этого, стрѣль-

цы требуютъ гарантій своей безопасности, оффиціальнаго признанія своей правоты. Правительство не отказываетъ и въ этомъ. Оно признаетъ, что стрѣльцы не бунтовали, а только искореняли измѣну. Такое признаніе и было засвидѣтельствовано всенародно въ видѣ особыхъ надписей на каменномъ столбѣ, который стрѣльцы соорудили на Красной площади въ память майскихъ событій. Постройка такого памятника, прославлявшаго мятежные подвиги, еще болѣе показала народу, что положеніе дѣлъ въ Москвѣ ненормально и что стрѣльцы, до поры до времени, единственная сила, внушающая боязнь даже дворцу. Этой грозной силой задумали воспользоваться нѣкоторые расколоучители. Находясь подъ церковнымъ проклятіемъ (церк. соборъ 1666 — 1667 г. изрекъ анаѳему на раскольниковъ), раскольники задумали избавиться отъ проклятія и возстановить „старое благочестіе“ въ русской церкви тѣмъ же путемъ, какимъ Милославскіе достигли власти, т. е. помощью стрѣльцовъ. Расколоучители повели въ стрѣлецкихъ слободахъ дѣятельную и успѣшную агитацію для этой цѣли. Результатомъ ея было новое волненіе значительной части только что успокоившихся стрѣльцовъ. Черезъ своего начальника И. А. Хованскаго, стрѣльцы требуютъ пересмотра вѣроисповѣднаго вопроса. Хованскій, нѣсколько сочувствовавшій раскольникамъ, далъ ходъ этому требованію, и правительство, опасаясь отказомъ раздражить стрѣльцовъ, назначило на 5 іюля въ Грановитой Палатѣ дворца диспутъ между православной іерархіей и расколоучителями. Этотъ диспутъ вызвалъ уличные безпорядки, на самомъ диспутѣ спорили долго и, благодаря отсутствію опредѣленнаго плана преній, не пришли ни къ какому результату. Тѣмъ не менѣе раскольники провозгласили побѣду. Масса московскаго населенія, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидавшая исхода диспута, была введена въ немалый соблазнъ и рядомъ скандаловъ, и отсутствіемъ твердой власти, не смогшей поддержать порядка, и неизвѣстностью—гдѣ же церковная истина? Правительство же было смущено тѣмъ, что въ этотъ день ясно увидѣло, какъ ненадежно стрѣлецкое войско; стрѣльцы оскорбляли Софью, когда она вмѣшивалась въ диспутъ, поддерживали раскольниковъ („промѣняли государство на шестерыхъ чернецовъ“, какъ выразилась Софья), и слушались обожаемаго ими Хованскаго го-

раздо болѣе, чѣмъ повиновались правительству. Послѣ диспута у Софьи стало двѣ заботы: лишить раскольниковъ стрѣлецкой поддержки и обуздать Хованскаго, который могъ злоупотребить привязанностью стрѣльцовъ. Перваго Софья скоро достигла. Увѣщаніями и подачками она склонила стрѣльцовъ отстать отъ расколоучителей. Одного изъ нихъ казнили (Никиту Пустосвята), другихъ сослали. Не такъ легко было свести счеты съ Хованскимъ. 20 августа вся царская семья уѣхала изъ Москвы, считая себя небезопасной въ Кремлѣ. Послѣ многихъ переѣздовъ изъ села въ село, изъ монастыря въ монастырь, Софья въ селѣ Воздвиженскомъ праздновала свои имянины 17 сентября. Туда къ этому дню съѣхалось много Московской знати, и вотъ 17-го, послѣ обѣдни и пріема поздравленій, цари съ боярами „сидѣли" о дѣлѣ Хованскаго. Боярская Дума выслушала „докладъ" или обвинительный актъ, въ которомъ Хованскій былъ обвиняемъ въ преступленіяхъ по службѣ и въ умыслѣ на жизнь государей. Послѣдній пунктъ обвиненій былъ основанъ на подметномъ письмѣ, которое брошено было на имя государей у дворцовыхъ воротъ, а написано было, говорятъ, И. М. Милославскимъ. Дума приговорила Хованскаго и сына его Андрея къ смертной казни. Ихъ арестовали недалеко отъ села Воздвиженскаго, привезли туда и въ тотъ же день казнили. Судъ, приговоръ и казнь послѣдовали въ одинъ и тотъ же день, внезапно, неожиданно. Очевидно, Софья боялась помѣхи со стороны стрѣльцовъ; боясь ихъ волненія, она 17-го же сентября извѣстила ихъ грамотой, что Хованскіе казнены, и прибавляла, что на самихъ стрѣльцахъ царскаго гнѣва нѣтъ.

Но стрѣльцы не повѣрили. Они думали, что за Хованскимъ наказаніе постигнетъ и ихъ. Поэтому они подняли бунтъ; по слухамъ, ожидая нападенія на Москву царскихъ войскъ, они привели городъ въ осадное положеніе и приготовились къ вооруженной защитѣ. Это заставило правительство удалиться въ Троицкую Лавру (бывшую первоклассной крѣпостью того времени) и собирать дворянское ополченіе изъ городовъ. Военныя приготовленія правительства показали стрѣльцамъ ихъ собственную слабость, невозможность сопротивленія и необходимость покориться. Черезъ посредство оставшагося въ Москвѣ патріарха, просятъ они про-

щенія у Софья. Софья даетъ имъ прощеніе съ однимъ условіемъ: стрѣльцы должны вполнѣ повиноваться начальству и не мѣшаться не въ свои дѣла; 8-го октября стрѣльцы даютъ въ этомъ клятву. Они просятъ позволенія сломать тотъ почетный столбъ, который былъ поставленъ въ память майскихъ подвиговъ. Теперь въ глазахъ ихъ самихъ и правительства майскіе подвиги не заслуга, а бунтъ.

Такъ кончилось смутное время, тянувшееся съ мая по октябрь 1682 г. Въ началѣ ноября дворъ возвратился въ Москву; настало такъ называемое „Правленіе царевны Софьи" (1682—1689).

Таковы были придворныя и политическія обстоятельства, въ которыхъ родился и провелъ годы дѣтства Петръ. Съ началомъ правленія Софьи началось его отрочество. Посмотримъ, что мы знаемъ достовѣрнаго о дѣтствѣ Петра.

О первыхъ дняхъ жизни царевича сохранилось много любопытныхъ свѣдѣній. Его рожденіе вызвало рядъ придворныхъ праздниковъ. Очень рано его стали забавлять игрушки, и эти игрушки почти исключительно имѣли военный характеръ. По расходнымъ дворцовымъ книгамъ мы знаемъ, что Петру постоянно дѣлали въ придворныхъ мастерскихъ и покупали на рынкахъ луки, деревянныя ружья и пистолеты, барабаны, игрушечныя знамена и т. д. Этимъ оружіемъ царевичъ и самъ тѣшился, и вооружалъ „потѣшныхъ ребятокъ", т. е. своихъ сверстниковъ изъ семей придворной знати, всегда окружавшихъ малолѣтнихъ царевичей. Если бы царь Алексѣй жилъ болѣе, можно бы было ручаться, что Петръ получилъ бы такое же прекрасное, по времени, образованіе, какъ его братъ Ѳеодоръ. Но царь Алексѣй умеръ, когда Петру не исполнилось и четырехъ лѣтъ. Вотъ почему Петръ остался безъ правильнаго образованія. Нѣкоторые (И. Е. Забѣлинъ) думаютъ, что начало обученія Петра положилъ еще его отецъ. Достовѣрнѣе, что Петръ впервые сѣлъ за азбуку подъ руководствомъ Зотова пяти лѣтъ отъ роду. Этого Зотова, по рекомендаціи окольничаго Соковнина, назначилъ къ Петру его крестный отецъ, царь Ѳеодоръ, очень любившій своего брата. Зотовъ ранѣе былъ приказнымъ дьякомъ и при назначеніи къ Петру подвергся экзамену,—читалъ и писалъ въ присутствіи царя и былъ одобренъ какъ самимъ царемъ, такъ и извѣстнымъ Симеономъ Полоцкимъ.

Курсъ ученія въ древней Руси начинался азбукой, продолжался чтеніемъ и изученіемъ Часослова, Псалтири, Апостольскихъ дѣяній и Евангелія. Обученіе письму шло позже чтенія. Петръ началъ учиться письму, кажется, въ началѣ 1680 г. и никогда не умѣлъ писать порядочнымъ почеркомъ. Кромѣ письма и чтенія Зотовъ ничему не училъ Петра (ошибиться здѣсь можно только относительно ариѳметики, которую Петръ узналъ довольно рано и неизвѣстно отъ кого). Но Зотовъ, какъ пособіе при обученіи, употреблялъ иллюстраціи, привозимыя въ Москву изъ-за границы и извѣстныя подъ именемъ „потѣшныхъ фряжскихъ или нѣмецкихъ листовъ". Эти листы, изображая историческія и этнографическія сцены, могли дать много умственной пищи ребенку. Кромѣ того, Зотовъ ознакомилъ Петра съ событіями русской исторіи. Что Зотовъ и при отсутствіи широкаго образованія и ума велъ свое дѣло добросовѣстно и тепло, доказывается неизмѣннымъ расположеніемъ къ нему Петра, не забывшаго своего учителя.

Чѣмъ больше становился Петръ, тѣмъ хуже становилась его обстановка. При отцѣ любимый и ласкаемый, при Ѳеодорѣ Петръ вмѣстѣ съ матерью раздѣлялъ ея опалу. Хотя Ѳеодоръ его и любилъ, но борьба придворныхъ партій отстраняла его и его мать отъ царя. Начиная понимать разговоры окружающихъ, Петръ узналъ отъ нихъ, конечно, о семейной враждѣ, о гоненіяхъ на его мать и на близкихъ ей людей. Онъ учился не любить Милославскихъ, видѣть въ нихъ враговъ и притѣснителей. Десяти лѣтъ избранный царемъ, онъ въ 1682 году пережилъ рядъ тяжелыхъ минутъ. Онъ видѣлъ бунтъ стрѣльцовъ; старика Матвѣева, говорятъ, стрѣльцы вырвали изъ его рукъ; дядя Иванъ Нарышкинъ былъ имъ выданъ на его глазахъ; онъ видѣлъ рѣку крови; его матери и ему самому грозила опасность ежеминутной смерти; Петръ такъ былъ потрясенъ „майскими днями" 1682 г., что отъ испуга у него явились и остались на всю жизнь конвульсивныя движенія головы и лица.

Будучи царемъ, Петръ въ то же время находился подъ опалой съ 10 лѣтъ и съ матерью долженъ былъ жить въ потѣшныхъ подмосковныхъ селахъ, а не въ Кремлевскомъ дворцѣ. Такое грустное положеніе лишало его возможности получить правильное дальнѣйшее образованіе и въ то же

время освобождало отъ путъ придворнаго этикета. Не имѣя духовной пищи, но имѣя много времени и свободы, Петръ самъ долженъ былъ искать занятій и развлеченій. Можно думать, что мать никогда не стѣсняла любимаго, единственнаго сына, и что воспитатель Петра, князь Борисъ Голицынъ, не слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Мы не видимъ, чтобы Петръ особенно подчинялся материнскому авторитету въ своихъ вкусахъ и занятіяхъ, чтобы Петра занимали другіе. Онъ самъ выбиралъ себѣ товарищей изъ тѣснаго круга придворныхъ и дворовыхъ служителей царицина двора и самъ съ этими товарищами ищетъ себѣ потѣхъ. Отрочество Петра отмѣчено самодѣятельностью, и эта самодѣятельность шла въ двухъ направленіяхъ: 1) Петръ предавался попрежнему военнымъ забавамъ, 2) онъ стремился къ самообразованію.

Съ 1683 года вмѣсто „потѣшныхъ ребятокъ“ около Петра видимъ „потѣшные полки“ („потѣшные“, ибо стояли въ потѣшныхъ селахъ, а не потому, что служили только для потѣхи). Въ ноябрѣ 1684 г. Петръ начинаетъ формировать Преображенскій полкъ изъ охочихъ людей (до послѣднихъ лѣтъ своихъ Петръ помнилъ, что первымъ охотникомъ былъ придворный конюхъ Сергѣй Бухвостовъ). Въ отношеніи этого потѣшнаго полка Петръ былъ не государемъ, а товарищемъ-соратникомъ, учившимся наравнѣ съ прочими солдатами военному дѣлу. Съ разрѣшенія, конечно, матери и съ одобренія, быть можетъ, Б. Голицына (даже, быть можетъ, съ нѣкоторымъ его содѣйствіемъ), — Петръ, какъ говорится, и днюетъ и ночуетъ со своими потѣшными. Предпринимаются маневры и небольшіе походы, на Яузѣ строится потѣшная крѣпость (1685 г.), названная Пресбургомъ; словомъ, практически изучается военное дѣло, не по старымъ русскимъ образцамъ, а по тому порядку регулярной солдатской службы, какой въ XVII в. былъ заимствованъ Москвою съ Запада. Эти военныя „потѣхи“ требуютъ военныхъ припасовъ и денежныхъ средствъ, которыя и отпускаются Петру изъ Московскихъ Приказовъ. Правительство Софіи не видитъ для себя никакой опасности въ такихъ „потѣхахъ марсовыхъ“ и не мѣшаетъ развитію потѣшныхъ войскъ. Оно испугалось этихъ войскъ позже, когда изъ потѣшныхъ выросла солидная военная сила. Но ростилъ Петръ эту силу безпрепят-

ственно. Не слѣдуетъ думать, что Петръ забавлялся съ одною дворовою челядью. Вмѣстѣ съ нимъ въ рядахъ потѣшныхъ были и товарищи его изъ высшихъ классовъ общества. Стоявшій внѣ придворнаго этикета, Петръ мѣшалъ родовитыхъ людей и простолюдиновъ въ одну „дружину", по выраженію С. М. Соловьева, и изъ этой дружины безсознательно готовилъ себѣ кругъ преданныхъ сотрудниковъ въ будущемъ. Военное дѣло и личность Петра сплочивали разнородные аристократическіе и демократическіе элементы въ одно общество съ однимъ направленіемъ. Покуда это общество забавлялось, позже оно стало работать съ Петромъ.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ организовались военныя игры Петра, пробудилось въ немъ сознательное стремленіе учиться. Самообученіе нѣсколько отвлекло Петра отъ исключительно военныхъ забавъ, сдѣлало шире его умственный кругозоръ и практическую дѣятельность. Лишенный правильнаго образованія, Петръ однако росъ въ кругу далеко не вполнѣ невѣжественномъ. Нарышкины изъ дома Матвѣева вынесли нѣкоторое знакомство съ западной культурой. Сынъ А. С. Матвѣева, близкій къ Петру, былъ образованъ на европейскій ладъ. У Петра былъ нѣмецъ докторъ. Словомъ, не только не было національной замкнутости, но была нѣкоторая привычка къ нѣмцамъ, знакомство съ ними, симпатія къ Западу. Эта привычка и симпатія перешли и къ Петру, и облегчили ему сближеніе съ иноземцами и ихъ наукой. Сближеніе это произошло около 1688 г. такимъ образомъ. Въ предисловіи къ Морскому регламенту самъ Петръ разсказываетъ, что кн. Я. Долгорукій привезъ ему въ подарокъ изъ-за границы астролябію, но никто не зналъ, какъ сладить съ иностраннымъ инструментомъ; тогда нашли Петру знающаго человѣка, голландца Франца Тиммермана, который объяснилъ, что для употребленія астролябіи нужно знать геометрію и другія науки. У этого-то Тиммермана Петръ „гораздо съ охотою присталъ учиться геометріи и фортификаціи". Въ то же время онъ нашелъ въ селѣ Измайловѣ старый англійскій ботъ, валявшійся въ амбарѣ. Тиммерманъ объяснилъ Петру, что на этомъ ботѣ можно ходить противъ вѣтра, лавировать (чего русскіе не умѣли). Петръ заинтересовался и нашелъ человѣка (какъ и Тиммермана—изъ нѣмецкой слободы), голландца Карштенъ-Бранта, который сталъ учить Петра управленію

парусами. Сперва учились на узенькой Яузѣ, а потомъ въ селѣ Измайловѣ на прудѣ.

Искусство навигаціи такъ увлекло Петра, что стало въ немъ страстью. Къ изученію этого дѣла онъ отнесся очень серьезно. Въ 1688 г. недовольный тѣмъ, что негдѣ плавать подъ Москвой, онъ переноситъ свою забаву на Переяславское озеро (въ 100 слишкомъ верстахъ отъ Москвы на сѣверъ). Мать согласилась на отъѣздъ Петра, и Петръ принялся въ Переяславлѣ строить суда съ помощью мастеровъ голландцевъ. Въ это время онъ ничего не хотѣлъ знать, кромѣ математики, военнаго дѣла и корабельныхъ забавъ. Но ему уже шелъ 17 годъ, онъ былъ очень развитъ и физически и умственно. Его мать въ правѣ была ждать, что достигшій совершеннолѣтія сынъ обратитъ вниманіе на государственныя дѣла и устранитъ отъ нихъ ненавистныхъ Милославскихъ. Но Петръ не интересовался этимъ и не думалъ бросать свое ученье и забавы для политики. Чтобы остепенить его, мать его женила (27 января 1689 г.) на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, къ которой Петръ не имѣлъ влеченія. Подчиняясь волѣ матери, Петръ женился, но черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ свадьбы уѣхалъ въ Переяславль отъ матери и жены къ кораблямъ. Но лѣтомъ этого 1689 года онъ былъ вызванъ матерью въ Москву, потому что неизбѣжна была борьба съ Милославскими.

Переяславскими потѣхами и женитьбой окончился періодъ отроческой жизни Петра. Теперь онъ взрослый юноша, привыкшій къ военному дѣлу, привыкающій къ кораблестроенію, самъ себя образовывающій, не богословски, какъ были образованы его отецъ и братья, а полупрактически, полутеоретически, преимущественно въ области точныхъ и прикладныхъ знаній. У него нѣтъ привычки къ этикету, есть привычка къ иноземцамъ—его учителямъ, у него демократическій кругъ товарищества. Онъ привыкъ къ занятіямъ и труду, но не доросъ еще до общественной дѣятельности, много обѣщая, какъ способная личность, онъ возбуждаетъ неудовольствіе и безпокойство близкихъ, потому что занятъ только забавами и странными для царя забавами. Его интересы, какъ государя, берегутъ другіе, другіе выбираютъ минуту для послѣдней борьбы съ узурпаторами его власти, другіе руководятъ дѣйствіями Петра въ этой борьбѣ.

Эти другіе были: Наталья Кирилловна, ея братъ Левъ Нарышкинъ и, кажется, больше всего „дядька“ Петра, князь Б. Голицынъ. Въ 1689 г., когда Петру минуло 17 лѣтъ, онъ могъ уже какъ взрослый, упразднить регентство Софьи. Неудача второго Крымскаго похода 1689 г., возбудила общее недовольство и дала удобный поводъ къ дѣйствіямъ противъ нея. Соображая эти обстоятельства, партія Петра приготовилась дѣйствовать; руководителемъ въ этихъ приговленіяхъ, по довольно распространенному мнѣнію, былъ князь Б. Голицынъ.

Но прямо начать дѣло противъ Софьи не рѣшались. Въ то же время и Софья, понимая, что время близится къ развязкѣ, что слѣдуетъ отдать власть Петру, и не желая этого, не рѣшалась на какія нибудь рѣзкія мѣры для укрѣпленія себя на престолѣ. Ей очень хотѣлось изъ правительницы стать самодержицей, иначе говоря, вѣнчаться на царство. Еще въ 1687 г. она и Шакловитый думали достигнуть этой цѣли помощью стрѣлецкаго войска. Но стрѣльцы не хотѣли поднимать новый бунтъ противъ Нарышкиныхъ и требовать незаконнаго восшествія на престолъ Софьи. Лишенная въ этомъ дѣлѣ сочувствія стрѣльцовъ, Софья отказывается отъ мысли о вѣнчаніи, но рѣшается самозванно именовать себя „самодержицей“ въ оффиціальныхъ актахъ. Узнавъ объ этомъ, Нарышкины громко протестуютъ; раздается ропотъ и въ народѣ противъ этого нововведенія. Чтобы удержать власть, Софьѣ остается одно: привлечь къ себѣ народную симпатію и въ то же время возбудить народъ противъ Петра и Нарышкиныхъ. Вотъ почему и Софья и ея вѣрный слуга Шакловитый клевещутъ народу на своихъ противниковъ и употребляютъ всѣ средства, чтобы поссорить съ ними народъ, особенно стрѣльцовъ. Но стрѣльцы весьма мало поддавались рѣчамъ Софьи, и это лишало ее храбрости. Со страхомъ слѣдила она за поведеніемъ Нарышкиныхъ и ждала отъ нихъ нападенія. Отношенія двухъ сторонъ съ часу на часъ обострялись.

Петръ, вызванный матерью изъ Переяславля въ Москву, лѣтомъ 1689 г. началъ показывать Софьѣ свою власть. Въ іюлѣ онъ запретилъ Софьѣ участвовать въ крестномъ ходѣ, а когда она не послушалась, самъ уѣхалъ изъ хода, устроивъ такимъ образомъ сестрѣ гласную непріятность. Въ концѣ

іюля онъ едва согласился на выдачу наградъ участникамъ Крымскаго похода и не принялъ Московскихъ военачальниковъ, когда они являлись къ нему благодарить за награды. Когда Софья, напуганная выходками Петра, стала возбуждать стрѣльцовъ съ надеждой найти въ нихъ поддержку и защиту, Петръ не задумался арестовать на время стрѣлецкаго начальника Шакловитаго.

Петръ, или, вѣрнѣе, руководившія имъ лица, опасались стрѣлецкаго движенія въ пользу Софьи. Находясь въ Преображенскомъ, они внимательно слѣдили за положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ стрѣльцовъ въ Москвѣ черезъ преданныхъ имъ лицъ. Въ то же время и Софья боялась дальнѣйшихъ непріятностей со стороны Петра и посылала въ Преображенское своихъ лазутчиковъ. Отношенія къ началу августа 1689 года стали до того натянуты, что всѣ ждали открытаго разрыва; но ни та, ни другая сторона не хотѣла быть начинающей, зато обѣ старательно приготовлялись къ оборонѣ.

Разрывъ произошелъ такимъ образомъ: 7 августа вечеромъ Софья собрала въ Кремлѣ значительную вооруженную силу. Говорятъ, что ее напугалъ слухъ о томъ, что въ ночь съ 7 на 8 августа Петръ съ потѣшными явится въ Москву и лишитъ Софью власти. Стрѣльцовъ, призванныхъ въ Кремль, волновали въ пользу Софьи и противъ Петра нѣсколько преданныхъ правительницѣ лицъ. Видя военныя приготовленія въ Кремлѣ, слыша зажигательныя рѣчи противъ Петра, приверженцы царя (въ числѣ ихъ были и стрѣльцы) дали ему знать объ опасности. Но они преувеличили опасность и сообщили Петру, что на него съ матерью стрѣльцы „идутъ бунтомъ“ и замышляютъ на нихъ смертное „убійство“. Петръ прямо съ постели бросился на лошадь и съ тремя провожатыми ускакалъ изъ Преображенскаго въ Троицкую Лавру. Въ слѣдующіе дни, начиная съ 8 августа, въ Лавру съѣхались всѣ Нарышкины, всѣ бывшія на сторонѣ Петра знатныя и чиновныя лица; явилась и вооруженная сила, — потѣшные и Сухаревъ стрѣлецкій полкъ. Съ отъѣздомъ Петра и его двора въ Лавру насталъ открытый разрывъ.

Изъ Лавры Петръ и руководящія имъ лица потребовали отъ Софьи отчета въ вооруженіяхъ 7 августа и присылки

депутацій отъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. Не отпустивъ стрѣльцовъ, Софья отправила къ Петру патріарха (Іоакима), какъ посредника для перемирія. Но преданный Петру патріархъ не вернулся въ Москву. Петръ вторично потребовалъ представителей отъ стрѣльцовъ и отъ тяглыхъ людей Москвы. На этотъ разъ они явились въ Лавру наперекоръ желаніямъ Софьи. Видя, что сопротивляться Петру невозможно, что въ стрѣльцахъ нѣтъ поддержки, Софья сама ѣдетъ къ Троицѣ мириться съ Петромъ. Но ее возвращаютъ съ дороги именемъ Петра и угрозой, если она пріѣдетъ къ Троицѣ, обойтись съ нею „нечестно". Возвратясь въ Москву, Софья пробуетъ поднять стрѣльцовъ и народъ на Петра, но терпитъ неудачу. Стрѣльцы сами заставляютъ Софью выдать Петру Шакловитаго, котораго онъ потребовалъ. Лишается Софья и князя В. В. Голицына; послѣ выдачи Шакловитаго Голицынъ добровольно явился въ Лавру.

Ему отъ Петра была объявлена ссылка въ Каргополь (позднѣе въ Пинегу) за самоуправство въ управленіи и за нерадѣніе въ Крымскомъ походѣ. Шакловитый подвергся допросу и пыткѣ, повинился во многихъ умыслахъ противъ Петра въ пользу Софьи, выдалъ многихъ единомышленниковъ, но не признался въ умыслѣ на жизнь Петра. Съ нѣкоторыми близкими ему стрѣльцами онъ былъ казненъ (11 сентября). Не избѣгъ казни и преданный Софьѣ Сильвестръ Медвѣдевъ. Обвиненный, какъ еретикъ и государственный преступникъ, онъ сперва былъ приговоренъ къ ссылкѣ, но позднѣе (1691), вслѣдствіе новыхъ на него обвиненій, казненъ.

Вмѣстѣ съ участью друзей Софьи, рѣшилась и ея участь. Расправляясь съ этими друзьями, Петръ писалъ своему брату Ивану письмо о своихъ намѣреніяхъ: „Теперь, государь братецъ, настаетъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царство править самимъ, понеже пришли есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами, въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ... Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ". Такъ высказывалъ Петръ свое желаніе отстранить Софью и вступить во власть; а немного позднѣе этого письма Софья получила отъ Петра прямое приказаніе—идти въ монастырь. Повину-

ясь необходимости, она переѣхала на житье въ Новодѣвичій монастырь (подъ Москвой), но въ монахини не постриглась.

Такъ, осенью 1689 г. кончилось правленіе Софьи. Цари стали править безъ опеки, или, точнѣе, при больномъ и слабоумномъ Иванѣ, правилъ одинъ Петръ съ своими близкими.

Годы 1689—1698.

Съ 1689 года Петръ сталъ самостоятельнымъ правителемъ безъ всякой видимой опеки надъ его личностью. Но только съ 1698 года приблизительно можемъ мы замѣтить съ его стороны опредѣленныя стремленія къ государственной и культурной реформѣ. До тѣхъ же поръ Петръ заканчиваетъ свое образованіе и только пріучается къ политической дѣятельности. Вотъ почему время съ 1689 по 1698 г. мы выдѣляемъ въ особый періодъ, который и разсмотримъ въ бѣгломъ очеркѣ.

Съ паденіемъ Софіи главными лицами въ правительствѣ стали царица Наталья и патріархъ Іоакимъ. Иностранныя сношенія (посольскій приказъ) были поручены Льву Кирилловичу Нарышкину. Прежде вліятельный Борисъ Голицынъ потерялъ теперь свое вліяніе, благодаря тому, что его заподозрили въ желаніи смягчить участь кн. В. В. Голицына. Самъ Петръ, оставивъ дѣла на руки матери и родныхъ, возвратился къ потѣхамъ и кораблестроенію. Если же иногда онъ и вмѣшивался въ жизнь двора и государства, то при столкновеніяхъ съ взглядами своей матери и патріарха, долженъ былъ имъ уступать. Такъ, новое правительство обнаруживало рѣзкое нерасположеніе къ иноземцамъ (вѣроятно, подъ вліяніемъ патріарха), несмотря на то, что Петръ лично къ нимъ благоволилъ. По смерти же патріарха Іоакима (1690 г.) на его мѣсто былъ избранъ Адріанъ положительно противъ воли Петра, предлагавшаго другое лицо.

Петръ зато совершенно самостоятельно устраивалъ свою личную жизнь. Въ эти годы онъ окончательно сблизился съ иноземцами. Прежде они являлись около него, какъ учителя и мастера, необходимые для устройства потѣхъ, и

только. Теперь же мы видимъ около Петра иностранцевъ—друзей, сотрудниковъ и наставниковъ въ дѣлѣ, товарищей въ пирушкахъ и весельѣ. Замѣтнѣе прочихъ изъ такихъ иностранцевъ были шотландецъ Патрикъ Гордонъ, въ то время уже генералъ русской службы, и швейцарецъ Францъ Лефортъ, полковникъ русской службы. Первый былъ очень умнымъ и образованнымъ инженеромъ и артиллеристомъ. Всегда серьезный, но любезный и остроумный, всегда слѣдящій за наукой и политикой, Гордонъ былъ слишкомъ старъ, чтобы стать товарищемъ Петру (въ 1689 г., когда съ нимъ познакомился Петръ, ему было 54 года). Но Гордонъ привлекъ къ себѣ Петра своимъ умѣніемъ обходиться съ людьми и по своимъ знаніямъ и уму сталъ его руководителемъ во всѣхъ серьезныхъ начинаніяхъ. Петръ до самой смерти Гордона выказывалъ ему свое уваженіе и привязанность. Но ближе и сердечнѣе сошелся Петръ около того же 1689 г. съ Лефортомъ. Это былъ не совсѣмъ уже молодой человѣкъ (род. 1653 г.), но живость характера и рѣдкая веселость и общительность позволили Лефорту стать другомъ юноши-царя. Далекій отъ серьезной науки, Лефортъ однако же имѣлъ общее образованіе и могъ дѣйствовать на Петра развивающимъ образомъ. Ему именно приписываютъ нѣкоторые изслѣдователи наибольшую роль въ развитіи у Петра стремленія къ Западу. Думаютъ, что Лефортъ, доказывая царю превосходство западно-европейской культуры, развилъ въ немъ слишкомъ пренебрежительное отношеніе ко всему родному. Но и безъ Лефорта, по своей страстности, Петръ могъ воспитать въ себѣ это пренебреженіе.

Преимущественно черезъ Гордона и Лефорта Петръ ознакомился съ бытомъ Нѣмецкой Слободы. Иноземцы въ XVII в. были выселены изъ Москвы въ подгородную слободу, которая и получила названіе нѣмецкой. Ко времени Петра слобода эта успѣла обстроиться и выглядѣла наряднымъ западно-европейскимъ городкомъ. Иноземцы жили въ ней, конечно, на западный ладъ. Въ эту-то европейскую обстановку и попалъ Петръ, ѣздя въ гости къ своимъ знакомымъ иностранцамъ. Лефортъ, который пользовался въ слободѣ большой извѣстностью и любовью, ввелъ Петра запросто во многіе дома, и Петръ безъ церемоніи гостилъ и веселился у „нѣмцевъ". Слобода оказала на него большое вліяніе, онъ увлекся

новыми для него формами жизни и отношеній, отбросить этикетъ, которымъ была окружена личность государя, щеголять въ нѣмецкомъ платьѣ, танцовать „нѣмецкіе" танцы, шумно пировать въ „нѣмецкихъ" домахъ. Онъ даже присутствовалъ на католическомъ богослуженіи въ слободѣ, что, по древне-русскимъ понятіямъ, было для него вовсе неприлично. Сдѣлавшись въ слободѣ обычнымъ гостемъ, Петръ нашелъ тамъ и предметъ сердечнаго увлеченія—дочь виноторговца Анну Монсъ. Мало-по-малу Петръ, не выѣзжая изъ Россіи, въ слободѣ ознакомился съ бытомъ западно-европейцевъ и воспиталъ въ себѣ привычку къ западнымъ формамъ жизни. Вотъ почему историки придаютъ важное значеніе вліянію на Петра нѣмецкой слободы. Она явилась для Петра первымъ уголкомъ Европы и завлекла его къ дальнѣйшему знакомству съ нею.

Но съ увлеченіемъ слободою не прекратились прежнія увлеченія Петра—воинскія потѣхи и кораблестроеніе. Въ 1690 г. мы видимъ большіе маневры въ селѣ Смоленскомъ, въ 1691 г.—большіе маневры подъ Пресбургомъ, потѣшной крѣпостью на Яузѣ. Все лѣто 1692 г., Петръ проводитъ въ Переяславлѣ, куда пріѣзжаетъ и весь Московскій дворъ на спускъ корабля. Въ 1693 г. Петръ съ разрѣшенія матери ѣдетъ въ Архангельскъ, съ увлеченіемъ катается по морю и основываетъ въ Архангельскѣ верфь для постройки кораблей. Море, въ первый разъ видѣнное Петромъ, влечетъ его къ себѣ. Онъ возвращается и въ слѣдующемъ году въ Архангельскъ. Мать его, царица Наталья, умерла въ началѣ 1694 г., и Петръ сталъ теперь вполнѣ самостоятеленъ. Но онъ еще не принимается за дѣла,—все лѣто проводитъ на Бѣломъ морѣ и чуть не гибнетъ во время бури на дорогѣ въ Соловки. Въ Архангельскѣ съ нимъ теперь значительная свита, Петръ строитъ большой корабль, Гордонъ носитъ названіе контръ-адмирала будущаго флота. Словомъ, затѣвается серьезный флотъ на Бѣломъ морѣ. Въ томъ же, 1694 году, мы видимъ послѣдніе потѣшные маневры подъ деревней Кожуховымъ, которые нѣсколькимъ участникамъ стоили жизни.

Такъ кончилъ Петръ свои потѣхи. Постепенно охота къ лодкамъ довела его до мысли о флотѣ на Бѣломъ морѣ, постепенно игра въ солдаты привела къ сформированію ре-

гулярныхъ полковъ и къ серьезнымъ военнымъ маневрамъ. Потѣхи теряли потѣшный характеръ, царь уже не тѣшился только, но и работалъ. Мало-по-малу складывались въ немъ и политическіе планы—борьба съ турками и татарами.

Въ свои 20—22 года Петръ много зналъ и много умѣлъ сравнительно съ окружающими. Самоучкой или подъ случайнымъ руководствомъ онъ познакомился съ военными и математическими науками, съ кораблестроеніемъ и военнымъ дѣломъ. Руки его были въ мозоляхъ отъ топора и пилы; физическая дѣятельность и подвижность укрѣпили и безъ того здоровое тѣло. Напряженная физическая и умственная работа вызывали, какъ реакцію, стремленіе отдохнуть и повеселиться. Нравы этой эпохи и особенности окружавшей Петра среды обусловили нѣсколько грубоватый характеръ веселыхъ отдохновеній Петра. Не довольствуясь семейными вечеринками въ нѣмецкой слободѣ, Петръ любилъ кутнуть въ холостой компаніи. Эта компанія даже получила нѣкоторую постоянную организацію и называлась „всешутѣйшимъ соборомъ"; предсѣдателемъ ея былъ бывшій учитель Петра, Никита Зотовъ, носившій званіе „Іаникита, всешутѣйшаго пресбургскаго, яузскаго и кокуйскаго патріарха". Служила эта компанія, какъ сама выражалась, „Бахусу и Ивашкѣ Хмѣльницкому". Съ этой компаніей Петръ устраивалъ иногда сумасбродныя забавы (напр., публично въ 1694 году отпраздновалъ свадьбу шута Тургенева съ шутовскимъ церемоніаломъ). На святкахъ съ ней Петръ ѣздилъ веселиться въ дома своихъ придворныхъ. Но жестокой ошибкой было бы думать, что эти забавы и компанія отвлекали Петра отъ дѣла. И самъ Петръ, и его окружающіе умѣли работать и „дѣлу отдавали время, а потѣхѣ часъ".

Однако дружба Петра съ иноземцами, эксцентричность его поведенія и забавъ, равнодушіе и презрѣніе къ старымъ обычаямъ и этикету дворца вызывали у многихъ москвичей осужденіе,—въ Петрѣ видѣли большого грѣховодника. И не только поведеніе Петра, но и самый его характеръ не всѣмъ могъ понравиться. Въ природѣ Петра, богатой и страстной, событія дѣтства развили долю зла и жестокости. Воспитаніе не могло сдержать эти темныя стороны характера, потому что воспитанія у Петра не было. Вотъ отчего Петръ былъ скоръ на слово и руку. Онъ страшно вспыхивалъ, иногда

отъ пустяковъ, и давалъ волю гнѣву, причемъ иногда бывалъ жестокъ. Его современники оставили намъ свидѣтельства, что Петръ многихъ пугалъ однимъ своимъ видомъ, огнемъ своихъ глазъ. Примѣры его жестокости увидимъ на судьбѣ стрѣльцовъ. Петръ вообще казался грознымъ царемъ уже въ своей молодости.

Таковъ былъ царь Петръ, когда постоянныя нападенія татаръ на Русь и обязательства, принятыя въ отношеніи союзниковъ, вызвали въ московскомъ правительствѣ мысль о необходимости возобновить военныя дѣйствія противъ турокъ и татаръ. Въ 1695 году война началась снова походомъ Петра на крѣпость Азовъ. Весною регулярныя московскія войска въ числѣ 30 тысячъ человѣкъ Окою и Волгою на судахъ дошли до Царицына, оттуда перешли на Донъ и явились подъ Азовомъ. Но сильный Азовъ, получая провіантъ и подкрѣпленія съ моря, не сдался. Штурмы не удавались; русское войско страдало отъ недостатка провіанта и отъ многовластія (имъ командовали Гордонъ, Лефортъ и Головинъ). Петръ, бывшій самъ въ войскѣ въ качествѣ бомбардира Преображенскаго полка, убѣдился, что Азова не взять безъ флота, который бы отрѣзалъ крѣпость отъ помощи съ моря. Русскіе отступили въ сентябрѣ 1695 года.

Неудача, несмотря на попытки ее скрыть, огласилась. Петръ не палъ духомъ и не оставилъ предпріятія. Впервые показалъ онъ здѣсь всю силу своей энергіи, и въ одну зиму, съ помощью иноземцевъ, построилъ на Дону въ Воронежѣ, цѣлый флотъ морскихъ и рѣчныхъ судовъ. Части галеръ и струговъ строили плотники и солдаты въ Москвѣ, и въ лѣсныхъ мѣстахъ, близкихъ къ Дону. Эти части свозились въ Воронежъ, и изъ нихъ собирались уже цѣлыя суда. Много препятствій и неудачъ преодолѣлъ царь, ставшій въ это время единодержавнымъ царемъ (братъ Петра, царь Иванъ, умеръ 29 января 1696 года). На Пасхѣ 1696 года въ Воронежѣ были уже готовы 30 морскихъ судовъ и болѣе 1000 рѣчныхъ лодокъ для перевозки войскъ. Въ маѣ изъ Воронежа Дономъ двинулось русское войско къ Азову и вторично осадило его. На этотъ разъ осада была полной, ибо флотъ Петра не допускалъ къ Азову турецкихъ кораблей. На сушѣ подъ единоличнымъ начальствомъ боярина Шеина, дѣла шли счастливо. Петръ самъ присутствовалъ въ войскѣ

(въ чинѣ капитана) и, наконецъ, дождался счастливой минуты,—18 мая Азовъ сдался на капитуляцію.

Какъ тяжела была раньше неудача, такъ велика была радость въ Москвѣ при полученіи извѣстія о побѣдѣ. Радовался и самъ Петръ, въ успѣхѣ онъ видѣлъ оправданіе своей предшествовавшей дѣятельности, своихъ „потѣхъ". Побѣда была отпразднована въ Москвѣ торжественнымъ вступленіемъ войскъ въ Москву, празднествами и большими наградами. Торжественно были извѣщены и союзники о русской побѣдѣ. Въ Польшѣ и на западѣ не ждали такого успѣха Петра и были имъ поражены. Слухъ о взятіи Азова прошелъ по всей Европѣ. Польскіе дипломаты плохо скрывали свой страхъ, внушаемый имъ политическими успѣхами сосѣдки—Москвы. Сами Москвичи со времени царя Алексѣя не видали такихъ побѣдъ и находились подъ обаяніемъ взятія Азова.

И послѣ побѣды, какъ послѣ неудачи, Петръ не опустилъ рукъ. Зима 1696—97 гг. прошла въ заботахъ объ укрѣпленіи Азова и о построеніи флота для Азовскаго моря. Въ Азовъ рѣшено переселить 3000 семей изъ волжскихъ городовъ и 3000 стрѣлецкаго войска. Построеніе флота рѣшено было совершить силами и средствами всего государства; такимъ образомъ создалась своеобразная земская повинность,—съ каждыхъ 10000 крестьянскихъ дворовъ, принадлежавшихъ свѣтскимъ владѣльцамъ, правительство желало получить снаряженный корабль; съ каждыхъ 8000 крестьянскихъ дворовъ духовныхъ владѣльцевъ—тоже самое. Городское сословіе всего государства должно было снарядить 12 кораблей. Для этой цѣли землевладѣльцы должны были съѣхаться въ Москву, образовать компаніи („кумпанства"), разверстать издержки и повинности и готовить корабли въ 1698 году. Правительство же снабжало кумпанства инструкціями и необходимыми чертежами.

Заботясь о привлеченіи въ Россію техниковъ иностранцевъ, Петръ рѣшился, для лучшаго утвержденія въ Россіи морского дѣла, создать и русскихъ техниковъ, для чего послалъ за границу знатную молодежь „учиться архитектуры и управленія корабельнаго". Пятьдесятъ молодыхъ придворныхъ были посланы въ Италію, Англію и Голландію, т. е. въ страны, знаменитыя тогда развитіемъ мореплаванія.

Высшее Московское общество было непріятно поражено этимъ новшествомъ; Петръ не только самъ дружился съ нѣмцами, но желаетъ, какъ видно, сдружить и другихъ. Еще больше поражены были русскіе люди, когда узнали, что самъ Петръ ѣдетъ за границу.

Путешествовать рѣшилъ Петръ инкогнито, въ свитѣ „великаго посольства“, подъ именемъ Петра Алексѣевича Михайлова, урядника Преображенскаго полка. Отправленіе великаго посольства къ западнымъ державамъ (Германіи, Англіи, Голландіи, Даніи, Бранденбургу, также къ Римскому Папѣ и въ Венецію) рѣшено было еще въ 1696 г. Цѣль посольства состояла „въ подтвержденіи древней дружбы и и любви“ съ европейскими монархами и „въ ослабленіи враговъ Креста Господня“, т. е. въ достиженіи союза противъ турокъ. Во главѣ посольства стояли генералы Францъ Лефортъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ. При нихъ состояло 50 человѣкъ свиты. Мы не знаемъ, какъ тогда Петръ объяснялъ цѣли своего собственнаго путешествія. Современники судили о небывалой поѣздкѣ русскаго царя въ чужія земли самымъ различнымъ образомъ,—одни говорили, что Петръ ѣдетъ въ Римъ молиться ап. Петру и Павлу, другіе, что онъ просто хочетъ развлечься, нѣкоторые думали, что Петра за границу увлекъ Лефортъ. Самъ Петръ впослѣдствіи, вспоминая свою поѣздку, писалъ, что поѣхалъ учиться морскому дѣлу. Это объясненіе конечно всего вѣрнѣе, но оно слишкомъ узко. Не одному морскому дѣлу хотѣлъ учиться Петръ, какъ мы увидимъ ниже.

Для достиженія цѣли союза противъ турокъ—посольство должно было отправиться прежде всего въ Вѣну. Но такъ какъ русскій резидентъ въ Вѣнѣ какъ разъ въ это время успѣлъ продолжить союзъ съ императоромъ на три года, то посольство, минуя Вѣну, отправилось въ Сѣверную Германію моремъ черезъ Ригу и Либаву. Въ Ригѣ, принадлежавшей шведамъ, Петръ получилъ рядъ непріятныхъ впечатлѣній и отъ населенія (которое дорого продавало продукты русскимъ), и отъ шведской администраціи. Губернаторъ Риги (Дальбергъ) не допустилъ русскихъ къ осмору Рижскихъ укрѣпленій, а Петръ посмотрѣлъ на это, какъ на оскорбленіе. Въ Курляндіи зато пріемъ былъ радушнѣе, а въ Пруссіи (тогда еще въ Бранденбургскомъ курфюршествѣ) курфюрстъ Фрид-

рихъ встрѣтилъ русское посольство чрезвычайно привѣтливо. Въ Кенигсбергѣ для Петра и пословъ данъ былъ рядъ праздниковъ. Между весельемъ Петръ серьезно занимался изученіемъ артиллеріи и получилъ отъ прусскихъ спеціалистовъ дипломъ, признававшій его за „искуснаго огнестрѣльнаго художника“. Русское посольство между тѣмъ вело съ Бранденбургскимъ правительствомъ оживленные переговоры о союзѣ; но русскіе желали союза противъ турокъ, а пруссаки—противъ шведовъ, и дѣло кончилось ничѣмъ. Послѣ нѣкоторыхъ экскурсій по Германіи Петръ отправился въ Голландію ранѣе своихъ спутниковъ. На дорогѣ туда встрѣтился онъ съ двумя курфюрстинами (Ганноверской и Бранденбургской), которыя оставили намъ характеристику Петра. „У него прекрасныя черты лица и благородная осанка—пишетъ одна изъ нихъ; онъ обладаетъ большою живостью ума; отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Если бъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ“. Грубость Петра выражалась въ отсутствіи той свѣтской выдержки, къ какой привыкли германскія принцессы. При началѣ бесѣды съ принцессами Петръ очень конфузился, закрывалъ лицо руками. „Видно также, что его не выучили ѣсть опрятно“, замѣтила другая курфюрстина. Этой свѣтской выдержкой Петръ не овладѣлъ вполнѣ, кажется, никогда, но впослѣдствіи онъ потерялъ свою робость и застѣнчивость.

Въ Голландіи Петръ прежде всего направился въ городокъ Саардамъ (Саандамъ); тамъ были знаменитыя корабельныя верфи, о которыхъ Петръ слышалъ еще въ Россіи. Въ Саардамѣ принялся онъ плотничать и на досугѣ кататься по морю. Но его инкогнито, плохо соблюдавшееся и въ Германіи, было нарушено и здѣсь; въ Петрѣ Михайловѣ узнали царя Петра, и весь городъ стремился посмотрѣть на диковиннаго гостя. Петръ сердился, жаловался, даже билъ назойливыхъ зѣвакъ, но ему толпа не давала ни спокойно работать на верфи, ни отдыхать въ его скромномъ домикѣ.

(Этотъ домикъ въ ноябрѣ 1886 г, переданъ Нидерландами въ даръ Россіи и принятъ нашимъ правительствомъ). Разсерженный Петръ, пробывъ въ Саардамѣ всего недѣлю, переѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ оставался съ половины августа 1697 до января 1698 г., лишь на короткое время выѣзжая въ Гаагу и др. города. Въ Амстердамѣ царь учился кораблестроенію на Остъ-Индской вѐрфи и достигъ значительныхъ успѣховъ. Но онъ остался недоволенъ голландскимъ кораблестроеніемъ. Уже въ Россіи онъ научился плотничать, въ Голландіи же желалъ изучить теорію кораблестроенія. Но Голландцы строили суда навыкомъ, не умѣя составлять корабельныхъ чертежей, не зная теоріи корабельнаго искусства. Это-то и сердило Петра: „зѣло ему стало противно,— писалъ онъ самъ о себѣ,—что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ". Случайно узналъ онъ, что теорія судостроенія выработана у англичанъ, рѣшился поѣхать въ Англію; въ Москву же послалъ приказъ подчинить голландскихъ мастеровъ на Воронежской верфи мастерамъ венеціанскимъ и датскимъ.

Неудачу потерпѣлъ Петръ въ занятіяхъ морскимъ дѣломъ, неудачу потерпѣло и посольство русское въ Гаагѣ: Голландія отклонила отъ себя всякое участіе въ войнѣ противъ турокъ. Съ чувствомъ неудовольствія оставлялъ Петръ Голландію, но въ ней тѣмъ не менѣе онъ многому научился. Одновременно съ работами на верфи, онъ занимался математикою, астрономіей, рисованіемъ и гравированіемъ. Онъ посѣщалъ разные музеи, слушалъ лекціи медицины, интересовался всѣми отраслями положительныхъ знаній, присматривался къ различнымъ механическимъ усовершенствованіямъ, знакомился съ морскими промыслами (напр. китоловными). Привыкая къ особенностямъ блестящей, зажиточной и образованной голландской жизни, Петръ пріобрѣталъ массу новыхъ культурныхъ впечатлѣній, развивался и образовывался.

Въ Англіи, куда Петръ переѣхалъ безъ посольства въ началѣ 1698 г., повторилось то же самое, что и въ Голландіи,—Петръ учился теоріи судостроенія и военному дѣлу, катался по Темзѣ и присматривался къ англійской жизни, вращаясь въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ. Англійскіе инженеры, техники, моряки производили на Петра лучшее

впечатлѣніе, чѣмъ голландскіе, и онъ усердно приглашалъ ихъ въ Россію. Зато политическая и придворная жизнь въ Англіи мало интересовала Петра (тоже было и въ Голландіи), и высшее англійское общество имѣло основаніе считать Петра „мизантропомъ" и „морякомъ". Избѣгая придворныхъ церемоній, Петръ держалъ себя такъ свободно и странно для монарха, что встрѣтилъ осужденіе со стороны англійскаго двора, которому „надоѣли причуды царя", какъ писалъ одинъ дипломатъ.

Въ апрѣлѣ 1698 г. Петръ вернулся въ Голландію, къ посольству, чтобы съ нимъ ѣхать въ Вѣну, до которой (черезъ Лейпцигъ и Дрезденъ) доѣхалъ только въ іюнѣ и прожилъ тамъ около мѣсяца. Встрѣченный императоромъ Леопольдомъ очень радушно, онъ осматривалъ Вѣну, а между тѣмъ дѣятельно шли переговоры русскихъ и вѣнскихъ дипломатовъ о войнѣ съ турками. Съ удивленіемъ и досадой видѣлъ Петръ, что австрійскіе политики не только не раздѣляютъ его завоевательныхъ видовъ на Турцію, но даже не желаютъ продолженія и той вялой войны, какую вели до тѣхъ поръ. Русскіе говорили, что если уже Императоръ желаетъ мира, то слѣдуетъ заключать его въ интересахъ не одной Австріи, а всѣхъ союзниковъ. Но и эта мысль не находила въ Вѣнѣ сочувствія. Петръ убѣдился, что коалиція противъ турокъ, о которой онъ мечталъ, невозможна, что слѣдуетъ и Россіи мириться съ Турціей, если она не хочетъ воевать съ ними одинъ на одинъ.

Въ іюлѣ царь думалъ ѣхать изъ Вѣны въ Италію, но получилъ извѣстія изъ Москвы о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ. Хотя скоро пришло донесеніе, что бунтъ подавленъ, однако Петръ поспѣшилъ домой. На дорогѣ въ Москву, проѣзжая черезъ Польшу, Петръ видѣлся съ новымъ польскимъ королемъ Августомъ (въ то же время и курфюрстомъ саксонскимъ). Встрѣча ихъ была очень дружественна (Россія сильно поддерживала Августа при выборахъ на польскій престолъ). Августъ предложилъ Петру союзъ противъ Швеціи, и Петръ, наученный неудачею своихъ противотурецкихъ плановъ, не отвѣтилъ такимъ отказомъ, какъ отвѣтилъ раньше Пруссіи. Онъ въ принципѣ согласился на союзъ. Итакъ, за границу повезъ онъ мысль объ изгнаніи изъ Европы турокъ

а изъ-за границы привезъ мысль о борьбѣ съ Швеціей за Балтійское море.

Что же дало Петру заграничное путешествіе? Результаты его очень велики: во 1-хъ, оно послужило для сближенія Московскаго государства съ Западной Европою, во 2-хъ, окончательно выработало личность и направленіе самого Петра.

Пользуясь пребываніемъ за границей царя, европейскія правительства спѣшили извлечь изъ сношеній съ нимъ всевозможныя выгоды для своихъ странъ. Дипломатическія сношенія Россіи съ Западомъ пошли гораздо живѣе со времени путешествія Петра. Русскіе дипломаты и учащаяся молодежь, явившаяся на Западъ вмѣстѣ съ посольствомъ и отдѣльно отъ него, знакомили европейцевъ съ Россіей. Въ свою очередь иностранцы толпами потянулись на Русь, вслѣдствіе приглашеній самого Петра и его уполномоченныхъ. Необычный фактъ путешествія Московскаго царя возбудилъ любопытство всего западно-европейскаго общества и къ личности царя, и къ его народу. Въ Германскихъ университетахъ темою диспутовъ ставили поѣздку Петра и будущее просвѣщеніе Россіи, какъ результатъ этой поѣздки. Философъ Лейбницъ составлялъ просвѣтительные проекты для преобразованія Руси. Европа, видя поведеніе Петра, догадывалась, что результатомъ просвѣщенія самого Петра будетъ просвѣщеніе его государства. Поэтому, поѣздка Петра стала весьма популярнымъ предметомъ для политическихъ и культурныхъ разсужденій.

Для самого Петра путешествіе было послѣднимъ актомъ самообразованія. Онъ желалъ получить свѣдѣнія по судостроенію, а получилъ сверхъ того массу впечатлѣній, массу знаній. Болѣе года пробылъ онъ за границей, всегда въ толпѣ, среди разнообразныхъ лицъ, среди разныхъ національныхъ культуръ. Онъ не только увидѣлъ культурное и матеріальное превосходство богатѣйшихъ странъ Запада надъ своей бѣдной Русью, но и сжился съ обычаями этихъ странъ, сталъ въ нихъ какъ бы своимъ человѣкомъ и не могъ вернуться къ старому міровоззрѣнію. Сознавая превосходство Запада, онъ рѣшился приблизить къ нему свое государство путемъ реформы. Смѣло можно сказать, что Петръ, какъ реформаторъ, созрѣлъ за границей. Но все воспитаніе Петра, вся его жизнь въ Москвѣ обусловили собою нѣкоторую одно-

сторонность въ его заграничномъ самообразованіи: покоритель Азова и создатель русскаго флота, Петръ далеко стоялъ отъ вопросовъ внутренняго управленія Московскаго государства. И за границей Петра завлекало морское и военное дѣло, культура и промышленность, но сравнительно весьма мало занимало общественное устройство и управленіе Запада. По возвращеніи въ Москву, Петръ окончательно порываетъ со старыми традиціями; но его первые шаги на пути реформъ не касаются еще государственнаго быта. Онъ является съ культурными новшествами по преимуществу и съ большою рѣзкостью проводитъ ихъ въ жизнь. Къ реформѣ государственнаго устройства и управленія онъ переходитъ гораздо позднѣе.

25-го августа 1698 года вернулся Петръ въ Москву изъ путешествія. Въ этотъ день онъ не былъ во дворцѣ, не видѣлъ жены; вечеръ провелъ въ нѣмецкой слободѣ, оттуда уѣхалъ въ свое Преображенское. На слѣдующій день, на торжественномъ пріемѣ боярства въ Преображенскомъ, онъ началъ рѣзать боярскія бороды и окорачивать длинные кафтаны. Брадобритіе и ношеніе нѣмецкаго платья были объявлены обязательными. Не желавшіе брить бородъ скоро стали платить за нихъ ежегодную пошлину, относительно же ношенія нѣмецкаго платья не существовало никакихъ послабленій для лицъ дворянскаго и городского сословія, одно крестьянство осталось въ старомъ нарядѣ, да духовныя лица. Старыя русскія воззрѣнія не одобряли брадобритія и перемѣны одежды, въ бородѣ видѣли внѣшній знакъ внутренняго благочестія, безбородаго человѣка считали неблагочестивымъ и развратнымъ. Московскіе патріархи, даже послѣдній Адріанъ, запрещали брадобритіе, Московскій же царь Петръ дѣлалъ его обязательнымъ, не стѣсняясь авторитетомъ церковныхъ властей. Рѣзкое противорѣчіе мѣры царя съ давними привычками народа и проповѣдью русской іерархіи придало этой мѣрѣ характеръ важнаго и крутого переворота и возбудило народное неудовольствіе и глухое противодѣйствіе въ массѣ. Но и болѣе рѣзкіе поступки молодого монарха не замедлили явиться глазамъ народа. Немедля по возвращеніи изъ-за границы Петръ возобновилъ слѣдствіе о томъ бунтѣ стрѣльцовъ, который заставилъ его прервать путешествіе.

Бунтъ этотъ возникъ такимъ образомъ. Стрѣлецкіе полки по взятіи Азова были посланы туда для гарнизонной службы. Не привыкнувъ къ долгимъ отлучкамъ изъ Москвы, оставивъ тамъ семьи и промыслы, стрѣльцы тяготились дальней и долгой службой и ждали возвращенія въ Москву. Но изъ Азова ихъ перевели къ польской границѣ, а въ Азовъ на мѣсто ушедшихъ двинули изъ Москвы всѣхъ тѣхъ стрѣльцовъ, которые еще оставались тамъ. Въ Москвѣ не осталось ни одного стрѣлецкаго полка, и вотъ среди стрѣльцовъ на польской границѣ разнесся слухъ, что ихъ навсегда вывели изъ столицы и что стрѣлецкому войску грозитъ опасность уничтоженія. Этотъ слухъ волнуетъ стрѣльцовъ; виновниками такого несчастія они считаютъ бояръ и иностранцевъ, завладѣвшихъ дѣлами въ Москвѣ. Они рѣшаются силой, противозаконно возвратиться въ Москву и на дорогѣ (подъ Воскресенскимъ монастыремъ) сталкиваются съ регулярными войсками, высланными противъ нихъ. Дѣло дошло до битвы, которой стрѣльцы не выдержали и сдались. Бояринъ Шеинъ произвелъ розыскъ о бунтѣ, многихъ повѣсилъ, остальныхъ бросилъ въ тюрьмы.

Петръ остался недоволенъ розыскомъ Шеина и началъ новое слѣдствіе. Въ Преображенскомъ начались ужасающія пытки стрѣльцовъ. Отъ стрѣльцовъ пытками добились новыхъ показаній о цѣляхъ бунта: нѣкоторые признались, что въ ихъ дѣлѣ замѣшана царевна Софья, что въ ея пользу стрѣльцы желали произвести переворотъ. Трудно сказать, насколько это обвиненіе Софьи было справедливо, а не вымучено пытками, но Петръ ему повѣрилъ и страшно мстилъ сестрѣ и каралъ бунтовщиковъ. Софья, по показанію современника, была предана суду народныхъ представителей. Приговора суда мы не знаемъ, но знаемъ дальнѣйшую судьбу царевны. Она была пострижена въ монахини и заключена въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ жила съ 1689 г. Передъ самыми ея окнами Петръ повѣсилъ стрѣльцовъ. Всего же въ Москвѣ и Преображенскомъ было казнено далеко за тысячу человѣкъ. Петръ самъ рубилъ головы стрѣльцамъ и заставлялъ то же дѣлать своихъ приближенныхъ и придворныхъ. Ужасы, пережитые тогда Москвою, трудно разсказать: С. М. Соловьевъ характеризуетъ осенніе дни 1698 г., какъ время „террора“.

Рядомъ съ казнями стрѣльцовъ и уничтоженіемъ стрѣлецкаго войска, Петръ переживалъ и семейную драму. Еще будучи за границей, Петръ уговаривалъ свою жену постричься добровольно. Она не согласилась. Теперь Петръ отправилъ ее въ Суздаль, гдѣ она, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, была пострижена въ монахини подъ именемъ Елены (іюнь 1699 г.). Царевичъ Алексѣй остался на рукахъ у тетки Натальи Алексѣевны.

Рядъ ошеломляющихъ событій 1698 г. страшно подѣйствовалъ и на Московское общество и на самого Петра. Въ обществѣ слышался ропотъ на жестокости, на новшества Петра, на иностранцевъ, сбившихъ Петра съ пути. На голоса общественнаго неудовольствія Петръ отвѣчалъ репрессіями; онъ не уступалъ ни шагу на новомъ пути, безъ пощады рвалъ всякую связь съ прошлымъ, жилъ самъ и другихъ заставлялъ жить по новому. И эта борьба съ общественнымъ мнѣніемъ оставляла въ немъ глубокіе слѣды: отъ пытки и серьезнаго труда переходя къ пиру и отдыху, Петръ чувствовалъ себя неспокойно, раздражался, терялъ самообладаніе. Если бы онъ высказывался легче и обнаруживалъ яснѣе свой внутренній міръ, онъ разсказалъ бы, конечно, какихъ душевныхъ мукъ стоила ему вторая половина 1698 г., когда онъ впервые разсчитался со старымъ порядкомъ и сталъ проводить свои культурныя новшества.

А политическія событія и внутренняя жизнь государства шли своимъ чередомъ. Обращаясь къ управленію государствомъ, Петръ въ январѣ 1699 г. проводитъ довольно крупную общественную реформу: онъ даетъ право самоуправленія тяглымъ общинамъ посредствомъ выборныхъ Бурмистерскихъ Палатъ. Эти палаты (а за ними и всѣ тяглые люди) изъяты изъ вѣдѣнія воеводъ и подчинены Московской Бурмистерской Палатѣ, также выборной. Въ концѣ того же 1699 г. Петръ измѣняетъ способъ лѣтосчисленія. Наши предки вели счетъ отъ сотворенія міра и начало года съ 1-го сентября. (По старому счету 1-е сент. 1699 г. было 1 сент. 7208 г.). Петръ предписалъ 1 января этого 7208 г. отпраздновать, какъ Новый годъ, и этотъ январь считать первымъ мѣсяцемъ 1700 г. отъ Рождества Христова. Въ перемѣнѣ календаря Петръ опирался на примѣръ православныхъ славянъ и грековъ, чувствуя, что отмѣна стараго обычая многимъ не понравится.

Такъ, въ видѣ отдѣльныхъ мѣръ, Петръ начиналъ свои реформы. Одновременно съ этимъ намѣчалъ онъ и новое направленіе своей внѣшней политики. Подготовительный къ дѣятельности періодъ кончался. Петръ сформировался и принимался за тяжкое бремя самостоятельнаго управленія, самостоятельной политики. Рождалась великая эпоха нашей исторической жизни.

Дѣятельность Петра съ 1700 г.

Съ 1700 г. Петръ началъ Шведскую войну (главное дѣло его внѣшней политики). Съ 1700 г. Петръ является уже вполнѣ созрѣвшимъ правителемъ-реформаторомъ. Хронологическій обзоръ его жизни, имѣвшій цѣлью прослѣдить развитіе личности и взглядовъ Петра и обстановку этого развитія, мы можемъ теперь замѣнить систематическимъ обзоромъ дѣятельности преобразователя. Общеизвѣстность внѣшнихъ событій времени Петра избавляетъ насъ отъ необходимости излагать здѣсь ходъ этихъ событій: мы будемъ слѣдить лишь за общимъ ходомъ и смысломъ реформы, обращая вниманіе преимущественно на результаты, достигнутые Петромъ. Это дастъ намъ возможность въ цѣломъ отмѣтить сущность преобразовательной дѣятельности Петра.

Эта дѣятельность выразилась въ рядѣ общественныхъ реформъ, значительно измѣнившихъ древне-русскій общественный бытъ, но, какъ мы уже говорили выше, не измѣнившихъ главнѣйшихъ основаній государственнаго строя, созданнаго до Петра. Изложить систематически внутреннія реформы Петра Великаго несравненно легче, чѣмъ въ стройной хронологической картинѣ представлять ихъ постепенный ходъ. Петръ реформировалъ общественное устройство и управленіе не по строгому, заранѣе составленному плану преобразованій, а отрывочными постановленіями, отдѣльными мѣрами, между походами и военными заботами. Лишь въ послѣдніе годы царствованія, когда война уже не требовала чрезмѣрныхъ усилій и средствъ, Петръ пристальнѣй взглянулъ на внутреннее устройство и стремился привести въ систему рядъ разновременныхъ отдѣльныхъ мѣропріятій.

Невозможно, впрочемъ, было и ждать отъ Петра заранѣе

составленнаго и теоретически разработаннаго плана преобразовательной дѣятельности. Его воспитаніе и жизнь не могли выработать въ немъ наклонности къ отвлеченному мышленію: по всему своему складу онъ былъ практическимъ дѣятелемъ, не любившимъ ничего абстрактнаго. И среди его сотрудниковъ, запечатлѣнныхъ такимъ же практическимъ направленіемъ, мы не видимъ человѣка, который бы могъ стать авторомъ плана общихъ преобразованій. Правда, изъ-за границы предлагались Петру отвлеченныя теоріи общественнаго переустройства: Лейбницъ сочинилъ для царя проектъ преобразованій, были и другіе усердные доктринеры. Но здравый смыслъ преобразователя удержалъ его отъ пересадки на русскую почву совершенно чуждыхъ ей доктринъ. Если Петръ и перенесъ на Русь коллегіальное устройство административныхъ органовъ, то это потому, что вездѣ на западѣ онъ видѣлъ эту форму управленія и считалъ ее единственною нормальной и пригодною гдѣ бы то ни было. Но если бы даже и была въ головѣ Петра какая нибудь предрѣшенная система преобразованій, онъ врядъ ли бы могъ выполнить ее послѣдовательно. Нужно помнить, что война со Швеціей поглощала всѣ силы царя и народа. Можно ли было при этомъ условіи предаться систематической реформѣ, когда военныя нужды обусловливали собою всю внутреннюю дѣятельность правительства?

Такимъ образомъ, Петръ велъ свои реформы безъ заранѣе составленнаго плана и сообразуясь съ военными потребностями въ своей дѣятельности. Идея общаго народнаго блага обусловливала всю дѣятельность Преобразователя. Войну со Швеціей онъ предпринялъ съ глубокимъ пониманіемъ національныхъ интересовъ и въ побѣдахъ искалъ не личной славы, а лучшихъ условій для культурнаго и экономическаго преуспѣянія Руси. И внутреннюю дѣятельность свою Петръ направлялъ къ достиженію народнаго блага. Но когда шведская война стала главнымъ дѣломъ Петра и требовала громадныхъ усилій, тогда Петръ поневолѣ отдался ей, и внутренняя дѣятельность его сама собою стала въ зависимость отъ военныхъ потребностей. Война требовала войскъ, Петръ искалъ средствъ для лучшей организаціи военныхъ силъ, и это повело къ реформѣ военной и къ реформѣ дворянскихъ службъ. Война требовала средствъ;

Петръ искалъ путей, которыми бы можно было поднять платежныя силы (иначе говоря, экономическое состоянie) государства, и это повело къ податной реформѣ, къ поощренiю промышленности и торговли, въ которыхъ Петръ всегда видѣлъ могущественный источникъ народнаго благосостоянiя; такъ подъ влiянiемъ военныхъ нуждъ Петръ совершилъ рядъ нововведенiй: одни нововведенiя вызывали необходимо другiя, и уже тогда, когда война стала менѣе тяжела, Петръ могъ все, совершенное имъ внутри государства, привести въ одну систему, закончить новое административное устройство и дать своему дѣлу стройный видъ. Таковъ былъ ходъ внутренней дѣятельности Петра. Понятно, какъ трудно сдѣлать изложенiе его реформъ въ связномъ хронологическомъ перечнѣ; этотъ перечень обратится въ нестройный каталогъ отдѣльныхъ указовъ, въ несвязное описанiе отдѣльныхъ постановленiй. Для нашей цѣли—изучить общее содержанiе общественныхъ преобразованiй Петра—гораздо удобнѣе систематическiй обзоръ реформъ. Мы разсмотримъ ихъ въ такомъ порядкѣ: 1) мѣры относительно сословiй, 2) мѣры относительно управленiя, 3) военное устройство, 4) мѣры для развитiя народнаго хозяйства, и наконецъ 5) мѣры относительно церковнаго управленiя.

1) Мѣры относительно сословiй.

Проведенныя Петромъ Великимъ мѣры относительно сословiй многимъ кажутся полною реформою всего общественнаго строя; на самомъ же дѣлѣ Петръ не измѣнилъ основного положенiя сословiй въ государствѣ, не снялъ съ нихъ прежнихъ сословныхъ повинностей, не тронулъ прежнихъ ихъ прерогативъ. Онъ далъ только новую организацiю государственнымъ повинностямъ разныхъ сословiй, почему измѣнилась нѣсколько и организацiя самыхъ сословiй, получивъ большую опредѣленность. Одно только малочисленное на Руси городское сословiе существенно измѣнило свое положенiе, благодаря исключительнымъ заботамъ Петра объ его развитiи. Разсмотрѣнiе законодательныхъ мѣръ по отдѣльнымъ сословiямъ покажетъ намъ справедливость высказаннаго положенiя.

Дворянство въ XVII в., какъ мы уже имѣли случай по-

казать, являлось высшимъ общественнымъ классомъ; оно было повинно государству личною, преимущественно, военною службою, и въ воздаяніе за нее пользовалось правомъ личнаго землевладѣнія (вотчиннаго и помѣстнаго); съ вымираніемъ стараго боярства дворянство получало все большее и большее административное значеніе; изъ него выходила почти вся московская администрація. Такимъ образомъ дворяне были до Петра классомъ военнымъ, административнымъ и землевладѣльческимъ. Но какъ военный классъ, дворянство въ XVII в. не удовлетворяло уже потребностямъ времени, потому что нестройныя дворянскія ополченія не могли бороться съ регулярными войсками европейцевъ; въ то же время дворянскія войска отличались плохой подвижностью, медленно собирались; съ успѣхомъ они могли нести только мѣстную оборонительную службу на границахъ. Московское правительство поэтому стало заводить въ XVII в. регулярные полки, набирая въ нихъ солдатъ вербовкой изъ „гулящихъ людей“. Но и эти полки имѣли свои недостатки. Въ нихъ дворянство являлось уже въ качествѣ офицеровъ. Такимъ образомъ, военная повинность дворянства уже до Петра нуждалась въ переустройствѣ. Въ качествѣ администраторовъ, до-Петровскіе дворяне не обладали никакой спеціальной подготовкой и не оставались постоянно въ гражданскихъ должностяхъ, потому что не существовало тогда и раздѣленія должностей военныхъ и гражданскихъ. Если, такимъ образомъ, дворянскія повинности государству организованы были неудовлетворительно, то дворянское землевладѣніе, напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе развивалось. Дворяне въ концѣ XVII в. (1676 г.) достигли права наслѣдовать помѣстья по закону, какъ прежде наслѣдовали ихъ по обычаю; съ другой стороны, власть помѣщиковъ надъ крестьянами росла болѣе и болѣе, — дворяне совершенно сравняли своихъ крестьянъ съ холопами, посаженными на пашню („задворные люди“).

Петръ задался мыслью дать лучшую организацію службѣ дворянъ и достигъ этого такимъ образомъ: онъ со страшною строгостью привлекалъ дворянъ къ отбыванію государственной службы и, какъ прежде, требовалъ безсрочной службы, пока хватало силъ. Не менѣе двухъ третей дворянъ должно было служить въ арміи и флотѣ, не болѣе одной трети до-

пускалось къ гражданской службѣ, которая при Петрѣ обособилась отъ военной. Подроставшихъ дворянъ требовали на смотры, которые производилъ часто самъ государь въ Москвѣ или Петербургѣ. На смотрахъ ихъ опредѣляли въ тотъ или другой родъ службы, или посылали учиться въ русскія и заграничныя школы. Первоначальное же образованіе сдѣлано было обязательнымъ для всѣхъ молодыхъ дворянъ (по указамъ 1714 и 1723 гг.). Они должны были до 15 лѣтъ обучиться грамотѣ, цифири и геометріи въ нарочно для того устроенныхъ школахъ при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Уклонившійся отъ обязательнаго обученія терялъ право жениться. Поступая на службу, дворянинъ дѣлался солдатомъ гвардіи или даже арміи. Онъ служилъ вмѣстѣ съ людьми изъ низшихъ классовъ общества, которые поступали на службу по рекрутскимъ наборамъ. Отъ его личныхъ способностей и усердія зависѣло выбиться въ офицеры; личная заслуга выдвигала въ офицеры и простого крестьянина—солдата. Ни одинъ дворянинъ не могъ стать офицеромъ, если не былъ солдатомъ, но всякій офицеръ, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, становился дворяниномъ. Такъ вполнѣ сознательно Петръ поставилъ основаніемъ службы личную выслугу вмѣсто стараго основанія родовитости. Но это не было новостью, личная выслуга признавалась уже и въ XVII в.; Петръ далъ ей только окончательный перевѣсъ, и это пополнило ряды дворянства новыми дворянскими родами. Вся масса служилыхъ дворянъ поставлена была въ прямое подчиненіе Сенату вмѣсто прежняго Разряднаго Приказа, и Сенатъ вѣдалъ дворянство черезъ особаго чиновника „герольдмейстера“. Прежніе дворянскіе „чины“ были уничтожены (прежде они были сословными группами: дворяне Московскіе, городскіе, дѣти боярскія); вмѣсто нихъ появилась лѣстница служебныхъ чиновъ (собственно должностей), опредѣленная извѣстною „табелью о рангахъ“ 1722 г. Прежде принадлежность къ извѣстному чину обусловливалась происхожденіемъ человѣка, при Петрѣ стала обусловливаться личными заслугами. Внѣ служебныхъ должностей всѣ дворяне слились въ одну сословную массу и получили общее названіе шляхетства (кажется, съ 1712 г.).

Такимъ образомъ, служба дворянъ стала правильнѣе и тяжелѣе: поступая въ полки, они отрывались отъ мѣстно-

сти, были регулярнымъ войскомъ, служили безъ перемежекъ, съ рѣдкими отпусками домой, и не могли укрываться легко отъ службы. Измѣнилась, словомъ, организація государственной повинности дворянъ, но существо повинности (военной и административной) осталось прежнимъ.

Зато прочнѣе стало вознагражденіе за службу. При Петрѣ уже не видимъ раздачи помѣстій служилымъ людямъ: если кому нибудь дается земля, то въ вотчину, т. е. въ наслѣдственную собственность. Мало того, законодательство Петра превратило и старыя помѣстья въ вотчины, расширивъ право распоряженія ими. При Петрѣ законъ уже не знаетъ различія между помѣстнымъ и вотчиннымъ владѣніемъ: оно различается только по происхожденію. Кто можетъ доказать право собственности на землю, тотъ вотчинникъ; кто помнитъ, что его наслѣдственная земля принадлежитъ государству и отдана его предкамъ во владѣніе, тотъ помѣщикъ. Но превративъ закономъ помѣстья въ вотчины, Петръ на вотчины смотрѣлъ, какъ на помѣстья, считая ихъ владѣніями, существующими въ интересахъ государства. Прежде для государственной пользы не дозволялось дробить помѣстій при передачѣ ихъ въ потомство. Теперь Петръ въ тѣхъ же видахъ распространилъ это правило и на вотчины. Указомъ 1714 г. марта 23-го онъ запретилъ дворянамъ дробить земельныя владѣнія при завѣщаніи сыновьямъ. „Кто имѣетъ нѣсколько сыновей, можетъ отдать недвижимое одному изъ нихъ, кому хочетъ“, говорилъ указъ 23 марта. Если же не было завѣщанія, наслѣдовалъ старшій сынъ; поэтому нѣкоторые изслѣдователи нѣсколько неправильно называютъ законъ Петра объ единонаслѣдіи закономъ о маіоратѣ. Этотъ законъ, соблюдавшійся дворянствомъ относительно помѣстій, вызвалъ сильное противодѣйствіе дворянъ, когда былъ перенесенъ на вотчины. Начались злоупотребленія, обходъ закона, „ненависти и ссоры“ въ дворянскихъ семьяхъ, и въ 1731 году императрица Анна отмѣнила законъ Петра и вмѣстѣ уничтожила всякое различіе вотчинъ и помѣстій. Но этимъ послѣднимъ распоряженіемъ она докончила лишь то, что признаъ Петръ, за трудности службы давшій дворянству больше правъ на помѣстья.

Но помимо расширенія землевладѣльческихъ правъ, сдѣлавшихъ болѣе прочнымъ обладаніе помѣстьями, дворянство

при Петрѣ крѣпче завладѣло и крестьянами. Этотъ вопросъ объ отношеніи дворянъ къ крестьянамъ приводитъ насъ къ вопросу объ общемъ положеніи послѣднихъ при Петрѣ.

Мы уже видимъ, что созданное въ XVII вѣкѣ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ на практикѣ въ концѣ вѣка перешло въ личную зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. Крестьяне, какъ холопы, продавались безъ земли. Въ то же самое время лично зависимые люди—холопы, по волѣ господъ, садились на пашню и своей жизнью и хозяйствомъ ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ. Правительство еще до Петра замѣтило такихъ холоповъ („задворныхъ людей") и облагало ихъ, наравнѣ съ крестьянами, государственными податями. Выходило такъ, что землевладѣльцы стремились сравнять крестьянъ съ холопами, а правительство холоповъ съ крестьянами. Результатомъ этого было то обстоятельство, что и крестьяне и холопы чрезвычайно сблизились между собою на дѣлѣ, хотя строго различались по закону. Петръ засталъ это положеніе и смѣшалъ крестьянство съ холопствомъ въ одинъ податной и зависимый отъ землевладѣльцевъ классъ. На этомъ основаніи многіе думаютъ, что Петръ, вмѣсто бывшаго прикрѣпленія къ землѣ, создалъ крѣпостное право на крестьянъ. Но предыдущее изложеніе показываетъ, что это невѣрно: на дѣлѣ крестьянинъ становился въ личную крѣпость отъ землевладѣльца еще до Петра. Съ другой стороны, въ законодательствѣ Петра нѣтъ ни одного указа, отмѣняющаго прикрѣпленіе къ землѣ и устанавливающаго крѣпостную зависимость личную; крестьянинъ и при Петрѣ оставался гражданиномъ.

Смѣшеніе крестьянъ и холоповъ произошло не на основаніи прямого объ этомъ закона, а какъ слѣдствіе податной реформы Петра. До Петра прямыя подати взимались или съ обработанной земли, или со двора. Петръ вмѣсто поземельной и подворной подати ввелъ подушную. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, это произошло такъ: Петръ желалъ размѣстить армію на постоянныя квартиры въ различныхъ губерніяхъ и содержаніе полковъ возложить на населеніе того округа, гдѣ стоялъ полкъ. Для этого признано было нужнымъ высчитать сумму, необходимую для содержанія полка, перечислить всѣхъ податныхъ лицъ въ округѣ и разсчитать, сколько каждое лицо повинно было внести денегъ на

содержаніе войска. Съ 1718 по 1722 годъ производилась перепись податного населенія: сперва считали крестьянъ и холопей пахатныхъ, потомъ предписано было заносить въ „ревизскія сказки“ и непахатныхъ зависимыхъ людей; наконецъ, стали записывать и „гулящихъ“ (не приписанныхъ къ сословіямъ) людей. Эта перепись носила названіе ревизіи, а переписанные люди получили названіе „ревизскихъ душъ“. Всякая ревизская душа облагалась одинаковой податью, а отвѣтственность въ исправномъ поступленіи подати возлагалась на землевладѣльца. Такимъ образомъ землевладѣлецъ получалъ совершенно равную власть и надъ крестьяниномъ и надъ холопомъ. Здѣсь и заключалось основаніе послѣдовавшаго за этимъ фактическаго уравненія крестьянъ съ холопами. Но по закону крестьянинъ рабомъ не становился; владѣльческіе крестьяне сохранили гражданскія права: за ними законъ признавалъ гражданскую правоспособность и дѣеспособность, они могли вступать даже съ казною въ подряды и договоры. Въ глазахъ законодателя и холопы уравнивались съ крестьянами. Но на практикѣ податная отвѣтственность землевладѣльца за крестьянъ и право суда надъ крестьянами, существовавшее помимо закона, по обычаю, давали помѣщикамъ такую власть надъ крестьяниномъ, что въ ихъ глазахъ крестьянинъ становился равнымъ холопу. Уже при Петрѣ началась продажа крестьянъ безъ земли не только семьями, но и въ розницу, и Петръ напрасно прилагалъ старанія прекратить этотъ обычай.

Такимъ образомъ при Петрѣ, какъ и ранѣе, законъ понималъ крестьянъ, какъ гражданъ, и въ то же время холоповъ стремился привести въ одно положеніе съ крестьянами подъ однимъ общимъ терминомъ „подданныхъ“ шляхетства. Но шляхетство, получая отъ правительства власть надъ „подданными“, смотрѣло на крестьянъ, какъ на холоповъ, и на практикѣ обращалось со всѣми своими „подданными“, какъ съ холопами. Стало быть, новыхъ началъ въ положеніи крестьянъ владѣльческихъ при Петрѣ внесено не было. Новостью являлась при Петрѣ лишь система подушной подати, замѣняющая древнее прикрѣпленіе къ землѣ началомъ личной (податной) зависимости крестьянина отъ землевладѣльца. Но эта личная зависимость существовала и въ XVII вѣкѣ уже до Петра.

Не одни владѣльческіе крестьяне составляли крестьянское сословіе. Кромѣ нихъ, въ качествѣ податного класса гражданъ, при Петрѣ существовали: 1) крестьяне черные или черносошные, жившіе на государственныхъ, черныхъ земляхъ и оставшіеся при Петрѣ въ томъ же свободномъ состояніи, въ какомъ были ранѣе; 2) крестьяне монастырскіе, при Петрѣ изъятые изъ управленія монастырей и переданные въ казенное управленіе, а потомъ въ вѣдѣніе Синода (впослѣдствіи они получили названіе экономическихъ, потому что были переданы въ коллегію экономіи); 3) крестьяне дворцовые, обязанные различными повинностями вѣдомству двора государева; 4) крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ; этотъ разрядъ крестьянъ созданъ былъ указомъ Петра 1721 года, которымъ разрѣшалось владѣльцамъ фабрикъ (и дворянамъ, и не дворянамъ) покупать деревни и людей къ фабрикамъ, наконецъ, 5) однодворцы—классъ измельчавшихъ служилыхъ землевладѣльцевъ, когда-то поселенныхъ по южнымъ, преимущественно, границамъ Московскаго государства для ихъ защиты. При Петрѣ они были записаны въ ревизію, платили подушныя подати, но сохраняли право личнаго землевладѣнія и владѣнія крестьянами.

Городское сословіе, состоявшее въ XVII в. изъ торговыхъ людей (купечества и посадскихъ городскихъ податныхъ обывателей), было замкнуто лишь въ половинѣ XVII в. и было ничтожно и своею численностью, и промышленною дѣятельностью. Петръ же въ городскомъ торговопромышленномъ классѣ видѣлъ, по примѣру западныхъ меркантилистовъ, главный факторъ народнаго богатства. Понятно, какія старанія долженъ былъ онъ приложить къ тому, чтобы поднять городской классъ до желаемой степени развитія. Его мѣры для поднятія русской промышленности и торговли мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ; въ глазахъ Петра къ такому поднятію должна была вести и правильная организація городского сословія, которая позволяла бы городамъ преуспѣвать въ торговлѣ и промышленности. Еще въ 1699 г. онъ далъ городамъ самоуправленіе, но Бурмистерскія Палаты не давали никакой организаціи сословію, ихъ избравшему. Этой организаціи города достигли лишь въ концѣ царствованія Петра.

Руководясь западно-европейскими формами городского устройства, Петръ въ началѣ 1720 г. учредилъ въ Петербургѣ Главный магистратъ, которому поручилъ вѣдать городское сословіе повсемѣстно, и далъ Магистрату въ слѣдующемъ году регламентъ, въ которомъ изложены были основанія городского устройства. Города раздѣлялись по числу жителей на 5 классовъ; граждане каждаго города на два основныхъ класса: гражданъ регулярныхъ и нерегулярныхъ.

Регулярные граждане дѣлились на двѣ гильдіи: къ первой гильдіи принадлежали банкиры, купцы, доктора и аптекаря, шкипера, живописцы и ювелиры, художники и ученые. Вторую гильдію составляли мелочные торговцы и ремесленники, устроенные въ цехи.

Нерегулярными гражданами были „подлые", т. е. низкаго происхожденія люди (чернорабочіе, наймиты, поденщики).

Лица иныхъ сословій (духовные, дворяне, крестьяне), живущіе постоянно въ городѣ, въ число гражданъ не входили, они только „числились въ гражданствѣ" и не участвовали въ городскомъ самоуправленіи.

Городомъ управляла выборная коллегія, Магистратъ. Ее избирали изъ своей среды только регулярные граждане. Подлые же люди избирали своихъ старостъ, представлявшихъ интересы въ Магистратѣ. Магистратъ, подчиненный Главному Магистрату, вѣдалъ хозяйство города и смотрѣлъ за порядкомъ. Главной его цѣлью было развитіе торговли и промысловъ въ городѣ, и въ его рукахъ находилась большая власть. Подъ вѣдѣніемъ Магистрата было цеховое управленіе,—во главѣ каждаго ремесленнаго цеха стоялъ старшина (альдерманъ), выбранный изъ мастеровъ; на его рукахъ было управленіе цеховыми дѣлами. На званіе мастера-ремесленника нужно было сдавать экзаменъ; безъ экзамена нельзя было открыть никакого производства.

Давъ городскому сословію стройную организацію, Петръ не только оставилъ ему всѣ старыя права, какими пользовались горожане до него, но далъ, и новыя,—регулярные граждане хотя и сохранили характеръ тяглаго сословія, но были избавлены отъ подушной подати и рекрутской повинности: въ 1722 г. Петръ снялъ съ горожанъ и личную службу по казеннымъ надобностямъ, которою горожане тяготились

до Петра; наконецъ, горожане получили право владѣть крѣпостными людьми и землею, наравнѣ съ дворянствомъ, если были фабрикантами или заводчиками. Такимъ образомъ Петръ создалъ городскому сословію довольно привиллегированное положеніе. Онъ внесъ въ городской бытъ совершенно новую организацію. Но новы были только формы; благосклонное же отношеніе правительства къ горожанамъ замѣтно и въ XVII в., особенно во второй его половинѣ.

Итакъ, обзоръ сословныхъ реформъ показываетъ намъ, что Петръ многое измѣнилъ въ сословной жизни и отношеніяхъ. Шляхетство стало правильнѣе служить и получило лучшее обезпеченіе за свою службу; крестьянство слилось съ холопствомъ въ одну податную категорію и, не теряя гражданской личности, стало подъ личную власть помѣщика; горожане получили организацію, право самоуправленія и нѣкоторыя привиллегіи. Внѣшнія формы общественныхъ отношеній очень измѣнились, но въ существѣ общественный строй остался старымъ: государство сохранило свое высокое административное и экономическое положеніе, крестьяне по прежнему относились къ государству посредствомъ землевладѣльца, а городскому сословію по прежнему принадлежала далеко не главная роль въ развитіи народнаго хозяйства.

2) Мѣры относительно управленія.

Административныя реформы Петра развивались такъ же, какъ и сословныя мѣры, безъ строгой системы, путемъ частныхъ нововведеній въ центральномъ и мѣстномъ управленіи. Однако легко можно замѣтить, что сперва вниманіе Петра было занято преимущественно переустройствомъ областныхъ учрежденій, а затѣмъ перешло на организацію центральнаго управленія. Это видно уже изъ простого хронологическаго перечня крупныхъ установленій Петра въ сферѣ администраціи. Въ 1702 г. произошло уничтоженіе старыхъ губныхъ старостъ и замѣна ихъ воеводами, управлявшими совмѣстно съ присутствіемъ изъ выборныхъ (отъ уѣзда) дворянъ; въ 1708 г. послѣдовало раздѣленіе Россіи на губерніи (губерніи дѣлились на уѣзды), во главѣ которыхъ были поставлены губернаторы. При нихъ, въ качествѣ

совѣтниковъ и помощниковъ, были учреждены съ 1713 г. ландраты (выборные отъ дворянъ); кромѣ ландратовъ дворяне въ каждомъ уѣздѣ для управленія уѣздомъ избирали земскаго коммиссара. Въ 1719 г. ландраты были уничтожены, но земскіе коммиссары остались; государство было подѣлено вновь на 12 губерній, губерніи—на провинціи, а провинціи—на уѣзды. Такимъ образомъ, если мы вспомнимъ знакомыя намъ Бурмистерскія Палаты 1699 г. и Городскіе Магистраты 1720 г., то скажемъ, что Петръ во все время своей дѣятельности трудился надъ переустройствомъ мѣстнаго управленія. Крупныя же реформы въ центральномъ управленіи начались лишь съ 1711 г.,—въ этомъ году былъ учрежденъ Сенатъ. Въ 1718 г. устроены коллегіи, въ 1722 г. окончательно установлена должность генералъ-прокурора. Такъ заботы о мѣстной администраціи шли впереди заботъ о центральной администраціи. Существуетъ поэтому мнѣніе, что Петръ желалъ всю тяжесть управленія перенести изъ центра государства въ области, но, потерпѣвъ неудачу вслѣдствіе недостатка въ областяхъ способныхъ людей, обратился къ устройству центральныхъ органовъ администраціи, которымъ подчинилъ всѣ мѣстныя учрежденія и передалъ всѣ стороны государственнаго управленія.

Въ систематическомъ изложеніи администрація, созданная Петромъ, представится въ такомъ видѣ:

Во главѣ всего управленія съ 1711 г. стоитъ Сенатъ. Около 1700 г. старая Боярская Дума исчезаетъ, какъ постоянное учрежденіе, и замѣняется ближней канцеляріей государя, въ которой, какъ въ старину, происходятъ иногда совѣщанія бояръ. Во время своихъ безпрестанныхъ поѣздокъ, веденіе государственныхъ дѣлъ въ Москвѣ Петръ поручалъ не учрежденію, а нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ изъ старыхъ думныхъ чиновъ (Петръ никому не давалъ этихъ чиновъ, но и не отнималъ ихъ у имѣвшихъ) и лицамъ новыхъ чиновъ и званій. Но въ 1711 г., отправляясь въ Прусскій походъ, Петръ ввѣряетъ государство не лицамъ, а вновь основанному учрежденію.—Это учрежденіе—Сенатъ. Его существованіе, какъ объявлялъ самъ Петръ, вызвано именно „отлучками“ государя, и Петръ повелѣвалъ всѣмъ слушаться Сената, какъ его самого. Такимъ образомъ миссія Сената первоначально была временной, но, съ возвращеніемъ

Петра къ дѣламъ, Сенатъ не былъ упраздненъ, а сталъ постояннымъ учрежденіемъ. Въ его организаціи при Петрѣ замѣчаютъ три фазиса. Съ 1711 до 1718 г. Сенатъ былъ собраніемъ лицъ, назначенныхъ спеціально для присутствованія въ немъ; съ 1718 по 1722 г. Сенатъ дѣлается собраніемъ президентовъ коллегіи; съ 1722 г. Сенатъ получаетъ смѣшанный составъ, въ него входятъ нѣкоторые президенты коллегій (военной, морской, иностранной) и въ то же время въ немъ есть члены, носящіе одно только званіе сенаторовъ и чуждые коллегіямъ.

Вѣдомство Сената состояло въ контролѣ надъ администраціей, въ разрѣшеніи дѣлъ, выходящихъ изъ компетенціи коллегій, въ общемъ направленіи административнаго механизма. Сенатъ былъ, такимъ образомъ, высшимъ административнымъ органомъ въ государствѣ. Ему въ послѣдніе годы Петра присвоена была и судебная функція, — Сенатъ сталъ высшей судебной инстанціей. Относительно того, присуща ли была Сенату законодательная дѣятельность, существуютъ разные оттѣнки взглядовъ. Одни (Петровскій: „О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго") полагаютъ, что Сенатъ въ первое время имѣлъ законодательную власть и иногда даже отмѣнялъ указы самого Петра. Другіе (Владимірскій-Будановъ въ критической статьѣ „Учрежденіе Правит. Сената") доказываютъ, что законодательная функція никогда Сенату не принадлежала. Но всѣ признаютъ, что Петръ, видоизмѣняя положеніе Сената въ 1722 г., лишилъ его законодательной власти: ясно, что Петръ рядомъ съ собою, какъ съ единственнымъ источникомъ законодательной власти въ государствѣ, не могъ поставить собранія съ законодательными правами. Поэтому, если и признавать за Сенатомъ законодательную функцію, то слѣдуетъ признавать ее случайнымъ и исключительнымъ явленіемъ.

Отъ разницы представленій о вѣдомствѣ Сената зависитъ и разница въ представленіяхъ о государственномъ значеніи Сената. Одни считаютъ Сенатъ безусловно высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ, объединяющимъ и направляющимъ всю администрацію и не знающимъ надъ собою иной власти, кромѣ государевой (Градовскій, Петровскій). Другіе полагаютъ, что, контролируя и направляя администрацію, Сенатъ самъ подвергался контролю и зависѣлъ отъ „вер-

ховныхъ господъ министровъ“ (т. е. приближенныхъ къ Петру лицъ, управлявшихъ войсками, флотомъ и иностранными дѣлами) и отъ генералъ-прокурора, представителя особы государя въ Сенатѣ (Владим.-Будановъ, Дмитріевъ).

Должность генералъ-прокурора, учрежденная въ 1722 г., должна была, по мысли Петра, служить связью между верховной властью и центральными органами управленія и средствомъ для контроля надъ Сенатомъ. Петръ испыталъ много средствъ контроля: сперва за Сенатомъ смотрѣлъ генералъ-ревизоръ (1715), затѣмъ въ Сенатѣ дежурили съ цѣлью ускоренія дѣлъ и охраненія порядка въ засѣданіяхъ штабъ-офицеры гвардіи (1721); средствомъ контроля были и обязательные протоколы засѣданій; наконецъ, была учреждена прокуратура. Генералъ-прокуроръ докладывалъ государю дѣла Сената, а Сенату передавалъ волю государя; онъ могъ остановить рѣшеніе Сената; указы Сената получали силу только съ его согласія; онъ слѣдилъ за исполненіемъ этихъ указовъ (иначе говоря, за всей администраціей), онъ, наконецъ, начальствовалъ надъ канцеляріей Сената. Такое значеніе генералъ-прокурора сдѣлало его самымъ властнымъ лицомъ во всей администраціи, тѣмъ болѣе, что первый генералъ-прокуроръ Ягужинскій, человѣкъ способный и дѣятельный, умѣлъ сообщить своей должности необыкновенный престижъ. Современники считали генералъ-прокурора начальникомъ Сената и первымъ лицомъ въ имперіи послѣ Монарха. Такой взглядъ раздѣляется и теперь тѣми, кто склоненъ принижать значеніе Сената. Напротивъ, нѣкоторые (Градовскій въ своей книгѣ „Высшая администрація Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры“) думаютъ, что, сливаясь съ Сенатомъ въ органическое цѣлое и внѣ Сената не имѣя никакого значенія, генералъ-прокуроръ только поднималъ еще выше государственное значеніе самаго Сената,

Подъ вѣдѣніемъ Сената стоялъ рядъ центральныхъ учрежденій, извѣстныхъ подъ названіемъ Коллегій. Онѣ были учреждены въ 1718 г. и окончательно сформированы въ 1720 г. Коллегіи замѣнили собою старые Приказы. Съ учрежденіемъ Сената, мало-по-малу усваивавшаго себѣ функціи главнѣйшихъ Приказовъ, эти послѣдніе (напр., Разрядъ) замѣнялись „столами“ Сената. Мелкіе же приказы превращались въ канцеляріи и конторы разныхъ наименованій и

сохраняли прежнюю организацію. Приблизительно съ 1711 г. Петръ задумалъ устроить центральное управленіе по западно-европейскимъ образцамъ. Вполнѣ сознательно онъ желалъ перенести на Русь шведское коллегіальное устройство. Коллегіальную систему рекомендовалъ ему и теоретикъ Лейбницъ. За границу были посланы люди для изученія бюрократическихъ формъ и канцелярской практики; изъ-за границы выписывали опытныхъ канцеляристовъ, чтобъ организовать съ ихъ помощью новыя учрежденія. Но этимъ иностранцамъ Петръ не давалъ въ коллегіяхъ начальническаго положенія, и они не поднимались выше вице-президентовъ; президентами же коллегій назначались русскіе люди.

Съ 1719 г. коллегіи начали свою дѣятельность и каждая сама для себя составляла уставъ, опредѣлявшій ея вѣдомство и дѣлопроизводство (эти уставы получили названіе Регламентовъ).

Всѣхъ Коллегій учреждено было двѣнадцать:

1) Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ.
2) Коллегія Военная.
3) Коллегія Адмиралтейская (морская).
4) Штатсъ-Коллегія (вѣдомство расходовъ).
5) Камеръ-Коллегія (вѣдомство доходовъ).
6) Юстицъ-Коллегія (судебная).
7) Ревизіонъ-Коллегія (финансовый контроль).
8) Коммерцъ-Коллегія (торговля).
9) Мануфактуръ-Коллегія (промышленная).
10) Бергъ-Коллегія (горнаго дѣла).
11) Вотчинная Коллегія (землевладѣніе).
12) Главный Магистратъ (городское управленіе).

Послѣднія три коллегіи образованы были позже остальныхъ. Вновь основанныя учрежденія не замѣнили однако всѣхъ старыхъ Приказовъ. Приказы продолжали существовать или подъ именемъ канцелярій или подъ прежнимъ— Приказовъ (медицинская канцелярія, Сибирскій Приказъ).

Коллегіи были подчинены Сенату, который посылалъ имъ свои указы; въ свою очередь мѣстные органы управленія были ниже коллегій и повиновались имъ. Но, съ одной стороны, не всѣ коллегіи одинаково подчинялись Сенату (Военная и морская были самостоятельнѣе прочихъ); съ другой

стороны, не всѣ коллегіи имѣли отношеніе къ областнымъ органамъ управленія. Надъ провинціальными властями въ качествѣ прямой высшей инстанціи стояли только Камеръ и Юстицъ-Коллегіи и Главный Магистратъ. Такимъ образомъ и центральные и мѣстные органы управленія не представляли строгой и стройной іерархіи.

Каждая коллегія состояла, какъ и Приказъ XVII в., изъ присутствія и канцеляріи. Присутствіе состояло изъ президента, вице-президента, совѣтниковъ, ассесоровъ и 2-хъ секретарей, которые были начальниками канцеляріи. Всего въ присутствіи было не болѣе 13 членовъ, и дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ.

Всматриваясь въ различія между Коллегіями и старыми Приказами, мы видимъ, что система коллегій значительно упростила прежнюю путаницу вѣдомствъ, но не уничтожила того смѣшенія личнаго начала съ коллегіальнымъ, которое лежало въ основаніи прежняго центральнаго управленія. Какъ въ приказахъ при ихъ коллегіальной формѣ личное начало имѣло мѣсто въ лицѣ властнаго предсѣдателя, такъ въ коллегіяхъ вліятельные президенты и приставленные къ коллегіямъ для общаго контроля прокуроры нарушали коллегіальный строй своимъ личнымъ вліяніемъ и на дѣлѣ замѣняли иногда коллегіальную дѣятельность единоличною.

Областное управленіе, много разъ измѣняясь въ своихъ частностяхъ, приняло въ 1719 году слѣдующія окончательныя формы. Вся Россія была подѣлена на губерніи, губерніи на провинціи, провинціи на уѣзды. Во главѣ губерніи стоитъ губернаторъ, во главѣ провинціи, по общему правилу, воевода или вице-губернаторъ, въ уѣздѣ финансовое и полицейское управленіе возложено на избираемаго дворянами земскаго коммиссара, который подчинялся воеводѣ и въ то же время былъ отвѣтственъ предъ своими избирателями. При Петрѣ Великомъ были попытки отдѣлить судъ отъ администраціи (мысль для этой эпохи замѣчательная); но эти попытки не увѣнчались успѣхомъ,—съ 1722 г. администрація снова участвуетъ въ дѣлѣ суда. Въ каждой губерніи былъ надворный судъ подъ предсѣдательствомъ губернатора; въ каждой провинціи дѣйствовалъ провинціальный судъ, подъ предсѣдательствомъ воеводы.

Всѣ эти мѣстныя учрежденія, носившія характеръ едино-

личной, а не коллегіальной власти, касались лишь дворянъ и черезъ нихъ подчиненныхъ имъ крестьянъ; стало быть, земское представительство, введенное въ областную администрацію въ видѣ ландратовъ и коммиссаровъ, не было общеземскимъ, а было сословнымъ; въ уѣздѣ оно было дворянскимъ, въ городахъ гильдейскимъ и цеховымъ, какъ мы это видѣли въ обзорѣ городского устройства. Такой же характеръ единоличнаго управленія съ участіемъ сословнаго представителььтва носила администрація и до Петра, какъ мы это уже видѣли.

Вся масса вновь созданныхъ при Петрѣ учрежденій не состояла въ такой строгой іерархической системѣ, какъ учрежденія древней Руси. Прежде, въ XVII в., все въ уѣздѣ было въ зависимости отъ воеводы, воевода былъ въ зависимости отъ Приказа, Приказъ отъ Боярской думы. Въ Петровскихъ учрежденіяхъ такого цѣльнаго іерархическаго порядка нѣтъ: губернаторы, завися отъ коллегіи, въ то же время находятся въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Сенату; городскіе магистраты, хотя и находятся въ нѣкоторой зависимости отъ губернаторовъ, но подчинены Главному Магистрату. Съ достаточнымъ основаніемъ можно считать, что въ прямомъ подчиненіи Сенату находились не однѣ Коллегіи, но и вся областная администрація, городская и губернская.

Такимъ образомъ Сенатъ объединялъ и контролировалъ различныя отрасли управленія. Элементами, связывавшими всю администрацію и служившими для контроля, были фискалы (контролеры финансовые и отчасти судебные) и прокуроры (полномочія которыхъ были шире полномочій фискаловъ), они состояли при всѣхъ учрежденіяхъ и были подчинены генералъ-прокурору, бывшему какъ бы связью между государемъ и сенатомъ, а также органомъ верховнаго контроля. Такова была въ общихъ чертахъ система Петровской администраціи.

Въ ней новы всѣ учрежденія и по именамъ, и по внѣшней организаціи, ново стремленіе законодателя разграничить вѣдомства, ввести дѣятельный контроль; новымъ представлялась Петру и коллегіальная система, о которой онъ такъ старался. Но изслѣдователи замѣчаютъ, что при всей новости формъ и при томъ условіи, что новыя формы администраціи

были явно не національны и пахли иноземнымъ духомъ, учрежденія Петра все таки стали очень популярны на Руси въ XVIII в. Объясняютъ это тѣмъ, что въ администраціи Петра „старая Россія вся сказалась въ преобразованныхъ учрежденіяхъ“. И въ самомъ дѣлѣ, основанія административной системы остались прежнія, Петръ оставилъ все управленіе Россіи въ рукахъ почти исключительно дворянскихъ, а дворянство и въ XVII в. несло на себѣ всю администрацію. Петръ смѣшалъ въ администраціи коллегіальное начало съ единоличнымъ, такъ было и раньше. Петръ, какъ прежде, управлялъ „системою порученій“, приказавъ администрацію Сенату съ генералъ-прокуроромъ. Такъ при новыхъ формахъ осталась старая сущность (см. Градовскаго „Высшая администрація Россіи въ XVIII в. и генералъ-прокуроры“).

3) Военное устройство.

Московское правительство XVII вѣка располагало сотнями тысячъ вооруженнаго люда и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознавало отсутствіе правильной организаціи и боевой годности своихъ войскъ. О недостаткахъ дворянскаго ополченія, мало подвижнаго и лишеннаго правильной военной подготовки, мы уже говорили. Упоминали мы и о томъ, что уже въ XVII в. въ Москвѣ старались устроить правильныя войска, увеличивая число стрѣлецкихъ полковъ и образуя полки „иноземнаго строя“ (солдатскіе рейтарскіе, драгунскіе) изъ людей разныхъ общественныхъ состояній. Съ помощью иностранныхъ офицеровъ достигнуты были большіе результаты; солдатскіе полки ко времени Петра выросли уже до размѣровъ внушительной военной силы. Однако и у стрѣлецкихъ, и у регулярныхъ полковъ былъ одинъ крупный, съ военной точки зрѣнія, недостатокъ: и стрѣльцы (въ большей степени), и солдаты (въ меньшей степени) не были только военными людьми, занимались не одною службою. Поселенные на казенныхъ земляхъ, имѣя право жениться и заниматься промыслами, солдаты и особенно стѣльцы стали полувоеннымъ, полупромышленнымъ сословіемъ. При такихъ условіяхъ ихъ боевая готовность и военныя качества не могли быть высокими.

Петръ видоизмѣнилъ организацію войскъ. Воспользовав-

шись старымъ военнымъ матеріаломъ, онъ сдѣлалъ регулярные полки господствующимъ, даже исключительнымъ типомъ военной организаціи (только Малороссійскіе и Донскіе казаки сохранили старое устройство). Кромѣ того, измѣнивъ бытъ солдатъ, онъ иначе, чѣмъ прежде, сталъ пополнять войска. Только въ этомъ отношеніи, онъ и можетъ считаться творцомъ новой русской арміи. Давая ему такое названіе, мы должны помнить, что регулярная армія (совершенная или нѣтъ, другой вопросъ) создавалась уже въ XVII вѣкѣ.

Петръ привязалъ солдата исключительно къ службѣ, оторвавъ его отъ дома и промысла. Воинская повинность при немъ перестала быть повинностью однихъ дворянъ, стрѣлецкихъ и солдатскихъ дѣтей, да праздныхъ и охотниковъ. Повинность эта легла теперь на всѣ классы общества, кромѣ духовенства и гражданъ, принадлежащихъ къ гильдіямъ. Дворяне всѣ обязаны были служить безсрочными солдатами и офицерами, кромѣ немощныхъ и командированныхъ въ гражданскую службу. Съ крестьянъ же и горожанъ производились правильные рекрутскіе наборы, которые въ началѣ шведской войны были очень часты и давали Петру громадные контингенты рекрутъ. Въ 1715 г. Сенатъ постановилъ, какъ норму для наборовъ, брать одного рекрута съ 75 дворовъ владѣльческихъ крестьянъ и холоповъ. Вѣроятно такая же приблизительно норма была и для казенныхъ крестьянъ и горожанъ. Рекруты изъ податныхъ классовъ въ войскахъ становились на одинаковомъ положеніи съ солдатами-дворянами, усваивали одинаковую военную технику, и вся масса служащаго люда составляла однородное войско, не уступавшее своими боевыми качествами лучшимъ европейскимъ войскамъ.

Результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи крайне энергичною дѣятельностью Петра, были блестящи; въ концѣ его царствованія русская регулярная армія состояла изъ 210,000 человѣкъ. Кромѣ того было около 100,000 казачьихъ войскъ. Во флотѣ числилось 48 линейныхъ кораблей, 787 галеръ и мелкихъ судовъ, и 28,000 человѣкъ.

---

4. Мѣры для развитія народнаго хозяйства.

Заботы о народномъ хозяйствѣ въ дѣятельности Петра Великаго занимали очень видное мѣсто. Присутствіе такихъ заботъ мы замѣчаемъ и въ XVII в. И предшественники Петра были озабочены поднятіемъ экономическаго благосостоянія Руси, расшатаннаго смутою XVI — XVII вв. Но до Петра не было достигнуто никакихъ результатовъ въ этомъ отношеніи. Государственные финансы, бывшіе для Московскаго правительства вѣрнымъ показателемъ народнаго благосостоянія, и до Петра и въ первое время его царствованія были въ неудовлетворительномъ положеніи. Петръ нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ изыскивать новые источники государственныхъ доходовъ. Забота о пополненіи государственной казны постояннымъ бременемъ лежала на немъ и привела Петра къ той мысли, что поднять финансы страны возможно только путемъ коренныхъ улучшеній народнаго хозяйства. Путь къ такимъ улучшеніямъ Петръ видѣлъ въ развитіи національной промышленности и торговли. Къ развитію торговли и промышленности онъ и направлялъ всю свою экономическую политику. Въ этомъ отношеніи онъ отдавалъ дань идеямъ своего вѣка, создавшимъ на Западѣ извѣстную меркантильно-покровительственную систему. Въ стремленіи Петра создать на Руси торговлю и промышленность и этимъ указать народу новый источникъ богатства— и заключалась новизна экономическихъ мѣръ Петра. До него въ XVII в. только немногія личности (Крижаничъ, Ординъ-Нащокинъ) мечтали, подъ вліяніемъ западно-европейской жизни, объ экономическихъ реформахъ на Руси. Само правительство, издавая новоторговый уставъ 1667 года, высказывало мысль о важномъ значеніи торговли въ государственной жизни. Но сознанная потребность не повела за собою почти никакихъ практическихъ мѣръ къ ея удовлетворенію до времени преобразованій.

Трудно сказать, когда именно явилась у Петра мысль о необходимосси развивать на Руси промышленно-торговую дѣятельность. Всего вѣроятнѣе, что онъ усвоилъ ее уже въ первое заграничное путешествіе. Уже въ 1699 году онъ заботился о торговомъ и промышленномъ классѣ (Бурмистер-

скія Палаты), а въ замѣчательномъ манифестѣ 1702 г., которымъ Петръ вызывалъ въ Россію иностранцевъ, ясно выражена уже идея о громадномъ значеніи въ государственной жизни торговли и промышленности. Съ теченіемъ времени Петръ все опредѣленнѣе и энергичнѣе шелъ къ поставленной цѣли, сдѣлавъ ее одною изъ главныхъ задачъ своей внутренней дѣятельности. Мы видимъ рядъ многообразныхъ мѣръ преобразователя, направленныхъ къ развитію экономической жизни. Изложеніе ихъ заняло бы слишкомъ много времени, — и мы ограничимся перечисленіемъ важнѣйшихъ изъ нихъ:

а) Петръ постоянно предпринималъ развѣдки съ цѣлью узнать лучше тѣ природныя богатства, которыми обладала Россія. При немъ было найдено много такихъ богатствъ: серебряныя и другія руды, вызвавшія развитіе горно-заводского промысла; селитра, торфъ, каменный уголь и т. д. Такъ Петръ создавалъ новые виды промышленно-торговаго труда.

б) Петръ всячески поощрялъ развитіе промышленности. Онъ вызывалъ иностранцевъ-техниковъ, ставилъ ихъ въ превосходное положеніе въ Россіи, давалъ массу льготъ съ однимъ непремѣннымъ условіемъ: учить русскихъ своему производству. Онъ посылалъ русскихъ за границу для изученія разныхъ отраслей западной промышленности. И дома, въ цехахъ, мастера должны были правильно обучать своихъ учениковъ. Пользу техническаго образованія и самой промышленности Петръ усиленно доказывалъ въ своихъ указахъ. Предпринимателямъ онъ давалъ всякія льготы, между прочимъ право владѣть землей и крестьянами. Иногда же правительство само являлось иниціаторомъ въ томъ или другомъ родѣ производства и, основавъ промышленное дѣло, сдавало его эксплоатацію частному лицу. Но, создавая льготное положеніе для промышленниковъ, Петръ надо всею промышленностью учредилъ строгій надзоръ и слѣдилъ, какъ за добросовѣстностью производства, такъ и затѣмъ, чтобы оно согласовалось въ видами правительства. Такой надзоръ нерѣдко переходилъ въ мелочную регламентацію производства (точно была опредѣлена, напримѣръ, обязательная ширина холста и суконъ) и клонился къ пользамъ промышленности. Результаты дѣятельности Петра въ отношеніи промышленности выразились въ томъ, что въ Россіи при Петрѣ основалось болѣе 200 фабрикъ и заводовъ и положено было

начало многимъ отраслямъ производства, существующимъ и въ наши дни (горное дѣло и пр.).

в) Петръ поощрялъ всѣми мѣрами русскую торговлю. Какъ въ отношенiи къ промышленности, такъ и въ отношенiи къ торговлѣ Петръ держался покровительственной системы, стремясь развить торговлю настолько, чтобы вывозъ изъ Россiи товаровъ превышалъ ввозъ ихъ въ Россiю. Какъ Петръ стремился путемъ указовъ объяснить подданнымъ пользу развитiя промысловъ, такъ старался онъ возбудить въ нихъ и торговую предпрiимчивость. По выраженiю одного изслѣдователя, при Петрѣ „престолъ часто обращался въ каѳедру", съ которой монархъ объяснялъ народу начала общественнаго прогресса. Такую же регламентацiю, какая прилагалась къ промышленному дѣлу, Петръ прилагалъ и къ дѣлу торговли. Онъ настойчиво рекомендовалъ торгующему люду составлять торговыя компанiи, на манеръ западноевропейскихъ. Построивъ Петербургъ, онъ искусственно отвлекалъ товары отъ Архангельскаго порта къ Петербургскому. Заботясь о томъ, чтобы русскiе купцы сами торговали за границей, Петръ стремился завести русскiй торговый флотъ. Не надѣясь на скорые торговые успѣхи малочисленнаго городского сословiя, представлявшагося Петру „разсыпанной храминой", Петръ привлекаетъ къ торговлѣ и прочiе классы населенiя. Онъ доказываетъ, что и дворянину можно безъ позора заниматься торговыми и промышленными дѣлами. Понимая значенiе путей сообщенiя для торговли, Петръ спѣшилъ соединить свою новую гавань Петербургъ съ центромъ государства водными путями, устроилъ (въ 1711 г.) Вышневолоцкiй каналъ, а послѣ Ладожскiй.

Однако, Петръ не дождался результатовъ своей торговой политики. Оживилась внутренняя торговля, устроились коекакiя внутреннiя торговыя компанiи, явился даже русскiй купецъ (Соловьевъ), торговавшiй въ Амстердамѣ; но въ общемъ дѣло внѣшней русской торговли не измѣнилось замѣтно, и русскiй вывозъ оставался преимущественно въ рукахъ иноземцевъ. Не было замѣтныхъ успѣховъ и въ торговлѣ съ востокомъ, которая очень занимала Петра. Однако при отсутствiи рѣзкихъ измѣненiй въ торговой жизни Руси, оживленiе торговли произошло уже на глазахъ Петра, и онъ до конца не бросалъ своихъ надеждъ.

Но, заботясь объ увеличенiи народнаго благосостоянiя, Петръ не могъ выжидать, пока улучшенiе народнаго хозяйства естественнымъ путемъ увеличитъ государственные доходы. Война требовала большихъ средствъ. Потребности государственной казны становились, такимъ образомъ, въ коллизiю съ интересами народнаго хозяйства. Петръ противъ желанiя былъ вынужденъ увеличивать доходы казны и болѣе эксплоатировать платежныя силы народа, создавая новые налоги и строже взыскивая старыя подати. Поэтому, при постоянныхъ заботахъ Петра объ увеличенiи народнаго благосостоянiя, экономическое положенiе народа очень терпѣло отъ финансовыхъ мѣръ правительства. По мнѣнiю податного народа, при Петрѣ стало тяжелѣе жить: „тягота на мiръ, рубли да полтины, да подводы". И по соображенiямъ изслѣдователей при Петрѣ подати были увеличены значительно. Къ увеличенiю податныхъ тягостей присоединились злоупотребленiя администрацiи, взимавшей подати. Хотя Петръ страшно каралъ за эти злоупотребленiя, однако совсѣмъ прекратить ихъ не могъ. Народъ отъ государственныхъ тяготъ или уходилъ въ казаки, или брелъ въ предѣлы Польши, и побѣги при Петрѣ приняли большiе размѣры.

Но государственные доходы Петру все-таки удалось значительно увеличить. Это было достигнуто путемъ увеличенiя косвенныхъ налоговъ и реформы прямой подати. Что касается до косвенныхъ налоговъ, то Петръ не только не уменьшилъ старыхъ платежей, но нашелъ еще и новые предметы обложенiя. Послѣ 1700 г. соляные промыслы, пчельники, рыбныя ловли, мельницы — стали оброчными статьями государственной казны. Система казенныхъ монополiй (напр. питейной и табачной) процвѣтала при Петрѣ и была связана съ системой откуповъ. Нуждаясь въ средствахъ, Петръ изобрѣталъ иногда странные, съ нашей точки зрѣнiя, налоги: пошлиной были обложены бороды тѣхъ лицъ, которыя не желали бриться; пошлины брали съ бань, очень высокую цѣну брали за дубовые гробы, продажа которыхъ стала казенной монополiей; раскольники должны были нести двойной податной окладъ. Такимъ образомъ, не только реальныя потребности, но и предметы нравственнаго мiра стали источникомъ казеннаго дохода. При Петрѣ была создана особенная должность „прибыльщиковъ", на обязанности ко-

торыхъ лежало наблюденіе за правильнымъ поступленіемъ въ казну доходовъ и взысканіе новыхъ предметовъ обложенія (изъ такихъ прибыльщиковъ особенно замѣтенъ Курбатовъ, впослѣдствіи бывшій Архангельскимъ вице-губернаторомъ, онъ предложилъ ввести гербовую бумагу). Въ 1710 г. у Петра явилась мысль даже объ общемъ и постоянномъ подоходномъ налогѣ, не приведенная однако въ дѣло. И безъ того косвенные налоги при Петрѣ, насколько можно судить по нѣкоторымъ извѣстіямъ, составляли большую часть доходовъ государства.

Другую половину (около 5-ти милліоновъ рублей) доставляла прямая подушная подать. Ея установленіе мы уже разсмотрѣли. Въ первую податную ревизію было записано около 6.000.000 душъ. Изъ нихъ каждый помѣщичій крестьянинъ платилъ 70 к. въ годъ, крестьянинъ государственный—114 к., горожанинъ—120 к. По разсчету (который можно произвести лишь приблизительно) подушная подать была гораздо тяжелѣе прежнихъ подворныхъ и поземельныхъ податей и давала правительству гораздо большую, сравнительно со сборами XVII в., сумму.

Благодаря своимъ финансовымъ мѣрамъ Петръ увеличилъ значительно сумму государственнаго дохода. Въ 1710 г. казна получила 3.134,000 р., а по исчисленію 1722 г. доходы возрасли до 7.859,000 р., по исчисленію же 1725 г. — до 10.186,000 р. Громадные дефициты первыхъ лѣтъ XVII в. уменьшились къ концу царствованія Петра, хотя и на склонѣ своихъ лѣтъ Петръ не переставалъ нуждаться въ деньгахъ.

Итакъ, экономическая и финансовая политика Петра привела къ различнымъ результатамъ. Руководимый мыслью улучшить обстановку и расширить сферу дѣятельности народнаго труда, Петръ былъ поставленъ въ трудное положеніе: финансовые интересы страны прямо противорѣчили экономическимъ потребностямъ населенія. Стараясь поднять экономическое благосостояніе народа, Петръ въ то же время былъ вынужденъ сильно эксплоатировать его платежную способность. Военныя и другія нужды государства требовали немедленнаго удовлетворенія, немедленныхъ и усиленныхъ сборовъ, а экономическое положеніе народа можно было поднять лишь продолжительными усиліями. Вотъ почему Петръ добился болѣе осязательнаго результата въ томъ,

что требовало скораго рѣшенія въ финансахъ; между тѣмъ какъ въ дѣлѣ экономическихъ реформъ онъ успѣлъ посѣять только сѣмена плодотворныхъ начинаній и почти не видѣлъ ихъ всходовъ; напротивъ, чувствовалъ, что его финансовыя мѣры иногда еще болѣе разстраиваютъ то самое народное хозяйство, процвѣтанія котораго онъ искренно и сильно желалъ.

При всѣхъ неудачахъ въ этой сферѣ, Петръ сдѣлалъ однако большой шагъ впередъ сравнительно со своими предшественниками: въ XVII в. только смутно чувствовали необходимость экономической реформы, и лишь немногіе люди сознавали, по какому пути она должна идти. Петръ сдѣлалъ эту реформу одной изъ главныхъ задачъ правительственной дѣятельности, ясно поставилъ вопросъ, и указалъ, гдѣ и какъ надо искать его разрѣшенія. Въ этомъ его большая заслуга.

5) Мѣры относительно церковнаго управленія

Разсмотримъ сперва тѣ мѣры Петра, которыми устанавливались отношенія церкви къ государству и общій порядокъ церковнаго управленія; затѣмъ перейдемъ къ частнымъ мѣрамъ относительно церковныхъ дѣлъ и духовенства.

а) Отношеніе церкви къ государству до Петра въ Московскомъ государствѣ не было точно опредѣлено, хотя на церковномъ соборѣ 1666—67 гг. и было принципіально признано главенство свѣтской власти и отрицалось право іерарховъ мѣшаться въ свѣтскія дѣла. Московскій государь считался верховнымъ покровителемъ церкви и принималъ активное участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Но и церковныя власти призывались къ участію въ государственномъ управленіи и вліяли на него. Борьбы церковной и свѣтской властей, знакомой западу, Русь не знала (не было ее, строго говоря, и при Никонѣ). Громадный нравственный авторитетъ Московскихъ патріарховъ не стремился замѣнить собою авторитетъ государственной власти и, если раздавался со стороны русскаго іерарха голосъ протеста (напримѣръ, митрополита Филиппа противъ Ивана IV), то онъ не сходилъ никогда съ нравственной почвы.

Петръ выросъ не подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ богословской науки и не въ такой благочестивой обстановкѣ, какъ росли его братья и сестры. Съ первыхъ же шаговъ своей сознательной жизни онъ сошелся съ „еретиками нѣмцами“ и, хотя остался православнымъ, по убѣжденіямъ, человѣкомъ, однако свободнѣе относился ко многимъ обрядностямъ, чѣмъ обыкновенные московскіе люди, и казался зараженнымъ „ересью“ въ глазахъ старозавѣтныхъ ревнителей благочестія. Можно съ увѣренностью сказать, что Петръ и отъ своей матери и отъ консервативнаго патріарха Іоакима (1690) не разъ встрѣчалъ осужденіе за свои привычки и знакомство съ еретиками. При патріархѣ Адріанѣ (1690—1700), слабомъ и несмѣломъ человѣкѣ, Петръ встрѣтилъ не болѣе сочувствія своимъ новшествамъ: вслѣдъ за Іоакимомъ и Адріанъ запрещалъ брадобритіе, а Петръ думалъ сдѣлать его обязательнымъ. При первыхъ рѣшительныхъ нововведеніяхъ Петра, всѣ протестующіе противъ нихъ, видя въ нихъ ересь, искали нравственной опоры въ авторитетѣ церкви и негодовали на Адріана, который малодушно молчалъ, по ихъ мнѣнію, тогда, когда бы слѣдовало стать за правовѣріе. Адріанъ дѣйствительно, не мѣшалъ Петру и молчалъ, но онъ не сочувствовалъ реформамъ и его молчаніе въ сущности было пассивной формой оппозиціи. И слабый по личности патріахъ становился этимъ неудобенъ для Петра, какъ центръ, объединяющее начало всѣхъ протестовъ, какъ естественный представитель не только церковнаго, но и общественнаго консерватизма. Патріархъ же, крѣпкій волею и духомъ, могъ бы явиться могучимъ противникомъ Петра, если бы сталъ на сторону консервативнаго Московскаго міровоззрѣнія, осуждавшаго на неподвижность всю общественную жизнь.

Понимая эту опасность, Петръ послѣ смерти Адріана не спѣшилъ избраніемъ новаго патріарха, а „мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола“ назначилъ Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, ученаго малоросса. Управленіе же патріаршимъ хозяйствомъ перешло въ руки особо назначенныхъ свѣтскихъ лицъ. Нѣтъ нужды предполагать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, что уже тотчасъ послѣ смерти Адріана Петръ рѣшился упразднить патріаршество. Вѣрнѣе думать, что Петръ просто не зналъ, что дѣлать съ избраніемъ па-

тріарха. Къ великорусскому духовенству Петръ относился съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, потому что много разъ убѣждался, какъ сильно не сочувствуетъ оно реформамъ. Даже лучшіе представители древней русской іерархіи, которые сумѣли понять всю національность внѣшней политики Петра и помогали ему какъ могли (Митрофаній Воронежскій, Тихонъ Казанскій, Іовъ Новгородскій),—и тѣ были противъ культурныхъ новшествъ Петра. Выбрать патріарха изъ среды великорусскихъ іерарховъ, для Петра значило создать себѣ грознаго противника. Малорусское духовенство держало себя иначе: оно само подвергалось вліянію западной культуры и науки и сочувствовало новшествамъ Петра. Но поставить малоросса патріархомъ было невозможно потому, что во время патріарха Іоакима малорусскіе богословы были скомпрометтированы въ глазахъ Московскаго общества, какъ люди съ латинскими заблужденіями; за это на нихъ было воздвигнуто даже гоненіе. Возведеніе малоросса на патріаршій престолъ повело бы, поэтому, къ общему соблазну. Въ такихъ обстоятельствахъ Петръ и рѣшилъ остаться безъ патріарха.

Установился временно такой порядокъ церковнаго управленія: во главѣ церковной администраціи стояли: мѣстоблюститель Стефанъ Яворскій и особое учрежденіе—Монастырскій Приказъ съ свѣтскими лицами во главѣ: верховнымъ авторитетомъ въ дѣлахъ религіи признавался соборъ іерарховъ: самъ Петръ, какъ и прежніе государи, былъ покровителемъ церкви и принималъ живое участіе въ ея управленіи. Это участіе Петра привело къ тому, что въ церковной жизни важную роль стали играть архіереи малороссы, прежде гонимые, несмотря на протесты и на Руси, и на православномъ Востокѣ. Петръ постоянно выдвигалъ на архіерейскія каѳедры малорусскихъ ученыхъ монаховъ. Великорусское малообразованное и враждебное реформѣ духовенство не могло явиться помощникомъ Петру, тогда какъ малороссіяне, имѣвшіе болѣе широкій умственный кругозоръ и выросшіе въ странѣ, гдѣ православіе вынуждено было къ дѣятельной борьбѣ съ католицизмомъ, воспитали въ себѣ лучшее пониманіе задачъ духовенства и привычку къ широкой дѣятельности. Въ своихъ епархіяхъ они не сидѣли сложа руки, а обращали въ православіе инородцевъ,

дѣйствовали противъ раскола, заводили школы, заботились о бытѣ и нравственности духовенства, находили время и для литературной дѣятельности. Понятно, что они болѣе отвѣчали желаніямъ преобразователя, и Петръ цѣнилъ ихъ болѣе, чѣмъ тѣхъ духовныхъ великоруссовъ, узкіе взгляды которыхъ часто становились ему на дорогѣ. Можно привести длинный рядъ именъ малороссовъ архіереевъ, занявшихъ видныя мѣста въ русской іерархіи. Но осебенно замѣчательны изъ нихъ помянутый выше—Стефанъ Яворскій, св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, и, наконецъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ—при Петрѣ—епископъ Псковскій, впослѣдствіи архіепископъ Новгородскій. Это былъ очень способный, живой и энергичный человѣкъ, склонный къ практической дѣятельности гораздо болѣе, чѣмъ къ отвлеченной наукѣ, однако все же образованный и изучившій богословскую науку не только въ Кіевской академіи, но и въ католическихъ коллегіяхъ Львова, Кракова и даже Рима. Схоластическое богословіе католическихъ школъ не повліяло на живой умъ Ѳеофана, напротивъ, поселило въ немъ непріязнь къ схоластикѣ и католичеству. Не получая удовлетворенія въ православной богословской наукѣ, тогда еще плохо разработанной, Ѳеофанъ отъ католическихъ доктринъ обратился къ изученію протестантскаго богословія и, увлекаясь имъ, усвоилъ нѣкоторыя протестантскія воззрѣнія, хотя былъ православнымъ монахомъ. Эта наклонность къ протестантскому міровоззрѣнію съ одной стороны отразилась на богословскихъ трактахъ Ѳеофана, а съ другой стороны помогла ему сблизиться съ Петромъ въ воззрѣніяхъ на реформу. Царь, воспитавшійся на протестантской культурѣ, и монахъ, закончившій свое образованіе на протестантскомъ богословіи, прекрасно поняли другъ друга. Познакомившись съ Ѳеофаномъ въ Кіевѣ, въ 1706 г., Петръ въ 1716 вызвалъ его въ Петербургъ, сдѣлалъ его своею правою рукой въ дѣлѣ церковнаго управленія, и защищалъ отъ всѣхъ нападковъ со стороны прочаго духовенства, замѣтившаго въ любимцѣ Петра протестантскій духъ. Ѳеофанъ же въ своихъ знаменитыхъ проповѣдяхъ явился истолкователемъ и апологетомъ реформъ Петра, а въ своей практической дѣятельности былъ искреннимъ и способнымъ его помощникомъ.

Ѳеофану и принадлежитъ разработка и можетъ быть даже

и инициатива новаго плана церковнаго управленія, на которомъ остановился Петръ. Болѣе двадцати лѣтъ (1700—1721) продолжался тотъ странный порядокъ, при которомъ русская церковь управлялась безъ патріарха. Наконецъ 14 февраля 1721 г. совершилось открытіе „Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода“. Эта духовная коллегія замѣнила собою навсегда патріаршую власть. Въ руководство ея былъ данъ Духовный Регламентъ, составленный Ѳеофаномъ и редактированный самимъ Петромъ. Въ Регламентѣ откровенно указывалось на несовершенство единоличнаго управленія патріарха и на политическія неудобства, проистекающія отъ преувеличиванія авторитета патріаршей власти въ дѣлахъ государственныхъ. Коллегіальная форма церковнаго управленія рекомендовалась, какъ наилучшая во всѣхъ отношеніяхъ. Составъ Сѵнода по Регламенту опредѣляется такъ: президентъ, два вице-президента, четыре совѣтника и четыре асессора (въ число ихъ входили представители чернаго и бѣлаго духоверства). Замѣтимъ, что составъ Сѵнода былъ аналогиченъ съ составомъ свѣтскихъ коллегій. Лица, состоявшія при Сѵнодѣ, были таковы же, какъ и при коллегіяхъ: представителемъ особы государя при Сѵнодѣ былъ оберъ-прокуроръ, при Сѵнодѣ было и цѣлое вѣдомство фискаловъ или инквизиторовъ. Внѣшняя организація Сѵнода была, словомъ, взята съ общаго типа организаціи коллегій.

Говоря о положеніи Сѵнода въ государствѣ, слѣдуетъ строго различать роль его въ сферѣ церкви отъ роли въ общей системѣ государственнаго управленія. Значеніе Сѵнода въ церковной жизни ясно опредѣляетъ Духовный Регламентъ, по выраженію котораго Сѵнодъ имѣетъ „силу и власть патріаршескую“. Всѣ сферы вѣдѣнія и вся полнота церковной власти патріарха присущи Сѵноду. Ему передана и епархія патріарха, бывшая подъ его личнымъ управленіемъ. Этой епархіей Сѵнодъ управлялъ черезъ особую коллегію, получившую названіе дикастеріи или консисторіи. (По образцу этой консисторіи были постепенно устроены консисторіи и въ епархіяхъ всѣхъ архіереевъ). Такъ въ церковныхъ дѣлахъ Сѵнодъ вполнѣ замѣнилъ патріарха.

Но въ сферѣ государственнаго управленія Сѵнодъ не вполнѣ наслѣдовалъ патріаршій авторитетъ. О значеніи Сѵнода въ общемъ составѣ администраціи при Петрѣ существуютъ

у насъ разнообразныя мнѣнія. Одни полагаютъ, что „Сvнодъ во всемъ былъ сравненъ съ Сенатомъ и наряду съ нимъ непосредственно подчиненъ государю“ (такого мнѣнія держится, напримѣръ, П. Знаменскій въ своемъ „Руководствѣ къ Русской Церковной Исторіи“). Другіе же думаютъ, что при Петрѣ, на практикѣ, государственное значеніе Сvнода стояло ниже значенія Сената. Хотя Сvнодъ и стремился стать независимо отъ Сената, однако послѣдній, разсматривая Сvнодъ, какъ обыкновенную коллегію по духовнымъ дѣламъ, считалъ его себѣ подчиненнымъ. Такой взглядъ Сената оправдывался общею мыслью преобразователя, положенной въ основу церковной реформы: съ учрежденіемъ Сvнода церковь становилась въ зависимость не отъ лица государя, какъ прежде, а отъ государства: управленіе ею было введено въ общій административный порядокъ, и Сенатъ, управлявшій дѣлами церкви до учрежденія Сvнода, могъ считать себя высшимъ по отношенію къ нему, какъ верховный административный органъ въ государствѣ. (Такой взглядъ высказанъ въ одной изъ статей Владимірскаго-Буданова). При отсутствіи у насъ солидныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, трудно рѣшить, какое мнѣніе справедливѣе. Ясно одно, что политическое значеніе Сvнода никогда не поднималось такъ высоко, какъ высоко стоялъ авторитетъ патріарховъ.

Такъ, учрежденіемъ Сvнода, Петръ вышелъ изъ того затрудненія, въ какомъ стоялъ много лѣтъ. Его церковно-административная реформа сохранила въ русской церкви авторитетную власть, но лишила эту власть того политическаго вліянія, съ какимъ могли дѣйствовать патріархи. Вопросъ объ отношеніи церкви и государства былъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго, и восточные іерархи признали вполнѣ законною замѣну патріарха Сvнодомъ. Но эти же восточные греческіе іерархи при царѣ Алексѣѣ уже рѣшили въ принципѣ тотъ же вопросъ и въ томъ же направленіи. Поэтому церковныя преобразованія Петра, являясь рѣзкою новинкой по своей формѣ, были построены на старомъ принципѣ, завѣщанномъ Петру Московской Русью. И здѣсь, какъ въ другихъ реформахъ Петра, мы встрѣчаемся съ непрерываемостью историческихъ традицій.

б) Что касается до частныхъ мѣропріятій по дѣламъ церкви и вѣры въ эпоху Петра, то мы можемъ лишь кратко

упомянуть о главнѣйшихъ изъ нихъ, именно: о церковномъ судѣ и землевладѣнiи, о духовенствѣ черномъ и бѣломъ, объ отношенiи правительства къ иновѣрцамъ и расколу.

Церковная юрисдикцiя была при Петрѣ очень ограничена: масса дѣлъ отъ церковныхъ судовъ отошла въ суды свѣтскiе (даже судъ о преступленiяхъ противъ вѣры и церкви не могъ быть безъ участiя свѣтской власти). Для суда надъ церковными людьми, по искамъ свѣтскихъ лицъ, былъ учрежденъ между прочимъ, въ 1701 г. Монастырскiй Приказъ съ свѣтскими судьями. Въ такомъ ограниченiи судебной функцiи духовенства можно видѣть тѣсную связь съ мѣропрiятiями Уложенiя 1649 г., въ которыхъ сказалась та же тенденцiя.

Такую же тѣсную связь съ древней Русью можно видѣть и въ мѣрахъ Петра относительно недвижимыхъ церковныхъ имуществъ. Земельныя вотчины духовенства при Петрѣ сперва подверглись строгому контролю государственной власти, затѣмъ были изъяты изъ хозяйственнаго вѣдѣнiя духовенства. Управленiе ими было передано Монастырскому Приказу, онѣ обратились какъ бы въ государственное имущество, часть доходовъ съ котораго шла на содержанiе монастырей и владыкъ. Такъ пробовалъ Петръ разрѣшить вѣковой вопросъ о земельныхъ владѣнiяхъ духовенства на Руси. На рубежѣ XV и XVI вв. право монастырей владѣть вотчинами отрицалось частью самого монашества (Нилъ Сорскiй); къ концу XVI в. само правительство обратило вниманiе на быстрое отчужденiе земель изъ рукъ служилыхъ людей въ руки духовенства и стремилось, если не вовсе прекратить, то ограничить это отчужденiе. Въ XVII в. земскiя челобитья настойчиво указывали на вредъ такого отчужденiя для государства и дворянскаго класса: государство теряло земли и повинности съ нихъ; дворяне становились безземельными. Въ 1649 г. въ Уложенiи явился, наконецъ, законъ, запрещавшiй духовенству дальнѣйшее прiобрѣтенiе земель. Но Уложенiе еще не рѣшилось возвратить государству тѣ земли, которыми владѣло духовенство.

Заботясь о поднятiи нравственности и благосостоянiя въ средѣ духовенства, Петръ съ особымъ вниманiемъ относился къ быту бѣлаго духовенства бѣднаго и малообразованнаго, „ничѣмъ отъ пахатныхъ мужиковъ неотмѣннаго,“ по выра-

женію' современника. Рядомъ указовъ Петръ старался очистить среду духовенства тѣмъ, что насильно отвлекалъ лишнихъ его членовъ къ другимъ сословіямъ и занятіямъ и преслѣдовалъ дурные его элементы (бродячее духовенство). Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ старался лучше обезпечить приходское духовенство уменьшеніемъ числа и увеличеніемъ района прихода. Нравственность духовенства онъ думалъ поднять образованіемъ и строгимъ контролемъ. Однако всѣ эти мѣры не дали большихъ результатовъ.

Къ монашеству Петръ относился не только съ меньшей заботой, но даже съ нѣкоторой враждой. Она исходила изъ того убѣжденія Петра, что монахи были одной изъ причинъ народнаго недовольства реформой и стояли въ оппозиціи. Человѣкъ съ практическимъ направленіемъ, Петръ плохо понималъ смыслъ современнаго ему монашества и думалъ, что въ монахи большинство идетъ „отъ податей и отъ лѣности, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть". Не работая, монахи, по мнѣнію Петра, „поѣдаютъ чужіе труды" и въ бездѣйствіи плодятъ ереси и суевѣрія и занимаются не своимъ дѣломъ: возбуждаютъ народъ противъ новшествъ. При такомъ взглядѣ Петра, понятно стремленіе его къ сокращенію числа монастырей и монаховъ, къ строгому контролю надъ ними и ограниченію ихъ правъ и льготъ. У монастырей были отняты ихъ поземельные доходы, число монаховъ было ограничено штатами; не только бродяжничество, но и переходъ изъ одного монастыря въ другой запрещался; личность каждаго монаха была поставлена подъ строгій контроль настоятелей: занятія въ кельяхъ письмомъ запрещены, общеніе монаховъ съ мірянами затруднено. Въ концѣ царствованія Петръ высказывалъ свой взглядъ на общественное значеніе монастырей въ „объявленіи" о монашествѣ (1724). По этому взгляду, монастыри должны имѣть назначеніе благотворительное (въ монастыри помѣщались на призрѣніе нищіе, больные, инвалиды и раненые), а кромѣ того, монастыри должны были служить къ приготовленію людей къ высшимъ духовнымъ должностямъ и для пріюта людямъ, которые склонны къ благочестивой созерцательной жизни. Всей своей дѣятельностью относительно монастырей Петръ и стремился поставить ихъ въ соотвѣтствіе съ указанными цѣлями.

Въ эпоху Петра отношеніе правительства и церкви къ

иновѣрцамъ стало мягче, чѣмъ было въ XVII в. Къ западно-европейцамъ относились съ терпимостью; но и при Петрѣ къ протестантамъ благоволили болѣе, чѣмъ къ католикамъ. Отношеніе Петра къ послѣднимъ обусловливалось не одними религіозными мотивами, но и политическими: на притѣсненія православныхъ въ Польшѣ Петръ отвѣчалъ угрозами воздвигнуть гоненіе на католиковъ. Но въ 1721 г. Сѵнодъ издалъ важное постановленіе о допущеніи браковъ православныхъ съ неправославными—и съ протестантами и католиками одинаково.

Политическими мотивами руководился отчасти Петръ и по отношенію къ русскому расколу. Пока онъ видѣлъ въ расколѣ исключительно религіозную секту, онъ относился къ нему довольно мягко: не трогая вѣрованій раскольниковъ, хотя съ 1714 г. и велѣлъ съ нихъ брать двойной подушный окладъ. Но когда онъ увидѣлъ, что религіозный консерватизмъ раскольниковъ ведетъ къ консерватизму гражданскому, и что раскольники являются рѣзкими противниками его гражданской дѣятельности, тогда Петръ измѣнилъ свое отношеніе къ расколу. Во вторую половину царствованія Петра репрессіи шли рядомъ съ вѣротерпимостью: раскольниковъ преслѣдовали какъ гражданскихъ противниковъ господствующей церкви; въ концѣ же царствованія и религіозная терпимость какъ будто-бы уменьшилась, послѣдовало ограниченіе гражданскихъ правъ всѣхъ безъ исключенія раскольниковъ, замѣшанныхъ и не замѣшанныхъ въ политическія дѣла. Въ 1722 г. раскольникамъ данъ былъ даже особый нарядъ, въ особенностяхъ котораго видна была какъ бы насмѣшка надъ расколомъ.

Отношеніе современниковъ къ дѣятельности Петра.

Мы окончили нашъ обзоръ преобразовательной дѣятельности Петра. Она касалась всѣхъ сторонъ общественной жизни и всѣхъ классовъ Московскаго общества. Поэтому люди всѣхъ направленій и положеній почувствовали одинаково реформу Петра и, задѣтые ею такъ или иначе, высказывали свое отношеніе и къ преобразованію и къ преобразователю. Отношеніе это было разнообразно. Не всѣ по-

нимали, къ чему стремился Петръ, не всѣ могли сознательно отнестись къ преобразованіямъ. Массѣ реформы казались страннымъ, ненужнымъ и непонятнымъ дѣломъ. Народъ не могъ уловить въ дѣятельности Петра исторической традиціи, какую находимъ теперь мы, и поэтому считалъ реформу не національной и приписывалъ ее личному капризу своего царя. Однако много отдѣльныхъ лицъ, не только изъ высшихъ слоевъ общества, но и изъ народной массы умѣли сочувствовать Петру вполнѣ или отчасти. Эти люди являлись дѣятельными сотрудниками государя и апологетами его преобразованій. Такъ, въ эпоху Петра образовались въ его государствѣ двѣ группы людей: противниковъ и сторонниковъ реформы. Посмотримъ на тѣхъ и другихъ.

Противниковъ реформы мы уже отмѣтили, когда говорили о первыхъ шагахъ преобразованій; въ 1698 г. стрѣлецкій розыскъ и рѣзкія нововведенія Петра, по возвращеніи изъ-за границы, сразу возбудили вниманіе народа, который былъ удивленъ и жестокостью государя, и его нѣмецкими еретическими замашками. Въ обществѣ пошли оживленные толки, о которыхъ мы знаемъ довольно изъ дѣлъ Тайнаго Приказа (Преображенскаго), занимавшагося слѣдствіями политическаго характера. Въ Москвѣ, и въ областяхъ роптали на Петра за то, что „бороды бреетъ и съ нѣмцами водится и вѣра стала нѣмецкая“. По мнѣнію многихъ. Петръ обусурманился, „ожидовился“; за близость къ нѣмцамъ и расположеніе Петра къ дѣвицѣ Монсъ, знакомой ему черезъ Лефорта, въ народѣ звали Петра „Лефортовымъ зятемъ“. Соображая „чего ждать отъ басурмана“, не удивлялись, что Петръ оказался жестокимъ въ стрѣлецкомъ розыскѣ. Однако проявленіе этой жестокости поражало народное воображеніе; даже бабы говорили между собой, что „котораго дня государь и князь Ромадановскій крови изопьютъ, того дня и тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ, и того дня имъ хлѣбъ не ѣстся“. Позже, когда съ началомъ шведской войны очень усилились подати и повинности, происходили частые рекрутскіе наборы и служба дворянъ стала тяжелѣе, это напряженіе государственныхъ силъ объясняли не политическими потребностями, а личнымъ капризомъ и жестокостью Петра. Ему желали смерти, потому что думали: „какъ бы Петра убили, такъ бы и служба минула и черни бы

легче было". Но Петръ жилъ и требовалъ отъ народа усиленнаго труда. Непривыкшіе къ такому труду съ отчаяніемъ восклицали: „Міроѣдъ, весь міръ поѣлъ. На него, кутилку, переводу нѣтъ, только переводитъ добрыя головы". Петръ казался врагомъ, „онъ дворянъ всѣхъ выволокъ на службу, крестьянъ раззорилъ съ домами", побралъ ихъ въ солдаты, а женъ ихъ „осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ". „Если онъ долго станетъ жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ"— говорили въ народѣ.

Такимъ образомъ и личность Петра и его культурные вкусы и политическая дѣятельность были не поняты массой и возбуждали неудовольствіе. Не понимая происходящаго, всѣ недовольные съ недоумѣніемъ ставили себѣ вопросъ о Петрѣ: „какой онъ царь"? и не находили сразу отвѣта. Поведеніе Петра, для массы загадочное, ничѣмъ не похожее на старый традиціонный чинъ жизни Московскихъ государей, приводило къ другому вопросу: „никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ"? многіе рѣшались утверждать о Петрѣ, что „это не государь, что нынѣ владѣетъ". Дойдя до этой страшной догадки, народная фантазія принялась усиленно работать, чтобы отвѣтить себѣ, кто же такой Петръ, или тотъ, „кто нынѣ владѣетъ"?

Уже въ первые годы XVIII в. появилось нѣсколько отвѣтовъ. Заграничная поѣздка Петра дала предлогъ къ одному отвѣту, „нѣмецкія" привычки Петра создали другой. На почвѣ религіознаго консерватизма выросъ третій отвѣтъ, столь же легендарный, какъ и первые два. Во 1-хъ, стали разсказывать, что Петръ во время поѣздки за границу былъ плѣненъ въ Швеціи и тамъ „закладенъ въ столбъ", а на Русь выпущенъ вмѣсто него царствовать нѣмчинъ, который и владѣетъ царствомъ. Варіантами къ этой легендѣ служили разсказы о томъ, что Петръ въ Швеціи не закладенъ въ столбъ, а посаженъ въ бочку и пущенъ въ море. Существовалъ разсказъ и такой, что въ бочкѣ погибъ за Петра вѣрный стрѣлецъ, а Петръ живъ, скоро вернется на Русь и прогонитъ самозванца-нѣмчина. Во 2-хъ, ходила въ народѣ легенда о томъ, будто Петръ родился отъ „нѣмки беззаконной", онъ замѣненный. „И какъ царица Наталья Кирилловна стала отходить съ сего свѣта, и въ то число говорила: ты, де, не сынъ мой, замѣненный". На чемъ основалось такое объясне-

ніе происхожденія Петра, высказывали наивно сами разсказчики легенды: „Велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что родился отъ нѣмки". Въ 3-хъ, наконецъ, въ средѣ, кажется раскольничьей, выросло убѣжденіе, что Петръ антихристъ, потому что гонитъ православіе, „разрушаетъ вѣру христіанскую". Получивъ широкое распространеніе въ темной массѣ народа, всѣ эти легенды спутывались и варіировались безъ конца и соединялись въ одно опредѣленіе Петра: „онъ не государь—латышъ: поста никакого не имѣетъ; онъ льстецъ, антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы".

Но недовольство народа не переходило въ общее открытое сопротивленіе Петру. Народъ, правда, уходилъ отъ тяжестей государственной жизни цѣлыми массами, въ казаки, въ Сибирь, даже въ Польшу. Однако обаяніе грозной личности Петра, отсутствіе самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ, наконецъ, отсутствіе единодушнаго отношенія къ Петру и реформѣ привели къ тому, что противъ реформъ Петра были лишь отдѣльныя мѣстныя вспышки. Въ 1705 г. произошелъ бунтъ въ Астрахани, не имѣвшій ни твердой организаціи, ни ясно сознанной цѣли. Бунтовщики объявили, что встали за вѣру, но не противъ Петра, а противъ бояръ, воеводъ и нѣмцевъ, утѣснителей и вѣры и народа. Передъ бунтомъ въ Астрахани ходили самые нелѣпые слухи о положеніи дѣлъ въ государствѣ: такъ, астраханцы спѣшили выдать замужъ дочерей, боясь, что будутъ присланы обязательные женихи-нѣмцы изъ Казани. Бунтъ былъ подавленъ въ 1706 г. Въ 1707 году вспыхнулъ одинъ бунтъ среди инородцевъ (башкиръ) и другой на Дону у казаковъ подъ предводительствомъ атамана Булавина. Казачье движеніе было очень серьезно и охватило обширный районъ: казаки штурмовали неудачно Азовъ и приближались къ Тамбову. Направлялось неудовольствіе казаковъ противъ той государственной опеки, которой съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе подпадали прежде вольныя казачьи общины. При Петрѣ правительственный контроль надъ казаками былъ сразу усиленъ: Петръ потребовалъ отъ нихъ всѣхъ бѣжавшихъ на Донъ въ недавніе годы возвратить обратно въ государство, кромѣ того запретилъ казакамъ заводить новыя поселенія (городки) безъ его указа. Когда же казаки не исполнили этихъ требованій, Петръ для ихъ исполненія от-

правилъ на Донъ вооруженную силу. Не знавшіе прежде такого крутого отношенія со стороны Москвы, казаки возстали противъ государства за свою отжившую вольность, но были усмирены. Булавинъ кончилъ самоубійствомъ, бунтовщики сильно поплатились, и весь Донъ былъ раззоренъ. Петръ, очень серьезно посмотрѣвшій на казачій бунтъ, не отступилъ передъ строгой репрессіей и не ослабилъ правительственнаго контроля надъ казачествомъ.

Этими явленіями и ограничился протестъ населенія противъ новшествъ Петра. Намъ этотъ протестъ, и активный и пассивный, можетъ показаться ничтожнымъ; но Петръ всю свою жизнь прожилъ подъ давленіемъ несочувствія къ нему и къ его завѣтнымъ стремленіямъ, со стороны мало-развитого общества.

Сторонники и сотрудники Петра являлись, безъ сомнѣнія, меньшинствомъ въ русскомъ обществѣ; но воспитанные въ школѣ Петра и поставленные имъ у власти, они прониклись взглядами своего воспитателя и послѣ его смерти не дали государству уклониться на путь реакціи. Стремленіе къ реакціи было сильно въ обществѣ и при Петрѣ. Послѣ него оно могло высказаться свободнѣе, могло надѣяться на успѣхъ. Побѣда надъ нимъ принадлежитъ „птенцамъ" Петра, и въ этомъ ихъ крупное историческое значеніе. Но птенцы Петра отличаются такимъ различіемъ происхожденія, характеровъ, способностей и дѣятельности, что дать ихъ общую характеристику—нѣтъ возможности. У нихъ есть, пожалуй, единственная общая черта—практическій характеръ воспитанія и дѣятельности. Поэтому ихъ можно назвать школою практическихъ дѣльцовъ, но характеризовать эту школу, по ея дѣятельности и направленію, трудно. Въ нашемъ обзорѣ мы можемъ лишь назвать виднѣйшихъ помощниковъ преобразователя.

Съ нѣкоторыми мы уже встрѣчались въ предшествующемъ изложеніи, напр., съ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ. Онъ былъ весьма низкаго происхожденія и за свои способности, изъ потѣшныхъ солдатъ, сталъ правою рукою Петра. Чрезвычайная воспріимчивость, ясность мысли, разностороннія способности—давали ему возможность понимать и исполнять лучше другихъ то, чего хотѣлъ Петръ, который одѣлилъ его большими полномочіями, и Менши-

ковъ сталъ вторымъ послѣ Петра лицомъ въ государствѣ. Онъ работалъ во всѣхъ сферахъ государственной дѣятельности и многимъ казались настолько большими значеніе Меншикова и его способности, что, по ихъ мнѣнію, дѣла стали бы, если бы не было Меншикова. Армія видѣла въ Меншиковѣ талантливаго полководца. Но любовью онъ не пользовался за свою гордость, заносчивость и лихоимство. Послѣдній порокъ привлекалъ вниманіе Петра: Меншикову не разъ грозила ссылка, не разъ государь собственноручно бивалъ его. Въ концѣ царствованія Петра Меншиковъ находился подъ формальнымъ слѣдствіемъ. Но любовь къ нему Петра и нужда, которую чувствовалъ Петръ въ его способностяхъ, заставляли держать Меншикова на высотѣ того положенія, какого онъ достигъ въ государствѣ. Спасало его и заступничество супруги Петра—Екатерины, жившей, до брака съ Петромъ, въ домѣ Меншикова.

Были и другіе замѣтные сотрудники Петра, взятые имъ изъ низшихъ слоевъ общества. Таковы, напримѣръ: оставившій по себѣ добрую память генералъ-прокуроръ Сената Ягужинскій и дипломатъ баронъ Шафировъ. Оба они были не русскіе, а только обрусѣлые люди съ довольно темнымъ происхожденіемъ. Выдвинули ихъ недюжинныя личныя способности, разбирать которыя Петръ былъ большой мастеръ. Большинство сотрудниковъ Петра достигло высокаго государственнаго положенія именно личными заслугами и талантами, а не аристократичностью происхожденія. Великій канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, генералъ-адмиралъ графъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, дипломаты Петъ Андреевичъ Толстой, Матвѣевъ, Неплюевъ, Артемій Волынскій—далеко не отличались родовитостью и вышли изъ рядовъ не „родославнаго“ дворянства XVII вѣка; ихъ роды или вовсе не играли роли до Петра, или стали замѣтны (вслѣдствіе личной выслуги) очень незадолго до Петра. Изъ людей „родословныхъ“, на высокихъ административныхъ постахъ при Петрѣ удержались представители трехъ фамилій: Борисъ Петровичъ Шереметевъ, ставшій графомъ и фельдмаршаломъ; князья Голицыны, Дмитрій Михайловичъ—сенаторъ и Михаилъ Михайловичъ—фельдмаршалъ и князья Долгорукіе, изъ которыхъ сенаторъ Яковъ Федоровичъ сталъ героемъ историческихъ преданій, какъ

образецъ высокой честности и безстрашія: онъ рѣзко противорѣчилъ иногда распоряженіямъ Петра и въ глаза Петру высказывалъ, напримѣръ, что царь Алексѣй стоялъ выше царя Петра по внутренней государственной дѣятельности. (Изъ родословныхъ лицъ необходимо еще упомянуть кн. Никиту Ивановича Рѣпнина, фельдмаршала).

Такъ разнообразенъ былъ, по своеу соціальному составу, ближайшій къ Петру кругъ его помощниковъ. И знатный и незнатный, и русскій и обрусѣлый иноплеменникъ одинаково могъ подняться до непосредственной близости къ царю-реформатору. Поднимались до такой близости и иностранцы, случайно появившіеся въ Россіи и ей чуждые; но Петръ, лаская ихъ и довѣряя имъ, не ставилъ ихъ на первыя мѣста: вездѣ надъ ними возвышался русскій человѣкъ, хотя бы и меньше иностранца знавшій дѣло. (На назначеніе Брюса президентомъ, а не только вице-президентомъ бергъ-коллегіи, указываютъ, какъ на рѣдкое исключеніе изъ этого правила). Изъ иностранцевъ, занявшихъ видное положеніе въ Россіи, слѣдуетъ назвать упомянутаго графа Брюса, отчасти ученаго, отчасти военнаго дѣятеля, отчасти и дипломата; далѣе барона Остермана, дипломата и администратора, способности котораго Петръ по справедливости ставилъ высоко, наконецъ Миниха, который явился въ Россію только въ 1721 г. и завѣдывалъ, въ качествѣ инженера, постройкой Ладожскаго канала.

Вся среда, окружавшая Петра, при разнообразіи дѣятельности отличалась, какъ мы уже замѣтили, разнообразіемъ характеровъ и взглядовъ. Въ то время, какъ одни руководились личными стремленіями и заботами исключительно о своей карьерѣ (иностранцы), другіе жили болѣе широкими интересами, имѣли опредѣленные взгяды на служебную дѣятельность (Меншиковъ и кн. Яковъ Долгорукій въ этомъ отношеніи рѣзко противоположны во взглядахъ на самую реформу, дѣятелями которой они были). Далеко не всѣ они относились одинаково къ тому, что совершалось на ихъ глазахъ и ихъ же трудами; въ то время, какъ Борисъ Шереметевъ душою преданъ былъ культурной реформѣ и, помимо настояній Петра, самъ стремился къ западно-европейскому образованію, Голицыны были поклонниками староте-

ческихъ преданій и не одобряли ни слѣпого поклоненія Западу, ни близкаго общенія съ иностранцами.

Однако авторитетъ могучаго государя, привычка къ долгому совмѣстному служебному и житейскому общенію, привычка къ новымъ формамъ государственной жизни и дѣятельности соединили всю эту разноплеменную и разнохарактерную дружину Петра въ плотный однородный кругъ практическихъ государственныхъ дѣльцовъ. Не во всемъ понимая и раздѣляя планы Петра, его дружина вела однако государство по пути реформы и послѣ смерти реформатора-государя. Если въ частностяхъ постановленія Петра и нарушались, если его предначертанія исполнялись не вполнѣ, все-же птенцы Петра не допустили торжества реакціи и обратнаго превращенія Россійской Имперіи въ Московское Государство.

Всѣ, перечисленные нами, люди дѣйствовали на широкой государственной аренѣ, стояли надъ обществомъ. Въ самомъ обществѣ, въ разныхъ его слояхъ, находились лица, преклонявшіяся передъ Петромъ и передъ его реформой; и такихъ людей было не мало. Необычайное распространеніе въ обществѣ XVIII в. диѳирамбовъ личности и дѣламъ Петра, составленныхъ современниками реформы, свидѣтельствуетъ о томъ, что сочувствіе Петру было очень сильно среди болѣе или менѣе образованныхъ русскихъ людей. У нѣкоторыхъ это сочувствіе было вполнѣ сознательно и явилось слѣдствіемъ того, что сами эти люди своимъ умственнымъ развитіемъ были обязаны тѣмъ новымъ условіямъ жизни, какія создалъ Петръ. Таковъ былъ напримѣръ, Василій Никитичъ Татищевъ администраторъ, географъ-историкъ, даже философъ, одинъ, изъ первыхъ серьезно-образованныхъ людей на Руси, теперь извѣстный болѣе по своей Исторіи Россіи и другимъ сочиненіямъ ученаго и публицистическаго характера. Таковъ былъ и зажиточный крестьянинъ подмосковнаго села Покровскаго, Иванъ Посошковъ, сперва „хромавшій раскольничьимъ недугомъ" и недовольный Петромъ, а затѣмъ поклонникъ и Петра и реформы. Въ своихъ литературныхъ трудахъ (главный—"Книга о скудости и богатствѣ") наблюдательный и умный мужикъ, съ одной стороны, является апологетомъ Петра, съ другой стороны, желающимъ по мѣрѣ силъ, помочь и правительству, и об-

ществу своимъ практическимъ совѣтомъ по разнымъ вопросамъ общественной жизни. Такія личности, какъ Татищевъ и Посошковъ, дѣйствуя въ совершенно различныхъ сферахъ общества, выполняли одно и то же назначеніе: они являлись хранителями новыхъ началъ общественной жизни, получившихъ силу съ Петромъ; они своими трудами, рѣчами и жизнью распространяли эти начала среди косной и недовѣрчивой массы и, увлекая многихъ за собой, были дѣйствительными сотрудниками Петра.

Хотя и достаточно было у Петра такихъ сотрудниковъ, однако они оставались въ меньшинствѣ передъ косною массою народа. Въ концѣ уже царствованія Цетра Посошковъ съ грустью замѣчалъ, что „видимъ мы всѣ, какъ Великій нашъ Монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору еще и самъ—десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянуть, то какъ дѣло его скоро будетъ? "Если дѣло Петра и не пропало съ кончиной его, а стало жить въ исторіи, то причина этого не въ непосредственномъ сочувствіи общества, а въ полномъ соотвѣтствіи реформы съ вѣковыми задачами и потребностями націи.

Историческое значеніе дѣятельности Петра.

Мы приступили къ изложенію эпохи преобразованій съ тѣмъ убѣжденіемъ, что эта эпоха была обусловлена всѣмъ ходомъ предшествовавшей исторической жизни. Мы ознакомились поэтому съ существенными чертами до-Петровской жизни, какъ она сложилась къ тому моменту, когда началъ свою дѣятельность Петръ. Мы изучили затѣмъ воспитаніе и обстановку дѣтства и юности Петра, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, какъ развилась личность преобразователя. И наконецъ, мы разсмотрѣли сущность реформаціонной дѣятельности Петра во всѣхъ ея направленіяхъ.

Къ какому же выводу привело насъ наше изученіе Петра? Была ли дѣятельность его дѣятельностью традиціонной, или же она была рѣзкимъ неожиданнымъ и неподготовленнымъ переворотомъ въ государственной жизни Московской Руси?

Отвѣтъ довольно ясенъ. Реформы Петра по своему суще-

ству и результатамъ не были переворотомъ; Петръ не былъ „царемъ-революціонеромъ", какъ его иногда любятъ называть.

Прежде всего, дѣятельность Петра не была переворотомъ политическимъ: во внѣшней политикѣ Петръ строго шелъ по старымъ путямъ, боролся со старыми врагами, достигъ небывалаго успѣха на западѣ, но не упразднилъ своими успѣхами старыхъ политическихъ задачъ по отношенію къ Польшѣ и къ Турціи. Онъ много сдѣлалъ для достиженія завѣтныхъ помысловъ Московской Руси, но не додѣлалъ всего. Покореніе Крыма и раздѣлы Польши при Екатеринѣ II были слѣдующимъ шагомъ впередъ, который сдѣлала наша нація, чѣмъ прямо продолжено было дѣло Петра и старой Руси. Въ политикѣ внутренней Петръ недалеко ушелъ отъ XVII вѣка. Государственное устройство осталось прежнимъ: полнота верховной власти, формулированная царемъ Алексѣемъ, въ словахъ Дѣяній Апостольскихъ, получила болѣе пространное опредѣленіе при Петрѣ въ Регламентѣ воинскомъ, въ указахъ, наконецъ, въ философскихъ трактатахъ Ѳеофана Прокоповича. Земское самоуправленіе, не имѣвшее политическаго характера и имѣвшее характеръ сословный до Петра, осталось такимъ и при Петрѣ. Надъ органами сословнаго самоуправленія, какъ и раньше, стояли учрежденія бюрократическаго характера, и хотя формы администраціи были измѣнены, общій типъ ея оставался неизмѣннымъ, какъ было и до Петра,—смѣшеніе началъ личнаго съ коллегіальнымъ, бюрократическаго съ сословнымъ.

Дѣятельность Петра не была и общественнымъ переворотомъ. Государственное положеніе сословій и ихъ взаимныя отношенія не потерпѣли существенныхъ измѣненій. Прикрѣпленіе сословій къ государственнымъ повинностямъ осталось во всей силѣ, измѣнился только порядокъ исполненія этихъ повинностей. Дворянство при Петрѣ не достигло еще права владѣнія людьми, какъ сословной привиллегіи, а владѣло крестьянскимъ трудомъ лишь на томъ основаніи, что нуждалось въ обезпеченіи за свою службу. Крестьяне не потеряли правъ гражданской личности и не считались еще полными крѣпостными. Жизнь закрѣпощала ихъ все болѣе, но, какъ мы видѣли, началось это еще до Петра,и окончилось уже послѣ него.

Въ экономической политикѣ Петра, въ ея задачахъ также

нельзя видѣть крутого переворота. Петръ ясно опредѣлилъ ту задачу, къ рѣшенію которой невѣрными шагами шли и до него—задачу поднятія производительныхъ силъ страны. Его программа развитія національной промышленности и торговли была знакома въ XVII вѣкѣ теоретически—Крижаничу, практически—Ордыну-Нащокину. Результаты, достигнутые Петромъ, не поставили народное хозяйство на новое основаніе. Главнымъ источникомъ народнаго богатства и при Петрѣ остался земледѣльческій трудъ, и Россія, имѣя послѣ Петра болѣе 200 фабрикъ и заводовъ, была все-таки земледѣльческой страной, съ очень слабымъ торговымъ и промышленнымъ развитіемъ.

И въ культурномъ отношеніи Петръ не внесъ въ русскую жизнь новыхъ откровеній. Старые культурные идеалы были тронуты до него; въ XVII вѣкѣ вопросъ о новыхъ началахъ культурной жизни сталъ рѣзко-выраженнымъ вопросомъ. Царь Алексѣй отчасти, и царь Ѳеодоръ, вполнѣ, являлись уже представителями новаго направленія. Царь Петръ въ этомъ прямой ихъ преемникъ. Но его предшественники были ученики кіевскихъ богослововъ и схоластиковъ, а Петръ былъ ученикъ западно-европейцевъ, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространеніи своихъ знаній въ народѣ, а Петръ считалъ это однимъ изъ главныхъ своихъ дѣлъ. Этимъ онъ существенно отличался отъ государей XVII вѣка. Итакъ, Петръ не былъ творцомъ культурнаго вопроса, но былъ первымъ человѣкомъ, рѣшившимся осуществить культурную реформу. Результаты его дѣятельности были велики: онъ далъ своему народу полную возможность матеріальнаго и духовнаго общенія со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Но не слѣдуетъ однако, преувеличивать этихъ результатовъ. При Петрѣ образованіе коснулось только высшихъ слоевъ общества и то слабо; народная же масса осталась при своемъ старомъ міровоззрѣніи.

Если, такимъ образомъ, дѣятельность Петра не вносила, по сравненію съ прошлымъ, ничего радикально-новаго, то почему же реформы Петра пріобрѣли у потомства и даже современниковъ Петра репутацію коренного государственнаго переворота? Почему Петръ, дѣйствовавшій традиціонно,

въ глазахъ русскаго общества сталъ монархомъ революціонеромъ?

На это есть двѣ категоріи причинъ. Одна въ отношеніи общества къ Петру, другая въ самомъ Петрѣ.

На русское общество реформы Петра рѣшительныя и широкія, произвели страшное впечатлѣніе послѣ осторожной и медлительной политики московскаго правительства. Въ обществѣ не было того сознанія исторической традиціи, какое жило въ геніальномъ Петрѣ. Близорукіе московскіе люди объясняли себѣ и внѣшнія предпріятія и внутреннія нововведенія государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частныя нововведенія они противополагали частнымъ же обычаямъ старины и выносили убѣжденіе, что Петръ безжалостно рушилъ ихъ старину. За разрушенными и введенными вновь частностями общественнаго быта они не видѣли общей сущности стараго и новаго. Общественная мысль еще не отвлекалась до сознанія основныхъ началъ русской государственной и общественной жизни и обсуждала только отдѣльные факты. Вотъ почему современникамъ Петра, присутствовавшимъ при безчисленныхъ нововведеніяхъ и крупныхъ и мелкихъ, казалось, что Петръ перевернулъ вверхъ дномъ всю старую жизнь, не оставилъ камня на камнѣ отъ стараго порядка. Видоизмѣненія стараго порядка они считали за полное его уничтоженіе.

Такому впечатлѣнію современниковъ содѣйствовалъ и самъ Петръ. Его поведеніе, вся его манера дѣйствовать показывали, что Петръ не просто видоизмѣняетъ старые порядки, но питаетъ къ нимъ страстную вражду и борется съ ними ожесточенно. Онъ и улучшалъ старину и гналъ ее и принудительно замѣнялъ новыми порядками. Это неспокойное отношеніе къ своему дѣлу, боевой характеръ дѣятельности, ненужныя жестокости, принудительность и строгость мѣропріятій—все это явилось у Петра какъ результатъ впечатлѣній его дѣтства и молодости. Выросшій среди борьбы и вражды, видѣвъ и открытые бунты, и тайную оппозицію, Петръ вступилъ на путь реформъ далеко не со спокойнымъ духомъ. Онъ ненавидѣлъ ту среду, которая отравляла его дѣтство, и тѣ темныя стороны старой жизни, которыя сдѣлали возможной эту среду. Поэтому, уничтожая и видоизмѣняя старые порядки, онъ, въ свою дѣятельность монарха

вносилъ личныя чувства пострадавшаго человѣка. Принужденный бороться за свою власть и самостоятельность, при началѣ правленія, Петръ сохранилъ боевые пріемы навсегда. Встрѣченный открытою враждою, чувствуя противъ себя и потомъ открытое противодѣйствіе въ обществѣ, Петръ все время боролся за то, во что вѣрилъ и что считалъ полезнымъ. Въ этомъ—объясненіе тѣхъ особенностей въ реформаціонной дѣятельности Петра, которыя сообщили его реформѣ черты рѣзкаго, насильственнаго переворота.

Однако по существу своему реформа эта не была переворотомъ.

С. Платоновъ.

Щербатовъ о Петрѣ Великомъ.

На князя М. М. Щербатова очень долго смотрѣли, только какъ на историка: заслугу его видѣли въ томъ, что онъ своей Исторіей Россійской далъ весьма цѣнное пособіе Карамзину, творцу Исторіи Государства Россійскаго. Самостоятельное значеніе его въ разработкѣ фактовъ и въ отысканіи смысла историческихъ явленій стали признавать недавно. Поэтому только недавно обратились къ изученію его основныхъ историческихъ взглядовъ и точекъ прѣнія, которые опредѣлили собою характеръ и содержаніе его главнаго историческаго труда. И въ этомъ отношеніи литературныя мнѣнія раздѣлились: въ то время, какъ одни видятъ въ немъ рѣшительную склонность къ старинѣ, къ московскимъ порядкамъ и, съ этой стороны, опредѣляютъ его, какъ „стародума",—другіе считаютъ его, напротивъ, приверженцемъ реформы, относившемся къ старинѣ довольно пренебрежительно.

Литературный вопросъ этотъ усложнился еще болѣе съ того времени, какъ стало выходить собраніе сочиненій Щербатова. Здѣсь сгруппированы и, отчасти, напечатаны впервые такія работы, которыя выставляютъ его уже, не какъ историка, но какъ публициста. Таковы: „Разныя разсужденія о правленіи", „Статистика въ разсужденіи Россіи", „Размышленія о ущербѣ торговли", „Разсужденія о нынѣшнемъ въ 1778 году почти повсемѣстномъ голодѣ", „Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба", „Проектъ о народномъ изученіи" и друг. Сюда же нужно отнести многочисленныя его мнѣнія и „голоса", поданные имъ по поводу различныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ Екатерининской Коммиссіи, въ которой онъ принималъ участіе, какъ депутатъ отъ Ярославскаго дворянства. Въ этихъ работахъ онъ, съ одной стороны, излагаетъ свои теоретическія воззрѣнія

на природу государства, на взаимныя отношенія власти и народа,—съ другой, занимается разнообразными практическими и, въ частности, экономическими вопросами, порождаемыми современнымъ ему состояніемъ Россіи, ея потребностями и нуждами, и предлагаетъ мѣры къ ихъ ослабленію. Но и тутъ оказывается много неяснаго; многія его замѣчанія кажутся далеко не обоснованными и даже встрѣчаются видимыя противорѣчія между отдѣльными мнѣніями, а иногда представляются совершенно неясными мотивы, заставлявшіе его высказываться такъ, а не иначе. Чтобъ разъяснить всѣ эти недоразумѣнія и примирить противорѣчія, нужно и здѣсь—такъ-же, какъ при изученіи его историческихъ взглядовъ, обратиться къ основнымъ его воззрѣніямъ, которыя должны были опредѣлить его отношеніе къ окружавшей его дѣйствительности.

Общественная жизнь, которую наблюдалъ Щербатовъ, сословный строй, государственныя учрежденія, хозяйственная организація, нравы—все это, въ той или другой степени, было произведеніемъ Петровской реформы. Поэтому только во взглядахъ Щербатова на Петра Великаго и его преобразованія, на внутреннюю необходимость и цѣнность этихъ преобразованій можно найти основаніе для правильной оцѣнки его литературной дѣятельности, какъ историка и публициста. А для изученія этихъ взглядовъ онъ самъ даетъ намъ богатый матеріалъ въ цѣломъ рядѣ статей, посвященныхъ личности и реформаторской дѣятельности Петра.

Къ личности Петра Великаго Щербатовъ относится съ большимъ уваженіемъ. Обычныя обвиненія, направленныя противъ него и указывающія, что въ государственной дѣятельности, какъ и въ частной жизни, онъ не всегда оказывался на высотѣ своего положенія, кажутся Щербатову и невѣрными, и несправедливыми. Обстоятельной критикѣ этихъ обвиненій онъ посвящаетъ особую статью: „Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго“. Здѣсь перечисляетъ Щербатовъ тѣ недостатки Петра, которые обыкновенно ставятъ ему въ вину. „Глаголятъ противники сего великаго Монарха: онъ былъ строгъ непомѣрно, любилъ казни и пролитіе крови, и, не разбирая ни роду, ни чиновъ, уподлялъ себя біеніемъ окружающихъ его; онъ сына своего

смерти предалъ". Щербатовъ приводитъ также обвиненіе, непосредственно касающееся государственной дѣятельности Петра: „онъ самовластіе до крайности распростиралъ". „Се ваши хулы!" — восклицаетъ Щербатовъ. „Разсмотримъ же непристрастнымъ окомъ всѣ сіи пороки, о коихъ не могу отречись, чтобъ много-ли, иль мало, ихъ въ немъ не было, но разсмотримъ, сообразя съ обстоятельствами времянъ, какъ въ разсужденіи тогдашняго умоначертанія Россіянъ, въ разсужденіи тогдашнихъ обстоятельствъ и нравовъ, такъ и въ разсужденіи намѣреній Петра Великаго" Изъ этихъ словъ уже становится яснымъ дальнѣйшій ходъ мыслей: оправданіе различныхъ пороковъ Петра Щербатовъ будетъ искать въ анализѣ тѣхъ обстоятельствъ и той обстановки, при которыхъ они проявились. Самый разборъ онъ ведетъ въ историческомъ порядкѣ событій и начинаетъ его съ тѣхъ грустныхъ происшествій, которыми ознаменовались первые годы царствованія Петра. Описавъ съ полнымъ безпристрастіемъ казни стрѣльцовъ, описавъ, какъ произведенъ былъ судъ, какъ въ исполненіи смертнаго приговора принималъ участіе самъ царь и, по его приказанію, знатнѣйшіе бояре, какъ тѣла казненныхъ, были брошены около оконъ келіи, гдѣ была заключена царевна Софія, Щербатовъ справедливо замѣчаетъ, что „изображеніе сіе не покажется никому лестнымъ". И тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что въ этомъ изображеніи можно найти нѣчто „похвальное и простительное". Въ заслугу Петру онъ ставитъ, прежде всего, то, что казни явились, какъ результатъ судебнаго приговора; былъ произведенъ судъ въ то время, какъ царь могъ своею властью дать просто приказаніе умертвить всѣхъ стрѣльцовъ безъ разбора. Затѣмъ, судъ былъ безпристарстный и милостивый, такъ что всѣ, кто могъ представить хотя какое нибудь оправданіе, были освобождены отъ наказанія. Гораздо труднѣе Щербатову оправдать „дѣянія самого Государя, бывшаго среди палачей, казнящаго своими руками своихъ подданныхъ и знатныхъ бояръ къ тому принуждающаго". Дѣйствительно, эта жестокость, совершенно ненужная и вредная съ точки зрѣнія самой неразборчивой политики, отъ которой предостерегаетъ даже Макіавелли, повидимому указываетъ на прирожденную душевную грубость. „Но, говоритъ Щербатовъ, какую мы жестокость ни припишемъ сему Монарху, разумъ у него

отнять не можемъ". И онъ пытается найти мотивы его жестокихъ поступковъ. Кромѣ тѣхъ, кто былъ осужденъ, Петръ, вѣроятно, подозрѣвалъ и другихъ въ участіи въ бунтѣ, но не зная точно виновниковъ, заставилъ многихъ бояръ исполнять смертный приговоръ, чтобы „подать на нихъ сумнѣніе" народу; а для того, чтобы никто не могъ жаловаться, что ему даютъ безчестное порученіе, онъ и самъ принялъ въ этомъ дѣлѣ участіе. Щербатовъ сознается самъ, что это оправданіе слабо и потому приводитъ другое, болѣе общее, но зато болѣе основательное соображеніе: „отнесемъ сіе, говоритъ онъ, къ тѣмъ суровымъ временамъ, отнесемъ къ худому воспитанію, отнесемъ ко привычкѣ къ крови, и узримъ, что то, что теперь наижесточайшій тиранъ въ Европѣ постыдится учинить, то тогда въ Россіи могло простительно казаться". Приблизительно то же самое говоритъ Щербатовъ и по поводу онтошеній Петра къ царевнѣ Софіи. „Признаемся всѣмъ, что жестокъ былъ Петръ Великій, но возложилъ отчасти сію жестокость на время, въ которое онъ родился, на обстоятельствы и на образъ, коимъ онъ воспитанъ былъ". Итакъ, Петра нужно судить по соображенію съ нравственными понятіями той эпохи и той среды, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать; многое можно оправдать, если принять въ разсчетъ также и обстоятельства, въ которыя его поставила судьба, или—вѣрнѣе—тѣ цѣли, которыя онъ самъ себѣ ставилъ, ибо обстоятельства, конечно, тогда только могутъ стѣснять человѣка, когда онъ не подчиняется имъ, а напротивъ, борется съ ними во имя тѣхъ или иныхъ идеаловъ.

Тѣми-же соображеніями оправдываетъ Щербатовъ и казнь Алексѣя Петровича. Петръ не могъ поступить иначе. Онъ видѣлъ въ сынѣ противника всѣмъ своимъ преобразованіямъ, долго старался обратить его на путь истины, но ничто не помогало. Онъ убѣдился, что сынъ его, едва только вступитъ на престолъ, разрушитъ все, надъ чѣмъ онъ работалъ, и вернется къ любезнымъ ему „древнимъ обычаямъ". Здѣсь не могло помочь ни добровольное отреченіе, ни заключеніе въ темницу; ни то, ни другое не помѣшало бы приверженцамъ старины возвести потомъ Алексѣя Петровича на царство. И Петръ рѣшился на крайнее средство,—рѣшился изъ любви къ своему отечеству. Щербатовъ видитъ здѣсь даже „примѣръ, зримый токмо нами въ Іюніи

Брутѣ, примѣръ, показующій жестокость обычая", но въ существѣ своемъ вызывающій наше удивленіе.

Точно также оправдываетъ онъ Петра Великаго и въ томъ, что онъ „уподлялъ себя біеніемъ окружающихъ его". По его мнѣнію, „сей поступокъ не въ порокъ особѣ Петра Великаго должно приписать, но въ порокъ умоначертанію тогдашняго времени". Эту же ссылку на господствовавшіе тогда нравы мы находимъ и тамъ, гдѣ Щербатовъ разсматриваетъ обвиненіе Петра въ томъ, что онъ „самъ излишнее пивалъ и другихъ паивалъ". Но онъ ищетъ оправданія, кромѣ того, въ мотивахъ политическаго характера. Петръ зналъ, что приближенные его враждуютъ постоянно другъ съ другомъ, и что многіе изъ нихъ сожалѣютъ о старыхъ обычаяхъ и къ его преобразованіямъ относятся отрицательно; принуждая ихъ пить, „мысли ихъ онъ тщился познавать и остерегаться отъ поставляемыхъ ему мрежей". „Жестокое дѣло, но по обстоятельствамъ, можетъ быть, тогдашнимъ необходимо ему было".

Переходя къ обвиненію Петра въ самовластіи, Щербатовъ находитъ, что обвиненіе это имѣетъ за себя нѣкоторыя основанія. Петръ измѣнилъ всѣ государственные и общественные порядки, заставилъ одѣваться по-новому, сбрилъ бороды, наложилъ налоги, установилъ для дворянъ пожизненную службу, посылалъ юношей, противъ ихъ воли, за-границу учиться разнымъ наукамъ и ремесламъ. Но по мнѣнію Щербатова, необходимость всѣхъ этихъ мѣръ легко объясняется съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей реформы, которыя поставилъ себѣ Петръ, такъ что „безъ оказанія самовластія", онъ совсѣмъ и не могъ бы достигнуть „до намѣряемыхъ имъ поправленій". Такъ, перемѣна одежды нужна была, чтобы уничтожить видимое отличіе русскихъ отъ иностранцевъ, въ которыхъ Петръ сильно нуждался, и которыхъ подданные его ненавидѣли. Ту же цѣль преслѣдовало бритье бородъ; оно уничтожало нелѣпое предубѣжденіе, будто не можетъ быть христіаниномъ тотъ, кто не носитъ бороды. Желаніе расширить торговлю привело его къ мысли о необходимости приблизиться къ морю; для этого ему нужно было увеличить и преобразовать войско и соорудить флотъ; то и другое требовало большихъ денежныхъ средствъ,—пришлось ввести новые налоги. Посылка молодыхъ дворянъ за

границу была, по мнѣнію Петра, лучшимъ средствомъ для поднятія образованности въ русскомъ народѣ, о просвѣщеніи котораго онъ заботился всею душою. Правда, всѣ эти мѣры онъ установилъ самъ, собственною властью, не спрашивая ни у кого совѣта. Но у кого ему было его и спрашивать? Вѣдь въ его преобразованіяхъ ему почти никто не сочувствовалъ; слѣдовательно, никто не могъ ему быть помощникомъ и въ обсужденіи всѣхъ этихъ мѣропріятій, направленныхъ къ проведенію реформы. Ему, по необходимости, приходилось слишкомъ часто прибѣгать къ власти. „Нужда его заставляла быть деспотомъ; но въ сердцѣ онъ имѣлъ расположеніе, и можно сказать, вліянное познаніе взаимственныхъ обязательствъ Государя съ подданными". Эту мысль Щербатовъ высказываетъ нѣсколько разъ, въ ней, очевидно, видитъ онъ оправданіе всѣхъ пороковъ и всего деспотическаго образа дѣйствій Петра Великаго.

Итакъ, на вопросъ, могутъ ли быть оправданы „пороки и самовластіе" Петра, слѣдуетъ, согласно Щербатову, отвѣтить такъ: они могутъ быть оправданы—постольку, поскольку объясняются обстоятельствами—т. е. всей его преобразовательной дѣятельностью. „Какъ въ каждомъ порокъ есть порокъ, то и въ семъ благодѣтелѣ Россіи онъ свойства своего не перемѣняетъ, а токмо нѣсколько заглаживается великими его дѣлами". Возникаетъ, слѣдовательно, новый вопросъ: нужна ли была эта преобразовательная дѣятельность Петра, и была ли она цѣлесообразна? Ибо если окажется, что реформа Петра не можетъ быть оправдана, то не могутъ быть также оправданы его пороки и его самовластіе. Такимъ образомъ, оба эти вопроса—отношеніе къ личности Петра и отношеніе къ его реформѣ — оказываются между собою въ самой тѣсной связи, такъ что нельзя отвѣтить на одинъ изъ нихъ, не давъ въ то же время отвѣта и на другой.

Отношеніе Щербатова къ Петровской реформѣ въ значительной степени зависитъ, какъ и у другихъ историковъ и публицистовъ, отъ того, какъ онъ относится къ допетровской старинѣ. Поэтому чрезвычайно важно отмѣтить, что къ этой старинѣ онъ относился до крайности отрицательно. Вся жизнь людей московскаго времени представлялась ему какимъ-то ужаснымъ собраніемъ всякихъ несовершенствъ и пороковъ. „Воззримъ, говоритъ онъ, на умоначертаніи и на

состояніе Россіи. Вельможи и весь народъ погруженъ былъ въ суевѣріе и всѣ другіе народы толь погаными считалъ, что за грѣхъ почиталъ съ кѣмъ неединовѣрнымъ имѣть какое сообщеніе, не токмо чтобы хотѣть что полезное для отечества отъ нихъ перенять.“ Народъ былъ лѣнивъ, грубъ, неповоротливъ; высшій классъ—бояре—держали себя особнякомъ, между собою постоянно враждовали, чему особенно способствовало мѣстничество; впослѣдствіи, правда, оно было отмѣнено, но фактически продолжало жить и оказывало губительное вліяніе на весь государственный порядокъ. Да и самый порядокъ этотъ не имѣлъ прочныхъ основъ; ибо хотя существовали различныя учрежденія—палаты и приказы,—но они „ни регламентовъ, ни порядковъ не имѣли“, всѣ дѣла рѣшались по обычаю. Законы оставались мертвою буквой, потому-что „не было никакого порядку къ приведенію во исполненіе ихъ“ *). Господствовало полнѣйшее невѣжество: даже бояре, большею частью, были неграмотны, Хуже всего, что никто и не стремился къ просвѣщенію, такъ какъ его могли дать только чужестранные народы, а къ нимъ русскіе относились съ презрѣніемъ. Не было постоянныхъ войскъ, а стрѣльцы, по выраженію Щербатова, имѣли всѣ пороки турецкихъ янычаръ, не имѣя ихъ храбрости, такъ что вовсе „не были страшны непріятелямъ, но опасны были государямъ“. Наконецъ, и въ экономическомъ отношеніи состояніе Московской Руси не было блестящимъ. Фабрикъ совсѣмъ не было, ремесла находились въ зачаточномъ состояніи. Не было и торговли—ни внутренней, ни внѣшней: внутренней не было потому, что потребности были развиты очень слабо, или, какъ говоритъ Щербатовъ, „не было довольнаго истребленія вещей, ибо каждый отъ своихъ произведеній жилъ“; внѣшняя торговля не могла развиться, такъ какъ не было портовъ.

Въ такомъ печальномъ видѣ представлялась Щербатову Россія до Петра Великаго: въ ней ничего не было, а что было, то все было худое. Но если такъ, можно ли дѣятельность Петра, направленную на всестороннее преобразованіе этой Россіи, считать ненужною или хотя-бы преждевременною? Конечно, нѣтъ. Россія, безъ помощи Петра, сама собою,

*) Сочиненія т. II. стр. 15.

не могла бы выйти никогда изъ того мрака и той бѣдности, которые ее одолѣвали. „При таковыхъ обстоятельствахъ, говоритъ Щербатовъ, возможно ли было льстить себя, яко нѣкоторые нынѣ мудрствуютъ, чтобъ Россія хотя не толь скоро, однако бы не весьма поздно и не претерпѣвъ ущерба, естли-бы Петръ Великій и не употребилъ самовластія, могла достигнуть, не токмо до такого состоянія, въ какомъ нынѣ ее зримъ, но и вящшее добротою". И при этомъ прибавляетъ: „Кто воззритъ на вышеписанное безпристрастное начертаніе, тотъ ясно увидитъ, чтобы надлежало многимъ вѣкамъ протечи прежде, нежели бы Россія могла отвергнуть свои предубѣжденія, получить надлежащее въ военныхъ дѣлахъ устройство, просвѣтиться науками и установить торговлю".

Для доказательства той мысли, что Россія только съ трудомъ могла бы самостоятельно и свободно—безъ принудительныхъ мѣропріятій Петровской реформы—выйти изъ своего печальнаго положенія и пріобщиться къ европейской культурѣ, Щербатовъ написалъ даже особую статью подъ слѣдующимъ названіемъ: „Примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла Россія сама собою, безъ самовластія Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть въ разсужденіи просвѣщенія и славы". Въ этой статьѣ, на основаніи сложныхъ и не совсѣмъ убѣдительныхъ разсчетовъ, Щербатовъ старается показать, что безъ Петра Великаго Россія достигла бы того состоянія, „въ какомъ она нынѣ есть", т. е. состоянія, современнаго Щербатову, только черезъ 200 лѣтъ послѣ открытія Академіи при Иконоспасскомъ монастырѣ т. е. въ 1892 году. Иными словами, Россія запоздала бы въ своемъ развитіи на цѣлое столѣтіе.

Какъ сказано уже, доказательство это далеко не убѣдительно; но самая мысль, которую авторъ хочетъ доказать, заслуживаетъ вниманія. Щербатовъ сравниваетъ здѣсь два состоянія Россіи: московское „суевѣріе" и европейскую образованность; онъ сравниваетъ эти состоянія, какъ будто они, дѣйствительно, составляютъ прямую противоположность другъ другу, такъ что ничего третьяго, средняго себѣ и

представить нельзя; какъ будто Россіи, дѣйствительно, предстояло одно изъ двухъ: или вѣчно пребывать въ своемъ суевѣріи или принять культуру европейскую. Онъ, повидимому, не допускаетъ даже и возможности, чтобы Россія, развиваясь самостоятельно, могла выйти изъ своего суевѣрія и придти при этомъ къ какой-нибудь иной образованности и иной культурѣ. Для него все сводится къ вопросу о времени. Ибо все равно—пошла-ли бы Россія свободно по пути развитія, или ее повели бы насильно,—ей одинаково предстояло, во-первыхъ, отказаться отъ своей культуры и, во-вторыхъ, принять культуру европейскую. Мысль эта, которая въ упомянутомъ разсужденіи все время подразумѣвается и даже составляэтъ его логическую предпосылку, основывается, очевидно, на двухъ положеніяхъ: 1) на отрицаніи за старой русской культурою всякой абсолютной цѣнности и 2) на признаніи европейской культуры единственно возможною и обязательною для всѣхъ народовъ. Эти положенія и, въ особенности, послѣднее изъ нихъ, Щербатовъ такъ же принимаетъ на вѣру, какъ и позднѣйшіе западники, которые вѣдь тоже предполагали, что европейская культура заключаетъ въ себѣ осуществленіе общечеловѣческихъ идеаловъ.

Но есть основаніе думать, что Щербатовъ не согласился бы принять эти положенія, еслибъ ему пришлось высказать ихъ съ такою опредѣленностью. Дѣло въ томъ, что онъ въ своемъ „времяисчислительномъ положеніи“ подъ состояніемъ Россіи, „въ какомъ она нынѣ есть“, разумѣетъ одну только сторону современной ему жизни, именно—образованность, просвѣщеніе; въ остальныхъ же отношеніяхъ онъ эту жизнь не только не одобрялъ, но можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ древнерусскую жизнь, считалъ собраніемъ всякихъ недостатковъ. Въ статьѣ: „Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ словъ“ онъ даетъ рѣзкую критику общественныхъ нравовъ и государственной политики своего времени. Можно сказать, что всѣ сколько-нибудь важныя событія и явленія царствованія Екатерины и, отчасти, даже всего XVIII вѣка Щербатовъ подвергъ здѣсь своему безпощадному охуленію. Правительство, по его мнѣнію, носитъ характеръ „самовластія“ (деспотіи); законы не имѣютъ никакой реальной силы; соста-

вляются они безъ прямого участія народа *) и высшей власти и потому большею частью, оказываются безполезными и даже вредными; судебныя учрежденія, по своимъ порядкамъ и личному составу, не соотвѣтствуютъ своему назначенію; войско организовано плохо; сословныя права дворянства и городскихъ обывателей противорѣчатъ общегосударственной пользѣ; высшіе сановники думаютъ только о роскоши и своемъ спокойствіи и къ благу народному относятся съ совершеннымъ равнодушіемъ... Однимъ словомъ, все, рѣшительно все заслуживаетъ порицанія. Но высказывая такое порицаніе современной ему русской жизни, Щербатовъ не могъ, конечно, не понимать, что эта жизнь тѣснѣйшимъ образомъ связана съ именемъ и дѣятельностью Петра Великаго; не могъ онъ не видѣть, что весь строй государственныхъ учрежденій и существенныя черты сословныхъ порядковъ, въ значительной степени, опредѣлялись петровскимъ законодательствомъ, а обстановка жизни, нравственный обликъ общества, поскольку въ нихъ отразился вѣкъ Екатерины, имѣли свои корни несомнѣнно въ традиціяхъ и въ духѣ той-же самой реформы. Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, написано Щербатовымъ незадолго до его смерти и, слѣдовательно, представляетъ собою какъ бы результатъ всего его жизненнаго опыта; это мысли, въ справедливости которыхъ онъ глубоко убѣжденъ. Какъ же допускалъ онъ такое явное и рѣзкое противорѣчіе въ своихъ взглядахъ, какъ уживалось въ его душѣ уваженіе къ личности и реформѣ Петра съ отрицательнымъ отношеніемъ къ тѣмъ порядкамъ, которые создались подъ непосредственнымъ вліяніемъ этой самой реформы? Вотъ въ чемъ любопытный вопросъ.

Матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы находимъ во многихъ сочиненіяхъ Щербатова но, главнымъ образомъ,— въ знаменитомъ его памфлетѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“.

Этотъ нравственно-политическій трактатъ можно разсматривать, какъ особенную часть къ упомянутому „Оправданію многихъ мыслей“; ибо если тамъ дается общая критика всей общественной жизни, то здѣсь авторъ поставилъ себѣ за-

*) По этому вопросу см. любопытныя замѣчанія о Екатерининской Коммиссіи. Т. II, стр. 254—255.

дачей изобразить исключительно нравственныя воззрѣнія и привычки современнаго ему общества. И нѣтъ надобности говорить, что къ этимъ воззрѣніямъ и привычкамъ онъ относится чрезвычайно сурово. Вотъ какъ онъ выражается: „вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны Божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи во всякихъ дѣлахъ нетоль стали стараться, объясняя дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, получить себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ, стараются проникать, какое есть его хотѣніе; другіе же, не зная и не стараяся познавать узаконенія, въ сужденіяхъ своихъ, какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія не суть безопасны отъ таковыхъ неправосудій“. Далѣе указываетъ онъ на ослабленіе семейныхъ и супружескихъ узъ, на неуваженіе къ церковному браку, на отсутствіе истинной дружбы, на недостатокъ вѣрности Государю и даже на ослабленіе любви къ своей родинѣ: „ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества“. Все это, вмѣстѣ взятое, грозитъ, по мнѣнію Щербатова, даже паденіемъ государству.

Чтобъ опредѣлить причины столь бѣдственнаго положенія, онъ обращается къ исторіи и стремится выяснить, что внесло въ общественныя нравы каждое отдѣльное царствованіе. Для насъ, однако, не важенъ его историческій методъ, а важно то, что начало паденія нравовъ онъ относитъ къ эпохѣ Петра Великаго и ставитъ въ непосредственную связь съ реформой. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ реформѣ, поскольку она касалась просвѣщенія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, онъ находитъ въ ней одинъ коренной недостатокъ, который самымъ гибельнымъ образомъ повліялъ на нравственный складъ жизни т. е. на самое существенное, чѣмъ опредѣляется достоинство и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго общества.

Описавъ, въ какой простой обстановкѣ жили московскіе цари, какіе незатѣйливые у нихъ были вкусы и потребности, какъ въ этой простотѣ имъ слѣдовалъ весь народъ, какое вліяніе на жизнь оказывало уваженіе къ роду и родовымъ преданіямъ,—Щербатовъ говоритъ: „Воззримъ же

теперь, какія перемѣны учинила въ насъ нужная, но, можетъ быть, излишняя перемѣна Петромъ Великимъ". Въ этихъ словахъ выражается истинное мнѣніе его о Петрѣ, указываются одновременно и сильныя, и слабыя стороны реформы. Перемѣна, произведенная Петромъ, была нужна для Россіи, но она была проведена недостаточно цѣлесообразно, недостаточно осторожно, и въ этомъ смыслѣ она была излишнею перемѣной; это значитъ, что она затронула и измѣнила такія стороны жизни, которыя измѣнять не слѣдовало, ибо онѣ имѣли свою нравственную цѣнность и свое культурное значеніе. Выбирая плевелы древней русской жизни, она выдергивала вмѣстѣ съ ними и пшеницу, которая этой жизни давала необходимое питаніе. Вмѣстѣ съ этимъ она открывала въ русское общество доступъ такимъ порокамъ, которыхъ оно дотолѣ или совсѣмъ не знало или знало очень мало. Это положеніе Щербатовъ доказываетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ.

Петръ Великій стремился развить въ Россіи искусства и ремесла, и въ то же время онъ заботился о томъ, чтобы смягчить нравы, старался ввести „людкость, сообщеніе и великолѣпіе". Для этого онъ устроилъ ассамблеи, вывелъ женщинъ изъ теремовъ; поощрялъ всякую роскошь, думая, что измѣненія въ условіяхъ жизни и развитіе потребностей поведутъ за собою развитіе промышленности и торговли. Но роскошь стала требовать большихъ расходовъ и привела, въ концѣ концовъ, къ раззоренію; знатные роды стали падать одинъ за другимъ. По мѣрѣ того, какъ таяли накопленныя цѣлыми поколѣніями богатства, люди стали „привязываться къ Государю и къ велможамъ", видя въ нихъ источникъ земныхъ благъ; служба Государю перестала быть службою государству и сдѣлалась службою собственной пользѣ, привязанность вѣрноподданныхъ стала привязанностью рабовъ, жертвующихъ всѣмъ для своихъ выгодъ и обманывающихъ Государя льстивымъ усердіемъ. Такимъ образомъ, говоритъ Щербатовъ, „грубость нравовъ уменшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и самствомъ (т. е. эгоизмомъ) наполнилось". „Оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, оболщеніе Государя и прочія злы, которыя днесь при дворѣ царствуютъ, и которыя въ домахъ велможей возгнѣздились", Къ тѣмъ

же послѣдствіямъ привела и установленная Петромъ табель о рангахъ. Значеніе табели было, несомнѣнно, очень большое: она открывала доступъ къ высшимъ должностямъ только для тѣхъ, кто съ успѣхомъ занималъ должности низшія. Но она имѣла свою оборотную сторону. „Каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя услуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая Государю и вельможамъ". И это понятно: вѣдь чинъ всѣхъ равняетъ, ибо даетъ всѣмъ одинаковыя права, а потому всѣ старанія направляются къ полученію чина, во что бы то ни стало; для истинной, безкорыстной службы нѣтъ больше мотивовъ. Больше же всего вреда сдѣлалъ Петръ своей борьбой съ суевѣріемъ. „Въ Россіи, говоритъ Щербатовъ, бороду образомъ Божіимъ почитали, и за грѣхъ щитали ее брить, а чрезъ сіе впадали въ ересь антропоморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе"... Петръ все это хотѣлъ уничтожить: онъ велѣлъ брить бороды, установилъ въ духовномъ регламентѣ преграду ложнымъ чудесамъ. Вредность этихъ и имъ подобныхъ мѣръ Щербатовъ доказываетъ довольно остроумнымъ психологическимъ соображеніемъ. „Когда онъ сіе учинилъ? Тогда, когда народъ еще былъ непросвѣщенъ, и тако, отнимая суевѣріи у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ Божественному закону отнималъ". Дѣятельность Петра въ этомъ направленіи можно уподобить дѣятельности садовника, отрѣзывающаго вѣтви у слабаго дерева. „Урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело: уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра. Исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому Его Закону; и нравы, за недостаткомъ другаго просвѣщенія исправляемыя вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить". Петръ Великій все подвергалъ своей безпощадной критикѣ, но при этомъ онъ упустилъ изъ виду, что всякая критика должна имѣть какое-нибудь прочное основаніе; такимъ основаніемъ для русскаго человѣка были его вѣками сложившіяся вѣрованія, а Петръ, критикуя и преслѣдуя эти вѣрованія, взамѣнъ ихъ не далъ ничего. Напротивъ, по мнѣнію Щер-

батова, онъ самъ своимъ личнымъ примѣромъ подрывалъ въ обществѣ уваженіе къ божественному закону. Щербатовъ имѣетъ въ виду его бракъ съ Екатериною. Допуская, что могли быть для этого важныя причины политическаго характера, онъ полагаетъ, однако, что ради нихъ нельзя было нарушать таинство брака, ненарушимаго въ своемъ существѣ. Этимъ церковное таинство низводилось на степень средства для достиженія измѣнчивыхъ человѣческихъ цѣлей.

Сообразно съ задачей этого сочиненія—показать постепенное паденіе нравовъ въ Россіи—Щербатовъ доказываетъ здѣсь нецѣлесообразность реформы Петра Великаго, критикуя одно только отношеніе его къ нравственнымъ и религіознымъ воззрѣніямъ народа. Но нужно думать, что онъ находилъ въ реформѣ ошибки и чисто политическаго характера. Указаніе на одну изъ такихъ ошибокъ мы встрѣчаемъ въ другомъ его сочиненіи: „Путешествіе въ землю Офирскую". Сочиненіе это представляетъ собою утопію—изображеніе идеальнаго, съ точки зрѣнія автора, строя государственной и общественной жизни, и изъ многочисленныхъ сопоставленій нетрудно убѣдиться, что подъ именемъ Офирской земли авторъ изображаетъ не что иное, какъ Россію,—но изображаетъ ее такою, какою онъ хотѣлъ бы ее видѣть. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ „Путешествіи", разсказывая исторію Офирскаго народа, говоритъ слѣдующее: „Между древними нашими великими государями былъ единый, именуемый Перега; сей нашелъ государство свое непросвѣщенное и погруженное въ варварство. Онъ первый учредилъ у насъ порядочное правленіе, онъ учредилъ познаніе наукъ и военнаго искусства. Тогда еще мы не производили торговлю съ разными народами; хотѣлъ онъ ихъ въ оную страну свою привлечь, но не имѣлъ пристанищъ (т. е. гаваней). Сего ради началъ войну съ Дысвами и, по многихъ перемѣнахъ счастія, покорилъ многія ихъ области"... Въ словахъ этихъ нетрудно, конечно, увидѣть намекъ на реформу Петра, нетрудно въ Перегѣ угадать его самого, а въ Дысвахъ—его главныхъ враговъ—Шведовъ. Поэтому и въ слѣдующихъ словахъ нетрудно узнать исторію основанія Петербурга. „Не взирая на отдаленіе сего мѣста отъ всѣхъ другихъ частей его Имперіи, на неплодоносность страны, на близость ко врагамъ нашимъ

и на трудность привозу всѣхъ вещей, оставя средоточное положеніе въ Имперіи древней своей столицы Квамо (т. е. Москвы), учредилъ здѣсь свое жилище". Новая столица скоро затмила древнюю своимъ блескомъ и величіемъ, но не замедлили оказаться и дурныя послѣдствія этого событія; изъ нихъ существенныя суть: 1) „Государи наши, бывъ отдалены отъ средоточнаго положенія своей имперіи, знаніе о внутреннихъ обстоятельствахъ оныя потеряли"; 2) Вельможи..., бывъ отдалены отъ своихъ деревень, позабыли состояніе земской жизни, а потому потеряли и познаніе, что можетъ тягостно быть народу и оный налогами стали угнетать"; 3) „Отдаленіе другихъ странъ (т. е. мѣстъ государства) чинило, что и вопль народный не доходилъ до сей столицы". Все это бѣды, конечно, не малыя. А что Щербатовъ въ этомъ мѣстѣ своей утопіи думалъ, дѣйствительно, о Россіи,—это подтверждаетъ, между прочимъ, другая его небольшая работа: „Прошеніе Москвы о забвеніи ея". Здѣсь Щербатовъ предлагаетъ Екатеринѣ снова перенести свое мѣстопребываніе въ Москву и приводитъ при этомъ доводъ, совершенно совпадающій съ указаннымъ мѣстомъ изъ „Путешествія". „Средоточное мѣстоположеніе среди Имперіи моего града, говоритъ онъ, было бы удобнымъ къ скорѣйшему дохожденію всѣхъ извѣстій до правительства, и власть Монарша, повсюду равно простираясь, нигдѣ ослаблена не была; вельможи,.. болѣе бы нутренность страны познали, и нужды бы народныя извѣстнѣе имъ были; а къ тому, бывъ ближе къ своимъ деревнямъ, своимъ собственнымъ домоводствомъ и домоводство другихъ побуждали, и изъ стеченія приватныхъ пользъ польза общественная могла бы проистечи". Очевидно, Щербатовъ, какъ и позднѣйшіе славянофилы, не могъ простить Петру основанія Петербурга. Не только съ точки зрѣнія нравственныхъ послѣдствій, но и съ точки зрѣнія политической, перенесеніе столицы на окраину государства казалось ему мѣрой нецѣлесообразной.

Таковы, въ общемъ, данныя, на основаніи которыхъ мы можемъ себѣ выяснить отношеніе Щербатова къ личности и преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Всѣ его

отдѣльныя сужденія о реформѣ могутъ быть сведены къ приведенной уже выше формулѣ, въ которой онъ называетъ реформу „нужною, но излишнею, перемѣною“. Но какъ бы онъ ни относился критически къ дѣятельности Петра, какія бы ошибки ни находилъ онъ въ его реформѣ, — горячая любовь къ Россіи, которою была одушевлена эта дѣятельность, необыкновенная духовная сила великаго преобразователя, богатыя его дарованія заставляютъ Щербатова относиться къ нему не иначе, какъ съ глубочайшимъ уваженіемъ. Вотъ почему говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „воздайте хвалу и благодареніе Петру Великому, что хотя много послѣ смерти его дѣлъ повреждали, но учиненное имъ основаніе еще побѣждаетъ своихъ враговъ и прославляетъ Россію“.

В. Вальденбергъ.

Значеніе Петра въ исторіи русской литературы.

„Чѣмъ больше историческія изслѣдованія раскрываютъ личность и дѣятельность Петра, тѣмъ больше онъ является чисто-русскимъ человѣкомъ. Это—не предатель русской народности, напротивъ, это—созданіе самой народности, искавшей выхода къ просвѣщенію и къ широкому поприщу исторіи. Его личная дѣятельность только увеличила энергію исполненія поставленныхъ задачъ, но не создала самыхъ цѣлей его стремленій: эти цѣли были раньше намѣчены исторіей“. (*Пыпинъ*).

На исторію нельзя смотрѣть, какъ на вѣчную смѣну явленій, какъ на уничтоженіе старыхъ фактовъ новыми. Борьба „стараго“ съ „новымъ“ происходитъ на поверхности исторической жизни, — оттого она легко бросается въ глаза современникамъ и историкамъ. Но не въ ней, не въ этой борьбѣ, сущность историческаго прогресса: историческая жизнь идетъ впередъ по среднему пути, примиряя въ себѣ старое съ новымъ, ничего не смѣняя одно другимъ, ни отъ чего не отказываясь. Вотъ почему хронологическія грани и великія имена, это—только условныя вѣхи, которыя ставитъ историкъ на своемъ пути и которымъ рѣшающаго значенія придавать онъ не имѣетъ права. Ими измѣряется лишь тотъ путь, который пройденъ массой во время ея медленнаго движенія впередъ. Оттого можно безъ преувеличенія сказать, что исторія дѣлается массой, толпой, что въ своемъ развитіи она лишь на время останавливается около такого историческаго „этапа“—и затѣмъ идетъ дальше, продолжая свою безымянную работу, переваривая данное, примиряя старое съ новымъ, подготовляя изъ себя путемъ

сложнаго историческаго процесса, слѣдующее явленіе... Это явленіе станетъ „новой“ вѣхой на историческомъ пути, новой отправной точкой для дальнѣйшаго стремленія по необозримымъ пространствамъ Вѣчности... Итакъ, жизнь одной эпохи переливается въ жизнь другой почти незамѣтно, конечно, если мы не будемъ останавливаться на однихъ великихъ именахъ, а возьмемъ массу. Съ такой точки зрѣнія XVIII в. русской исторіи будетъ только развитіемъ XVII-го, осложненіемъ его, съ такой точки зрѣнія и отдѣльныя литературныя направленія, явленія, окажутся вовсе не смѣной, а лишь дальнѣйшимъ усложненіемъ настроеній и формъ творчества, расширеніемъ круга сюжетовъ, подновленіемъ старыхъ мотивовъ новымъ содержаніемъ жизни.

Какую-же роль играетъ личность при такомъ пониманіи исторіи? А съ другой стороны, къ чему сведется эволюціонная теорія, если мы допустимъ въ исторіи личный произволъ, если признаемъ что исторію дѣлаютъ герои?

Въ жизни и дѣятельности всякаго человѣка надо различать элементъ закономѣрности и элементъ случайности. Изъ совокупности этихъ двухъ силъ слагается дѣятельность отдѣльнаго лица, этой совокупностью опредѣляется смыслъ всякаго историческаго явленія, выясняется сущность всего историческаго процесса,—этого органическаго синтеза безсознательныхъ и сознательныхъ усилій отдѣльныхъ лицъ. Закономѣрное и случайное входитъ во всякое крупное и мелкое событіе, въ дѣятельность всякаго лица. Въ жизни обыкновенныхъ мелкихъ людей трудно замѣтить въ ясномъ сочетаніи оба эти элемента прогресса: закономѣрность не поддается опредѣленію, — для современника почти невозможно ее уловить, для историка-же всякая мелкая единица тонетъ въ сумракѣ прошлаго, — остается масса и болѣе крупные дѣятели. И вотъ, въ жизни массъ, особенно въ жизни крупныхъ дѣятелей, выражающихъ собою эпохи, собирающихъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, долголѣтнія усилія прошлаго,—закономѣрность замѣтна и рельефна.

Случайностью въ человѣческой дѣятельности будетъ ея форма, ея частности, однимъ словомъ все то, что носитъ характеръ индивидуальности *).

---

*) Творецъ эволюціонной теоріи Дарвинъ и въ мірѣ естественномъ указалъ на явленіе идіосинкразіи, наличность той случайности, кото-

Итакъ, личности въ исторіи предоставленъ широкій просторъ: не измѣняя сущности міровыхъ законовъ развитія, тяготѣющихъ надъ всѣмъ человѣчествомъ, не будучи въ состояніи убивать или творить жизнь общества,—она, эта личность, можетъ задерживать, или ускорять вѣчно поступательное движеніе исторіи, можетъ накладывать свои индивидуальныя черты на современность. Къ этому только и сводится ея активная историческая роль.

Развивая мысль, скрытую въ словахъ академ. Пыпина: Петръ Великій былъ только завершеніемъ давнихъ стремленій; по существу, поставленныя имъ задачи и самые пути хъ исполненія не были новы; новой была только та энергія, которую онъ вложилъ въ свое дѣло"—мы безъ труда тдѣлимъ въ его великой дѣятельности старое, давно амѣченное исторіей закономѣрное—и новое, лично ему рисущее—случайное Ясно изъ этого, что случайностью ъ реформѣ Петра было все, связанное съ нимъ, какъ съ ичностью. Напримѣръ, то обстоятельство, что стремленіе къ овшествамъ въ его лицѣ соединилось съ царской властью, ъ его личными качествами: яснымъ сознаніемъ, желѣзною олею, съ его талантами административными и военными.

Всѣ эти обстоятельства обезпечили за реформой энергичое существованіе, но въ то же время положили на нее печать порывистой, рѣзкой личности Преобразователя, безпощаднаго къ старинѣ, не робѣющаго предъ будущимъ.

У насъ много ломали копій во имя Петра. Славянофилы собенно чурались его, неумѣщавшагося въ тѣхъ рамкахъ, оторыя были ими отведены для портрета „идеальнаго" рускаго типа. Этотъ типъ — образъ незлобиваго славянина, съ ечтательной, нѣсколько дряблою душою, постигшаго еван-

ая, не мѣняя общихъ законовъ развитія, придаетъ отдѣльнымъ случаямъ воеобразный, имъ лично присущій характеръ. Страстный поклонникъ волюціонизма Брюнетьеръ на этомъ явленіи строитъ свою теорію о наеніи личности въ исторіи. „Индивидуальность, говоритъ онъ, это—совоупность такихъ достоинствъ и недостатковъ, которые дѣлаютъ индивиуума единственнымъ въ своемъ родѣ; индивидуальность, вносимая какимъ нибудь человѣкомъ въ исторію есть то, что не существовало до него, не существовало-бы безъ него, но будетъ существовать послѣ него". (F. Brunetière. „L'évolution des genres dans l'hist. de la litt.", 22).

гельское непротивленіе злу, христіанское смиреніе,—живущаго, по преимуществу, внутреннею созерцательною жизнью,—образъ, ни одной чертой не напоминающій тѣхъ „хищныхъ“ героевъ, что шли на насъ съ „Запада“, изъ „Царства Антихриста“... И вдругъ герой такого же склада выходитъ изъ нѣдръ царскаго дома и ломаетъ все старое безъ пощады во имя этихъ чуждыхъ „хищныхъ“ началъ!

Было надъ чѣмъ задуматься славянофиламъ, тѣмъ болѣе, что толкованіе ими основныхъ чертъ русскаго народа, до извѣстной степени, вѣрно,—недаромъ въ герояхъ нашего новаго романа, у Пушкина, Достоевскаго, Тургенева, Толстого, встрѣтимъ мы эти черты, оставшіяся, что очень характерно, непонятными для западной публики. Но дѣло въ томъ, что, конечно, не однѣми этими чертами исчерпывается характеръ русскаго народа. Духъ критицизма жилъ въ душѣ русской съ глубокой старины. Даже въ народномъ эпосѣ имѣемъ мы героя такого типа—Ваську Буслаева, не вѣрующаго „ни въ сонъ, ни въ чохъ“... Передъ нами—Владиміръ Св., дерзнувшій поднять руку на старыхъ идоловъ, слѣдовательно, тоже своего рода esprit fort, свободный отъ суевѣрій и предразсудковъ своего времени. Передъ нами — русское разбойничество, этотъ вѣковой протестъ противъ всего міросозерцанія „третьяго Рима“. Передъ нами—Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ, протестующіе во имя обновленія и очищенія московскаго христіанства. Наконецъ, — желѣзная фигура Никона, для котораго старые порядки не имѣютъ никакой цѣны, Хворостининъ, Котошихинъ — все строгіе судьи „послѣдней Руси“... Все это образы, полные энергіи, свободы мысли и чувства... Ихъ число растетъ съ теченіемъ времени, они все проясняются, приближаясь къ намъ. Крушеніе теоріи „третьяго Рима“, Смутное время, пробужденіе „личности“ въ самосознаніи общества, вліянія запада, „новые“ люди на поприщѣ русской общественной жизни, все это медленно проясняющіеся признаки новаго времени, когда очистится больше простора для торжества новаго міросозерцанія, для побѣды протеста и критицизма въ русской жизни. Нѣсколько разъ этотъ протестъ соединялся съ властью. Но Годуновъ, напримѣръ, не смѣлъ даже возвышать голоса. Самозванецъ палъ жертвою той беззаботности, съ какою онъ выразилъ этотъ протестъ. Явился Петръ. Мы

не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что отъ участи Самозванца его спасъ XVII вѣкъ,—за это время образовался тотъ широкій кругъ людей, сочувствующихъ, или, по крайней мѣрѣ, не враждебныхъ реформѣ, который наканунѣ Петра выдвинулъ царя Алексѣя, Ордина-Нащокина, а затѣмъ—Софью и В. Голицына, съ ихъ широкой политической программой, съ ихъ міровой политикой. Благодаря такой поддержкѣ предшественниковъ и современниковъ, рискованная игра Петра была выиграна. Эта поддержка сдѣлала для Петра еопасною даже ужасную славу Самозванца и Антихри-та. Ни рѣзкости и странности поведенія царя, ни се-ейныя его неустройства, ни экономическая тяжесть его равленія,—ничто не подняло народа противъ власти, а вѣдь тотъ народъ былъ деморализованъ Смутнымъ временемъ, ятежами при первыхъ Романовыхъ, расколомъ. Народъ, равда, былъ озлобленъ, глухо волновался, но вынесъ всю еформу на своихъ плечахъ и откликнулся Ломоносовымъ, осошковымъ и многими другими, болѣе или менѣе круп-ыми именами изъ народа. Значитъ, въ теченіе XVII в. аже черная масса подготовилась къ реформѣ, которая и дѣлалась *необходимостью*,—даже *случайныя* черты реформы ашли не только оправданіе въ глазахъ народа, но даже ринесли Петру почетный титулъ „Великаго".

Обращаясь къ судьбамъ русской литературы дореформен-ой и послѣреформенной, мы увидимъ въ ней, какъ въ еркалѣ, отраженіе тѣхъ настроеній и стремленій, что при-ущи были русскому обществу до Петра и послѣ него.

Только сравненіе съ предшествующимъ можетъ уяснить астоящее значеніе всякой эпохи, а потому нелишнимъ бу-етъ сказать о Руси до Петра: Христіанство и Возро-кденіе были двумя основными моментами, своеобразно опре-ѣлившими главныя особенности цивилизаціи Европы. Въ оссіи этимъ моментамъ соотвѣтствуютъ эпохи Св. Влади-ира и Петра Великаго.

Въ нашемъ до-христіанскомъ развитіи у насъ уже на-ала было вырабатываться своя собственная народность, от-азившаяся на вѣрованьяхъ, обычаяхъ и обрядахъ. И вотъ, замѣнъ этихъ „мірскихъ пѣсенъ" и „басенъ небылыхъ" моло-

дому народу, вступающему въ жизнь въ расцвѣтѣ силъ и здоровья, Византія дала новую религію, съ ея строгими идеалами, и—образцы жизни, часто далекіе отъ идеаловъ Христа. Если языческій развратъ Византіи не былъ опасенъ молодому, чистому народу, то ея христіанская философія, выношенная многовѣковою работою человѣческой мысли, заостренная борьбой и страданіями, была чужда и непонятна. Вотъ почему это перенесеніе къ намъ итоговъ чужой жизни было первымъ опытомъ „просвѣщеннаго абсолютизма", съ ошибками котораго пришлось долго считаться русской исторіи. Культурное воздѣйствіе христіанско-языческой Византіи, правда, началось задолго до Владиміра Св., но тогда оно шло небольшими струйками и растворялось въ русской жизни, незамѣтно окрашивая ее себѣ подъ цвѣтъ,—съ эпохи же Владимира св. нахлынули могучіе потоки на всю жизнь, не только духовную, но и свѣтскую, мірскую. Несомнѣнно, ласковый Владиміръ „Красное Солнышко", повліявшій такъ сильно на народное творчество своимъ свѣтлымъ безмятежнымъ пониманіемъ жизни, не могъ быть ни аскетомъ, ни узкорелигіознымъ человѣкомъ даже и послѣ принятія христіанства. Несомнѣнно, принимая крещеніе, онъ не столько ждалъ отъ Византіи священниковъ, св. книгъ и иконъ,—сколько мечталъ о перенесеніи въ Кіевъ всей жизни Царяграда, съ его великолѣпіемъ, съ тонкостью его придворной и городской жизни. Оттого ему и понадобилась въ жены греческая княжна, родство съ императорами, оттого онъ заботился объ украшеніи Кіева корсунскими бронзовыми статуями, оттого онъ и старался, чтобы знатные вельможи русскіе обучали своихъ дѣтей,—не для священства готовилъ онъ ихъ, а для культурной жизни. Его усилія, по крайней мѣрѣ, въ его родной семьѣ, увѣнчались успѣхомъ, мы знаемъ рядъ княжескихъ поколѣній, которыя отличались образованностью, книголюбіемъ, знали многіе языки; въ Кіевѣ часто гостили иноземные послы, великокняжескія дочери считались въ то время достойными подругами западноевропейскихъ владыкъ. Слѣдовательно, Кіевъ не былъ страною дикарей,—это былъ въ свое время одинъ изъ маленькихъ культурныхъ уголковъ Европы.

Итакъ, Владиміръ своимъ обращеніемъ къ грекамъ довершилъ давно начавшееся культурное сближеніе Руси съ Визан-

тіей; этого сближенія съ болѣе высокою культурою, искалъ онъ быть можетъ, не менѣе сознательно, чѣмъ впослѣдствіи Петръ Великій... Византія воспользовалась этимъ исканіемъ и попыталась крещеніемъ поработить себѣ Русь.

Молодому народу, неискушенному жизнью, она принесла свои, непонятные ему, вѣковые интересы, свою борьбу съ западомъ, страхъ язычества, тревогу ересей, свои сомнѣнія и разочарованія. Въ результатѣ—одними все это было принято на вѣру, хотя и безъ достаточнаго сознанія—другими совсѣмъ было не понято и не принято. Вотъ почему уже со Владиміра начинается расколъ русскаго общества. Масса осталась на много вѣковъ при своей поэзіи и обрядахъ,—книжные люди откололись отъ массы и выступили съ обличительнымъ словомъ противъ царства плоти. Но если нравственная сторона христіанства оставалась долго недоступной большинству нашихъ предковъ, если мысль и духъ массы не были затронуты новой религіей, то какъ же подѣйствовала на эту массу новая религія своей эстетической стороной? Насколько завладѣла она чувствомъ нашихъ предковъ?

Здѣсь и книжникъ, и русскій простолюдинъ ближе всего подошли къ христіанству, но и то значительно позднѣе. На первыхъ же порахъ, оно лишь оторвало отъ народа группу людей, постигшихъ красоты и глубину христіанской поэзіи—таковыми были, хотя бы Илларіонъ, Кириллъ Туровскій, Климентъ Смолятичъ и нѣк. другіе. Благодаря этому создалась наша первая „интеллигенція",—въ заброшенномъ Смоленскѣ оказываются „доморощенные „философы", даже, цѣлыя „философскія школы", занимающіяся толкованіемъ св. Писанія, исканіемъ въ немъ иносказательнаго, символическаго смысла. Что касается до массы, то она осталась вдали отъ всѣхъ этихъ хитростей,—она только что стала развертывать свой эпосъ, испытывая свои юныя „замышленія" на „золотыхъ струнахъ Баяна"—и неожиданно встрѣтила враждебный отпоръ въ поэзіи церковной. Между тѣмъ, многіе литературные факты того времени прямо говорятъ намъ, что литература домонгольской Руси была на порогѣ развитія не менѣе блестящаго, чѣмъ развитіе западной литературы, что въ этомъ развитіи, несомнѣнно, преобладало бы свѣтское начало надъ церковнымъ и что личность писателя уже выдвинулась,

сказавшись и въ элегическомъ міросозерцаніи „Слова о полку Игоревѣ“, и въ юморѣ Даніила Заточника, и въ своеобразномъ паѳосѣ Илларіона, и въ самосознаніи Мономаха... Если княжескія междуусобія ослабляли культурное развитіе Кіева, внося преждевременную децентрализацію въ это развитіе, то нашествіе монголовъ, паденіе Кіева, совершенно разбили культурную жизнь Руси на двѣ половины: сѣверо-восточную и юго-западную, которыя и вели до XVII в. обособленное и несходное культурное существованіе...

Такое измѣненіе историческихъ обстоятельствъ привело къ огрубѣнію, къ одичанію русскаго общества, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ паденію творчества на нѣсколько вѣковъ. Причина этого кроется и въ томъ, что жизнь русская перенеслась на суровыя окраины Руси, въ поселки, населеніе которыхъ вслѣдствіе борьбы съ природой, вслѣдствіе общенія съ некультурными сосѣдями—финнами, не представляла почвы, благопріятной для культивированья кіевскаго наслѣдія. Къ тому же продолжавшіяся княжескія междуусобія, борьба съ монголами, установленіе политическихъ центровъ, собираніе русской земли около Москвы, а затѣмъ паденіе Константинополя и славянскихъ земель, откуда раньше постоянно шелъ притокъ свѣжихъ идей, — все это, вмѣстѣ взятое, рисуетъ условія для развитія нашей культуры самыя неблагопріятныя... Не стоитъ останавливаться долго на словесности этой печальной эпохи. Общій характеръ ея унылъ, однообразенъ, какъ угрюма и печальна была та лѣсная природа, въ которой спасались сѣверные святые: утеряна была живость красокъ, померкло, потускнѣло то яркое разнообразное творчество, которое такъ характерно для произведеній Кіевской Руси. „Личность“ въ этихъ произведеніяхъ стерта окончательно. Литературная дѣятельность ушла изъ широкихъ свѣтлыхъ чертоговъ всенароднаго творчества въ монастырскія келіи, сдѣлалась достояніемъ монаховъ и книжниковъ. Естественно, что эта дѣятельность потеряла свободный эстетическій размахъ, утратила свѣтскій характеръ, раздробилась на нѣсколько теченій, частныхъ по характеру и областныхъ по мѣстностямъ. Исторія русской лѣтописи, русскихъ житій, поученій, судьба нѣкоторыхъ заимствованныхъ памятниковъ указываютъ ясно, что эволюція продолжалась и въ это тусклое время, но лишь въ видѣ отдѣльныхъ мел-

кихъ струекъ. Тѣмъ не менѣе, во многихъ отношеніяхъ прогрессъ все-таки шелъ впередъ: складывалось политическое самосознаніе и религія завоевывала, мало-по-малу, всѣ слои русскаго общества.

Примиряя „верхи“ и „низы“ русскаго общества, она теряла ясность того идеализма, которымъ отличалась у лучшихъ людей Кіевской Руси,—но зато она отрывала простой народъ отъ чистаго язычества.

Вслѣдствіе этого, съ теченіемъ времени, расколъ русскаго общества на религіозной и умственной почвѣ уничтожался съ каждымъ днемъ, — интеллигенція и народъ сближались и мирились на томъ „двоевѣріи“, которое такъ характерно для московской Руси.

Чѣмъ болѣе проникался народъ новыми вѣрованьями, чѣмъ обильнѣе накоплялись они въ его творческой фантазіи, тѣмъ неотразимѣе чувствовалъ онъ потребность уяснить для себя эти вѣрованья и образы, представить ихъ, какъ живыя созданья. Чтобы сродниться съ новымъ міромъ христіанскихъ понятій и преданій, народъ долженъ былъ низвести ихъ до уровня своего наивнаго пониманія и способа представленій. Покойный акад. Буслаевъ совершенно справедливо указалъ, что для нашихъ предковъ „христіанская религія была не столько ученіемъ, сколько предметомъ вдохновенія и восторга. Они были столь невѣжественны, что не могли понять ученія, но, воспитанные своею миѳологіею, они были доступны религіи, которая расширяла область ихъ воображенія и давала сердцу новую пищу для благородныхъ ощущеній“. Вотъ почему народная поэзія всего скорѣе и естественнѣе могла слиться съ такъ называемыми отреченными книгами, съ сочиненіями апокрифическими, въ которыхъ христіанскія понятія и преданія перемѣшаны съ народными миѳами, съ суевѣріями. Народъ русскій со времени Владиміра Св. прислушивался къ этимъ апокрифамъ, но лишь значительно позднѣе, вѣроятно, лишь съ XV—XVI вв., сдѣлались массѣ доступными и интересными эти духовныя легенды.

Это время, какъ извѣстно, характеризуется пробужденіемъ русской мысли и чувства — оно проявляется все сильнѣе, сказывается и въ народной поэзіи, и въ искусствахъ, и въ религіи. Начинается шатаніе „стараго“ и стремленіе къ „по-

вому". Но старина еще сильна: „древнее благочестіе" стоитъ на стражѣ,—и вотъ просыпающемуся потоку молодой жизни ставятъ преграду. Индексы запрещенныхъ книгъ усердно распространяются повсюду—они должны убить апокрифъ и легенду. Образцы стараго иконописнаго искусства, собранные въ „Подлинникѣ", должны убить стремленіе къ новшеству въ иконописи. Образецъ зодчества, оффиціально признанный за истинно-христіанскій и народный, долженъ остановить развитіе русской архитектуры. Свободомысліе Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева было сломлено Іосифомъ Волоцкимъ и его учениками, — еретики наказаны. Домострой Сильвестра стремился заковать жизнь въ однообразныя формы. Четьи-Минеи подводили итоги всѣмъ богатствамъ московскаго благочестія: что было за предѣлами этихъ итоговъ, то было незаконно и отметалось. Но если иконопись и зодчество могли ощутить гнетъ запрета, то никакіе запреты не могли справиться съ вольнымъ творчествомъ народа, съ его сказкой и пѣсней, съ его повѣстью и легендой!

Корни этого новаго народнаго творчества надо искать въ популярности апокрифовъ; они вводили читателя въ интимную сторону жизни своего героя, сообщали такія подробности изъ его жизни, которыя приближали его къ дѣйствительности (дѣтство Христа, Богородицы); изъ одного намека они развивали цѣлыя сцены („плачъ и скрежетъ зубовный" развернулся въ цѣлую панораму мученій), они раскрывали душевныя состоянія своихъ героевъ, вводя читателя въ „святая святыхъ" ихъ чувствъ и помысловъ,—благодаря этому вносился психологическій анализъ въ художественную литературу. Они облекали событія той пеленой поэзіи, за которой народъ чуялъ свое родное творчество (напр., хотя-бы, апокрифы о Соломонѣ),—они, наконецъ пріучали къ свободному обращенію съ сюжетами и лицами, до тѣхъ поръ стоявшими на недосягаемой высотѣ. Благодаря всему этому апокрифы оказались той почвой, на которой помирились элементы христіанства съ элементами язычества; соединеніе ихъ дало тотъ „блестящій эпосъ", который захватилъ въ свои предѣлы и Творца, и Сатану, весь міръ ангеловъ, міръ праведниковъ, міръ человѣческій, животный и растительный...

Отъ апокрифическаго „житія" наши книжники легко переходили къ „сказанію", а затѣмъ и къ повѣсти въ духѣ

Саввы Грудцына. Отъ апокрифовъ они переходили къ духовнымъ стихамъ, а затѣмъ къ пѣснѣ о Горѣ-Злосчастьѣ. Переводныя свѣтскія повѣсти изъ „Римскихъ Дѣяній“, „Фацецій“ заставили русскаго книжника идти дальше въ своемъ творчествѣ, отказаться отъ религіознаго колорита и дать изображеніе русской дѣйствительности въ оригинальной русской повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ. Всѣ эти три теченія объединены однимъ литературнымъ направленіемъ, главная особенность котораго—стремленіе къ изображенію дѣйствительности, въ стремленіи къ „живству“. Это тяготѣніе къ реальности—лейтмотивъ всемірной литературы, общій всѣмъ вѣкамъ и эпохамъ, одинаково присущій и поэзіи, и живописи.

Особенно сильный толчокъ этому реализму дало широкое распространеніе у насъ въ XVI—XVII вв. переводныхъ свѣтскихъ повѣстей, а, наряду съ ними, развитіе русской сатиры, охватившей и монашество, и суды, и мѣстничество,—все это, вмѣстѣ взятое, помогло русскому книжнику подойти въ своемъ творчествѣ къ созданію образа Фрола Скобѣева. Этотъ герой—уже не игрушка въ рукахъ добрыхъ и злыхъ началъ: у него своя воля, свои желанія; за нихъ онъ будетъ разсчитываться самъ, не взваливая вины на дьявола, и не считая себя очень обязаннымъ небесной помощи. Названная повѣсть, несомнѣнно, возникла на русской почвѣ—вся обстановка, все міросозерцаніе, всѣ лица въ ней—самаго россійскаго пошиба. Вотъ почему это произведеніе характерно для цѣлаго періода русской литературы XV—XVII вв. Этотъ періодъ долженъ быть названъ московскимъ, такъ какъ онъ весь вышелъ изъ московской жизни, связанъ съ бытомъ Москвы и съ тѣмъ развитіемъ, которое зрѣло въ ней долго и, наконецъ свободно выразилось и въ области искусства, и въ области религіозной мысли.

Развитіе русской литературы въ этомъ періодѣ было самобытнымъ. Конечно, „самобытность“ творчества—понятіе спорное, но мы думаемъ, что отъ титула „оригинальной“ наша поэзія московскаго періода можетъ и не отказываться. Нѣтъ ни одной литературы, ни одной культуры, которая явилась-бы сама по себѣ, внѣ всякихъ чуждыхъ вліяній. Но оригинальною можетъ быть названа та, которая не подчиняется чужимъ воздѣйствіямъ, а перерабатываетъ ихъ на свой ладъ.

Руссификація сказокъ о Бовѣ, Еруланѣ ясно доказываетъ, что у насъ было уже свое художественное міровоззрѣніе, своя поэтика, свой литературный вкусъ. Пользованье чужими сюжетами не есть подчиненіе,—порабощеніе чужому начинается тогда, когда берется чужое освѣщеніе, чужія краски, чужое пониманіе. Этого въ творчествѣ Московской Руси не было: рыцарскихъ повѣстей оно осталось почти чуждымъ, но широко воспользовалось повѣстью жанровой, къ которой подходило уже само по себѣ. Ясно, что эволюція нашей литературы имѣла возможность свободно развертываться и далѣе: шло проясненіе личности, усложнялись литературные пріемы и явно выражалось стремленіе къ реальности. Это самобытное развитіе *должно было*, въ концѣ концовъ, создать къ XVIII в. русскаго романиста въ духѣ Боккачіо, лирика въ духѣ Кольцова!

Московскій періодъ цѣненъ еще и потому, что онъ доказалъ, насколько могуча была внутренняя сила русскаго генія. Наше Возрожденіе по времени почти совпало съ Возрожденіемъ З. Европы. Но тамъ живы были воспоминанія античной культуры—и потому освобожденіе народной мысли и чувства сразу были увлечены вѣковыми образцами литературы и искусства. Немудрено, что тамъ возрожденіе глубоко затронуло народный геній, создавъ длинный рядъ великихъ дѣятелей. У насъ не было крупныхъ культурныхъ традицій, не было литературныхъ воспоминаній, чужія вліянія доходили слабо и къ тому-же сильно запаздывая. И, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, мы въ XVII в. успѣли создать свою народную повѣсть, свою сатиру и глубокую по настроеніямъ лирику. Это русское творчество оказалось сильнѣе чуждыхъ литературныхъ воздѣйствій, нахлынувшихъ на насъ въ XVIII в. Въ теченіе всего этого вѣка не вымираетъ литературное потомство Фрола Скобѣева, не смолкаетъ русская народная лирика. Ко второй половинѣ вѣка начинается ясное сближеніе поэзіи „парнасцевъ" въ этой безхитростной, и самобытной поэзіей, которая шла отъ древней Руси и прожила первую половину XVIII в., глубоко скрытая, подъ нѣсколькими слоями чуждыхъ вліяній.

Эти вліянія начались послѣ сближенія Москвы съ юго-западной Русью.

Какъ извѣстно, юго-западная Русь пережила совсѣмъ иную судьбу сравнительно съ сѣверо-восточной: Москва въ

силу своего географическаго положенія могла замкнуться въ себѣ и заняться перевариваньемъ накопленнаго вѣками византійскаго матеріала. Москва долго могла выбирать изъ западныхъ вліяній тѣ, которыя ей были нужны, остальныя могла отбрасывать—юго-западная Русь испытывала съ запада натискъ на всѣ стороны своей жизни,—немудрено, что она цѣликомъ подчинилась въ культурномъ отношеніи своей сосѣдкѣ—Польшѣ.

Мы видѣли въ великорусской литературѣ довольно ясный ходъ развитія повѣсти; хотя здѣсь не обошлось безъ иноземныхъ вліяній, тѣмъ не менѣе, результатъ получился все-таки съ ярко - русской окраской. Правда, эта эволюція все-таки остановилась на безличномъ творчествѣ: лучшія повѣсти не знаютъ еще автора.

Лирики искусственной совершенно не существовало,—хотя пѣсни, записанныя Джемсомъ, позволяютъ думать, что и въ народной лирикѣ начинала пробуждаться личность, хотя разбойничья пѣсня XVII в., и выставила мотивы, глубокіе по чувству и идеѣ,—но всетаки и здѣсь развитіе не дошло до личнаго творчества.

Не то на юго-западѣ: тамъ книжная повѣсть почти отсутствуетъ— зато успѣшно культивируется лирика и драма. Оба жанра являются зашедшими извнѣ: они ложатся тяжело на народное творчество,—подъ ихъ давленіемъ лирика народной пѣсни отступаетъ на второй планъ, или теряетъ національный характеръ, приспособляясь къ книгѣ и литературнымъ вкусамъ.

Правда, и въ исторіи юго-западной лирики, и въ исторіи драмы передъ нами на лицо всѣ характерныя „необходимости“ литературной эволюціи: духовное содержаніе мистеріи смѣняется, мало-по-малу, свѣтскимъ, служеніе Богу уступаетъ мѣсто стремленіямъ чисто - художественнымъ, (юго-зап. проповѣдь),—дѣйствительность, реальность вступаютъ въ свои права, въ концѣ вѣка даже лирикой овладѣваютъ свѣтскіе мотивы. Сперва „безличная“ драма и лирика выдвигаютъ подъ конецъ рядъ личныхъ поэтовъ и драматурговъ; наконецъ, и формы поэзіи, несомнѣнно, усложняются, комбинируются, сообразно содержанію. И всетаки, говорить о „самобытности“ этой литературы не приходится: культура Малой Россіи слишкомъ была тогда неразрывна съ

польской, постоянно ею питалась даже въ такихъ мелочахъ, какъ въ народныхъ забавахъ, вродѣ вертепныхъ представленій.

Тѣмъ не менѣе, значеніе малороссійской литературы велико: подъ давленіемъ запада она раньше московской выдвинула личное творчество, заимствовала новыя искусственныя формы и литературные виды, а, главное, переваривъ взятое извнѣ, приспособила чужое къ московской литературной жизни. Въ такомъ переваренномъ видѣ это „чужое" легко было усвоено Москвой, уже подготовленной предыдущимъ развитіемъ къ реформѣ поэтическаго творчества.

Москва XVII-го вѣка представляетъ любопытное зрѣлище: московскому самомнѣнію XV—XVI в. пришелъ конецъ. Москва—„третій Римъ", царь московскій, осѣненный двуглавымъ орломъ византійскаго императора, наслѣдникъ Царьграда и римской имперіи, московское благочестіе — единственный въ мірѣ стражъ христіанской вѣры — одинокій свѣточъ, сіяющій во мракѣ невѣрія — все это отошло съ XVI в... Помимо вліяній извнѣ, случайныхъ и малозначительныхъ, въ самой Москвѣ съ каждымъ днемъ росли новыя культурныя потребности, новыя стремленія и пониманія. Іоаннъ Грозный, доказывающій иноземцамъ, что онъ „нѣмецъ" по происхожденію, царь - врагъ боярства, окружающій себя „случайными людьми, подготовлялъ это торжество „новыхъ" людей въ Смутное время. Годуновъ и Шуйскій — „избранники народа" уже не были тѣми вотчинными хозяевами на московскомъ престолѣ, какими были цари Рюриковичи, они не были уже хозяевами, были „слугами народа", тѣми „урядниками" (т. е. владыками, ограниченными условіями или волею народа), которыхъ такъ презиралъ Грозный. Случайный самозванецъ совсѣмъ не былъ связанъ никакими московскими традиціями. Съ Грознаго началось разложеніе стараго московскаго пониманія царской власти; съ стригольниковъ и жидовствующихъ, съ Нила Сорскаго и Вассіана, съ его единомышленниками, поколебалось „московское благочестіе". Временное торжество въ XVI в. царской власти и церкви, заключившихъ союзъ между собою, продолжалось недолго,—это торжество было послѣдней вспышкой старыхъ традицій... XVII

вѣкъ докончилъ давно подготовлявшееся дѣло разрушенія стараго... И вотъ, отъ гордаго признанія своего первенства среди народовъ всего міра, московскимъ людямъ пришлось перейти къ сознанію, что старая Русь не образецъ, что съ ней разсчеты покончены—идетъ Русь новая съ, инымъ пониманіемъ жизни, съ иными вкусами, иными людьми. Эта Русь уже не въ силахъ была презрительно относиться ко всему міру,—она сознались, что ей надо учиться, исправить промахи прошлаго, заполнить пробѣлы своей жизни чѣмъ то новымъ. Это исправленіе—съ одной стороны, и пополненіе, съ другой, сдѣлались задачами всей культурной жизни русскаго общества вплоть до XVIII в.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, пересмотръ многихъ сторонъ религіозной и общественной жизни, — вотъ, куда шла русская реформа, исправлявшая Русь. Устройство школы въ западномъ духѣ, обогащеніе русской письменности переводами иностранныхъ сочиненій, введеніе западныхъ формъ жизни, западныхъ развлеченій и западныхъ наукъ,—вотъ, куда шла реформа, пополнявшая Русь...

Юго-западные ученые были тогда настоящими культуртрегерами въ Москвѣ. Подъ ихъ просвѣщеннымъ воздѣйствіемъ расцвѣла въ Москвѣ новая лирика, драма. Если мы припомнимъ, что цвѣла своя московская повѣсть, развивалась народная пѣсня,—если мы прибавимъ, что уже на московской почвѣ началось скрещеніе искусственной лирики съ народной,—и получилась любовная пѣсня, полуискусственная по формѣ, искренняя по содержанію,—мы признаемъ, что Москва наканунѣ Петра жила полной литературной жизнью, въ которой были въ наличности всѣ задатки дальнѣйшаго литературнаго развитія.

Не говоря о многочисленныхъ драматическихъ и беллетристическихъ произведеніяхъ, появившихся въ это время въ Москвѣ, укажемъ, что много было переведено иностранныхъ сочиненій по географіи, космографіи, по исторіи, по военному искусству, астрономіи и астрологіи; переведены были руководства по охотѣ, коннозаводству, по математикѣ, естествознанію, медицинѣ, педагогикѣ, по тайнымъ наукамъ; много переведено было сборниковъ изреченій, правоучительныхъ и философскихъ. Это разнообразіе переведенныхъ

сочиненій ясно говоритъ намъ о томъ, какъ расширились духовныя потребности русскаго человѣка. Изъ духовныхъ сочиненій переведены были нѣкоторыя произведенія Августина, Ѳомы Кемпійскаго, папы Иннокентія III, Беллермина:— всѣ эти имена католическихъ архипастырей указываютъ, что теперь Москва стала отрѣшаться отъ своей вражды ко всему иновѣрному. Все—это великія знаменія времени.

Изъ беллетристическихъ сочиненій особенно посчастливилось въ эту пору романамъ и повѣстямъ. Если повѣсти, носившія сказочный характеръ и дошедшія до насъ послѣ ряда измѣненій подъ вліяніемъ вульгаризаціи, совершившейся еще внѣ Россіи (сказки объ Еруланѣ и Бовѣ), вносили мало новаго въ русскую жизнь въ смыслѣ обогащенія ея содержаніямъ, то теперь, въ концѣ вѣка, появляются переводы авантюрныхъ рыцарскихъ романовъ, которые вводили русскаго читателя въ особый міръ новыхъ идеаловъ: во многихъ знакомился онъ съ сентиментальными героями, вѣрными до гроба, преклоняющимися передъ своими дамами сердца... Во многихъ встрѣчалъ ясную вѣру въ торжество добродѣтели и наказаніе порока. Свѣтскій элементъ въ этихъ повѣстяхъ и романахъ дѣлается исключительнымъ. Рядомъ съ этой „идеалистической" литературой, шла и „реалистическая", въ которой дѣйствующими лицами были разные ловкіе проходимцы, а любовники не ограничивались одними платоническими вздохами. Тѣмъ не менѣе, значеніе и этой литературы было во всѣхъ отношеніяхъ велико; „идеалистическая" вносила въ міровоззрѣніе русскихъ людей новыя точки зрѣнія на отношенія къ женщинѣ, къ жизни, къ обязанностямъ,— „реалистическая" заставляла воображеніе читателя изъ неопредѣленныхъ горизонтовъ сказки спускаться въ тѣсные предѣлы каждодневной жизни. Мысли и чувство русскаго любителя романовъ, такимъ образомъ, приближались къ дѣйствительнымъ жизненнымъ отношеніямъ.

Уступая интересамъ времени, „житія" XVII в. обращаются въ „сказанія" и „повѣсти", съ яркимъ реалистическимъ характеромъ, съ явнымъ субъективизмомъ въ освѣщеніи фактовъ. Исторіографія подошла къ такимъ-же результатамъ: передъ нами рядъ повѣстей, въ которыхъ встрѣчаемъ мы характеристики дѣйствующихъ лицъ, встрѣчаемъ попытки заглянуть въ душу героя; свѣтскій характеръ раз-

сказа и субъективизмъ окраски отличаютъ и эти повѣсти, и хронографы XVII в. отъ старой лѣтописи. Конечно, и интересы читателя тоже мѣняются: теперь въ хронографъ вводятся подробности этнографическія, географическія, сообщаются данныя о реформаціи, объ открытіи Америки,—все это указываетъ, что русскій человѣкъ XVII в. по ширинѣ кругозора, по пытливости и развитію далеко оставилъ за собою москвитянина, боявшагося „мнѣнія", чуравшагося книги, не шедшаго дальше „буквъ" Закона Божія!

Итакъ, съ какимъ литературнымъ багажомъ вошли русскіе люди въ XVIII вѣкъ?

Прежде всего, передъ нами, болѣе или менѣе, самобытно развившаяся повѣсть, съ яркимъ реалистическимъ характеромъ, съ психологическими интересами, съ той детальностью рисунка, которая свойственна манерѣ письма новаго времени; личность автора мало-по-малу, проясняется, и въ слабыхъ попыткахъ первыхъ лирическихъ опытовъ, и въ народной поэзіи, и въ исторіографіи; введены въ обращеніе русской литературы новые жанры: искусственная лирика, драма и романъ; уже на русской почвѣ и лирика, и драма развиваются въ дѣятельности Симеона Полоцкаго, опять-таки въ смыслѣ приближенія къ дѣйствительной жизни; въ передовомъ обществѣ литература освободилась отъ служенія церкви: она—свободное искусство; въ обществѣ, враждебномъ реформѣ, наоборотъ, она оказывается еще сильнѣе скованной узами служенія церкви (раскольничья письменность). Такимъ образомъ, у однихъ расширился кругозоръ знакомствомъ съ западомъ, со свѣтскими знаніями, всеобщей исторіей, географіей, — другіе упорно замкнулись въ свои скиты, заброшенные въ лѣсахъ и болотахъ сѣверной Россіи; религія у однихъ смѣнилась индифферентизмомъ, или тяготѣніямъ къ протестантизму,—у другихъ окрасилась такимъ тупымъ стародумствомъ, какимъ не отличалась даже сама Московская Русь. Политическое міровоззрѣніе двоилось теперь между двумя различными пониманіями царской власти — между туманной вѣрой въ спасительность „просвѣщеннаго абсолютизма" и мечтами о міровой политикѣ—у однихъ—и проклятьемъ государству, какъ царству Антихриста—у другихъ. Такимъ образомъ, въ XVII в. произошелъ *вторичный* разрывъ русскаго общества, *опять* подъ вліяніемъ нахлынувшихъ извнѣ вліяній. Конечно,

мы говоримъ о крайнихъ концахъ русскаго общества: масса находилось въ выжидательномъ положеніи,—XVIII в. склонилъ ее на сторону реформы.

То же было и съ литературой. Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ, о Горѣ-Злосчастьѣ, о Саввѣ Грудцынѣ были общенародными произведеніями, одинаково доступными и интересными, какъ боярину, такъ и мужику. Не такъ обстояло дѣло съ литературой, цѣликомъ занесенной извнѣ (драма, силлабическая лирика): она была доступна „избранникамъ“, тѣмъ „передовымъ“ людямъ, которые оторвались отъ народа, окружили себя иностранной обстановкой, культивировали свои чувства и мысли въ тепличной атмосферѣ запада. Немудрено, что уже до Петра совершился расколъ русскаго общества не только въ религіозномъ, но и въ общественномъ и художественномъ міросозерцаніи. Народъ остался со своими сказками, былинами и пѣснями — интеллегенція увлеклась „новымъ“ искусствомъ. При такомъ разрывѣ долго немыслимымъ было существованіе и развитіе національной литературы, цѣльной и самобытной...

Этому разладу способствовалъ у насъ, какъ и въ западной Европѣ литературный классицизмъ. Онъ занесенъ былъ къ намъ въ Кіевъ подъ вліяніемъ „золотого вѣка“ польской литературы, когда Польша, уступая воздѣйствіямъ новой западно-европейской жизни, поработилась Скалигеру, Ронсару, и другимъ теоретикамъ, поэтамъ и драматургамъ Франціи. Подражанія Горацію, Сенекѣ, увлеченіе латинскимъ языкомъ и античной миѳологіей,—были первыми плодами этого польскаго реннессанса. Іезуиты положили предѣлъ этому исключительному увлеченію классицизмомъ, хотя не смогли окончательно стереть слѣдовъ этого недавняго увлеченія,—въ результатѣ, у многихъ писателей послѣдующей эпохи получилось странное соединеніе христіанства съ классицизмомъ. Горацій—и канты въ честь св. Дѣвы, воззванія къ богамъ языческаго Олимпа—и средневѣковой символизмъ, олицетворенія—и аллегоріи,—все это дало пеструю картину, свидѣтельствующую о полной случайности этой хаотической литературы. Въ такомъ видѣ занесенъ былъ ложный классицизмъ въ юго-западную русскую поэзію, въ такомъ же видѣ культивировался онъ въ Москвѣ Симеономъ Полоцкимъ и его учениками.

Для характеристики предпетровской эпохи стоитъ остановиться на дѣятельности Өеофана Прокоповича, стоящаго на самомъ переломѣ къ новому времени: реформаторъ въ области теоріи словесности, онъ любопытенъ тѣмъ, что уничтожая одной рукой послѣдніе остатки средневѣковой схоластики, насаждая у насъ классицизмъ въ теоріи и поэзіи,—онъ другой рукой удерживалъ русскихъ людей отъ крайностей этого классицизма, отъ увлеченія языческимъ Олимпомъ, отъ порабощенія христіанства паганизму.

Воспитанникъ Кіевской академіи, онъ оканчивалъ свое образованіе въ Италіи, гдѣ обратилъ на себя вниманіе умомъ и талантами. Въ Италіи онъ, кромѣ спеціально-богословскихъ сочиненій, изучалъ Демосөена, Цицерона, Квинтиліана, Виргилія, Овидія, Ювенала, Горація, Катулла, Марціала, Ливія, Тацита... Такимъ образомъ, богатства античнаго міра предстали передъ нимъ не въ искаженной іезуитско-польской окраскѣ, а во всей своей первоначальной чистотѣ... Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду онъ сдѣлался преподавателемъ Кіевской Академіи и внесъ съ собой свѣжую струю свободнаго отношенія къ схоластической рутинѣ. Правда, онъ весь еще привязанъ къ старымъ формамъ поэзіи, къ старому силлабическому стиху, но онъ пополняетъ ихъ новой жизнью, живымъ чувствомъ, освѣщаетъ сознаніемъ своей личности; онъ рѣшительно возстаетъ противъ разныхъ стихотворныхъ фокусовъ,—для него, какъ краснорѣчіе, такъ и поэзія дѣлаются средствомъ выражать лишь свои душевныя настроенія,—отсюда и большая простота его литературныхъ пріемовъ, и большая правдивость общаго тона...

Мы не будемъ останавливаться на его проповѣдяхъ, на его „словахъ“, которыя своею содержательностью, своею силою и правдой такъ отвѣчали духу петровской реформы. Укажемъ лишь на то, что многіе трудные случаи государственной и даже частной жизни Петра въ бодромъ, ясномъ, умномъ словѣ Өеофана нашли поддержку предъ лицомъ народной массы.

Өеофанъ цѣненъ для насъ и какъ теоретикъ искусства: воспитанный на старой схоластической поэтикѣ Кіевской академіи, онъ ее оживилъ поэтикой Скалигера,—онъ, такимъ образомъ, расширилъ старыя знанія, очистилъ ихъ отъ многаго отжившаго, не разрывая въ то же время связей со ста-

рымъ. Оттого-то дѣятельность Ѳеофана какъ теоретика, есть связующее звѣно между поэзіей Кіевской и поэзіей Петербургской. Одинъ изъ первыхъ нашихъ писателей, онъ придавалъ поэзіи болѣе серьезное значеніе, чѣмъ его учителя по академіи: поэзія, понимаемая исключительно, какъ средство восхваленія, ему претила. Къ сожалѣнію, какъ лирикъ, Ѳеофанъ оцѣненъ у насъ очень мало, даже произведенія его лишь отчасти попали въ печать. Однимъ изъ первыхъ его поэтическихъ произведеній была ода на побѣду Петра надъ шведами, написанная на латинскомъ и польскомъ языкахъ. На нее можно смотрѣть, какъ на переходную ступень отъ схоластическаго Кіевскаго панегиризма къ одамъ свѣтскаго направленія. По достоинству содержанія, она мало уступаетъ первымъ одамъ Ломоносова („на взятіе Хотина"), а, тѣмъ болѣе, одѣ Тредіаковскаго („на взятіе Гданска"). Любопытно также, одно его латинское стихотвореніе, посвященное восхваленію Галилея. Ясный, свободный духъ Ѳеофана возмущался всякимъ мракобѣсіемъ. Самъ будучи епископомъ, онъ не скрывалъ вражды своего отвращенія къ клерикальному обскурантизму нѣкоторыхъ духовныхъ.

Съ такими свѣтлыми и свободными убѣжденіями онъ выступаетъ на общественное поприще, какъ сотрудникъ Петра. Немудрено, что его идеи, его рѣчи, его занятія были настолько необычны, что массой духовенства русскаго были встрѣчены враждебно. Немудрено, что въ теченіе многолѣтней борьбы съ жизнью, Ѳеофанъ, какъ личность, сознательно дѣйствующая, зналъ нерѣдко минуты тоски и горя. Въ одну изъ минутъ такого настроенія написана имъ элегія.

„Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастьи".

Коли дождусь я весела ведра
　　И дней красныхъ,
Коли явится милость прещедра
　　Небесъ ясныхъ?

Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,
　　Все ненастье.
Нѣтъ и надежды. О много бѣдно
　　Мое счастье.

Хотя-жъ малую явитъ отраду
И поманитъ.
И будто нѣчто польготитъ стаду—
Да обманетъ... и т. д.

Это—отрывокъ посланія сѣдого архипастыря своему юному другу Кантемиру. Несомнѣнно, въ этомъ поэтическомъ воплѣ звучитъ искреннее чувство. Это—не льстивый панегирикъ XVII в., произносимый на торжественномъ праздникѣ спеціалистомъ-піитой,—это искренняя лирика, стыдливая, доступная лишь взору друга, понимающаго ее... Интересно также, что даже въ нѣкоторыхъ духовныхъ элегіяхъ Прокоповича чуется страсть, несмотря на всѣ усилія поэта заковать ее строгими моральными правилами: она ясно сказалась, хотя бы, въ стихахъ, въ которыхъ Прокоповичъ предостерегаетъ юношу беречься женскихъ чаръ. Такъ, сквозь старыя мертвыя формы пробивается новая жизнь. До XVIII в. элегія имѣла у насъ исключительно духовный характеръ,— Прокоповичъ одинъ изъ первыхъ сталъ у насъ сочинять элегіи свѣтскія. Возможно, что это произошло отъ обращенія его къ образцамъ классическихъ элегій.

Свободный отъ предразсудковъ, далекій отъ „московскаго благочестія", Ѳеофанъ былъ человѣкомъ вполнѣ вѣрующимъ и религіознымъ. Оттого муза его откликнулась на поэзію псалмовъ,—онъ съ охотой занимался переложеніемъ ихъ въ стихи. Не менѣе интересенъ онъ намъ и какъ авторъ сатиръ, эпиграммъ и другихъ мелкихъ произведеній, въ которыхъ онъ сумѣлъ выразить свой критическій умъ, свое міросозерцаніе. Будучи на русскомъ Парнассѣ ученикомъ Симеона Полоцкаго, Ѳеофанъ пошелъ дальше своего учителя, и оттого изъ подъ его живого пера, можно думать, вышло не мало рѣзкихъ портретовъ его современниковъ.

Въ этомъ отношеніи онъ является непосредственнымъ предшественникомъ и учителемъ Кантемира. Первую сатиру его: „На хулящихъ ученіе" Ѳеофанъ привѣтствовалъ извѣстнымъ посланіемъ:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоинъ ты славы,
Да почтожъ было имя укрывати?

Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы!
Плюнь на ихъ грозы. Ты блаженъ трикраты,
Благо, что Богъ далъ умъ тебѣ здравый!
Пусть весь міръ будетъ на тебя голосливый—
Ты и безъ счастья довольный, счастливый.
Объемлетъ тебя Аполлонъ великій...
Сіе за верхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди...

Это—слова сильной личности, которой уже не страшны тѣ силы, что давили нашихъ героевъ XVII вѣка. Тамъ слабыя попытки борьбы съ жизнью кончались, въ лучшемъ случаѣ, разочарованіемъ и монастыремъ,—здѣсь—смѣлый вызовъ жизни, вызовъ, сдѣланный гражданиномъ, человѣкомъ знающимъ, во имя чего идти впередъ! Такимъ образомъ, клочки его лирики, дошедшіе до насъ, даютъ намъ ясное представленіе о широкомъ діапазонѣ его чувствъ и настроеній: отъ гнѣвнаго вызова негодующаго гражданина до веселой полупьяной шутки, отъ яркой злой сатиры до крика изстрадавшейся души, до высокихъ гимновъ священной поэзіи,—вотъ, тѣ предѣлы, въ которыхъ умѣстилась лирика Ѳеофана. Замѣтимъ также, что это творчество не выносилось на шумную площадь, не оплачивалось перстнями—оно—„для себя" и „для друзей"—въ этомъ его святость.

Если мы обратимся къ драмѣ петровскаго времени, мы и здѣсь увидимъ цѣлый рядъ новыхъ явленій: рядомъ со старой школьной драмой, развертывавшей въ дѣйствія событія изъ св. писанія, выдвигается теперь новая драма, полусвѣтская... Царевна Наталья, талантливая ученица Симеона Полоцкаго, особенно любопытна, какъ человѣкъ свѣтскій, взявшійся за сочиненіе духовной драмы. Въ ея лицѣ повторился тотъ моментъ, который пережила духовная драма на западѣ, перейдя изъ рукъ духовныхъ писателей въ руки свѣтскихъ. Царевна уже не довольствуется темами св. писанія, она перелагаетъ въ драмы житія святыхъ, а затѣмъ и популярные романы. Въ этомъ стремленіи перейти отъ схоластики школьныхъ піесъ, отъ холодной искусственности аллегоріи и олицетворенія—къ изображенію душевной борьбы героевъ изъ житія и романа ясно сказалось то тяготѣніе къ дѣйствительности,

которое направляетъ эволюцію всемірной литературы во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Дѣятельность Ѳеофана, какъ драматурга, еще болѣе поучительна. Онъ выступилъ на этомъ поприщѣ во всеоружіи знанія теорій Аристотеля, Горація, Скалигера и образцовыхъ произведеній Сенеки, Теренція и Плавта. Оттого его первая пьеса, „трагедо-комедія Владиміръ“, написанная имъ въ Кіевѣ въ 1705 году, представляетъ собою, несомнѣнно, большой шагъ впередъ, сравнительно съ русской драмой до нея. Какъ теоретикъ, онъ подвелъ итоги всѣмъ взглядамъ старыхъ піитикъ, освѣтилъ эти итоги новыми свѣдѣніями, личными соображеніями и, въ результатѣ, примкнувъ въ одномъ къ старому, онъ въ другомъ явился оригинальнымъ мыслителемъ; вотъ почему, несомнѣнно, мѣсто его пьесы на перепутьи между драмой духовной и драмой классической...

Типъ пьесы—соединеніе элементовъ трагедіи и комедіи, находитъ себѣ прототипъ и у классиковъ,—такова пьеса Плавта: „Амфитріонъ“. Комическій элементъ здѣсь не выдѣленъ въ интермедіи, а разлитъ, какъ у Шекспира, по всей пьесѣ, оттѣняетъ серьезное и не мѣшаетъ единству дѣйствія. Другая интересная особенность пьесы заключается въ томъ, что борьба героя сведена къ борьбѣ внутренней, къ „брани духовной“,—въ этомъ отношеніи пьеса Прокоповича приближается къ новой драмѣ. И въ житіяхъ, и въ старой драмѣ писатели эту борьбу сводили къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, къ вмѣшательству святыхъ, или бѣса, или къ бесѣдѣ съ тѣми голосами которые олицетворялись въ видѣ дѣйствующихъ лицъ: „Порока“, „Добродѣтели“, „Зависти“, „Корыстолюбія“,—въ пьесѣ Ѳеофана борьба Владиміра наканунѣ принятія христіанства представлена въ видѣ длиннаго монолога, открывающаго внутреннюю борьбу его души. Вѣрный своему критическому отношенію къ злоупотребленіямъ духовенства, Ѳеофанъ и въ своей пьесѣ не пощадилъ собратьевъ.

Этотъ бѣглый обзоръ тѣхъ новыхъ настроеній и направленій, которыя сказались въ русскомъ обществѣ и русской литературѣ при самомъ началѣ дѣятельности Петра, говоритъ намъ о свѣжести и бодрости русской интеллигенціи этого

времени. Одни изъ ея рядовъ тяготѣютъ къ старому (Стефанъ Яворскій, св. Димитрій Ростовскій), другіе стоятъ на самомъ переломѣ къ новому (Царевна Наталія),—наконецъ, найдутся многіе, и кромѣ Ѳеофана, которые станутъ рѣшительно по сю сторону грани. Всѣ названные дѣятели сложились помимо воздѣйствія Петра, сложились подъ тѣми же вліяніями, что и онъ. Они — отчасти его предшественники, затѣмъ союзники, и, наконецъ, ученики.

„Учениками"—они, старшіе предшественники Преобразователя, сдѣлались потому, что были покорены его могучей „личностью": онъ самовластно забралъ въ свои руки историческое дѣло реформы,—закономѣрное теченіе исторіи, величественно-медленное, онъ направилъ по искусственному руслу, ускорилъ его, придалъ этому теченію тревожный, нервный ходъ... Въ этомъ была историческая заслуга Петра передъ русской исторіей, въ этомъ была и его вина передъ отечествомъ.

Прорубивъ „окно" въ Европу, онъ установилъ непосредственныя сношенія съ западомъ. Отнынѣ посредничество юго-западной Руси оказалось излишнимъ. Такое непосредственное прикосновеніе русской жизни къ западно-европейской должно было отнять и, дѣйствительно, отняло у нашего сближенія съ чужой культурой характеръ той постепенности, которая является лучшей гарантіей прочнаго прогресса съ равноправнымъ развитіемъ своего родного и чужого-заимствованнаго, съ равномѣрнымъ ростомъ всего общества сверху до низу. Вслѣдствіе этого между „новымъ" обществомъ и народомъ на первыхъ порахъ только усилился разрывъ, который былъ незначителенъ въ XVII в., когда посредниками между Россіей и западомъ были южноруссы, постепенно сближавшіе всѣ слои русскаго общества съ чужой культурой. Рванувшись впередъ, интеллигенція, потеряла совершенно опору въ народѣ; въ будущемъ такое культурное одиночество сдѣлало ее необезпеченной отъ историческихъ случайностей всякаго рода.

Петръ смотрѣлъ на себя, какъ на „слугу" отечества. Петръ заявлялъ, что Западъ Россіи былъ нуженъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ, чтобы затѣмъ повернуться къ нему спиною. Петръ зналъ цѣну русскому народу и зналъ его

отъ дворца до рыбачьей хаты *). Ни этого сознанія своихъ отношеній къ отечеству, ни умѣнья пользоваться западомъ, ни пониманія народа не было у его наслѣдниковъ. Вотъ почему весь XVIII вѣкъ представитъ намъ картину какого-то грустнаго разлада между верхами и низами русскаго общества — какое-то недоразумѣніе, которое лишь къ концу вѣка стало разсѣяваться.

На литературѣ реформа Петра отразилась, конечно, потому, что перестраивала общество—за измѣненіемъ физіономіи общества, мѣнялось и отраженіе его въ зеркалѣ—въ литературѣ. Здѣсь, прежде всего, бросится намъ въ глаза въ XVIII вѣкѣ аналогичный рѣзкій разрывъ между литературными вкусами разныхъ слоевъ русскаго общества. Верхи, переодѣвшись во французскіе кафтаны, позаимствовались и мыслями, и чувствами чужими. Литература этого слоя — псевдоклассическая, поэзія „парнассцевъ", пересадившая къ намъ драму, лирику, эпопею и романъ классическаго пошиба. Средній и низшій слои жили рукописной литературой повѣстей, устной словесностью, лишь постепенно поддаваясь чужимъ вліяніямъ, сохраняя и развивая родныя традиціи старины XVII вѣка.

Русское общество, подъ вліяніемъ реформы Петра, довольно рѣзко мѣняетъ свой составъ. Если „новые" люди, мелкое дворянство, и даже совсѣмъ „подлые люди" стали при Грозномъ играть историческую роль, то Смутное время было той эпохой, когда ихъ дѣятельность нашла себѣ просторъ и свободу. Петръ Великій рѣшилъ ихъ побѣду—съ него первое мѣсто занимаетъ въ русскомъ обществѣ гвардейское дворянство и чиновная аристократія, укрѣпленная табелью о рангахъ. Это новое общество сосредоточилось около двора въ Петербургѣ, который и сдѣлался средоточіемъ всей культурной жизни Россіи. Старая Москва не была такимъ искусственнымъ центромъ,—она была выразительницей „земли", Петербургъ-же, созданіе „просвѣщеннаго абсолютизма", всю Россію заставлялъ да и заставляетъ жить и мыслить такъ, какъ живетъ и

*) „Во всей европейской исторіи я не знаю другого государя, который бы въ такой степени былъ руководителемъ своего народа, такъ хорошо чувствовалъ и понималъ его насущныя потребности и такъ много сдѣлалъ для ихъ удовлетворенія" (Ключевскій).

мыслитъ онъ... На судьбѣ его повторилась, въ сущности, исторія всей петровской реформы. Созданный въ отвѣтъ на вѣковыя стремленія Россіи пробиться къ морю городъ Петра былъ закономѣрнымъ явленіемъ, сдѣлавшись „окномъ", откуда свободно лилась на всю Россію новая жизнь... Конечно, въ этой жизни много было поучительнаго и для человѣка съ серьезными запросами и для деревенскаго Митрофана,—но въ ней слишкомъ много свободы дано было „случайнымъ вліяніямъ", иноземнымъ воздѣйствіямъ и произволу личности, что особенно замѣтно сказалось послѣ Петра, когда наскоро-сложенная имъ машина попала въ руки неумѣлыхъ машинистовъ. Эта „случайность" положила густыя тѣни на все великое дѣло реформы... Но, конечно, каковы-бы ни были „случайные" результаты его дѣла, самъ царь, несомнѣнно, не повиненъ во многомъ, что прилипло къ его реформѣ впослѣдствіи, что исказило ее даже въ существенныхъ ея чертахъ.

Мы пройдемъ мимо фактическаго перечня тѣхъ учрежденій и работъ, въ которыхъ сказались заботы Петра о просвѣщеніи и развитіи ума и чувства своихъ подданныхъ. Самъ Преобразователь,—по словамъ Пушкина—

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,—

обладалъ такой „всеобъемлющей" душой, что въ ней умѣщался интересъ къ бесѣдѣ съ величайшими умами Европы, и къ работѣ съ топоромъ въ рукахъ, тонкое наслажденіе величайшими произведеніями живописи легко смѣнялось пьяной болтовней съ матросами, а отъ нихъ былъ неожиданнымъ переходъ къ легкимъ танцамъ и ухаживанью за иностранными великосвѣтскими красавицами. Наканунѣ Полтавской битвы онъ сочинялъ свой уставъ „всешутѣйшаго собора". Это странное противорѣчіе интересовъ, въ сущности, было результатомъ ихъ ширины. Такою-же необъятною шириною отличалось и то просвѣщеніе, которое онъ къ намъ внесъ: отъ утонченнаго вкуса къ послѣднему слову европейской мысли—до увлеченія новомодной пряжкой, сдѣланной въ Парижѣ... Вотъ почему результаты петровской реформы на русскомъ обществѣ сказались очень широко: съ одной стороны, она выдвинула людей высокой культуры, мысли и чувства, съ другой—на массѣ она отразилась въ перемѣнѣ житейскаго обихода, въ утон-

ченіи нравовъ, въ привычкахъ „хорошаго тона“, въ нарядахъ и щегольствѣ. Отъ европейски-образованныхъ людей до „щеголей“ и „щеголихъ“, жестоко осмѣянныхъ сатирой XVIII в., конечно, было много переходныхъ ступеней. Стоитъ остановиться на трехъ именахъ, чтобы достаточно охарактеризовать людей перваго сорта — Ѳеофанъ Прокоповичъ, Посошковъ и Татищевъ—люди изъ духовенства, крестьянства и дворянства.

Съ Ѳеофаномъ мы познакомились уже, какъ съ писателемъ, остается сказать о немъ нѣсколько словъ, какъ о просвѣщенномъ человѣкѣ. Ровесникъ Петра, онъ, быть можетъ, навсегда заглохъ бы въ провинціи, если бы геній великаго царя не освѣтилъ его даровитой головы. До глубокой старости Ѳеофанъ сохранилъ чисто-петровскую жажду знанія: „прямо просвѣщенный человѣкъ, говорилъ онъ, никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, хотя бы Маѳусаиловъ вѣкъ прожилъ“... Поклонникъ Декарта, Бейля и Бэкона, въ Петербургѣ Ѳеофанъ развернулся,—онъ ищетъ знакомства съ интересными иноземцами, онъ—другъ нѣмцевъ-академиковъ, онъ заводитъ переписку съ иностранными учеными-философами, его знаютъ въ З. Европѣ...

Татищевъ отзывается о немъ такъ: „былъ въ наукѣ новой философіи и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было“. Извѣстный академикъ Байеръ посвятилъ ему свой трудъ словами: „Я часто смотрѣлъ на васъ, какъ на нѣкоего Климента, или Кирилла, или Евсевія, когда вы опровергали басни древнихъ народовъ или нелѣпѣйшія мнѣнія философовъ; вы какъ будто вводили меня въ своихъ бесѣдахъ въ Римъ, или въ какой-нибудь другой городъ Италіи, славный священными или историческими памятниками, а когда вы припоминали событія всѣхъ вѣковъ, то мнѣ казалось, что я внимаю образованнѣйшему человѣку, какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ высшихъ искусствахъ. Съ какимъ удовольствіемъ слушалъ я васъ, когда вы описывали мнѣ памятники древняго времени, видѣнные вами въ Римѣ и прочей Италіи, говорили о состояніи просвѣщенія, о вашихъ путешествіяхъ и занятіяхъ науками. Какое разнообразіе, какая память, какая сила мысли и наблюдательности, какое изящество латинской и итальянской рѣчи, какая, наконецъ, живость и изящность во всемъ...“

Датскій путешественникъ фонъ-Говенъ такъ отзывается о немъ: „Этотъ превосходный человѣкъ, по знаніямъ своимъ, не имѣетъ себѣ почти никого равнаго, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, онъ имѣетъ глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанную охоту къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. Онъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще съ иноземцами; со смертью его должно прекратиться множество въ высшей степени полезныхъ дѣлъ". Врагъ Ѳеофана, доминиканецъ Рибейра, чуть было его не погубившій, отзывается о немъ съ нескрываемымъ восхищеніемъ: по его словамъ, Ѳеофанъ„... при дворѣ имѣетъ едва-ли не рѣшительное вліяніе, у вельможъ (особенно у иностранцевъ) считается оракуломъ; онъ — искусный церковный администраторъ, хотя... духовенство скорѣе его боится, чѣмъ любитъ. Онъ устроилъ въ своемъ домѣ замѣчательную школу для юношества. Въ храмѣ онъ важенъ, въ алтарѣ внушаетъ къ себѣ почтеніе, въ проповѣди краснорѣчивъ, въ бесѣдѣ о божественныхъ и мірскихъ предметахъ ученъ и изященъ; онъ одинаково хорошо владѣетъ греческимъ, латинскимъ и славянскимъ языкомъ; въ домашней жизни онъ великолѣпенъ; ко мнѣ лично всегда относился любезно" *). Если его слѣдуетъ порицать за что либо, такъ это за его религіозныя убѣжденія, если онъ ихъ вообще имѣетъ. Его библіотека, открытая для ученыхъ, значительно превосходитъ императорскую и библіотеку Троицкаго монастыря, по своему богатству она не имѣетъ себѣ равныхъ въ Россіи, странѣ бѣдной книгами".

Мы остановились нѣсколько долго на этихъ характеристикахъ Ѳеофана, такъ какъ всѣ онѣ рисуютъ во весь ростъ „новаго" русскаго человѣка, типичнаго представителя реформированной Руси. Передъ нами въ лицѣ Ѳеофана—европеецъ, и въ то же время чисто-русскій человѣкъ, не желающій въ предѣлахъ своего отечества говорить иначе, какъ

---

*) Разсказываютъ, что заочно Ѳеофанъ отзывался о Рибейрѣ, какъ о негодяѣ.

по-русски. Передъ нами—русскій епископъ, врагъ клерикальнаго обскурантизма, одинъ изъ первыхъ, увѣровавшихъ у насъ въ „естественное право",—а вѣдь его отъ Аввакума, этого послѣдняго представителя „послѣдней" Руси, отдѣляютъ какіе-нибудь десятки лѣтъ!

Не менѣе любопытенъ и Иванъ Посошковъ, крестьянинъ Новгородской губерніи.Его сочиненіе „Книга о скудости и богатствѣ", по словамъ проф. Брикнера, феноменальное явленіе: задолго до физіократовъ и меркантилистовъ предупредилъ и оцѣнилъ Посошковъ ихъ взгляды на государственное хозяйство. Отношеніе его къ Петру и реформѣ — яркое доказательство того, что многіе изъ народа, всей душой инстинктивно тянулись, къ реформѣ, къ свѣту, не отрываясь въ тоже время отъ родной почвы. Поклонникъ Запада, онъ—врагъ Лютера и „легкостнаго" свѣтскаго житія, отошедшаго отъ Евангелія. Онъ требуетъ „жизни душеполезной", но громитъ расколъ, считая его извращеніемъ православія. Ему ненавистна старина—остатки ея онъ бичуетъ безпощадно, но будущее ему еще неясно. Повидимому, компромиссъ между очищеннымъ старымъ и очищеннымъ новымъ—въ его глазахъ, единственное разрѣшеніе этого будущаго.

Съ болѣе ясной программой выступилъ другой нашъ публицистъ В. Н. Татищевъ, ближайшій другъ Ѳеофана, поклонникъ Декарта и Вольфа, знакомый съ трудами Локка и Маккіавели. Онъ побывалъ и въ Германіи, и въ Швеціи и много вынесъ изъ своихъ поѣздокъ. Въ сочиненіи: „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ" онъ первый въ Россіи выступилъ съ принципіальной защитою „свѣтскаго" ученія. Не отвергая „житія духовнаго", онъ защищалъ право „свѣтскаго" на совмѣстное съ нимъ существованіе. Желаніе „земного счастья" имѣетъ, въ глазахъ Татищева, не меньше права на существованіе, чѣмъ заботы о спасеніи души. Если для духовнаго житія удовлетвореніе природныхъ склонностей есть грѣхъ, то для новаго "свѣтскаго"—это есть только выполненіе „естественнаго закона". Удовлетвореніе этихъ потребностей должно быть „порядочно и умѣренно„. Такая философія земного счастія дастъ счастье-равновѣсіе души. Наука, знаніе—лучшіе спутники этой философіи. Право свободнаго изслѣдованія—необходимость этой свѣтской науки; свобода

совѣсти, вѣротерпимость *), — лучшія украшенія ея; вотъ, что значилось на знамени этого ученика Петра. Поклонникъ книгопечатанья и гуманизма онъ проклялъ папу, возславилъ Виклефа и Гуса, Лютера и Кальвина, Гуго Гроція, Декарта, Коперника и Галилея... Онъ требовалъ широкаго просвѣщенія для всѣхъ, не исключая и крестьянъ. „Воля, по естеству, говоритъ онъ, человѣку толико нужна и полезна, что не едино благополучіе съ ней ей сравниться не можетъ и ничто ей достойно есть, ибо кто воли лишается, тотъ купно всѣхъ благополучій лишается“.

Въ дѣятельности этихъ трехъ учениковъ Петра могуче проявился духъ его. Петръ собою наполнилъ всю Россію, онъ перебывалъ во всѣхъ ея концахъ и встряхнулъ всѣ ея углы, потрясъ всѣ сословія, — и все даровитое, все живое отозвалось на призывъ. Такихъ крупныхъ людей, какъ перечисленные (прибавимъ еще Кантемира и Ломоносова) мы не встрѣтимъ въ теченіе всей второй половины XVIII в. Нетолько этой грандіозностью, они сходны и той единодушною любовью, съ которой относились они къ родинѣ. И въ этомъ сказалось вліяніе Царя — „слуги отечества“... Мы отмѣчаемъ обѣ эти черты, какъ характерныя для эпохи и, къ сожалѣнію, исчезающія понемногу послѣ Петра...

Обратимся теперь къ массѣ русскаго общества. Если отдѣльныя личности глубоко проникались европейскимъ духомъ, то масса, конечно, могла на первыхъ порахъ воспринимать лишь внѣшнія стороны чужой культуры. Но и это было важно—это было тоже побѣдой „свѣтскаго житія“,— внѣшнимъ показателемъ внутренней реформы духа. Конечно, это понималось Петромъ,—оттого придавалъ онъ такое значеніе внѣшности своихъ подданныхъ.Заботы объ ихъ костюмѣ, о манерахъ, объ ихъ увеселеніяхъ на европейскій ладъ привели его, въ концѣ концовъ, къ реформѣ всей внутренней жизни русскаго дворянства. Впрочемъ, къ этой реформѣ русское общество было уже подготовлено царствованіемъ Алексѣя, а затѣмъ правленіемъ Софьи, когда, по словамъ Куракина, „политесъ возстановлена была въ великомъ шляхетствѣ съ манеру польскаго и въ экипажахъ, и въ

*) Только іезуитовъ и евреевъ „не для вѣры, но паче для ихъ злой природы“ Татищевъ лишалъ своей защиты.

домовномъ строеніи, и въ уборахъ, и въ столахъ". Петръ положилъ конецъ вліяніямъ польскимъ, и открылъ доступъ вліяніямъ западнымъ. Ближайшимъ результатомъ этого было воспитаніе во французскомъ духѣ. Какъ извѣстно, въ 1717—18 г. отпечатанъ былъ кодексъ правилъ приличія въ книгѣ „Юности честное зерцало". Задачей этого руководства было приблизить молодого русскаго дворянина къ идеалу „придворнаго человѣка", научить его хорошимъ манерамъ для обхожденія въ свѣтѣ. Это обхожденіе неизбѣжно учило русскихъ дикарей и свѣтской лжи: юноша, вытвердя правила „Зерцала", старался, „говоря о печальныхъ вещахъ имѣть видъ печальный и имѣть сожалѣніе, не противорѣчить, правду говорить не всегда".

Такъ, въ окно, прорубленное Петромъ, лились потоки, съ которыми справиться не могъ уже онъ самъ: врагъ всякой неправды въ дѣлахъ, царь уступилъ европейскимъ приличіямъ, поощряя ложь въ свѣтѣ. Человѣкъ дѣла, чернорабочій на тронѣ, царь уступилъ этому потоку чужой жизни и во многомъ другомъ,—хорошій тонъ потребовалъ и новыхъ искусствъ, въ сущности, съ его точки зрѣнія, безполезныхъ, но необходитыхъ для „прямаго придворнаго человѣка", Впрочемъ, эта реформа Петра не встрѣтила сопротивленія—свобода свѣтской жизни была встрѣчена радостно молодежью, особенно, женскою. Для русской женщины, болѣе, чѣмъ для мужчины тяжелъ былъ гнетъ Домостроя,—теперь передъ нею открывалась новая жизнь, въ которой ея индивидуальное чувство не знало тяжелыхъ оковъ стараго уклада. И вотъ, изъ рабыни, запертой въ теремъ, она преобразилась въ богиню, передъ которой недавній ея повелитель, обратившись теперь въ „галантнаго кавалера", долженъ былъ курить ѳиміамъ и пѣть гимны ея красотѣ и власти... Мы видимъ слабые проблески этого поклоненія въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ XVII в., сложенныхъ въ честь любимыхъ женщинъ,—теперь, съ Петра, „любовь" дѣлается главнымъ содержаніемъ свѣтской жизни XVIII в., а слѣдовательно и литературы. Иностранцы, бывшіе въ Россіи при Петрѣ, обращали не разъ вниманіе на эту перемѣну въ жизни русской женщины. Бергхольцъ, камеръ-юнкеръ иностраннаго двора, въ своемъ дневникѣ сдѣлалъ большой комплиментъ манерамъ и внѣшности русскихъ дамъ: за

два года онѣ сдѣлались неузнаваемы,—въ 1718 г. учреждены были ассамблеи, а въ 1720-мъ многія дамы не уступали нѣмкамъ и француженкамъ въ привѣтливости и тонкости обращенія и свѣтскости. Щербатовъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", говоритъ слѣдующее: „пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; страсть любовная, до того почти незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать и первое утверждение сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло".

Все сказанное объ отдѣльныхъ передовыхъ людяхъ реформы и о той массѣ, которая поддалась новой жизни—рисуетъ намъ русское общество петровской эпохи цѣликомъ: политическіе, религіозные и философскіе идеалы лучшихъ людей—и „мірскую" жизнь массы, съ ея новымъ содержаніемъ. На литературѣ сейчасъ же сказалась эта перемѣна жизни общества: передовая часть выдвинула Кантемира, Ломоносова, Тредіаковскаго и Сумарокова,—масса отразила свои вкусы и стремленія въ вульгарной литературѣ рукописной повѣсти и пѣсни...

Уже въ концѣ XVII в. романическая литература осложнилась новыми типами героевъ: рыцари-богатыри пустили въ свою семью рыцаря-любовника, а въ XVIII в. и просто любовника—„кавалера". Оттого въ XVIII в., начиная съ петровскаго времени, составъ рукописныхъ романовъ и повѣстей дѣлается еще болѣе сложнымъ: рядомъ съ Бовою и Еруслано́мъ стоятъ Королевичъ Брунцвигъ, Рыцарь Петръ Златыхъ Ключей, Мелюзина. Къ нимъ присоединяются теперь новые герои,—принцы, королевичи Евдонъ, Альфонсъ Рамиръ, Король Ефродитъ, рыцарь Максіонъ, Францель Венеціанъ, Египетскій царевичъ Полиціонъ, Гишпанскій шляхтичъ Долторнъ. Затѣмъ попадаютъ герои псевдоклассическаго романа Калеандръ, Алкеменесъ, Телемакъ, герои сентиментальныхъ повѣстей, въ родѣ Добродѣтельной Сициліанки, Ипполита и Жуліи и мн. др. Кругъ любителей этой пестрой рукописной литературы опредѣляется до нѣкоторой степени тѣми записями, которыя сдѣланы на многихъ рукописяхъ и свидѣтельствуютъ объ ихъ принадлежности. Составъ

этихъ владѣльцевъ и любителей романа оказывается самымъ разнообразнымъ: тутъ и молодые офицеры, и рядовые изъ дворянъ, и чиновники, и купцы, и посадскіе, и крестьяне (Пыпинъ). Вслѣдствіе того, что письменность эта была почти исключительно переводной, она не имѣетъ самостоятельнаго литературнаго значенія, но, тѣмъ не менѣе,—она любопытна для исторіи нравовъ и образованія, такъ какъ для многихъ читателей романа давала она идеалы жизни, подсказывала имъ поведеніе и настроеніе. Съ другой стороны, это популярное чтеніе, очень распространенное и любимое, было подготовленіемъ къ той, болѣе серьезной, литературѣ, которая была результатомъ развитія русской культуры. Оттого популярность этихъ произведеній была очень кратковременной, захватила лишь нѣсколько десятилѣтій и затѣмъ уступила свое мѣсто развивавшейся изящной литературѣ Елизаветинской эпохи.

Не считая возможнымъ останавливаться на обозрѣніи всей этой переводной повѣствовательной литературы, остановимся на двухъ полуоригинальныхъ произведеніяхъ этой эпохи, („Повѣсть о россійскомъ матросѣ Василіи и прекрасной королевѣ Иракліи“ и „Исторіи объ Александрѣ россійскомъ дворянинѣ“), чтобы показать, какъ далеко отъ бытовой русской повѣсти (въ духѣ Фрола Скобѣева) отошла русская повѣсть подъ давленіемъ новаго времени. Оба указанныя произведенія любопытны во многихъ отношеніяхъ. Вмѣсто маленькаго случая въ глухомъ углу Россіи, здѣсь фабула разсказа захватывала событія, развертывавшіяся среди широкихъ горизонтовъ европейской, даже міровой жизни. Оба героя—русскіе юноши, ѣдущіе на Западъ за просвѣщеніемъ, дѣлаются всемірными знаменитостями. Оба они далеки отъ старой Москвы, оба живутъ интересами культурнаго общества,—интересами, понятыми очень односторонне, но, тѣмъ не менѣе, характерно для эпохи. Любовь къ женщинѣ, заполняющая всю жизнь этихъ новыхъ героевъ, была результатомъ перелома въ русскомъ міросозерцаніи: женщина, освобожденная отъ рабскаго состоянія теремной жизни, теперь становится рядомъ съ мужчиной, требуетъ для себя равныхъ правъ и чистыхъ отношеній. Оба героя, предки нашихъ сентиментальныхъ любовниковъ, ничѣмъ не послужили родинѣ,—обоихъ увлекъ блескъ чужой культуры,—тѣмъ не менѣе, они для насъ оба яркіе показатели новыхъ потреб-

ностей, явившихся къ намъ вмѣстѣ съ реформой общества. Эти повѣсти любопытно сопоставить съ описаніями тѣхъ заграничныхъ впечатлѣній, съ которыми встрѣтились русскіе люди, посланные Петромъ на Западъ за поисками свѣта Таково: „Путешествіе Стольника Петра Толстого по Европѣ", дневникъ неизвѣстнаго, который побывалъ въ Голландіи, Германіи и Италіи въ 1697, 1698 гг., „Путешествіе неизвѣстнаго, который съ братомъ и учителемъ ѣздилъ въ 1714—1717 гг. въ Голландіи, Испаніи, Италіи и Франціи" „Записки гр. Матвѣева" (1705 во Франціи), „Записки Куракина". Въ этихъ произведеніяхъ мы найдемъ много точекъ соприкосновенія съ двумя разобранными повѣстями: начиная отъ міровоззрѣнія героевъ, до описанія ихъ любовныхъ похожденій *) Сличеніе заставитъ насъ признать, что обѣ повѣсти это—Dichtung надъ тѣми образами и фактами, что взяты изъ Wahrheit петровской эпохи. Въ этихъ любовныхъ романахъ мы встрѣчаемъ длинныя печальныя и радостныя аріи, встрѣчаемъ длинные патетическіе монологи, свидѣтельствующіе о такомъ пробужденіи личности, при которомъ нѣтъ силъ чувствовать и мыслить „про себя". Все это говоритъ намъ о яркомъ пробужденіи личности въ обществѣ. Несомнѣнно, наступало время лирики. Уже въ XVII в. встрѣтимъ мы первыя попытки выразить въ стихахъ-пѣснѣ стонъ сердца, измученнаго любовью. Теперь въ началѣ XVIII в. эти опыты встрѣчаются все чаще и чаще. Въ рукописныхъ собраніяхъ, рядомъ съ виршами стараго склада, теперь въ большомъ числѣ попадаются намъ эти стихотворныя изліянія, правда, все еще безъ обозначенія именъ ихъ творца. Новыя отношенія между мужчиной и женщинами высшаго, болѣе образованнаго, сословія особенно способствовала развитію этой лирикѣ „Самая нѣжная любовь, только подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками" — говоритъ Болотовъ, „тогда получила первое надъ молодыми людьми свое господствіе и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ пре-

*) Напр., изъ дневника Куракина 1708 г.; „въ ту свою бытность былъ иноморатъ въ славную хорошествомъ одною читадинку, называлась Signora Erancesca Rota и такъ былъ inomorato, что не могъ ни часу безъ нея быти и разстался съ великою плачью и печалью, ажъ до сихъ поръ изъ сердца моего тотъ amor не можетъ выдти и чаю не выдетъ".

великую еще диковинку и буде, гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка не была спускаема". Въ началѣ XVIII в. такимъ кавалеромъ, прибѣгавшимъ къ чарамъ поэзіи былъ извѣстный сердцеѣдъ Монсъ, за свои любовныя авантюры заплатившій жизнью. Секретарь Монса Столѣтовъ тоже былъ чувствительный стихотворецъ; подобные же стихи-пѣсни писала еще Елизавета Петровна, когда, далекая отъ трона, она жила сердечными привязанностями. Во всѣхъ этихъ стихахъ элементы народной лирики сплетались съ приподнятыми настроеніями той любовной атмосферы, которая принесена была новой жизнью, новымъ пониманіемъ счастья жизни... Передъ нами, очевидно, тотъ моментъ въ эволюціи лирики, когда она стояла на переломѣ отъ пѣсни къ стихотворенію, когда старыя формы и образы уже не вмѣщали новыхъ настроеній... Эти настроенія очень разнообразны: въ рукописныхъ пѣсенникахъ этой эпохи мы встрѣтимъ и восторженные стихи въ честь торжествующей любви, и грустные, полные жалобъ на фортуну-разлучницу, на суровость людей, на невѣрность милой. Всѣ эти нескладныя произведенія — и повѣсти, и пѣсни-стихи безъ размѣра—смѣсь виршей, народной пѣсни и монолога изъ любовнаго романа—цѣннѣе для насъ, чѣмъ тѣ книжныя искусственныя произведенія, которыя написаны „по правиламъ" поэтики, и которыя къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ нашихъ исторіяхъ литературы совершенно закрываютъ собою оригинальное творчество, пробуждавшееся именно въ такихъ опытахъ выразить словами музыку своей души, взволнованной новыми ощущеніями...

Но, конечно, эта литература, органически связанная съ XVII вѣкомъ, выросшая такъ быстро въ оранжерейной атмосферѣ русскаго общества, реформированнаго Петромъ, не въ силахъ была вмѣстить всего богатства тѣхъ идей и чувствъ, которыя пришли къ намъ съ запада,—для ихъ перевоплощенія въ русской жизни понадобились и чужія формы, и чужіе образы... Кантемиръ, Тредіаковскій, Ломоносовъ и, наконецъ, Сумароковъ,—вотъ, крупныя имена, отъ которыхъ ведетъ свое начало русская изящная литература, съ которыми связанъ расцвѣтъ направленія, носящаго у насъ странное названіе ложно или псевдоклассическаго. Такимъ образомъ теперь повторилось, въ сущности, то же, что съ

русской поэзіей послѣ Владимира: нашъ народъ, не имѣвшій въ прошломъ прочныхъ національныхъ поэтическихъ традицій, но дважды (до Владимира и до Петра) подходившій къ созданію оригинальной поэзіи,—подъ новымъ натискомъ чуждой культуры, примкнулъ къ чужимъ литературнымъ формамъ и образамъ—теперь уже выросшимъ на почвѣ нѣмецко-французскаго „Возрожденія" въ псевдо-классическомъ духѣ.

Относя перваго русскаго сатирика къ ложно-классикамъ, мы дѣлаемъ большую натяжку: онъ скорѣе чистый классикъ, такъ какъ воспиталъ свои литературные вкусы и житейское міросозерцаніе на чистыхъ образцахъ римской и греческой поэзіи. Впрочемъ, оставивъ намъ переводъ Горація, Анакреона, Эзопа, онъ, въ такой же мѣрѣ, примкнулъ и къ Буало, къ Попу и другимъ писателямъ, служившимъ псевдо-классицизму. Такимъ образомъ, онъ стоитъ между двумя вліяніями.

Кантемиръ любопытенъ для насъ во многихъ отношеніяхъ: и какъ созданье Петра, и какъ человѣкъ, воспитавшій свое міровоззрѣніе на идеалахъ древняго Рима, и, наконецъ, какъ человѣкъ, сумѣвшій соединить въ себѣ русскія религіозныя настроенія съ языческой философіей. Такимъ образомъ, въ его лицѣ скрещиваются и примиряются вліянія запада, древней Руси и античнаго міра. Иностранецъ по происхожденію, получившій подъ руководствомъ отца хорошее образованіе на иностранный ладъ, посѣщая лекціи нѣмцевъ-академиковъ въ Петербургѣ, Кантемиръ оказался русскимъ съ головы до пятъ. Съ нимъ повторилось то, что и съ Ѳеофаномъ, съ Татищевымъ, съ самимъ Петромъ: чужое облагородило и возвысило ихъ духъ, но не оторвало отъ русской земли. Оттого, европеецъ по развитію, другъ Мопертюи и Монтескье, поклонникъ Локка, нашъ писатель, подобно многимъ русскимъ людямъ петровскаго закала, былъ неутомимымъ работникомъ на русской нивѣ, какъ общественный дѣятель и писатель-лирикъ. Характеръ его музы опредѣлился обстоятельствами того времени, когда онъ выступилъ на общественное поприще. Петръ былъ уже въ гробу, его дѣло останавливалось... Среди борьбы честолюбій молодой Кантемиръ явился одинокимъ и безсильнымъ,—онъ былъ затертъ, со своими личными достоинствами и своей наукой... Сильное раздраженіе противъ этой печальной дѣйствительности, оскорбившей его

на первыхъ же шагахъ его жизни, заставило его бросить сочиненіе любовныхъ пѣсенъ-стишковъ и привело его къ сатирѣ. Этотъ выборъ литературнаго жанра, пристрастіе къ сатирѣ, вполнѣ отвѣчалъ и разрушительному характеру реформы,—надо было еще доламывать старое, надо было уже бороться съ надвигавшимся „новымъ“: невѣжество, словно придавленное пятою Петра, опять подняло голову. Петербургъ былъ проклятъ, дворъ перебрался въ Москву, въ разсчетѣ не возвращаться въ ненавистный городъ... Затѣи Петра брошены; Академія обратилась въ нѣчто смѣхотворное; на ближайшихъ сподвижниковъ Петра открыты были гоненія... Выше указано было, что элегическія ноты зазвучали въ это время въ поэзіи Ѳеофана. Это время реакціи, время обидъ сблизило ихъ между собой... Что же должно было выработаться изъ юнаго поэта? Хвалить было нечего, оставалось негодовать, или сокрушаться! И вотъ элегическая сатира навсегда подчинила себѣ Кантемира. Отъ классицизма онъ взялъ одну форму, содержаніемъ послужило безобразіе русской жизни. Если Муза его была не изъ храбрыхъ, то она была всетаки правдивой — оттого онъ не „хвалилъ“ никого и не насиловалъ своего творчества, грустнаго по преимуществу. Эта грусть легкимъ туманомъ лежитъ надъ многими его образами: „смѣюсь въ стихахъ, говоритъ онъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу“. Оттого его „смѣхъ беззлобный“. Оттого въ лицѣ его надо признать предшественника Гоголя, съ его горькимъ смѣхомъ „сквозь слезы“. Сила Кантемира въ изумительномъ знаніи русской жизни:—онъ знаетъ ее отъ дворца до монастыря, отъ купеческой лавки до дворянскаго дома, отъ шумнаго города до глухой деревни... Епископы, царедворцы, ханжи, моты, раскольники—всѣ живой чередой проходятъ передъ нами... Вѣстовщики, завистники, честолюбцы, строгіе критики, люди злоязычные, сладкорѣчивые—все это портреты, идеи которыхъ, быть можетъ, и взяты у Лабрюйера и Ѳеофраста, но заполнены такимъ яркимъ русскимъ содержаніемъ, что мы въ нихъ узнаемъ и Загорѣцкихъ, и Репетиловыхъ, и Ноздревыхъ, и Собакевичей, и Маниловыхъ, и Молчалиныхъ. Вотъ почему Кантемиръ—первый нашъ сознательный реалистъ-художникъ: до него мы имѣли у себя реалистическую повѣсть, но въ ней этотъ

реализмъ не былъ художественнымъ принципомъ, сознательно проведеннымъ въ литературу, будучи лишь фономъ, безсознательно выхваченнымъ изъ дѣйствительной жизни вмѣстѣ съ фактомъ.

Убѣжденный другъ просвѣщенія, сатирикъ, конечно, бичевалъ насколько могъ, невѣжество, тупое, россійское, вѣковѣчное, съ которымъ боролся въ свое время и Петръ. Ханжи, суевѣры, суесвяты, тупые раскольники — вотъ, противники Петра и его учениковъ. Но въ борьбѣ съ этими уродами петровская реформа создала новыхъ—не менѣе безобразныхъ— „щеголей", воспитанниковъ „Юности честнаго зерцала". „Новые" противники науки были опаснѣе первыхъ. Это сознавалъ Кантемиръ и первый началъ борьбу противъ нихъ.

Итакъ, боевые идеалы Кантемира выработались подъ вліяніемъ той свѣжей струи воздуха, что ворвалась къ намъ съ Петромъ; она увлекла лучшихъ людей того времени, покорила и Кантемира. Идеалы его частной жизни однако далеко отошли отъ петровскихъ, — причины ясны. Если традиціи Петра жили еще въ сознаніи лучшихъ людей, то проводить ихъ въ жизнь было мудрено: время реакціи, время общаго паденія и застоя, смѣна временщиковъ, прямо даже личная небезопасность, заставляли лавировать въ житейскомъ морѣ, искать спасенія въ какомъ нибудь modus vivendi... И вотъ онъ нашелъ этотъ modus у Горація. Проповѣдь римскаго поэта о тихой жизни „для себя", въ тиши своего дома, въ кругу друзей, въ бесѣдѣ съ любимыми поэтами, умѣренность желаній, мудрая осторожность въ жизни, изобилующей подводными камнями, „златая середина" во всемъ—такое міровоззрѣніе вполнѣ удовлетворяло юнаго поэта: съ начала своей дѣятельности до конца остался онъ вѣренъ своимъ классическимъ убѣжденіямъ. Эта проповѣдь самонаслажденія, это утонченное восхваленіе жизни „про себя" говоритъ намъ, что даже въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ русское общество без ъ Петра не въ силахъ оказалось цѣликомъ сочетать свою работу съ идеалами... Этого раздвоенія личности не зналъ Петръ, не знали его современники, но узнали уже ближайшіе ученики. Особенно характерно, что оно захватило даже Кантемира, несмотря на яркій дидактизмъ его дѣятельности. Между тѣмъ, этотъ дидактизмъ также явленіе очень

важное: въ лицѣ Кантемира, — русскаго литератора, дѣло воспитанія сердецъ впервые перешло въ руки свѣтскихъ людей. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, чтъ собственно это—„дѣло пастырей душъ“, да они „молчатъ“. На себя онъ и смотрѣлъ, главнымъ образомъ, какъ на моралиста, исправителя нравовъ... „Пишу по должности гражданина, говоритъ онъ, отбивая то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ“.

Другой, не менѣе интересный писатель этого періода—Ломоносовъ. Этотъ русскій геній удивительно отразилъ на себѣ личность Петра,—та же свѣтлая голова, та же энергія, та же жажда знанія и разносторонность интересовъ, та же любовь къ родинѣ... Ломоносовъ великъ во всемъ, за что онъ ни брался—это была сила, не знавшая предѣловъ и рамокъ. Начавъ съ подражаній нѣмецкому псевдоклассицизму, Ломоносовъ быстро выросталъ изъ узкихъ рамокъ этой искусственной поэзіи. Личность его, живое чувство, русская дѣйствительность, — все это изъ чужого, занесеннаго къ намъ жанра создало такой видъ, который вполнѣ приспособился къ величественнымъ настроеніямъ реформированной Россіи. Самый характеръ „ликованья“, который проникаетъ послѣднія оды его, не имѣетъ въ себѣ ничего натянутаго, искусственнаго. Правда, отъ нихъ вѣетъ апоѳеозомъ придворнаго праздника, но онѣ не позволяютъ заподазривать поэта въ неискренности. Съ каждымъ годомъ оды его дѣлаются все мягче по тону, свѣтлѣе и теплѣе по настроеніямъ,—благородная простота настроенія и сжатость формы—ихъ отличительныя качества. Онъ первый у насъ преклонился передъ природой,—къ ней онъ взываетъ, въ ней видитъ вѣчную чистую любовь. До него русскіе книжники видѣли въ природѣ лишь дьявола. Онъ первый оцѣнилъ красоту сѣверной природы, воплотивъ ее въ могучемъ образѣ „Борея съ мерзлыми крылами“. Во вторую половину его дѣятельности въ его лирикѣ природа очень часто смѣняетъ античный Олимпъ: дѣла людей сопровождаются сочувствіемъ природы. Другая особенность его поэзіи—это сильная примѣсь историческихъ воспоминаній: герои русской древности теперь, мало-по-малу заступаютъ мѣсто, героевъ Рима и Эллады. Поэтъ съ любовью развертываетъ длинные свитки, на которыхъ начертаны подвиги русскихъ князей и царей... Если мы прибавимъ къ этому, что, дѣлаясь русской

по содержанію, поэзія Ломоносова приближалась въ то же время своей формой къ образцамъ гораціанской оды, отходя отъ нѣмецкаго классицизма,—мы отмѣтимъ въ его дѣятельности то же, что отмѣтили и у Кантемира. Наконецъ, интересенъ Ломоносовъ и какъ творецъ „духовныхъ одъ". Мы видѣли уже, что поэзія св. Писанія, оцѣненная юго-западной литературой, культивировалась у насъ въ Москвѣ Симеономъ Полоцкимъ и съ тѣхъ поръ не умирала на русскомъ Парнассѣ въ теченіе всего XVIII в. и вошла въ XIX, захвативъ отчасти даже Пушкина. Это обстоятельство для насъ цѣнно, такъ какъ религіозно-поэтическія настроенія—это одна изъ немногихъ нитей, связывающихъ насъ съ древней Русью, съ поэзіей Илларіона, Кирилла Туровскаго и др... Воспріимчивую душу Ломоносова эта поэзія покорила съ дѣтства, она сопутствовала ему до смерти, удивительно гармонически соединившись съ его философскимъ міросозерцаніемъ. Въ похвальныхъ одахъ своихъ Ломоносовъ обнаружилъ лишь одинъ уголокъ своей души —здѣсь же, въ переложеніяхъ псалмовъ, въ своихъ размышленіяхъ о Божьемъ величіи, онъ открылъ „святая святыхъ" своей души... Любопытно, что многія представители дворянства, при Петрѣ (напр. Татищевъ) и послѣ него остались въ разладѣ между идеалами старыми и новыми,— люди простого происхожденія, какъ Посошковъ и Ломоносовъ, пытались найти имъ примиреніе: необразованный Посошковъ, въ результатѣ, пришелъ къ компромиссамъ и противорѣчіямъ, но Ломоносовъ сумѣлъ основы своей вѣковой вѣры гармонически слить съ наукой,—отъ этого союза въ его сознаніи и то, и другое окрѣпло и выросло!

„Паѳосъ" поэзіи Ломоносова выразился въ тѣхъ величавыхъ настроеніяхъ, которыя сопутствовали ему отъ начала до конца его дѣятельности. Если въ первыхъ произведеніяхъ этотъ паѳосъ нерѣдко переходилъ въ ходульность и риторизмъ, когда поэтъ по обязанности восхвалялъ ничтожныхъ людей своего времени,—то во второй періодъ своей дѣятельности, въ эпоху Елизаветы, онъ обратился въ искренній восторгъ, который особенно блестящъ и могучъ, когда передъ очами поэта проносился титаническій образъ Петра, — недаромъ Ломоносовъ весь былъ проникнутъ образомъ великаго царя, недаромъ онъ привѣтствовалъ его восторженнымъ возгласомъ: „онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія!"... Время было

величавое, — оно создало и пѣвца, которому воображенiе рисовало титановъ, раздирающихъ облака, который вдохновлялся величественными картинами мiрозданiя, претворенiя мрака въ свѣтъ, великими явленiями природы, когда сотрясались горы, рѣки текли вспять... Развѣ эти могучiе образы и потрясающiя картины не были полнымъ и вѣрнымъ воплощенiемъ тѣхъ настроенiй, которыми Петръ очаровалъ людей XVIII вѣка? Всѣ они были ослѣплены его свѣтозарнымъ генiемъ, всѣ видѣли въ Россiи до него хаосъ и мракъ,— Всѣ увидѣли въ немъ полубога, Прометея, мощнаго Iегову, одно слово котораго создало мiръ!

Кантемиръ и Ломоносовъ удивительно полно изображаютъ двѣ стороны петровскаго дѣла, одинъ—энергичное разрушенiе всего враждебнаго просвѣщенiю, другой — могучiя настроенiя этого чуднаго вѣка, когда великiй титанъ стоялъ на русскомъ тронѣ...

Тредiаковскiй по праву можетъ занять мѣсто подлѣ нихъ: упорный работникъ, чернорабочiй на русскомъ Парнассѣ, онъ, какъ теоретикъ, какъ критикъ, какъ историкъ литературы, какъ переводчикъ, много внесъ своихъ усилiй въ общее дѣло созиданiя русской литературы. Любопытно, что и онъ, начавъ съ псевдоклассицизма французскаго, перешелъ къ классицизму античному, приблизился въ русской жизни, народной поэзiи и такъ же, какъ и великiе его современники, увлекался поэзiей св. Писанiя...

Съ развитiемъ общественной жизни, у насъ быстро начали складываться направленiя, стали созидаться цѣлыя литературныя школы,—все это очень быстро стало захватывать молодую русскую литературу по мѣрѣ того, какъ она расширяла постепенно кругъ читателей, захватывая уже не только отдѣльныхъ лицъ, но цѣлое общество. Быстрота этихъ измѣненiй въ судьбахъ русской поэзiи объясняется цѣликомъ великимъ значенiемъ энергичной личности Преобразователя въ исторiи русскаго просвѣщенiя вообще и въ исторiи нашей литературы въ частности...

Наступаютъ новыя времена... Какъ въ жизнь, такъ и въ литературу входитъ широкой струей свѣтскiй элементъ. Литература захватываетъ области все шире, она берется за изображенiе всей внутренней и внѣшней жизни современнаго общества... Она дѣлается художественнымъ творчествомъ, поэзiей въ

широкомъ смыслѣ слова, родной сестрой живописи, музыки и другихъ изобразительныхъ искусствъ... Съ этой поры она пріобрѣтаетъ титулъ „изящной“; титулъ, указывающій на на характеръ ея, или чаще — титулъ „новой“, свидѣтельствующій о томъ, что она отвѣчала потребностямъ не древнерусской жизни, а жизни новой, обновленной быстрымъ порывомъ впередъ...

Въ дѣятельности Петра впервые въ нашей исторіи личность ясно восторжествовала надъ массой; съ нею и литература наша дѣлается личною. Является авторъ, какъ сознательный выразитель идей и настроеній своего времени. Теперь общество русское, приведенное къ самосознанію, уже не могло болѣе вернуться къ тому эпическому квіетизму, когда отдѣльные голоса были голосами утопавшихъ въ неподвижныхъ взглядахъ массы... Теперь общество идетъ впередъ. Является не стадная, а общественная жизнь; конечно, для выраженія этой новой жизни недостаточно было рукописной повѣсти или виршей,—нужно было постоянное расширеніе старыхъ и нарожденіе новыхъ формъ и жанровъ литературы. Вотъ почему въ теченіе XVIII в. передъ нами развернется эволюція искусственной лирики, драмы, появятся и новые виды, какъ журналистика, публицистика, критика. Разумѣется, время устной и письменной словесности прошло: XVIII в.—время печатной словесности, предъявляющей и автору, и читателю новыя требованья. Въ результатѣ теперь рѣзко обозначается понятіе *литературной собственности*, отсутствующее въ устной словесности и слабо намѣченное въ письменной; обостряется *вопросъ о вліяніяхъ* литературныхъ и общественныхъ; устанавливается *хронологія* произведенія, *авторъ* предстаетъ передъ судомъ исторической критики, со всѣми характерными чертами своей души, со всѣми особенностями своей жизни и творчества. Рядомъ съ этимъ печатная литература, сравнительно съ устной и письменной характеризуется *большею интенсивностью воздѣйствія на массы*: этому содѣйствуетъ *упрощеніе средствъ распространенія* литературы въ массѣ. Наконецъ, печатная литература, вырвавшись изъ подъ гнета массы, культивируемая отдѣльными личностями, отмѣчается неизмѣримо *большею воспріимчивостью* ко всѣмъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ намъ ясное понятіе о томъ, какое громадное раз-

стояніе между литературой XVIII-го вѣка и XVII-го, какъ, соединяясь почти безъ спайки, обѣ онѣ быстро, съ каждымъ днемъ, теряли между собой всякое сходство. Эта быстрота расходимости цѣликомъ зависѣла отъ той интенсивности, съ которою Петръ взялся за довершеніе дѣла, начатаго его предшественниками. Оттого въ XVIII в. мы покончили съ средними вѣками, съ классицизмомъ возрожденія, съ сентиментализмомъ и романтизмомъ,—и въ лицѣ Пушкина сравнялись съ западной Европой, изъ учениковъ сдѣлались равноправными мастерами.

Понятно поэтому, что церковный характеръ русскаго міросозерцанія, ослабленный уже XVII вѣкомъ, при Петрѣ окончательно уступаетъ мѣсто свѣтскому. Литература освобождается отъ служенія церкви, хотя долго еще не достигаетъ самостоятельности, — на первыхъ порахъ она перемѣняетъ лишь хозяина: теперь она служитъ не церковному благочестію, а той морали, которая была занесена къ намъ съ запада вмѣстѣ съ камзолами и париками. Весь XVIII в. представитъ намъ поучительную картину, какъ эта мораль будетъ входить въ плоть и кровь русскаго человѣка, какъ отъ зубренія прописныхъ правилъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго, онъ дойдетъ до философіи деизма, до глубокаго и яснаго идеализма... Древняя Русь расправлялась съ язычествомъ, Московская уже хлопотала объ исправленіи нравовъ; Русь XVII вѣка открыла принципіальную борьбу противъ приверженности къ „буквѣ“, противъ обрядности,—Россія XVIII в. принесла проповѣдь всечеловѣческой нравственности, проповѣдь служенія добру, истинѣ и красотѣ. Такъ создался идеализмъ Карамзина, Жуковскаго...

„Грандіозные“ образы дѣятелей петровскаго періода мельчаютъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, зато число этихъ дѣятелей растетъ: при Петрѣ все просвѣщеніе держалось нѣсколькими лицами; при Елизаветѣ оно сгруппировалось около нѣсколькихъ очаговъ знанія и культуры—около Академіи, Сухопутнаго шляхетнаго корпуса, около Московскаго университета; при Екатеринѣ культура разливается по всѣмъ захолустьямъ русской земли. Очень тонко замѣтилъ фонвизинскій Стародумъ, что въ екатерининскую эпоху „многіе не стоили одного“ петровскаго работника, но Стародумъ неправъ со своимъ старчески-безсильнымъ брюж-

жаніемъ на естественный ходъ исторіи: царство героя смѣняется царствомъ массы; уменьшается сила качества, увеличивается сила числа... На нашихъ глазахъ въ теченіе XVIII в. личность разрѣшилась въ общество,—и выросло такое могучее общественное самосознаніе, что „просвѣщенный абсолютизмъ", создавшій русское общество, встрѣчаетъ себѣ подъ конецъ, отпоръ въ самодѣятельности этого общества,—въ работѣ Новикова, въ протестѣ Радищева.

Преемники Петра потеряли связь съ Россіею,—они были взаимно чужды другъ другу,—оттого въ русскомъ обществѣ развивается индифферентизмъ къ родинѣ у однихъ, космополитизмъ у другихъ, — въ этихъ новыхъ настроеніяхъ было, впрочемъ, столько-же дурного, сколько и хорошаго,—и если худшіе русскіе люди XVIII в. дѣлаются какими-то „обезьянами", ненавидящими родину и ей ненавистными, то лучшіе дѣлаются настоящими „европейцами", сживаются съ интересами западной вѣковой культуры. Этимъ облегчалось сближеніе съ Западомъ всей Россіи, — она входила въ семью европейскихъ государствъ, чтобы играть тамъ міровую и равноправную роль.

Послѣ Ломоносова, Тредіаковскаго, Сумарокова, псевдоклассицизмъ, ослабѣвшій у нихъ, усиливается, съ развитіемъ культурнаго космополитизма. Но такое отдаленіе „высшей" литературы отъ „низшей" даетъ послѣдней возможность болѣе свободнаго развитія,—на этотъ фактъ у насъ до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Между тѣмъ, рукописная русская повѣсть, народная сказка, былина не только не умираютъ въ XVIII в., но подвергаются литературной обработкѣ,—освѣщенное идеализмомъ новаго времени, субъективизмомъ автора, литературное потомство повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ приближается по формѣ, идеямъ и настроеніямъ къ реалистической повѣсти Пушкина и Гоголя... Какъ извѣстно, не смолкаетъ и русская народная лирика, — и вотъ, ко второй половинѣ вѣка начинается ясное сближеніе поэзіи „парнассцевъ" съ безхитростною, но самобытною народною поэзіею. Такъ, народный геній изъ-подъ гнета вліяній сталъ опять выбираться на путь единаго цѣльнаго національнаго творчества!

Пушкинъ, въ себѣ вмѣстившій и изящный космополитизмъ классиковъ, и глубокое пониманіе народной поэзіи,

и идеализмъ Жуковскаго, и политическія мечты Радищева— былъ итогомъ всей той кипучей жизни XVIII в., когда Россія въ 100 лѣтъ прожила три вѣка европейской жизни! Великій Преобразователь далъ ей такой могучій толчокъ!

Въ нѣсколькихъ словахъ Герценъ удивительно вѣрно охарактеризовалъ и петровскую реформу, и весь XVIII в. и, наконецъ, литературные результаты реформы: *„Петръ Великій сдѣлалъ вызовъ Россіи, и она отвѣтила ему Пушкинымъ“*.

В. Сиповскій.

Петръ Великій по его письмамъ въ 1688—1703 годахъ.

Въ 1872 году, по случаю празднованія двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Императора Петра Великаго, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстой, представляя Императору Александру II нѣкоторыя изданія, вышедшія въ свѣтъ по этому поводу, высказалъ мысль, что было бы весьма важно для безпристрастной оцѣнки личности и многосторонней дѣятельности великаго Преобразователя приступить къ изданію такого собранія его писемъ и бумагъ, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ подъ пера монарха. Эта мысль удостоилась Высочайшаго одобренія, и 30 декабря 1872 г. была образована, для собранія матеріаловъ къ этому изданію, особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ гр. Д. А. Толстого, изъ слѣдующихъ лицъ: профессоровъ русской исторіи С. М. Соловьева, Н. А. Попова, К. Н. Бестужева-Рюмина и Е. Е. Замысловскаго, директора Московскаго архива министерства юстиціи, сенатора Н. В. Калачева, академика А. Ѳ. Бычкова и А. Е. Викторова.

Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣропріятій коммиссія посвятила нѣсколько засѣданій обсужденію вопроса о томъ, что должно найти мѣсто въ предполагаемомъ изданіи, и, по выработанному ею проекту, въ собраніе должны были войти слѣдующіе матеріалы: 1) письма, указы и инструкціи Петра Великаго, а также его резолюціи на докладахъ и прошеніяхъ; 2) письма и бумаги, писанныя Петромъ Великимъ не отъ своего имени; 3) трактаты и договоры, а также грамоты къ иностраннымъ государямъ, составлявшіеся по мысли и указанію Петра Великаго; 4) учебныя его тетради,

замѣтки для памяти и черновые наброски собственной руки; 5) не дошедшія до насъ ни въ подлинникахъ, ни въ спискахъ письма и бумаги Петра Великаго, но помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ; 6) наказы нашимъ дипломатическимъ агентамъ заграницей и переписка съ ними лицъ, завѣдывавшихъ посольскимъ приказомъ, если въ сохранившихся черновыхъ отпускахъ тѣхъ и другихъ встрѣчаются поправки и дополненія, писанныя Петромъ Великимъ, и 7) исправленные государемъ реляціи и переводы разныхъ сочиненій. Кромѣ этого коммиссія предполагала включить въ изданіе именные указы, объявленные разными лицами, не смотря на то, что они не имѣютъ подписи Петра Великаго; но впослѣдствіи она, имѣя въ виду, что размѣры изданія отъ этого значительно разрослись бы, и что пришлось бы перепечатать нѣсколько томовъ „Полнаго Собранія Законовъ", отказалась отъ этой мысли.

Послѣ выработки этого проекта и правилъ изданія члены коммиссіи, распредѣливъ между собой работу, приступили къ собиранію документовъ въ архивахъ различныхъ учрежденій. Въ то-же время собираніе и списываніе бумагъ Петра Великаго усердно производилось за границею: иностранныя правительства отнеслись къ этому дѣлу весьма внимательно и открыли свободный доступъ въ свои государственные архивы. Коммиссія обращалась и къ частнымъ лицамъ съ просьбою о доставленіи документовъ; многіе отозвались на ея приглашеніе, хотя не всѣ: нѣсколько лицъ, у которыхъ, какъ коммиссіи положительно извѣстно, находятся письма Петра Великаго, или прошли молчаніемъ сдѣланныя къ нимъ письменныя обращенія, или отвѣтили на нихъ прямымъ отказомъ. Трудность найти лицъ, умѣющихъ правильно читать связный и неразборчивый почеркъ Петра Великаго, а также ограниченность времени, которое могли посвящать члены коммиссіи, занятые службою въ учебныхъ заведеніяхъ и другихъ учрежденіяхъ, на провѣрку переписаннаго,—чрезвычайно замедляли ходъ работъ. Но несмотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, гр. Толстой могъ уже 22 февраля 1875 г. доложить Государю Императору, что въ коммиссіи имѣется болѣе 4,000 списанныхъ писемъ Петра Великаго и разныхъ бумагъ его руки. Такъ какъ уже не встрѣчалось болѣе новыхъ документовъ за первые годы цар-

ствованія Петра, въ коммиссіи возникла мысль о возможности въ скоромъ времени приступить къ ихъ печатанію, и въ засѣданіи 23 апрѣля 1876 г. были установлены правила печатанія. 4 апрѣля 1877 г. гр. Толстой довелъ до свѣдѣнія Государя Императора, что число собранныхъ коммиссіей документовъ простирается уже до 10,000, и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе смѣту расходовъ на печатаніе перваго тома, исчисленную въ 7087 руб. 50 к. Смѣта была утверждена, и 27 ноября 1879 г. гр. Толстой вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ ассигнованіи и отпускѣ Высочайше утвержденной суммы. Послѣдовавшее по этому представленію мнѣніе Государственнаго Совѣта было Высочайше утверждено 21 февраля 1880 г.

Казалось, все уже было кончено, но на этомъ-то пунктѣ дѣло и остановилось. Гр. Толстой оставилъ постъ министра народнаго просвѣщенія, и коммиссія прекратила свою дѣятельность; дошло даже до того, что назначенная на изданіе сумма, „за неизрасходованіемъ“ поступила въ рессурсы казны. Дѣло было забыто и пребывало въ такомъ положеніи почти пять лѣтъ, пока 24 ноября 1884 г. министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ не представилъ Императору Александру III всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія „для скорѣйшаго осуществленія дѣла, одобреннаго въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ и съ нетерпѣніемъ ожидаемаго всѣми, занимающимися отечественною исторіей, возложить непосредственное наблюденіе за дѣлами изданія писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго на президента Императорской Академіи Наукъ, гр. Толстого, по мысли котораго оно возникло, и который, по своей любви къ исторіи Россіи, изъявилъ на это согласіе“. Представленіе министра удостоилось Высочайшаго одобренія, и дѣло получило, наконецъ, желаемое движеніе.

Гр. Д. А. Толстой возложилъ печатаніе собраннаго матеріала на академика А. Ѳ. Бычкова, который не переставалъ и во время бездѣйствія коммиссіи заниматься въ разныхъ архивахъ, собирать находимыя въ нихъ бумаги и письма Петра и вести сношенія съ разными лицами, доставлявшими въ коммиссію документы. Приступая къ печатанію перваго тома, оказалось необходимымъ списать еще нѣсколько гра-

мотъ, а главное собрать указанія на недошедшія до насъ письма Петра, которыхъ въ этомъ періодѣ (1688—1701) было написано очень много. Къ нѣкоторымъ лицамъ не сохранилось ни одного письма Петра Великаго, какъ напр. къ Лефорту, А. К. Нарышкину, А. М. Головину и другимъ, тогда какъ не подлежитъ сомнѣнію, что съ ними у Петра была обширная корреспонденція. Чтобы отчасти восполнить эту утрату, гр. Д. А. Толстой нашелъ полезнымъ всѣ тѣ отвѣтныя письма, въ которыхъ имѣются свѣдѣнія объ утраченныхъ письмахъ Петра Великаго, помѣстить безъ всякихъ сокращеній въ примѣчаніяхъ; вслѣдствіе этого академику Бычкову пришлось приступить къ пересмотру хранящихся въ Государственномъ Архивѣ отвѣтныхъ писемъ и самому ихъ переписывать, а это также должно было замедлить выходъ въ свѣтъ давно предпринятаго изданія.

Наконецъ, послѣ этихъ продолжительныхъ и сложныхъ приготовленій, въ 1887 г. появился первый томъ „Писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго", обнимающій время съ 1688 по 1701 г.; за первымъ томомъ черезъ 2 года вышелъ второй (2702 и 1703 гг.), а въ 1893 г.—третій (1704—1705 гг.). Изданіе можетъ считаться образцовымъ съ внѣшней стороны, а по внутреннимъ достоинствамъ, по своей научности, является вполнѣ достойнымъ памяти великаго преобразователя Россіи. Личность Петра Великаго ярко выступаетъ передъ нами въ собственныхъ его письмахъ, обрисовывается его кипучая, многосторонняя дѣятельность, а рядомъ съ этимъ мы лучше знакомимся съ его сподвижниками и со всей его знаменательной эпохой. Для историка этотъ матеріалъ представляетъ первостепенную важность, и слѣдуетъ поэтому пожелать, чтобы изданіе, изъ участниковъ котораго остается въ живыхъ только одинъ знаменитый нашъ археологъ, И. Е. Забѣлинъ, двигалось скорѣе далѣе и было бы закончено, несмотря на растущую массу матеріала.

Пользуясь первыми двумя томами „Писемъ и бумагъ", мы напомнимъ въ нашемъ очеркѣ главные моменты дѣятельности Петра Великаго въ періодъ 2688—1703 гг., періодъ, закончившійся основаніемъ С.-Петербурга и, такъ сказать, переходный, когда отъ своихъ потѣхъ, учебныхъ

годовъ, Петръ обращался къ серьезному и великому дѣлу внутренняго и внѣшняго обновленія Россіи.

Въ началѣ „Собранія“ мы встрѣчаемся съ учебными тетрадями Петра по ариѳметикѣ, астрономіи и артиллеріи, затѣмъ идетъ нѣсколько писемъ его къ матери, царицѣ Наталіи Кирилловнѣ изъ Переяславля, куда она отпустила его на стройку кораблей въ 1688 г. Ни по содержанію, ни по формѣ письма эти ничего особенно важнаго не представляютъ; вотъ для примѣра одно изъ нихъ: „Всегда желающаго мнѣ здравія благословенія прошу, а у насъ за молитвъ твоихъ все здраво. По симъ всегда и присно желаю здравія и спасенія. Недостойный Petrus“. Въ такомъ же родѣ и остальныя письма этого времени.

Въ іюнѣ 1689 г. эти записочки прерываются. Прервала ихъ новая стрѣлецкая смута, закончившаяся казнью Шакловитаго и удаленіемъ царевны Софіи. До насъ дошелъ оффиціальный актъ завершившій это дѣло, письмо Петра къ брату, царю Іоанну Алексѣевичу.

„Милостію Божіею, пишетъ Петръ брату, врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, также и братіямъ нашимъ, окрестнымъ государямъ, о государствованіи нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобы быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не воспоминалось. А какъ наша сестра, царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягости и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши, Ѳедька Шакловитый съ товарищи, не удоволяся милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами объ убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь братецъ, настоитъ время обоимъ нашимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быть не изволяемъ; на то бъ и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою безъ нашего изволенія, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хо-

тѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшія пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и ѳбрадовать вскорѣ. А какъ государь братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ".

Въ этой грамотѣ еще ничего не говорится объ участи „зазорнаго лица", царевны Софіи Алексѣевны, но черезъ нѣсколько дней она была рѣшена: изъ Троицы въ Москву пріѣхалъ бояринъ И. Б. Троекуровъ съ приказомъ царевнѣ итти въ монастырь; послѣ долгихъ отговорокъ она переселилась въ Новодѣвичій монастырь.

Кончилась смута, и царь снова принялся за свои водяныя потѣхи. Въ 1691 г. мы опять съ нимъ встрѣчаемся на Переяславскомъ озерѣ, но какъ онъ писалъ впослѣдствіи, это озеро „показалось ему мало"; онъ поѣхалъ на Кубенское озеро, „но оное ради мелкости не показалось". Тогда онъ „положилъ свое намѣреніе видѣть море, о чемъ сталъ просить матери своей, дабы мнѣ позволила, которая хотя обычаемъ любви матерней въ сей опасный путь многократно возбраняла, но потомъ, видя великое мое желаніе и неотмѣнную охоту, и не хотя позволила". Отпуская сына въ Архангельскъ на Бѣлое море, царица взяла съ него обѣщаніе только посмотрѣть корабли, а самому въ море не ходить. Но все-таки разлука была ей тяжела, она боялась, чтобы сынъ не нарушилъ своего обѣщанія, хотѣла скорѣйшаго его возвращенія, и вотъ передъ нами чрезвычайно любопытная переписка матери съ сыномъ.

„О томъ, свѣтъ мой, радость моя, сокрушаюсь", пишетъ Наталья Кирилловна, „что тебя, свѣта моего, не вижу. Писала я тебѣ, къ надеждѣ своей, какъ мнѣ тебя, свою радость, ожидать: и ты, свѣтъ мой, опечалилъ меня, что о томъ не отписалъ. Прошу у тебя, свѣта моего, помилуй родшую тя, какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ, не мѣшкавъ. Ей, свѣтъ мой, несносная мнѣ печаль, что ты, радость, въ дальнемъ такомъ пути. Буди надъ тобою, свѣтъ

мой, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надеждѣ, Пресвятой Богородицѣ: Она тебя, надежда наша, да сохранитъ“ *).

Петръ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: „Государынѣ моей матушкѣ, царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. Изволила ты писать ко мнѣ съ Васильемъ Соймоновымъ, что я тебя, государыню опечалилъ тѣмъ, что о пріѣздѣ своемъ, (т. е. о возвращеніи въ Москву) не писалъ: и о томъ и нынѣ подлинно отписать не могу для того, что дожидаюсь кораблей, а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ, потому что больше трехъ недѣль отпущены изъ Амстердама; а какъ они будутъ, и я, искупя, что надобеть, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей: и такого пастыря имѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и представительстомъ не точію я единъ, но міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу. Недостойный Петрушка“.

Грустно было царицѣ узнать, что возвращеніе горячо любимаго ея сына откладывается на неопредѣленный срокъ, въ ожиданіи прихода амстердамскихъ кораблей, а тутъ пришло еще болѣе непріятное извѣстіе: сынъ не сдержалъ своего слова, даннаго ей передъ отъѣздомъ; увидавши воду и корабли, увлекся, пустился ихъ провожать и проплылъ по Бѣлому морю около 300 верстъ. Наталья Кирилловна пишетъ Петру новое письмо:

„Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ, ей, ей, свѣтъ мой! велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего, радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться, и ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые прежде пришли: чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться? Не презри, батюшка мой свѣтъ, сего прошенія, о чемъ просила выше сего. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ,—и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить. И я, свѣтъ мой, о томъ благодарю Господа Бога и Пресвятую Владычицу Богородицу, общую нашу надежду, что тебя,

*) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XIV, стр. 135. Устряловъ, Исторія царствованія Петра В. т. II, стр. 152, 404.

свѣта моего, сохранила въ добромъ здравіи. Да буди надъ тобою, свѣтомъ моимъ, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, надеждѣ своей Пресвятой Богородицѣ, и мое грѣшное благословеніе".

Чрезвычайно сочувственными чертами рисуется передъ нами въ этомъ письмѣ образъ матери, нѣжной, беззавѣтно любящей своего сына, готовой отдать за него свою жизнь, какъ она доказала это во время стрѣлецкихъ волненій. Какъ осторожен укоръ; „ты обѣщался мнѣ не ходить въ море"! Сколько въ немъ тревожной заботливости.

Но Петръ не ѣхалъ домой, все „мѣшкалъ" въ Архангельскѣ; царица прибѣгаетъ къ такой уловкѣ, она пишетъ къ нему письмо отъ имени трехлѣтняго его сына. Царевичъ проситъ отца: „Пожалуй, радость наша, къ намъ, государь, не замѣшкавъ; ради того, радость мой государь, у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку въ печали" [1]).

Тяжело было Петру получать такія письма, знать, что мать его печалится его отсутствіемъ и морскими потѣхами; „тебѣ печаль, а мнѣ какая радость?" пишетъ онъ ей. „Пожалуй, сдѣлай меня безъ печали тѣмъ: сама не печалься, а истинно не заживусь". Онъ посылаетъ Ѳедора Чемоданова, который долженъ „словесно извѣстить" царицу о жизни царя въ Архангельскѣ. Но трудно разстаться царю и со своими потѣхами, потому что вѣдь онѣ не только потѣхи, но и ученье и работа. Онъ оттягиваетъ свое возвращеніе, ему хочется посмотрѣть гамбургскіе корабли. Наконецъ рѣшенъ обратный отъѣздъ въ Москву; царица опять тревожится за сына, чтобы онъ не торопился, не надсадилъ себя скорой ѣздой, но онъ отвѣчаетъ: „Ты, пожалуй, своею печалью не надсади меня. А я, слава Богу, кромѣ сего надсаждать себя инымъ не стану и поѣду по мѣрѣ, не мѣшкавъ". 19 сентября Петръ выѣхалъ изъ Архангельска, съ дороги онъ послалъ еще два письма къ матери: въ одномъ онъ увѣдомляетъ о своемъ выѣздѣ и проситъ царицу больше къ нему не писать, въ другомъ проситъ ее „не прогнѣваться", что остановился гдѣ-то ночевать,

---

[1]) Устряловъ, Ист. царств. Петра В. т. II, стр. 154, 405.

1 октября Петръ былъ въ Москвѣ, занялся снова потѣхами, веселыми попойками и пирами въ кругу своей компаніи, у иноземныхъ офицеровъ и мастеровъ, сочинялъ планы будущихъ военныхъ упражненій, учился. Ученье съ потѣхой неразрывно связывалось. Интересно въ этомъ отношеніи письмо къ Ѳ. М. Апраксину: „Ренскому, что у Книпера, о цѣнѣ пришли роспись всякой бочкѣ порознь, да одну бочку, которую изъ нихъ я хвалилъ, пришли не помѣшкавъ, да и тое пришли, что Брантъ прислалъ. Да Петру Ивановичу (т. е. Гордону) молви, чтобъ инструментъ прислалъ совсѣмъ, который я у него видѣлъ, а мнѣ зѣло нужно на время“. Но пока царь занимался всѣмъ этимъ, ему готовился тяжелый ударъ: 20 января царица Наталья Кирилловна заболѣла, повидимому, неопасно, такъ что Петръ пригласилъ всю свою компанію на 25-е на вечеръ къ Лефорту, но въ этотъ самый день царицѣ стало хуже, и она скончалась. По извѣстію Гордона, Петръ былъ мраченъ и чрезвычайно разстроенъ. Три дня онъ плакалъ и тосковалъ, но уже 28 вечеромъ онъ былъ у Лефорта съ компаніей. 29-го писалъ Апраксину въ Архангельскъ: „Ѳедоръ Матвѣичъ! Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. Обаче вспоминая апостола Павла, яко не скорбѣти о таковыхъ“ и Ездры „еже не возвратити день, иже мимо иде“, сія вся елико возможно, аще выше ума и живота моего (о чемъ и самъ подлинно вѣдалъ), еще поелику возможно разсуждаю, яко всемогущему Богу и вся по волѣ своей творящу. Аминь. По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу. Понеже по обѣщанію моему (т. е. поклониться Соловецкимъ чудотворцамъ), паче же отъ безмѣрной печали, внезапно здѣ (т. е. Архангельскъ) присѣтити хощу, и того для имамъ нѣкія нужды, которыя пишу ниже сего: Посылаю Никласа да Яна для строенія малаго корабля, и чтобъ имъ лѣсъ и желѣзо и все къ тому было вскорѣ готово, понеже рано пріѣхать имѣемъ“. Изъ этого письма мы видимъ, что смерть матери дѣйствительно не прошла для Петра легко, какъ можно было бы предполагать по его присутствію на вечерѣ у Лефорта; но онъ борется съ собою, хочетъ пересилить свою печаль, о „которой подробно рука писать не можетъ“; ему тяжело даже оставатьс

въ Москвѣ, онъ думаетъ успокоиться, обратившись къ работѣ, говоритъ, что надо „оставить невозвратное“ и заняться „живымъ“, т. е. приготовленіемъ къ строенію корабля въ Архангельскѣ. Черта самообладанія—замѣчательная въ 22-хъ лѣтнемъ молодомъ человѣкѣ, какимъ былъ Петръ въ это время.

Поѣздку въ Архангельскъ, упоминавшуюся въ приведенномъ письмѣ, пришлось почему-то отложить до весны, и въ началѣ марта Петръ извѣстилъ Апраксина, что походъ состоится въ концѣ апрѣля, какъ этого требуетъ генералиссимусъ, назначенный адмираломъ, кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій. Письмо это отличается своимъ шутливымъ тономъ: царь говоритъ, что Ромодановскій „человѣкъ зѣло смѣлый къ войнѣ, а паче къ водяному пути“, хотя Ромодановскій никогда въ морѣ не бывалъ; далѣе Ромодановскій и второй генералиссимусъ И. И. Бутурлинъ (тоже не бывавшій въ морѣ, но назначенный вице-адмираломъ) уподобляются „любознательнымъ аѳинянамъ“, тогда какъ оба они исполняли желаніе царя по своей къ нему преданности, а въ дѣйствительности далеко не питали особаго сочувствія къ новизнамъ. Въ началѣ апрѣля Апраксину были посланы еще два письма о разныхъ дѣлахъ, и между прочимъ царь наказываетъ ему: „да, пожалуй, о пивѣ не забудь“. 29 апрѣля государь и его спутники, выѣхали изъ Москвы.

Путешествіе отъ Вологды по Сухонѣ и Двинѣ совершалось на карбасахъ, и 18 мая этотъ флотъ бросилъ якорь предъ Архангельскомъ. Строившійся на верфи корабль „Апостолъ Павелъ“ былъ готовъ къ спуску, царь его спустилъ въ Двину, оставалось только окончательно его отдѣлать. Этимъ временемъ царь предпринялъ, по обѣщанію, извѣстную поѣздку въ Соловки; по дорогѣ онъ чуть не погибъ въ сильную бурю, но былъ спасенъ лоцманомъ Антипомъ. Благополучное возвращеніе въ Архангельскъ было отпраздновано шумными и веселыми пирами, причемъ, по свидѣтельству Гордона, не щадили ни вина, ни пороху. Бахусъ съ Ивашкой Хмѣльницкимъ зѣло почтены были. Между тѣмъ строеніе корабля подвигалось. 11 іюля онъ, какъ писалъ Петръ А. А. Виніусу, былъ „совсѣмъ отдѣланъ, окрещенъ во имя Павла апостола и Марсовымъ ладо-

номъ (т. е. порохомъ) довольно окуренъ; въ томъ же куреніи и Бахусъ припочтенъ былъ довольно". Тутъ чуть не случилось большой бѣды; „нахальчивый Вульканусъ, не удовольствуясь прибывающими на сушѣ, дерзнулъ на Нептунусову державу и чуть не всѣ суда въ Конгукорвѣ пожегъ; обаче черезъ наши трубы весьма раззоренъ; только едину барки кровлю и бортъ сжегъ съ хлѣбомъ; и возлѣ ея была барка съ пенькою, и еслибъ та загорѣлась, тогда бъ отнюдь невозможно было отнять".

Между тѣмъ изъ Москвы извѣщали, что готовится новая потѣха; Виніусъ увѣдомилъ царя, что по письмамъ амстердамскаго бургомистра Витзена, купленный въ Голландіи фрегатъ "«Santa Profeetie" уже около 6 недѣль подъ начальствомъ капитана Флама вышелъ въ море и скоро долженъ придти къ Архангельску. Царь отвѣчалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода корабля, „дабы его же слышаніемъ радуемся, руками могли осязать". Но Фламъ не приходилъ, а тутъ еще другая забота: царь хотѣлъ добыть изъ Голландіи планы и смѣты для постройки различныхъ судовъ, а Витзенъ отвѣтилъ, что плановъ прислать не можетъ, такъ какъ каждый корабельный мастеръ строитъ суда по своему разсужденію, а образцомъ для Петра можетъ служить „Santa Profeetie". Петръ былъ недоволенъ такою отговоркой, „невозможно тому статься, писалъ онъ Виніусу, потому что тотъ корабль фрегатъ, а не флейтъ, и для того кшталтомъ *) весьма розны суть, а голіаты и яхты и гораздо далѣе видомъ и размѣромъ. И для того сколько возможно потрудись, чтобы тѣмъ разнымъ судамъ всякому особо размѣръ сыскать". „А Фламъ по се число не бывалъ" заключаетъ Петръ свое письмо. Наконецъ 21 іюля, „совершилось, что давно желали: Янъ Фламъ въ цѣлости пріѣхалъ и на его кораблѣ 44 пушки и 40 матросовъ". Торжество было неописанное, компанія предавалась пированію, такъ что Петръ обѣщаетъ Виніусу о подробностяхъ сообщить со слѣдующей почтой, „а нынѣ обвеселяся неудобно пространно писать, паче же и нельзя: понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писати". Фрегатъ нужно было но-

*) Кшталтъ—польское слово—видъ.

чинить, и все было въ недѣлю исправлено „призоромъ и тщаніемъ“ государя. 10 августа флотъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ иностранныхъ и русскихъ кораблей, въ числѣ которыхъ были „Апостолъ Павелъ“ и „Santa Profeetie“, вышелъ въ море. Плаваніе продолжалось 10 дней, 20 августа государь, послѣ веселаго пира у архангельскаго воеводы, выѣхалъ въ Москву, замышляя новую потѣху.

Потѣхой это, произвѣденной въ грандіозныхъ размѣрахъ былъ знаменитый Кожуховскій походъ, не обошедшійся безъ раненыхъ, обожженныхъ порохомъ и даже убитыхъ. Но мы не будемъ излагать подробностей этого похода, замѣтимъ только, что онъ былъ послѣдней потѣхой. Съ будущаго 1695 года царь уже принимается вполнѣ за серіозное дѣло, и Кожуховскій походъ завершаетъ собою первую половину того періода, который мы выше назвали переходнымъ. Эта половина преимущественно посвящена потѣхамъ: царь потѣшается въ веселой компаніи, отдаетъ почетъ Ивашкѣ Хмѣльницкому и Бахусу, предается гомерическимъ пирамъ и попойкамъ, въ перепискѣ его съ членами компаніи много мѣста отводится этимъ предметамъ, Петръ часто заботится въ письмахъ о „ренскомъ“, о „пивѣ“, „секѣ“, „лимонатѣ“, хотя на ряду съ этимъ пишетъ и объ „инструментахъ математическихъ или тимерманскихъ“ (т. е. плотничьихъ); потѣхой, хотя съ болѣе уже серіозной подкладкой, но въ сущности все же потѣхой, были для царя и тѣ воинскія и морскія упражненія, которымъ онъ отдавалъ такъ много времени. Но такъ было въ первую половину, во вторую же половину разсматриваемаго періода является болѣе серіозности: потѣхи съ Бахусомъ и Хмѣльницкимъ остаются, но имъ удѣляется меньше мѣста, о нихъ меньше говорится, потѣхи же морскія и воинскія совсѣмъ теряютъ свой прежній характеръ и становятся настоящимъ государственнымъ дѣломъ.

Первымъ серіознымъ дѣломъ была война съ турками. С. М. Соловьевъ полагаетъ, что человѣкомъ, уговорившимъ Петра предпринять походъ на Азовъ, былъ Лефортъ. „Потѣхамъ пора было кончиться“, говоритъ нашъ историкъ. „Въ народѣ шелъ ропотъ: царь связался съ нѣмцами, и какое же изъ этого добро? однѣ потѣхи, отъ которыхъ напрасно гибнутъ и страдаютъ люди. Для собственной выгоды

Лефортъ долженъ былъ настаивать на прекращеніи потѣхъ и на какомъ-нибудь важномъ предпріятіи, которое могло бы выставить въ выгодномъ свѣтѣ царя и компанію, иначе рождались очень непріятныя сравненія со свергнутымъ правительствомъ: если при Софьѣ походы на Крымъ были неудачны, то все же русскія рати искали враговъ, а теперь татары приходятъ на Украйну. Союзники упрекаютъ въ бездѣйствіи; гетманъ Мазепа пишетъ, что необходимо начать наступательное движеніе: этого желаетъ народъ, этого особенно нужно, чтобы дать упражненіе безпокойнымъ силамъ, собраннымъ въ Запорожьѣ. Лефортъ хотѣлъ, чтобы Петръ предпринялъ путешествіе за границу, въ западную Европу; но какъ показаться въ Европу, не сдѣлавши ничего, не принявши дѣятельнаго участія въ священной войнѣ противъ турокъ". Къ дѣятельному продолженію войны шли увѣщанія и отъ іерусалимскаго патріарха Досиѳея. Мы не отрицаемъ, что увѣщанія Досиѳея и Лефорта могли имѣть вліяніе на ту перемѣну, которая произошла въ царѣ, но не ими одними, думается намъ, слѣдуетъ ее объяснять. Прежде всего участіе Лефорта въ этомъ дѣлѣ нѣсколько преувеличено С. М. Соловьевымъ: если бы Лефортъ дѣйствительно былъ главнымъ инициаторомъ Азовскаго похода, то онъ иначе велъ бы себя при осадѣ Азова, а между тѣмъ извѣстны такіе два факта: 1) скучая при первой осадѣ Азова, Лефортъ хотѣлъ кончить дѣло какъ-нибудь, чтобы скорѣе вернуться въ Москву; и 2) когда Петръ, по взятіи Азова, трудился со своими инженерами надъ укрѣпленіями города и искалъ мѣста для гавани, Лефортъ, несмотря на свой адмиральскій чинъ, бросилъ флотъ и уѣхалъ въ Москву. Самая мысль о походѣ подъ Азовъ, а не на устья Днѣпра, въ Крымъ, какъ это было при Софьѣ Алексѣевнѣ, могла быть, по нашему мнѣнію, подана не иноземцемъ Лефортомъ, а русскимъ человѣкомъ, если только она не возникла у царя самостоятельно: русскіе люди имѣли прецедентъ похода въ извѣстной попыткѣ казаковъ овладѣть Азовомъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Наконецъ царю не было нужды черезъ Лефорта узнавать, что народъ ждетъ отъ него настоящаго дѣла, онъ могъ это узнать и безъ посредниковъ.

Въ виду всего этого, намъ кажется, слѣдуетъ отнести кое-что въ инициативѣ Азовскаго похода и на долю самого

Петра: не должно опускать изъ виду, что онъ былъ въ это время уже гораздо болѣе зрѣлымъ человѣкомъ, чѣмъ прежде,—эта зрѣлость сказывается прямо въ тонѣ и характерѣ его писемъ, которыя становятся все болѣе и болѣе дѣловыми *).

Но какъ бы ни было, мысль о походѣ подъ Азовъ является поворотнымъ пунктомъ отъ потѣхи къ дѣлу. Уже въ началѣ 1695 года царь писалъ къ Апраксину: „шутили подъ Кожуховымъ, а теперъ подъ Азовъ играть ѣдемъ". До апрѣля тянулись приготовленія къ походу, царь былъ очень занятъ дѣлами. Отъ 16 апрѣля мы имѣемъ слѣдующее любопытное его письмо къ Апраксину: „О замедленіи вѣдомости противъ вашего письма во истину больше суетами и непрестаннымъ недосужествомъ, нежели лѣностью, умедлено: понеже вѣдаетъ ваша милость, что какими трудами нынѣшней осени подъ Кожуховымъ чрезъ пять недѣль въ Марсовой потѣхѣ были, которая игра, хотя въ ту пору, какъ она была, и ничего не было на разумѣ больше, однакожъ послѣ совершенія оной, зачалось иное, и прежнее дѣло явилось яко предвѣстникомъ дѣла, о которомъ самъ можешь разсудить, коликихъ трудовъ и тщанія оное требуетъ, о чемъ, есть ли живы будемъ, впредь писать будемъ. Съ Москвы на службу подъ Азовъ, по ихъ пресвѣтлѣйшества указу (т. е. по указу князя-кесаря Ромодановскаго) пойдемъ сего же мѣсяца 18 числа".

Мы не будемъ разсказывать подробностей Азовскаго похода, для нашей цѣли важно опредѣлить ту роль, которую въ немъ игралъ царь, прослѣдить его личное участіе въ отдѣльныхъ эпизодахъ, выяснить тѣ впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ изъ этого дѣла, отношеніе его къ этому предпріятію. Мы будемъ поэтому главнымъ образомъ слѣдить за его перепиской, которая была довольно обширна въ это время. Больше всего царь писалъ князю-кесарю Ромодановскому, А. А. Виніусу и А. Ю. Кревету. Письма къ послѣднимъ двумъ лицамъ чисто дѣлового характера: Петръ сообщаетъ имъ о ходѣ военныхъ дѣйствій и даетъ имъ разнаго рода порученія; другой тонъ въ письмахъ къ Ромодановскому,

*) Соловьевъ. Ист. Россіи т. XIV, стр. 202—205. Устряловъ. Ист. царств. Петра В. т. II, 122.

это письма шутливыя: царь пишетъ ему о томъ же, о чемъ Виніусу и Кревету, факты излагаетъ тѣми же самыми словами, но постоянно величаетъ князя „Min Her Kenich", „пресвѣтлѣйшество", говоритъ, что дѣйстуетъ по его приказу и т. д.

Отправляясь въ походъ, Петръ всецѣло отдался предпринятому дѣлу и увѣренъ въ его успѣхѣ. Препятствія ждали однако уже на первомъ шагу: „въ Дѣдиновѣ и Муромѣ задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ слывутъ мастеры, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба". Но „помощью Божіей" всякія препятствія устраняются, и увѣренность въ успѣхѣ растетъ. 29 іюня войско пришло на рѣку Койсу въ 10 верстахъ отъ Азова; извѣщая объ этомъ Виніуса, Петръ замѣчаетъ: „на молитвахъ святыхъ апостолъ, яко на камени утвердяся, несумнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ". Первой удачей было взятіе турецкой каланчи, и Петръ пишетъ по этому поводу Кревету, что „отворились къ Азову врата счастія". Осадныя работы шли довольно быстро; въ концѣ іюля въ письмѣ къ Виніусу находимъ такое извѣстіе: „въ дѣлѣ нашемъ, слава Богу, порядокъ идетъ доброй, и уже меньше тридцати сажень отъ города обрѣтаемся, и въ надеждѣ милосердія Божія, о благомъ совершеніи не сумнѣваемся". 2 августа царь извѣщаетъ боярина Т. Н. Стрѣшнева, что „шанцами гораздо пришли близко ко рву, и отъ того непріятелямъ учинилась великая тѣснота". Въ этомъ же письмѣ онъ отвѣчаетъ на похвалы боярина его дѣйствіямъ подъ Азовомъ; Петръ очень скромно находитъ ихъ преувеличенными: „преимущество намъ приписать изволили, говоритъ онъ, котораго никако въ себѣ видѣти можемъ". Въ половинѣ сентября въ письмѣ къ Виніусу царь говоритъ: „А здѣсь, слава Богу, все здорово, и въ городѣ Марсовымъ плугомъ все испахано и насѣяно и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія, въ чемъ Господи, помози намъ, въ славу имени Твоего святаго".

Во всѣхъ этихъ письмахъ высказывается постоянная надежда на успѣхъ, но въ Москвѣ смотрѣли на Азовскій походъ иначе. За судьбу царя очень безпокоились, извѣстій отъ него ожидали съ сильнѣйшимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ распространялись разные неблагопріятные слухи. Всякая хорошая вѣсть производила большую радость; получивши

письмо отъ Петра о приходѣ на рѣку Койсу, Виніусъ между прочимъ отвѣчалъ: „та почта такую всѣмъ радость принесла, что многіе и въ церквахъ Божіихъ и въ домахъ своихъ того же часа молебствовали, пріявъ сію радостную почту яже яко солнце тьму многіе лжи разогнала и повсюду, даже и въ стрѣлецкихъ слободахъ, великую радость принесла". А между тѣмъ почты задерживались, да и у царя не бывало иногда времени писать, рождались новые слухи, Ромодановскій и Виніусъ просятъ Петра чаще писать о себѣ. Петръ объясняетъ причины задержки въ корреспонденціи: „препоною учинилось недосужство, потому что многіе знатные въ воинскихъ трудахъ люди за онымъ писемъ своихъ писать не успѣли, также и отецъ вашъ государевъ и богомолецъ *) бдѣлъ въ непрестанныхъ же трудахъ письменныхъ, разспрашиваніемъ многихъ языковъ и иными дѣлами.—„Для Бога не сумнѣвайтесь о почтахъ, пишетъ Петръ въ тотъ же день въ другомъ письмѣ,—что замѣшкиваются. Истинно за недосужствомъ, а не для того, храни Боже! чтобъ за какою бѣдою. И самъ можешь разсудить, что еслибъ что учинилось, какъ бы то утаить можно".

Дѣйствительно было „недосужство", турки стояли крѣпко; „подошли мы къ гнѣзду близко", писалъ Петръ А. Ю. Кревету, „и шершніе раздразнили, которые за досаду свою крѣпко кусаются". Однако была и бѣда, и не смотря на надежду Петра, что гнѣздо „осыпается", оно не сыпалось, „добраго рожденія" годъ не принесъ, пришлось ограничиться однимъ занятіемъ каланчей и отступить. Неудача была страшная: поклонники старины подняли свой голосъ, стали говорить, что Богъ не благословилъ царскаго начинанія, такъ какъ войскомъ начальствовали еретики иноземцы. Но тутъ-то послѣ неудачи обнаружилось величіе Петра: онъ не палъ духомъ, проявилъ необыкновенную дѣятельность и не измѣнилъ тому пути, по которому шелъ раньше. Роптали на иноземцевъ, но вмѣсто того, чтобы уступить этому ропоту, Петръ еще усиленнѣе стремится завербовать въ свою службу иноземныхъ искусныхъ мастеровъ: вызываются инженеры и „огнестрѣльные художники" изъ Бранденбурга и изъ Австріи.

*) Государь Ромодановскій, богомолецъ — всесвятѣйшій патріархъ Зотовъ.

Сохранился любопытный отрывокъ письма Петра, по всей вѣроятности, къ Л. К. Нарышкину, завѣдывавшему посольскимъ приказомъ: „Для Бога къ цесарю вели отписать съ прошеніемъ объ инженерахъ и о иныхъ мастерахъ, чтобъ къ веснѣ хотя 6 человѣкъ, а хорошобъ 10. И буде поопасутся отпуску, и ты вели въ грамотѣ доложить, что по окончаніи того лѣта, въ которомъ они призваны будутъ, не задержавъ имъ будетъ свобода". Изъ тона записки, изъ выраженія „для Бога", видно, какое большое значеніе царь придавалъ этому дѣлу, какъ настаивалъ на его исполненіи. Въ то же время поднимается кипучая работа по строенію флота: прежнія водяныя потѣхи получили серьезное примѣненіе. Всѣ письма царя за это время наполнены извѣстіями о постройкѣ галеръ „галіасовъ", просьбами прислать досокъ, бревенъ, инструментовъ, разными распоряженіями о „каторжныхъ" мастерахъ, о „шихинъ-тиммерманахъ" и т. п. „Къ морскому каравану все строилось съ поспѣшеніемъ", царь работалъ безъ устали: „А мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой", писалъ Петръ боярину Т. Н. Стрѣшневу, и это, конечно, не было фразой.

Въ первыхъ числахъ апрѣля начали спускать суда на воду; въ этомъ занятіи прошла святая недѣля. Петръ поздравилъ съ праздникомъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ, остававшихся въ Москвѣ, въ одномъ письмѣ. Это письмо дышетъ уже прежнею увѣренностью въ успѣхѣ: „поздравляемъ васъ, пишетъ Петръ, въ нынѣшній день Свѣтло-Христова тріумфа надъ Люциферомъ и дѣтьми его... желаемъ отъ васъ прощенія къ Богу, да, яко отецъ нашъ Господь Богъ днесь побѣды отца ихъ махметанскаго дьявола, да сподобитъ и насъ надъ дѣтьми его побѣдители быти". Шутливый тонъ писемъ къ членамъ компаніи проявляется и теперь. Петръ величаетъ ихъ прежними шутовскими титулами. Князь кесарь Ромодановскій обидѣлся за то, что Петръ не поздравилъ его съ свѣтлымъ праздникомъ отдѣльно отъ другихъ, и сдѣлалъ Петру выговоръ. Петръ принимаетъ этотъ выговоръ и отвѣчаетъ шуточнымъ извиненіемъ: „въ послѣднемъ письмѣ изволишь писать про вину мою, что я ваши государскія лица вмѣстѣ написалъ съ иными, и въ томъ прошу прощенія, потому что корабельщики, наша братія въ чинахъ

не искусны“. Но продолжая эти шутки съ „компаніей“, предаваясь по временамъ бесѣдамъ съ Бахусомъ и Ивашкою Хмельницкимъ, Петръ не забывалъ дѣла, того же требовалъ отъ членовъ компаніи и, иногда, чрезвычайно строго выговаривалъ имъ за упущеніе; такъ, напримѣръ, 15 іюля 1696 года, онъ писалъ Виніусу, порицая дѣйствія знаменитаго дипломата, дьяка Е. И. Украинцева: „зѣло досадилъ мнѣ своякъ твой, что Кузьму *) держитъ безъ вѣдомости о войнѣ нашей, и не стыдъ ли, объ чемъ ни спросятъ его, ничего не знаетъ, а съ такимъ великимъ дѣломъ посланъ“. Въ цидулкахъ Микитѣ Моисеевичу (Зотову) о польскихъ дѣлахъ пишетъ (которые ненужно), что надобѣть дѣлать, и цесарскую сторону, гдѣ надежда союза, позабылъ, а пишетъ такъ: „для того о войскахъ не даемъ вѣдать, чтобъ Кузьма лишняго не разсѣялъ. — Разсудилъ! Есть ли сансъ въ его здоровьѣ **)? о государственномъ повѣренно, а что всѣ вѣдаютъ закрыто! только скажи ему, что чего онъ не допишетъ на бумагѣ, то я допишу ему на спинѣ“.

Вторая осада Азова, какъ извѣстно, была удачна: успѣхомъ русскіе были обязаны, главнымъ образомъ, вновь построенному флоту, который загородилъ путь турецкому флоту въ устьяхъ Дона и не пропускалъ вспомогательнаго отряда къ Азову. Много пользы принесло также новое устройство войска. Происходившія почти ежедневно стычки съ турками были удачны, кромѣ одного боя, гдѣ наши, увлекшись преслѣдованіемъ, по выраженію Петра „по прадѣдовскимъ обычаямъ, не принявъ себѣ оборониться воинскаго строя, нѣсколько потеряли, но, когда оправились, паки ихъ прогнали“. Выписанные изъ Австріи инженеры и огнестрѣльные мастера тоже содѣйствовали успѣху. Царь держалъ себя такъ же, какъ и прежде: работалъ неустанно и не бѣгалъ отъ опасности. Сестра его, царевна Наталья Алексѣевна убѣждала его быть осторожнѣе. Петръ отвѣчалъ: „по письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ, — прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако пока и ходятъ, только по ся поры вѣжливы. Турки на помощь пришли, да къ намъ не идутъ, а чаю,

---

*) Кузьма Нефимоновъ—дьякъ, бывшій резидентомъ въ Вѣнѣ.

**) т. е. здоровъ ли его умъ?

что желаютъ насъ къ себѣ". Успѣхъ, увѣнчавшій всѣ наши усилія, чрезвычайно обрадовалъ Петра. Очень характерно его письмо къ боярину Т. Н. Стрѣшневу отъ 20 мая: „Min Her heilige Fader. Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся! Нынѣ же радость наша исполнися, понеже Господь Богъ двалѣтнія труды и крови наши милостію Своею наградилъ: вчерашнего дни Азовцы, видя конечную свою бѣду, сдалися".

Велика была радость и въ Москвѣ: взятіе Азова принадлежало къ числу тѣхъ немногихъ торжествъ, которыя должны сильно поражать народное воображеніе. Это было первое торжество надъ страшными турками, которые раззорили Чигиринъ въ глазахъ нашего войска. Послѣ перваго Литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича, за которымъ слѣдовали такія неудачи и тягости, русскіе люди были впервые порадованы такимъ блестящимъ успѣхомъ своего оружія; помнили, что когда-то Азовъ былъ взятъ Донскими казаками, и въ то время уже сильно хотѣлось его удержать за собой, но чувствовались еще послѣдствія смуты, терзавшей Московское государство въ началѣ XVII столѣтія: силы было мало, а турки были грозны и могущественны, не рѣшились съ ними спорить, отдали имъ Азовъ; а теперь этотъ городъ снова нашъ — въ немъ возводятся укрѣпленія, строятся православныя церкви, идетъ рѣчь объ учрежденіи новой азовской епархіи... Велика была радость народная, но, разумѣется, больше всѣхъ радовались люди близкіе къ Петру, торжествовала его компанія, потому что успѣхъ несомнѣнно доказывалъ, что новый путь, на который вступилъ царь, есть путь вѣрный, что новыя средства ведутъ къ цѣли, что народныя силы не даромъ напрягались для постройки флота, что вызовъ иноземцевъ-матросовъ не былъ пустой затѣей. Новое правительство съ его новизнами высоко поднималось надъ старымъ съ его Крымскими походами. „Всѣмъ извѣстно", писалъ Виніусъ къ Петру, „что единымъ промысломъ вашимъ и одержаніемъ помощи съ моря, столь знаменитый въ свѣтѣ градъ къ ногамъ вашимъ приклонился". Сильно было впечатлѣніе, произведенное Азовскимъ походомъ, и заграницей: турки были еще общей грозой, побѣды надъ ними одерживались не часто. Въ Польшѣ эта побѣда вызвала опасеніе:

какъ-бы москали не выполировались. Воевода плоцкій говорилъ: „лучше бы было, чтобы дома сидѣли, это бы намъ не вредило, а когда выполируются и крови нанюхаются, увидишь, что изъ нихъ будетъ; до чего, Господи Боже, не допусти“.

Иностранные мастера много сдѣлали, но неужели же оставаться въ вѣчной отъ нихъ зависимости! Не вызывать же ихъ постоянно изъ-за границы! Надо попробовать обойтись и безъ нихъ, но какъ же это сдѣлать? Русскимъ людямъ надо занять ихъ мѣсто, имъ нужно самимъ научиться иноземному мастерству. Вызванные въ Россію мастера заняты насущнымъ текущимъ дѣломъ, они не учители, имъ некогда учить,—надо русскимъ самимъ ѣхать заграницу. И вотъ царь первый подаетъ примѣръ, онъ самъ ѣдетъ, чтобъ научиться всякимъ искусствамъ и чтобы, вернувшись домой, учить и контролировать другихъ. Снаряжается знаменитое посольство Лефорта, Головина и Возницына; къ посольству прикомандировываются молодые дворяне; но кромѣ ученія у Петра заграницею была и другая цѣль—политическая: онъ хотѣлъ образовать коалицію противъ турокъ.

Подробности этого путешествія и затѣмъ ученія Петра въ Голландіи, въ Англіи достаточно извѣстны, мы не будемъ ихъ повторять, ограничимся только указаніемъ на тѣ впечатлѣнія, которыя производили на него европейская жизнь и люди, укажемъ нѣсколько любопытныхъ, хотя мало или даже совсѣмъ неизвѣстныхъ фактовъ. Первый чужой городъ, въ который пріѣхало посольство, былъ Рига: извѣстенъ не совсѣмъ любезный пріемъ, оказанный Петру рижскимъ губернаторомъ и оставившій въ Петрѣ крайне враждебное чувство. Въ письмѣ къ Виніусу отъ 8 апрѣля 1697 года, Петръ даетъ такой отзывъ о своемъ пребываніи въ Ригѣ: „здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ“. Но не смотря на то, что былъ сытъ зрѣніемъ, Петръ кое-что разузналъ; „солдатъ здѣсь, пишетъ онъ, сказываютъ 2.780, мы ѣхали черезъ городъ и замокъ, гдѣ солдаты стояли на пяти мѣстахъ, которые были меньше тысячи человѣкъ, а сказываютъ, что всѣ были; городъ укрѣпленъ гораздо, только недодѣланъ, зѣло здѣсь боятся и въ городъ и въ иныя мѣста и съ карауломъ не пускаютъ, и мало

пріятны. Солдатамъ жалованья въ годъ: капраламъ по 12, сержантамъ по 24, да всѣмъ по 3 бочки хлѣба". Въ этомъ же письмѣ находимъ любопытное замѣчаніе о рижскихъ купцахъ: „торговые люди здѣсь ходятъ въ мантеляхъ и кажется, что зѣло правдивы, а съ ямщикани нашими, какъ стали сани продавать, за копѣйку лаются и клянутся, а продаютъ втрое". Изъ этого коротенькаго замѣчанія можно видѣть, что Петръ далеко не слѣпо преклонялся передъ нѣмцами.

Изъ Митавы, вѣроятно, Петръ прислалъ довольно курьезный подарокъ князю кесарю. Въ одномъ изъ писемъ къ нему онъ говоритъ: „здѣсь ничего вашей персонѣ удобнаго не нашелъ, только посылаю къ вашей милости нѣкоторую вещь на отмщеніе враговъ маестату вашему". Что же это была за „нѣкоторая вещь"? Объ этомъ мы узнаемъ изъ отвѣтнаго письма князя Ромодановскаго: „писалъ ты, господине, ко мнѣ въ своемъ письмѣ, чтобы къ тебѣ отписать, которая отъ тебя прислана мамура *) ко мнѣ московскимъ людямъ недобрымъ въ подарки, и тою мамурою учиненъ опытъ надъ крестьяниномъ Покровскаго села, что прежь сего было Рубцово, отсѣчена голова за то, что онъ зарѣзалъ посадскаго человѣка; пытанъ трижды и въ томъ винился, что зарѣзалъ съ умыслу. Другого своего человѣка Сидорку Серебренника, который былъ въ московскомъ разбоѣ съ Ваською Звѣревымъ, тою-жъ мамурою указъ учиненъ, а еще многіе такіе же той мамурѣ подлежатъ, только еще указъ не учиненъ и къ сей почтѣ къ вѣдомости не поспѣлъ; буду о томъ тебѣ впредь писать". На это извѣщеніе Ромодановскаго Петръ отвѣчалъ, сохраняя обычный шутовской тонъ своей переписки съ княземъ кесаремъ: „а что службишкою нашею прислана вещь и отвѣдала двухъ, дай Богъ, чтобы такихъ людей впредь не было, а если будутъ, чтобъ они также были (т. е. отвѣданы мамурой), аще и не достойно, прошу какихъ людей и за что наша мамура отвѣдала". Поразительнымъ и отталкивающимъ представляется это спокойствіе, этотъ шутовской тонъ, съ которымъ говорится о вещахъ совсѣмъ не шуточныхъ; но Петръ не отличался мягкостью, и малѣйшій проступокъ каралъ со всею возможною строгостью. Тутъ же съ дороги изъ Либавы онъ прислалъ

---

*) Мамура на офеньскомъ нарѣчіи Владимірской губерніи—топоръ.

такое распоряженіе К. А. Нарышкину: „которые ямщики и наемщики сбѣжали, вели сыскать и кнутомъ нужно выбить, водя по торгу“.

Изъ Либавы Петръ проѣхалъ въ Пруссію и былъ отлично принятъ въ Кенигсбергѣ курфюрстомъ бранденбургскимъ Фридрихомъ III. Здѣсь Петръ учился артиллеріи и занимался нѣкоторыми политическими дѣлами. Съ Бранденбургомъ былъ заключенъ договоръ о свободной торговлѣ съ обѣихъ сторонъ, о непринимaніи бунтовщиковъ и непріятелей и пропускѣ русскихъ людей, черезъ Бранденбургскія владѣнія, въ Германію для науки. Особенное вниманіе обращалъ Петръ на польскія дѣла: въ Польшѣ въ это время происходили королевскіе выборы. Кандидатовъ на тронъ было очень много; для Петра было весьма важно, чтобы избранъ былъ человѣкъ, сочувствующій войнѣ съ Турціей, а между тѣмъ однимъ изъ серьезныхъ кандидатовъ являлся принцъ де-Конти, поддерживаемый Людовикомъ XIV. Франція была въ это время въ союзѣ съ Турціей, слѣдовательно де-Конти никакъ не могъ удовлетворять видамъ и желаніямъ Петра. Во время своего пребыванія въ Кенигсбергѣ, Петръ всѣ усилія направляетъ противъ выборовъ французскаго кандидата, онъ послалъ двѣ грамоты къ архіепископу Гнѣзненскому: „имѣя къ государямъ вашимъ постоянную дружбу“, объявляетъ Петръ, „также и къ вамъ, таково короля съ французской и съ турецкой стороны быти не желаемъ, а желаемъ быти у васъ на престолѣ королемъ, какова народу ни есть, только бы не съ противной стороны“. Всѣ письма Петра въ Россію наполнены разными извѣстіями объ этихъ польскихъ дѣлахъ,—видно, что этотъ вопросъ его чрезвычайно занималъ.

Изъ Пруссіи Петръ отправился въ Голландію, былъ въ Сардамѣ и въ Амстердамѣ, о его ученіи тутъ мы не станемъ говорить: оно извѣстно всякому. Занимаясь работою на судахъ, Петръ не забывалъ политическихъ вопросовъ: война съ турками, освобожденіе изъ-подъ ихъ ига христіанскихъ народовъ были его главною мечтою. Къ этой цѣли направлены всѣ его труды, для этого онъ учится. Въ посланіи къ патріарху Адріану онъ набрасываетъ цѣлую политическую программу: „мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами при

добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы искусясь совершенно могли возвратясь противъ враговъ имени Іисуса Христа, побѣдителями, а христіанъ тамъ будущихъ освободителями благодатію его быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану“. Весьма интересною иллюстраціею къ этой программѣ можетъ быть исполненная Петромъ гравюра: она представляетъ торжество христіанской религіи надъ мусульманскою, въ видѣ ангела, который, съ крестомъ и пальмою въ рукахъ, попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки *).

Изъ Голландіи Петръ постоянно переписывался съ разными лицами въ Россіи, которыя извѣщали его о томъ, что тамъ дѣлалось. Въ этой перепискѣ говорится о постройкѣ укрѣпленій около Азова, о гавани при Таганрогѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ противъ татаръ и турокъ, о строеніи кораблей компанствами, о польскихъ дѣлахъ и т. д. Особенно много переписывался Петръ съ Виніусомъ. Послѣдній въ своихъ письмахъ постоянно требовалъ присылки оружейныхъ мастеровъ; „наипаче болитъ сердце, пишетъ Виніусъ, что иноземцы высокою цѣною, продавъ шведское желѣзо и побравъ деньги, за рубежъ поѣхали, а наше сибирское многимъ шведскаго лучше“. Тутъ высказывалась мысль о необходимости для народныхъ интересовъ, воспользоваться своимъ продуктомъ, но для обработки его нужны мастера, а ихъ нѣтъ. Петръ сочувствовалъ стремленіямъ Виніуса: „пишешь ваша милость о мастерахъ“, отвѣчаетъ онъ, „изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ ружья и замки, зѣло добрыхъ сыскали и пошлемъ не мѣшкавъ, а ради поспѣшенія изъ тѣхъ же мѣстъ, гдѣ Бутманъ на Олонецкіе заводы сыскалъ, добыть возможно, однако же мы здѣсь сыщемъ такихъ, за что взялся бургомистръ Витзенъ, только мню, не вскорѣ“. Но черезъ нѣсколько дней, Петръ жалуется на Витзена: „я ему непрестанно говорю, а онъ только манитъ день за день, а прямой отповѣди по ся поры не скажетъ, и если нынѣ онъ не промыслитъ, то надѣюсь у короля польскаго,

*) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Томъ I, стр. 10

черезъ его посла, добыть не только желѣзныхъ, но и мѣдныхъ мастеровъ". Въ другомъ письмѣ опять такая же жалоба: „о желѣзныхъ мастерахъ многожды говорилъ Витзену, только онъ отходилъ отъ меня московскимъ часомъ"*). Въ письмѣ къ Виніусу иногда попадаются извѣстія о политическихъ событіяхъ съ остроумной оцѣнкой ихъ, какъ напр., „миръ съ французами учиненъ. Третьяго дня былъ фейерверкъ въ Гагѣ и здѣсь. Дураки зѣло рады, а умные не рады, для того что французъ обманулъ".

Кромѣ дѣла въ перепискѣ довольно часто встрѣчаются извѣстія о пирахъ. Такъ, Виніусъ доносилъ, что въ царскіе имянины князь Ѳ. Ю. Ромодановскій „великую и богатую трапезу даровалъ въ столовой генеральской въ Преображенскомъ; сидѣли за разными столами больше ста человѣкъ, и съ такимъ усердіемъ и милостью трактовалъ, и стрѣльба мелкая и крупная такъ была сильна, что едва столовая устояла и стѣна одна гораздо повыдалась. Пировали до 4 и до 5 часу ночи, такъ что въ 3 дни каждый насилу могъ оправиться". Въ Голландіи тоже не забывали Бахуса и Ивашку Хмѣльницкаго, такъ что, извиняясь, что не ко всѣмъ отправилъ письма, Петръ признавался, что „иное за недосугомъ, иное за Хмѣльницкимъ не исправишь". Курьезными письмами по поводу Хмѣльницкаго обмѣнялись Петръ съ Ромодановскимъ: „звѣрь! долго ли тебѣ людей жечь?" упрекалъ Петръ кесаря, „и сюда раненые отъ васъ пріѣхали,— перестань знаться съ Ивашкой, быть отъ него рожѣ драной". Ромодановскій обидѣлся этимъ замѣчаніемъ: „въ твоемъ письмѣ", отвѣчаетъ онъ Петру, „написано ко мнѣ, будто я знакомъ съ Ивашкой Хмѣльницкимъ, и то, господинъ, неправда. Нѣкто къ вамъ пріѣхалъ прямой московскій пьяный, да сказалъ въ безпамятствѣ своемъ. Некогда мнѣ съ Ивашкой знаться, всегда въ кровяхъ омываемся. Ваше-то дѣло стало на досугѣ знакомство держать съ Ивашкой, а намъ недосугъ, а что Яковъ Брюсъ донесъ, будто отъ меня руку обжегъ, и то сдѣлалось пьянствомъ его, а не отъ меня". Петръ нисколько не разсердился за такое рѣзкое письмо, но счелъ нужнымъ оправдаться отъ обвиненія въ пьянствѣ:

---

*) Намекъ на поговорку: московскій часъ—долгій часъ.

„намъ подлинно нельзя, потому что непрестаннно въ ученiи“ *),

Изъ Голландiи Петръ проѣхалъ въ Англiю, гдѣ работалъ на Дептфордской верфи. Тутъ мы отмѣтимъ договоръ, заключенный съ маркизомъ Кармартеномъ, которому предоставлялось право исключительной торговли табакомъ въ Россiи за 20.000 фунт. стерл. съ уплатою денегъ впередъ. Допущенiе торговли табакомъ было однимъ изъ новшествъ, возбуждавшихъ сильнѣйшiй ропотъ среди приверженцевъ старины, какъ какъ табакъ особенно сильно преслѣдовался духовенствомъ. Изъ Дептфорда Петръ писалъ Т. Н. Стрѣшневу, прося убѣдить царицу Евдокiю къ разводу. Стрѣшневъ отвѣчалъ, что она упрямится и совѣтовалъ Петру написать „покрѣпче“ объ этомъ духовнику.

Изъ Англiи Петръ проѣхалъ въ Вѣну, чтобы помѣшать заключенiю мирнаго договора съ турками, о которомъ хлопотали Голландiя и Англiя. Петръ хотѣлъ, если не отговорить императора отъ мира, то, по крайней мѣрѣ настоять на томъ, чтобы въ переговорахъ приняли участiе всѣ союзники и были бы удовлетворены. Императоръ обѣщалъ поддерживать русскiя требованiя на конгрессѣ и не приступать ни къ чему безъ согласiя съ царемъ.

Въ то время, какъ Петръ учился за границей, готовился къ новымъ политическимъ предпрiятiямъ, въ Москвѣ поднималась опять стрѣлецкая смута. Недовольныхъ въ то время было очень много: были недовольны раскольники, недовольны были и православные—у всѣхъ было оскорблено нацiональное чувство, хотя, можетъ быть, и слишкомъ узкое. Новшества, начавшiяся уже съ первой половины XVII столѣтiя, приливъ иноземцевъ, религiозныя столкновенiя съ ними, экономическая конкурренцiя — все это давно держало русское общество въ возбужденiи, а между тѣмъ молодой царь явно сдружился съ нѣмцами и уѣхалъ къ нимъ заграницу. Изъ этого ничего не можетъ быть хорошаго. Государь на чужой сторонѣ. Что тамъ съ нимъ дѣлается — неизвѣстно; правятъ бояре, ихъ правленiемъ тоже недовольны. Носятся

*) Чтобы объяснить упоминанiе о кровяхъ и о жженiи, надо сказать, что Ромодановскiй былъ начальникомъ разбойнаго приказа, и ему часто приходилось пытать преступниковъ огнемъ и другими способами.

слухи, будто Т. Н. Стрѣшневъ хочетъ удушить царевича и захватить власть въ свои руки. Таковы были общія причины и проявленія недовольства. У стрѣльцовъ были свои особенныя причины: они не могли забыть своего стараго своевольства и оскорблены были предпочтеніемъ имъ потѣшныхъ. Стрѣльцы снова взбунтовались.

8-го апрѣля Ромодановскій извѣстилъ объ этомъ бунтѣ Петра, когда тотъ былъ еще въ Амстердамѣ. Петръ отвѣчалъ: „письмо ваше государское я принялъ и, выразумѣвъ, благодарствую и впредь прошу, дабы не былъ оставленъ. Въ томъ же письмѣ объявлено бунтъ отъ стрѣльцовъ, и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмиренъ. Зѣло радуемся; только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя,—для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ? Богъ тебя судитъ! Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ. Для чего и Автомона *) взялъ, что не для этого. А буде думаете, что мы пропали, для того что почты задержались и для того боясь и въ дѣло не вступаешь, воистину скорѣй бы почты вѣсть была, только, слава Богу, ни одинъ не умеръ, всѣ живы. Я не знаю, откуда на васъ такой стрвхъ бабій, малоль живетъ (т. е. случается), что почта пропадаетъ? А се въ ту пору была и половодь. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью! Пожалуй не осердись: воистину отъ болѣзни сердца писалъ“. Послѣдній упрекъ въ излишней довѣрчивости къ нелѣпымъ слухамъ Петръ черезъ четыре дня повторяетъ въ письмѣ къ Виніусу: „зѣло дивлюсь и суду Божію предаю тебя, что ты такъ сумнѣнно пишешь о замедленіи почтъ, а самъ въ конецъ извѣстенъ симъ странамъ. Не диво, кто не бывалъ. Я было надѣялся, что ты станешь всѣмъ разсуждать бывалостью своею и отъ мнѣнія отводить, а ты самъ предводитель имъ въ яму, потому что всѣ думаютъ, что коли гдѣ кто бывалъ и боится того, то уже конечно такъ. Воистину не отъ радости пишу“. Петръ рѣшилъ ѣхать назадъ въ Россію, но передъ этимъ онъ хотѣлъ побывать въ Вѣнѣ и въ Венеціи. Однако пришлось ограничиться одною Вѣной. Здѣсь царь получилъ второе письмо отъ Ромодановскаго о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ; онъ

*) Автомонъ Михайловичъ Головинъ, командиръ Преображенскаго полка.

отвѣчалъ: „пишетъ ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича (т. е. Милославскаго) растетъ, въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огонь угасить не мочно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла (т. е. поѣздки въ Венецію), однако сей ради причины будемъ къ вамъ, какъ вы не чаете“. С. М. Соловьевъ замѣчаетъ по поводу этого письма, что въ немъ было обѣщаніе террора, и дѣйствительно по пріѣздѣ Петра въ Москву разыгрались страшныя сцены.

Вернувшись изъ-за границы и сравнивъ свое съ чужимъ, Петръ испыталъ тяжелое чувство, близкое къ отчаянью. Ему хотѣлось видѣть результаты своей дѣятельности, но настоящее положеніе давало ему мало надеждъ. А тутъ еще повсюду сопротивленіе и смуты. Петръ обращается къ любимому своему дѣлу, къ строенію флота, ѣдетъ въ Воронежъ. Въ ноябрѣ 1698 года онъ пишетъ оттуда Виніусу: „мы, слава Богу, въ зѣло изрядномъ состояніи нашли флотъ и магазеинъ обрѣли. Только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть. Обаче надѣемся на Бога со блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателю отъ плода вкусити“. Сомнѣніе слѣдовательно было сильно, если даже изрядное состояніе флотовъ и магазиновъ не могло его разсѣять. Черезъ нѣсколько времени мы опять встрѣчаемъ такую фразу: „ожидаемъ благаго утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ“. Но сомнѣніе долго не проходило, и ему подавали поводъ препятствія съ такой стороны, откуда ихъ, казалось бы, менѣе всего можно было ожидать. Однимъ изъ лучшихъ учениковъ морскаго дѣла былъ нѣкто Скляевъ. Царь ждалъ его въ Воронежѣ, но онъ не являлся, такъ какъ былъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Лукьяномъ Верещагинымъ арестованъ княземъ Ромодановскимъ. Петръ спрашиваетъ Ромодановскаго: „въ чемъ держать нашихъ товарищей Скляева и Лукьяна? зѣло мнѣ печально. Я зѣло ждалъ, паче всѣхъ Скляева, потому что онъ лучшій въ семъ мастерствѣ, а ты изволилъ задержать. Богъ тебя судитъ! Истинно никого мнѣ нѣтъ здѣсь помощника. А чаю, дѣло не государственное. Для Бога свободи (а какое до нихъ дѣло, я порука по нихъ) и пришли сюда“. Ромодановскій объяснилъ, что задержалъ Скляева и

Верещагина за драку съ солдатами Преображенскаго полка и высѣкъ Скляева. „Въ томъ на меня не прогнѣвись, прибавляетъ Ромодановскій, не обыкъ въ дуростяхъ спускать, хотя бы и не такого чину были“. Такія пустыя придирки, изъ-за которыхъ останавливалось государственное дѣло не могли способствовать разсѣянію того „мрака сумнѣнія“, который тяготѣлъ надъ Петромъ.

Послѣдніе годы разсматриваемаго періода царствованія Петра Великаго цѣликомъ заняты дипломатическими переговорами и военными приготовленіями. Въ Австріи происходили переговоры съ турками, нашъ посолъ Возницынъ отстаивалъ упорно русскія требованія; сперва было заключено перемиріе на два года, а потомъ и миръ 18-го августа 1700 года. Этотъ миръ Петръ торопился заключить, чтобы приступить къ новому дѣлу. Переговоры о войнѣ съ Швеціей начались уже давно. Польскій король Августъ усиленно настаивалъ на скорѣйшемъ открытіи военныхъ дѣйствій, особенно хлопоталъ объ этомъ знаменитый Паткуль. У союзниковъ царскихъ намѣренія были крайне эгоистичныя, они искали помощи Россіи, но о вознагражденіи ея думали очень мало. Царскіе планы были имъ совсѣмъ не по душѣ, они напротивъ хотѣли дать Россіи, при раздѣлѣ добычи, какъ можно меньше. Особенно рельефно это желаніе высказывалось Паткулемъ. „Надобно опасаться, писалъ Паткуль о Россіи, чтобы этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ-подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно ему доказать исторіей и географіей, что онъ долженъ ограничиться одною Ингерманландіею и Кареліею. Надобно договориться съ царемъ, чтобы онъ не шелъ дальше Наровы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Эстляндіею и Лифляндіею. Надобно выговорить у царя деньги и войска особенно пѣхоту, которая очень способна работать въ траншеяхъ, подъ непріятельскими выстрѣлами“. Эти предположенія конечно, скрывались отъ Петра, ихъ внушали ему при помощи разныхъ тонкихъ дипломатическихъ подходовъ; но, главнымъ образомъ, торопили скорѣе начать войну. Петръ и самъ хотѣлъ этой войны; помимо той непріятности, которую онъ испыталъ въ Ригѣ, при поѣздкѣ заграницу, которой онъ никогда не могъ забыть, и

которая во всѣхъ дипломатическихъ актахъ этого времени выставляется главнымъ поводомъ несогласія со Швеціею, помимо этой непріятности, по существу своему, конечно, не могшей имѣть такого крупнаго значенія, у него была прежняя великая мысль о пріобрѣтеніи моря. Надежда добиться моря на югѣ не могла быть осуществлена благодаря эгоистическому образу дѣйствій союзной Австріи; приходилось отложить эту мечту, надо было обратиться на сѣверъ. Коалиція составлена; однако начать войну, не заключивъ мира съ турками, Петръ не находилъ возможнымъ, не смотря на всѣ увѣщанія союзниковъ.

8 августа миръ, какъ мы сказали, былъ заключенъ, препятствіе было устранено. 9 августа Петръ приказалъ войскамъ двинуться къ шведскимъ границамъ, о чемъ немедленно извѣстилъ польскаго короля Августа. „Любезнѣйшій братъ, государь и сосѣдъ, никако же сомнѣнію медленіе наше подлежитъ въ начатомъ семъ дѣлѣ: ибо трудныя ради причины сія удержано было. Нынѣ же, при помощи Божіей получа миръ съ Портою на 30 лѣтъ (слава Богу, съ нарочитымъ удовольствованіемъ) къ сему подвигу приступили есмы, о чемъ сегодня къ Новгородскому воеводѣ указъ послали, дабы какъ наискорѣе, объявя войну, вступилъ въ непріятельскую землю и удобныя мѣста занялъ; такожде и прочіимъ войскамъ немедленно идти повелимъ, гдѣ при оныхъ въ концѣ сего мѣсяца и мы тамъ обретатися будемъ, и надѣемся въ помощи Божіей, что ваше величество инако, развѣ пользы не увидите“. Формально война была объявлена 19-го августа.

То, чего особенно опасался Паткуль, оказалось неизбѣжнымъ; войска двинулись къ Нарвѣ. Петръ понималъ значеніе этого пункта для успѣшнаго веденія войны. Еще въ мартѣ 1700 года онъ писалъ Ѳ. А. Головину: „пришло мнѣ на мысль, сказывалъ мнѣ Брантъ, что есть въ Ругодевѣ *) пушки продажныя, корабельныя въ 12, въ 18 и въ 6 фунтовъ ядромъ, и я съ нимъ говорилъ, чтобъ купить. И нынѣ для тѣхъ пушекъ пошли ты Карчмина **), чтобъ онъ пробовалъ и купилъ нѣсколько; а межъ тѣмъ накажи ему,

*) Ругодевъ—Нарва.

**) Карчминъ — стольникъ, изучившій инженерное искусство заграницей.

чтобъ присмотрѣлъ города и мѣста кругомъ, также, если возможно ему дѣла сыскать, чтобъ побывалъ и въ Орѣшекъ; а буде въ него нельзя, хоть возлѣ его. А мѣсто тутъ зѣло нужно: протокъ изъ Ладожскаго озера въ море (посмотри въ картахъ), и зѣло нужно ради задержанія выручки; а дѣтина, кажется, не глупъ и секретъ можетъ снесть. Зѣло нужно, чтобъ Книперъ того не вѣдалъ, потому что онъ знаетъ, что онъ ученъ". Извѣстіе о походѣ на Нарву сильно всполошило союзниковъ. Паткуль писалъ польскому посланнику въ Москвѣ Лангену: „въ Нарвѣ царь получитъ такое мѣсто, откуда можетъ завоевать Ревель, Дерптъ и Пернау прежде, чѣмъ узнаютъ объ этомъ въ Варшавѣ, а потомъ покоритъ Ригу и всю Ливонію. Поневолѣ станешь бояться, имѣя дѣло съ такимъ государемъ, вспомнивъ объ его силахъ и о всѣхъ его движеніяхъ, которыя вы очень хорошо проникли. Наконецъ благоразуміе требуетъ взять всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы Ливонія не зависѣла отъ произвола этого могущественнаго друга и союзника королевскаго. Съ другой стороны, не должно забывать, что мы слабы, что намъ необходима помощь царя и его друга, если мы хотимъ что-нибудь сдѣлать и что мы нанесемъ не малый ударъ Швеціи, когда она такъ рано потеряетъ Нарву. Вотъ почему намъ нельзя очень торговаться съ царемъ изъ опасенія, чтобъ не раздражить его, и я думаю, что не надо спорить съ нимъ о Нарвѣ; однако надобно очень искуснымъ образомъ подать царю записки, съ которыхъ взять копіи изъ царской канцеляріи и, такимъ образомъ, охранить право, которое онъ имѣетъ въ силу послѣдняго договора, чтобы можно было дѣйствовать впослѣдствіи, когда не будетъ болѣе причинъ такъ осторожно обходиться съ царемъ, какъ принуждены мы теперь" *).

Между тѣмъ дѣла союзниковъ шли далеко не блистательно: Карлъ XII разгромилъ датчанъ, объ этомъ доносились смутные слухи къ царю. 26 августа, въ Твери, Петръ получилъ извѣстіе, что король шведскій съ 18.000 пѣхоты будетъ скоро въ Лифляндіи и высадится въ Пернау. „Объ этомъ", писалъ Петръ Ѳ. А. Головину, „вѣдомость получилъ Паткуль, подлинную, и больше того уже изъ всей

*) Соловьевъ. Исторія Россіи. Томъ XIV, стр. 319, 320.

Швеціи быть невозможно. И о томъ я многократно думалъ: истина или подлогъ? и буде истина, то, конечно, Датскій осиленъ". Но это извѣстіе не могло остановить Петра, онъ на другой же день выступилъ къ Новгороду и 23 сентября былъ подъ Нарвой, и здѣсь начались осадныя работы, подъ руководствомъ присланнаго Августомъ саксонскаго инженера генералъ-лейтенанта Аларта. Однако осада затянулась безъ всякаго успѣха; въ это время Карлъ подоспѣлъ въ Ливонію, произошло знаменитое нарвское пораженіе. Впечатлѣніе, произведенное этой битвой, было страшное; думали, что съ Россіей покончено; въ насмѣшку надъ Петромъ была выбита медаль съ кощунственными сближеніями изъ исторіи апостола Петра: на одной сторонѣ медали былъ изображенъ царь, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ летятъ бомбы на Нарву; къ этому надпись: „Бѣ же Петръ стоя и грѣяся". На другой сторонѣ изображены были русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы, въ ихъ числѣ Петръ; царская шапка валится съ его головы, шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ и надпись говоритъ: „изшедъ вонъ, плакася горько". Но эти насмѣшки были нѣсколько преждевременны: Петръ былъ не такой человѣкъ, чтобы горько плакаться, онъ не упалъ духомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ Нарвскаго пораженія, онъ пишетъ Б. П. Шереметеву: „Нег. Понеже не лѣть есть при несчастіи всего лишатися, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть, то есть, надъ конницею Новгородскою и Черкаскою, съ которыми, какъ мы и прежде наказывали (но въ ту пору мало было людей), ближнихъ мѣстъ беречь (для послѣдующаго времени), идти въ даль, для лучшаго вреда непріятелю. Да и отговариваться нечѣмъ, понеже людей довольно, также рѣки и болота замерзли; непріятелю невозможно захватить. О чемъ паки пишу: не чини отговорки ничѣмъ; а буде болѣзнію, и та получена межъ бѣглецами, которыхъ товарищъ маіоръ Л. на смерть осужденъ".

Поднялась кипучая работа, стали набирать солдатъ, приказано было сформировать десять драгунскихъ полковъ по 1000 человѣкъ. Къ веснѣ это было уже исполнено. Надо было добыть новую артиллерію взамѣнъ потерянной при Нарвѣ. Явился знаменитый указъ о передѣлкѣ въ пушки колоколовъ, это дѣло поручено было Виніусу. Возникла

довольно интересная переписка между нимъ и царемъ: Виніусъ жаловался на мастеровъ и бурмистровъ: „Пущая остановка, государь, отъ пьянства мастеровъ, которыхъ ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить невозможно. Прилежно молю объ указѣ бургомистрамъ, чтобъ радѣтельнѣе исполняли по памятямъ Пушкарскаго приказа: отъ нихъ остановка многая". Въ другомъ письмѣ Виніусъ извѣщалъ: „Колокольной мѣди собрано близь 40.000 пудъ, а вылито государь всѣхъ больше 110 пушекъ. только въ нихъ упаль за неискусствомъ мастеровъ будетъ. Люди приставленные плохи, и пьянства и глупости ради, многое являютъ несовершенство во всемъ. Мартьянъ своего ради пьянства отъ своего дѣла отлучился и скрылся, Крейдеръ не можетъ уже четыре недѣли сердечникъ вынуть, а прочіе, хотя, какъ ни бью, пьяны, опричь одного Семена Леонтьева". Петръ отвѣчалъ на эти сообщенія: „Зѣло насъ увеселило вашей милости письмо, въ которомъ видимъ, при помощи Божіей и вашемъ прилежаніи. артиллерію въ немалой готовности. Бурмистрамъ скажи и сіе покажи, что, если не будутъ за ихъ удержкою станки готовы, то не только деньгами, но и головами платить будутъ". Но какъ ни былъ доволенъ Петръ Виніусомъ, какъ ни работалъ послѣдній по устройству артиллеріи, все же въ ихъ отношеніяхъ за это время мы встрѣчаемъ одинъ эпизодъ, въ которомъ Виніусу пришлось выслушать довольно рѣзкое наставленіе отъ Петра. Виніусъ завѣдывалъ почтой, но тутъ открылись нѣкоторые факты, показывавшіе, что онъ былъ не совсѣмъ безупреченъ. Петръ отнялъ отъ него почту, Виніусъ спросилъ: нѣтъ ли какого гнѣва? Въ отвѣтъ на это царь послалъ слѣдующее весьма характерное письмо: „Пишешь, нѣтъ ли какого гнѣва за нечаемое будто отнятіе почты. И тутъ не сама ли васъ совѣсть обличитъ? понеже я уже давно о томъ говорилъ, и вы такъ тому свѣдомы были, что многимъ о томъ говорили и нѣчто давали; а взята оная отъ васъ не за иное что, только, что оная у васъ была не въ какую пользу государству, но только вамъ, ибо сколько кратъ я говорилъ тебѣ о корреспонденціи въ иныя мѣста, но тѣ мои слова тщетны; того для и отдана другому, гдѣ если таково жь будетъ тщетна и тамо можетъ отняться. Другая же (т. е. почта); ко-

торая къ городу *), на нѣкоторое время оставлена у васъ. Сего ради достоитъ не небречь тѣхъ, или въ переманку **) ставить словъ, кто волю отъ Бога имѣетъ, но всею крѣпостью радѣть. Буде же помнишь, что по доносу прельстишься, слава Богу, какъ вы о себѣ, такъ мы о васъ вѣдаемъ. Сіе не въ печаль вашей милости, но вразумлѣнія ради пишу, да не колеблешься въ семъ мыслію".

Кромѣ заботъ о войскѣ и артиллеріи, Петръ не забывалъ въ то время и своего любимаго дѣтища, своего флота, о чемъ сохранилось нѣсколько его писемъ. Переговаривался онъ и съ союзниками, ѣздилъ на свиданіе съ королемъ Августомъ въ Биржи. Тутъ поляки хотѣли выговорить себѣ за участіе въ войнѣ возвратъ нѣкоторыхъ мѣстностей Украйны, но Петръ, конечно, не пошелъ на такую уступку: она могла быть сдѣлана только въ самыхъ отчаянныхъ обстоятельствахъ, а Петръ не рѣшилъ складывать оружіе. Занимаясь всѣми этими военными приготовленіями и дипломатическими переговорами, Петръ не оставлялъ и другихъ дѣлъ, совершенно не имѣвшихъ отношенія къ шведской войнѣ. Укажемъ на одинъ примѣръ: въ инструкціи Ѳ. М. Апраксину объ устройствѣ Таганрога онъ, между прочимъ, пишетъ: „Кругомъ Таганрога посѣять желудей для лѣса; также въ городѣ на берегу и по морскимъ пригожимъ мѣстамъ посадить ивы. Въ азовскихъ лугахъ и иныхъ мѣстахъ, ближнихъ и дальнихъ, по крайней мѣрѣ искать торфу, которое дѣло зѣло будетъ пользовать въ тамошнихъ бездровныхъ мѣстахъ; также и людей пріучать (пока тотъ торфъ не сыщется), чтобъ употребляли камышъ, котораго зѣло много, вмѣсто дровъ, какъ турки, въ томъ мѣстѣ будучи, употребляли".

Неутомимая дѣятельность Петра была вскорѣ вознаграждена успѣхомъ, показавшимъ, насколько важны были созданія Петра, его войско и флотъ: „у города Архангельскова учинилося зѣло чудесно", взяты были два шведскихъ корабля. „Симъ нечаемымъ счастіемъ поздравляю васъ", писалъ Петръ Ѳ. М. Апраксину, „гдѣ чего не чаяли, Богъ далъ".

*) Городъ—Архангельскъ.

**) Смыслъ фразы: не слѣдуетъ пренебрегать или превратно толковать слова тѣхъ, кто имѣетъ власть отъ Бога.

Но скоро успѣхъ явился и тамъ, гдѣ чаяли: Шереметевъ разбилъ шведовъ при Эрестферѣ... Оказалось вскорѣ, что юное регулярное войско способно и къ „белагару“, т. е. къ дѣйствіямъ противъ крѣпостей; совершилось событіе, о которомъ царь сообщалъ тому же Апраксину, что оно „чрезъ всякое мнѣніе человѣческое учинено“: взятъ былъ „Нотебурхъ“—Орѣшекъ. „Правда, писалъ Петръ, хотя и зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однако, слава Богу, разгрызли, но не безъ тягости, ибо многіе наши мѣденые зубы (т. е. пушки) отъ того испортились“. Дѣло требовало большихъ жертвъ, нужно было идти впередъ, чтобы не дать опомниться врагамъ. Петръ требуетъ отъ Т. Н. Стрешнева присылки солдатъ, „понеже при сей школѣ много учениковъ умираетъ; того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны изъ гребня“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Нотебурга „сдался на акортъ“ Ніеншанцъ, а 1-го іюля 1703 г. Петръ пишетъ первое письмо изъ „Санктпитербурха“...

Попытаемся теперь извлечь краткое резюме изъ предыдущаго изложенія. Что даетъ оно намъ для опредѣленія личности Великаго Преобразователя? Передъ нами изъ писемъ особенно ярко выдвигается одна черта: всюду мы видимъ Петра неутомимо занятаго дѣломъ. Въ первую половину разсмотрѣннаго періода Петръ предается потѣхамъ, но эти потѣхи то же дѣло; игра, какъ говорилъ Петръ, была предвѣстникомъ настоящаго дѣла, и онъ имѣлъ полное право подписываться: „въ работѣ пребывающій“. Во вторую половину періода Петръ всецѣло отданъ уже прямому дѣлу: если онъ, отправляясь къ Азову, и выразился, что „играть“ идетъ, то онъ очень скоро увидѣлъ, что это не игра, и въ немъ явилось самое серьезное отношеніе къ своему призванію. Этотъ, по геніальному опредѣленію поэта, вѣчный работникъ на тронѣ, неуклонно требовалъ работы и отъ другихъ. Припомнимъ его наставленія и выговоры Ромодановскому, Шереметеву, Виніусу и др. Во второй половинѣ взятаго нами періода Петръ-уже окончательно сложившійся человѣкъ, у него уже нѣтъ руководителей, „нѣтъ дядьки, кто бы водилъ за носъ“; онъ самъ руководитъ другими и

требуетъ, чтобы они „всею крѣпостью радѣли“ объ исполненіи его плановъ. Можно указывать и другія стороны въ дѣятельности Петра: Соловьевъ уподобляетъ его революціонерамъ-террористамъ. Препятствія, становившіяся передъ нимъ, онъ сокрушалъ съ какою-то неудержимою, стихійною силою: древняя Русь со всѣмъ своимъ патріархальнымъ строемъ была ему ненавистна, и въ своихъ реформаціонныхъ порывахъ онъ увлекался церемоніями всепьянѣйшаго собора. Въ этихъ церемоніяхъ отражался „безудержъ“ русской натуры, увлекавшей, можетъ быть и слишкомъ часто великаго царя въ бесѣды съ Ивашкой Хмельницкимъ. Однако, все это заслоняется отъ насъ дивнымъ образомъ самоотверженнаго работника на тронѣ, человѣка, который, по выраженію Олонецкаго крестьянина, „даромъ хлѣба не ѣлъ“ *).

А. Бороздинъ.

*) Барсовъ. Петръ Великій въ преданіяхъ Олонецкаго края.

Русская народная школа и Петръ I.

Однимъ изъ послѣдствій сословныхъ реформъ Петра I было новое направленіе народнаго образованія. Эти реформы, строго опредѣляя государственныя обязанности отдѣльныхъ сословій, ставили послѣднимъ и опредѣленныя требованія относительно знаній, необходимыхъ для исполненія этихъ обязанностей. Этимъ нарушалось единообразіе школьныхъ знаній, царившее до тѣхъ поръ. Правда, приблизительно около половины 17 вѣка (въ Москвѣ) требованія образованія значительно повысились, такъ что съ этого времени мы можемъ говорить о низшемъ и высшемъ образованіи, но это повышеніе образованія не нарушало его единства, такъ какъ произошло въ силу органической потребности самого общества въ высшихъ, чѣмъ прежде, знаніяхъ. Петровскія реформы придали этой потребности сословно — техническій характеръ, которымъ каждому учащемуся опредѣлялись уровень и средства образованія въ зависимости отъ его принадлежности къ тому или другому сословію.

Отличительной чертой древне-русскаго, до-петровскаго народнаго образованія было то, что оно давало знанія, считавшіяся обязательными и полезными одинаково для всѣхъ. То были знанія, касавшіяся преимущественно церковнаго обихода и душевнаго спасенія. Оттого и княжескій сынъ, и поповскій, и крестьянскій учились въ одни и тѣ же годы одному и тому же по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, часто у однихъ и тѣхъ же учителей и достигали въ школьномъ образованіи приблизительно одного и того же—умѣнія читать и писать,

Мы не богаты свѣдѣніями о школѣ, дававшей такія знанія, и будемъ въ состояніи получить истинное представленіе о ней, быть можетъ, лишь тогда, когда достаточно будетъ разработана исторія нашего народнаго житья-бытья, такъ какъ древне-русская школа еще не прекратила окончательно своего существованія, именно въ быту старообрядцевъ.

Школа явилась на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ. Это несомнѣнное предположеніе не должно однако вести къ убѣжденію, что она была призвана служить исключительно религіознымъ цѣлямъ. Если послѣднее можно утверждать относительно предполагаемаго существованія школы до оффиціальнаго крещенія Руси при Владимірѣ Св., то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ историка русской церкви Голубинскаго, что вербовка учениковъ, о которой говоритъ лѣтописецъ словами: „пославъ нача поимати нарочитые чади дѣти и даяти нача на ученіе книжное“, — происходила не только съ цѣлью образовать контингентъ служителей церкви: Владимиру нужны были „книжные люди“ не только, чтобы просвѣтить Русь свѣтомъ христіанской религіи, но и свѣтомъ гражданственности. Требованія послѣдней, очевидно, разнятся въ извѣстной степени отъ требованій религіозныхъ и, если мы въ древнѣйшей письменности не встрѣчаемъ указаній на необходимость „книжнаго ученія“ ради свѣтскихъ цѣлей, то это лишь потому, что книга, служившая высшимъ, идеальнымъ стремленіямъ человѣческаго духа, не признавала права на вниманіе у потребностей будничной жизни, которая и протекала своимъ порядкомъ. Медленно и постепенно подвигались идеалъ, насажденный на Руси принесеннымъ изъ Византіи христіанствомъ, и суровая, грубая дѣйствительность по пути взаимнаго соглашенія: медленно и постепенно „иноческое житіе“ и „мірское житіе“ приходили ко взаимному признанію въ „житіи гражданскомъ“.

Древне-русская школа, какъ не нашедшая себѣ регламентаціи, несомнѣнно отразила въ своей жизни эту борьбу идеала съ дѣйствительностью, такъ какъ шла рука въ руку съ культурнымъ развитіемъ русскаго общества.

Единственною цѣлью древне-русской школы было сдѣлать человѣка грамотнымъ. Таково общее положеніе относительно древне-русской школы. Чтобы правильно понимать его, необходимо отказаться отъ того, такъ сказать, надмен-

наго взгляда на грамотность, съ которымъ мы обыкновенно относимся къ ней. Простая грамотность была для древне-русскаго человѣка приблизительно тѣмъ же, чѣмъ служитъ для насъ среднее образованіе. Какъ послѣднее открываетъ намъ дверь въ разнообразныя области современнаго человѣческаго знанія, такъ грамотность доставляла древне-русскому человѣку возможность углубиться въ скрытую въ книгѣ „мудрость".

Наши свѣдѣнія относительно техники обученія грамотѣ крайне скудны. Такъ какъ первыми учителями въ русской школѣ могли быть или греки, знавшіе славянскій языкъ, или,—что было чаще,—славяне, пришедшіе изъ предѣловъ Византійской имперіи или Болгаріи, то о практикѣ первыхъ училищъ на Руси, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, мы можемъ судить по византійскимъ школамъ грамотности. Въ большинствѣ этихъ школъ обученіе происходило безъ всякаго метода; въ нѣкоторыхъ изучались сперва буквы въ алфавитномъ порядкѣ, затѣмъ изъ нихъ составлялись слоги, далѣе слова; былъ еще другой методъ: дѣти произносили отдѣльныя предложенія, которыя разлагались на слова, слова дѣлились на слоги, а послѣдніе на буквы, которыя затѣмъ и изучались.

Намекъ на усвоеніе буквъ въ алфавитномъ порядкѣ, относящійся къ тому времени, отъ котораго у насъ не сохранилось никакихъ школьныхъ учебниковъ, находимъ въ акростихѣ Константина Болгарскаго, одного изъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, бывшаго сначала священникомъ, а потомъ епископомъ въ Болгаріи. Стихотвореніе это сохранилось въ русскихъ рукописяхъ въ большомъ количествѣ, начиная съ XII в. Каждый стихъ этого стихотворенія начинается отдѣльною буквою славянской азбуки въ обычномъ порядкѣ. Вотъ возстановленное начало этого акростиха:

Азъ словомъ симь молюся Богу:
Боже всея твари и зиждителю
Видимыимъ и невидимыимъ
Господа Духа посъли живущаго,
Да въдъхнетъ въ сьрдьце ми слово...

Подобныя, болѣе искаженныя переписчиками, стихотворенія имѣются и въ позднѣйшихъ русскихъ рукописяхъ.

Древнѣйшее извѣстіе объ учебникахъ находится въ житіи св. Гурія Казанскаго. Будучи еще въ мірѣ, Гурій во время заключенія, въ началѣ XVI вѣка, добывалъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что писалъ „книжицы малыя, иже въ наученіе бываютъ малымъ дѣтямъ“, т. е. азбуки. Что это были за азбуки, мы не знаемъ. Но что чувствовалась потребность поставить дѣло иначе указываетъ „наказаніе учителемъ како обучати дѣтей грамотѣ“, находящееся въ одной псалтири начала 17 вѣка; здѣсь говорится, что учитель обязанъ 1) знати словеса книжная и разумѣти ихъ силу, 2) говорить „дебело и тоностно“ (т. е. громко, отчетливо, выразительно), 3) соблюдать точечный разумъ.

Опредѣленное понятіе объ учебникахъ мы получаемъ только со времени ихъ напечатанія. Въ юго-западной Руси печатные буквари появляются въ концѣ XVI в.; первый изъ нихъ подъ заглавіемъ „Наука к учитаню и разумѣню писма словенскаго, туты же и о святои троици и о вочеловѣченіи Господни“ напечатанъ въ Вильнѣ въ 1596 г. Въ Москвѣ первый печатный букварь, составленный „трудами и тщаніемъ Василія Ѳедорова Бурцева“ появился въ 1634 г. Сравнивая содержаніе всѣхъ букварей, относящихся къ первому времени ихъ появленія, нельзя не замѣтить, что почти въ каждомъ изъ нихъ находится предисловіе и послѣсловіе, азбука церковнославянская, склады, молитвы, символъ вѣры, 10 заповѣдей и родъ краткаго катехизиса, въ которомъ излагались главнѣйшія истины вѣры, ученія о таинствахъ и т. п.

Нельзя сказать, чтобы съ появленіемъ печатныхъ букварей техническая сторона обученія измѣнилась къ лучшему. Заучиваніе буквъ, слоговъ сохранило прежній характеръ долбежа, а большій объемъ печатнаго букваря увеличивалъ долю заучиваемаго матеріала. Оттого становится понятнымъ, что розга, раньше употреблявшаяся, вѣроятно, въ зависимости отъ личной воли учителя, теперь нашла себѣ мѣсто на первыхъ страницахъ учебника: употребленіе ея въ школѣ было, такъ сказать, санкціонировано.

Розгою Духъ святый дѣти бити велитъ,
Зане розга здравія ниже мало вредитъ.

Разумъ во главу дѣтей розга вгоняетъ,
Учитъ тыя молитвѣ и отъ злобъ встягаетъ..
Розгою яже мати дѣти не біетъ,
Удаву скоро ему на выю увіетъ.
Разумныя матери и со учители
Малыхъ дѣтей бываютъ часты driучители...
Малымъ розга брезова ко воумленію,
Старымъ же жезлъ дубовый ко подкрѣпленію;
Младъ убо не можетъ безъ розги учити,
Той же безъ жезла старый не можетъ ходити...

Въ силу такого значенія розги ученики приглашались:

Цѣлуйте розгу, бичь и жезлъ лобзайте:
та суть безвинна; тѣхъ не проклинайте
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ,
ибо не зла вамъ, но добра желаютъ.

Значительно большій интересъ представляетъ содержаніе учебниковъ для опредѣленія постепеннаго проникновенія въ школу болѣе широкихъ задачъ, чѣмъ простая грамотность

Мы привыкли думать, что насадительницей и единственной руководительницей школьнаго дѣла въ древней Руси была церковь. Наиболѣе вѣскими доводами этого положенія служитъ нравственно-религіозный характеръ древне-русскаго воспитанія, какъ онъ выразился въ различнаго рода Сборникахъ, и церковно-приходскій характеръ устроенія школъ. Между тѣмъ, если мы обратимся къ памятникамъ юридическаго характера и къ поученіямъ высшихъ пастырей церкви къ низшимъ, то мы не найдемъ тамъ указаній, чтобы служителямъ Церкви вмѣнялось въ обязанность вѣдать школу. Объ этомъ не говорятъ ни такъ называемый уставъ Владимира Св., ни одинъ изъ семи ярлыковъ, данныхъ ханами русскому духовенству, ни одна изъ грамотъ, жалованныхъ нашими князьями духовнымъ властямъ и монастырямъ, ни одна изъ порядныхъ записей, которыми прихожане и избранный ими священникъ опредѣляли взаимныя обязанности; точно также умалчиваютъ объ этой обязанности епископы въ своихъ поученіяхъ, съ которыми они обращались къ низшимъ служителямъ церкви въ такъ называемыя сборныя воскресенья, и митрополиты въ своихъ окружныхъ грамотахъ. Во всѣхъ этихъ памятникахъ подробно вычисляются

всѣ обязанности и всѣ права церкви и ея служителей, и нѣтъ и помину объ интересующей насъ обязанности. Такое упорное замалчиваніе можно было бы, пожалуй, объяснить тѣмъ, что указанная обязанность считалась присущей служителямъ церкви по своей природѣ. Въ такомъ случаѣ было бы излишне и постоянное напоминаніе о поученіи въ храмѣ. Въ поученіи Луки Жидяты мы имѣемъ типичный примѣръ преподаванія православнымъ знаній, потребныхъ всякому православному христіанину. Едва ли, по своимъ понятіямъ, древне-русское духовенство и не считало этимъ свой долгъ относительно обученія своей паствы исполненнымъ. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ одно характерное доказательство этому въ предписаніи ключарю Холмогорскаго большого сбора отъ архіепископа Аѳанасія, данномъ въ 1687 г. Архіепископъ Аѳанасій между прочимъ поручаетъ ключарю, при ревизіи по епархіи, передать священникамъ, чтобы „неумѣющихъ грамоты всѣхъ православныхъ христіанъ наизусть учили отцы духовные во время какъ постятся, со всякимъ прилежаніемъ, ко Богу молитву глаголати „Отче нашъ“ и похвалу Пресвятой Богородицѣ, „еже есть цѣлованіе ангелово“, „Богородице, Дѣво, радуйся, Благодатная Маріе“ и прочее; понеже сія молитва ко Богу и радованіе Пресвятой Богородицѣ велію пользу сотворяютъ всѣмъ православнымъ христіанамъ и отъ всякой напасти избавляютъ съ вѣрою прочитающимъ сія и пресвятому Богу даруетъ предстательство Пресвятыя Богородицы, оставленіе грѣховъ. Къ семужъ, кому возможно, и Символъ Православной вѣры изучить“. (Архангельскія губ. вѣдомости 1869. № 5). Что касается мѣропріятій, которыя были выработаны на Стоглавомъ Соборѣ 1551 г. и указывали на наобходимость въ каждомъ городѣ на дому у священниковъ и діаконовъ устроить училища, „чтобы священницы и діаконы и всѣ православные христіане въ коемждо градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ“, то мы знаемъ, что эти мѣры были вызваны недостаткомъ въ священникахъ, на которой указывалъ лѣтъ 50 до того Новгородскій архіепископъ Геннадій, а не отсутствіемъ грамотныхъ людей на Руси. Кромѣ того мы знаемъ, что предписаніе Стоглава, 100 лѣтъ спустя, было сведено на соборѣ 1666 г. къ тому, чтобы „каждый священникъ своихъ дѣтей научалъ гра-

мотѣ". Такимъ образомъ послѣ молчанія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, церковь оффиціально отказалась отъ веденія народнаго образованія, сосредоточившись на поднятіи уровня образованія исключительно своихъ служителей. Этимъ отказомъ она ничего не потеряла въ глазахъ общества, такъ какъ послѣднее искони само заботилось о своемъ образованіи, сплотившись при этомъ съ Церковью, во-первыхъ, потому, что Церковь создала ему педагогическій идеалъ, идеалъ инока, — во-вторыхъ, потому, что только на почвѣ прихода, какъ экономической единицы, могло осуществиться школьное дѣло.

Выше было указано, что древне-русская школа была призвана съ самаго начала служить не только религіознымъ цѣлямъ, и если она далеко не оправдала надеждъ, какія, быть можетъ, возлагалъ на нее Владимиръ Св., тѣмъ не менѣе въ силу своей внутренней необходимости она не могла оказаться чуждой мірскимъ требованіямъ жизни. Мало того, что книги наставляютъ на „путь покаянія" и служатъ „уздой воздержанію", онѣ или, въ данномъ случаѣ лучше, грамотность служитъ первою ступенью на пути культурной общественной жизни. Хоть и небольшой сравнительно кругъ лицъ древней Руси долженъ былъ сознавать „мірское" значеніе грамоты тогда, когда заключались торговые договоры Олега и Игоря. По второму изъ этихъ договоровъ русскіе купцы и послы должны были, пріѣзжая въ Царьградъ представлять грамоты съ обозначеніемъ числа кораблей и людей на нихъ; очевидно, что принимая такія условія русскіе должны были озаботиться и пріобрѣтеніемъ необходимыхъ письмоводителей. Съ развитіемъ общественныхъ отношеній потребность въ „мірской" грамотности, росла. Сошное письмо и разнообразныя книги, опредѣлявшія права и обязанности крестьянъ посадскихъ и городскихъ жителей, и возбуждавшіе въ нихъ потребность въ различныхъ выписяхъ изъ этихъ документовъ; противни, или копіи съ рѣшеній, выдававшіяся старостамъ почти по всѣмъ дѣламъ, во всѣхъ общинахъ, для спора, т. е. въ предупрежденіе спора; покруты и порядныя, или условія крестьянъ съ владѣльцами, поручные сельскіе приговоры и необходимость рукоприкладства при выборахъ, свидѣтельствахъ и т. п. актахъ; выборы отъ сельскихъ общинъ особыхъ земскихъ счетчиковъ для повѣрки сборовъ,

вмѣстѣ съ приказными счетнаго дѣла, мірскіе посыльщики, ходаки—все это позволяетъ сдѣлать тотъ выводъ, что недочетъ въ грамотномъ духовенствѣ, на который жаловался въ самомъ концѣ XV вѣка Геннадій, былъ вызванъ какъ разъ большой потребностью грамотныхъ людей для цѣлей государственныхъ. Общество въ силу необходимости шло навстрѣчу этимъ потребностямъ, тѣмъ болѣе, что онѣ не лишали возможности остаться вѣрными сынами церкви.

Изслѣдователи исторіи русской школы упорно настаиваютъ на томъ, что древне-русской школѣ были чужды профессіональныя знанія. Подобное утвержденіе надо принимать съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ одномъ изъ рукописныхъ букварей, относящемся къ началу воцаренія Алексѣя Михаиловича, послѣ обыкновенныхъ буквъ Ѳ и ижица и молитвы св. отецъ вписано характерное для подтверженія высказанной мысли о присутствіи профессіональныхъ знаній въ древне-русской школѣ нравоученіе:

„Чадо, аще потщишься приобрѣсти Божественное писаніе, то добре благо получиши: *первое бо отъ своихъ трудовъ питатися имаши*, второе по Бозѣ душевную пользу приобрящеши и празднаго бѣса отъ себя отженеши, третіе же многими людьми начнеши любимъ быти и тако творя получиши вся благая“.

Это краткое нравоученіе, находящееся въ рукописномъ букварѣ, относящемся къ началу воцаренія Алексѣя Михаиловича, т. е. къ концу первой половины XVII в., характерно отмѣчаетъ новую цѣль обученія грамотѣ. Оно предвосхищаетъ мысль, высказанную лѣтъ 50 спустя новаторомъ букваря Каріона Истомина. Послѣдній въ рукописномъ экземплярѣ своего „Малаго букваря ясно отмѣчаетъ практическое направленіе въ обученіи грамотѣ словами: „учитися бо читати божественныя книги и гражданскихъ обычаевъ и дѣлъ правныхъ, и тыя писати“.... Одинъ изъ изслѣдователей *) сочиненій Каріона Истомина, по поводу этихъ словъ замѣчаетъ, что Каріонъ не включилъ приведенную мысль въ печатное изданіе своего букваря потому, что опасался, какъ-бы она, при исключительно нравственно-религіозной цѣли обученія грамотѣ, не показалась слишкомъ дерзкой. Конеч-

*) С. Н. Браиловскій. Одинъ изъ пестрыхъ XVII в. стр. 293.

но, такъ сказать, цензурныя соображенія могли заставить Каріона пропустить мысль рукописнаго букваря въ печатномъ, но что сознаніе потребности въ грамотности ради гражданскихъ цѣлей жило въ обществѣ еще до составленія Каріономъ букваря, на это указываетъ челобитная, которую подали въ 1649 году „городовые и разныхъ Московскихъ приказовъ подъячіе" царю Алексѣю Михаиловичу. Въ этой челобитной подъячіе между прочимъ указываютъ, что у нихъ дома „къ Государеву подъяческому дѣлу поспѣваютъ дѣтишка, а иные не доросли, а грамотѣ и писать умѣютъ". Каріонъ Истоминъ, какъ выходецъ изъ того же подъяческаго сословія, не могъ уже съ дѣтства не проникнуться сознаніемъ необходимости грамоты ради свѣтскихъ цѣлей, какъ не могъ не испытать на себѣ всѣхъ трудностей преодолѣть грамоту. Вотъ почему его значеніе въ исторіи русской школы заключается не въ томъ, что онъ первый указалъ будто бы на новыя цѣли грамоты, а въ томъ, что онъ первый попытался облегчить усвоеніе грамоты, издавъ букварь съ нагляднымъ изображеніемъ буквъ.

Свѣтскія задачи въ обученіи грамотѣ, постепенно прививавшіяся сознанію древне-русскаго школьнаго учителя, вполнѣ соотвѣтствовали развитію педагогическаго идеала. „Домострой„ XVI вѣка искалъ спасенія въ прошломъ, „Домострой" XVII вѣка Каріона Истомина обращается къ будущему, къ подрастающему поколѣнію; „Домострой" XVI вѣка предписывалъ правила въ духѣ монастырскаго устава, „Домострой" XVII вѣка допускаетъ для молодого поколѣнія даже игры: мячъ, кубарь, городки. Такимъ образомъ „Домострой" XVII вѣка Каріона Истомина служитъ связующимъ звеномъ между „Домостроемъ" Сильвестра и „Юности честнымъ Зерцаломъ".

И общій духъ воспитанія и задачи обученія грамотѣ къ концу XVII вѣка настолько измѣнились сравнительно съ тѣмъ, что мы привыкли видѣть черезъ призму „Домостроя" Сильвестра, что дальнѣйшее развитіе русской педагогіи вообще, и школьнаго дѣла въ частности не могло не принять тѣхъ нормъ, которыя явились подъ вліяніемъ реформъ начала XVIII вѣка.

Если мы ограничимся вопросомъ относительно народной школы, дающей общеобязательныя знанія, то прежде всего

намъ придется выяснить, что стало общеобязательнымъ подъ вліяніемъ преобразовательныхъ реформъ Петра I.

Въ до-Петровское время, какъ мы уже говорили, общеобязательными знаніями считались преимущественно знанія, касавшіяся церковнаго обихода и душевнаго спасенія. Ко времени Петра I, какъ мы видѣли, одинаковыя права гражданства установились и за свѣтскими знаніями. Эти свѣтскія знанія опредѣлялись потребностями государственнаго развитія и сводились, какъ было отмѣчено, къ разнаго рода письмоводству. Знаніе этого письмоводства не могло быть однако общеобязательнымъ, такъ какъ не было связано съ какой-нибудь общей повинностью вслѣдствіе отсутствія такой повинности. При Петрѣ I такая повинность создалась—это была воинская повинность. Отношеніемъ къ ней и опредѣлялся уровень потребнаго образованія со стороны каждаго отдѣльнаго сословія. Правда, въ концѣ концовъ не всѣ шли въ военную службу: у государства были и другія потребности, но все же нельзя не признать, что основнымъ принципомъ для опредѣленія требованій извѣстнаго образованія была военная служба. Въ силу этого, около 1714—1716 гг. сдѣлалась общеобязательной математическо-навигацкая система школъ. Въ 1714 г. учреждаются цифирныя или арифметическія школы, въ которыхъ преподавались грамота, счисленіе и основаніе геометріи—знанія, ставшія общеобязательными. Но общеобязательность этихъ школъ постепенно исчезала: указомъ 28 февраля 1714 г. изъ нихъ были исключены „однодворцы", 18 января 1716 г. послѣдовало исключеніе „дворянскихъ дѣтей" вслѣдствіе существованія для нихъ спеціальныхъ школъ, указомъ 13 апрѣля 1720 г. исключены „посадскіе" согласно коллективному прошенію, поданному ими въ началѣ 1720 года, наконецъ резолюціей 1722 года исключены дѣти „дѣйствительно служащихъ поповъ и церковныхъ причетниковъ", такъ какъ въ силу Духовнаго Регламента дѣти этихъ лицъ должны были обучаться въ архіерейскихъ школахъ. Такимъ образомъ, по истеченіи 8—9 лѣтъ послѣ изданія закона объ общеобязательности цифирныхъ школъ, послѣднія обязаны были посѣщать лишь дѣти дьяковъ и подъячихъ разныхъ церковныхъ приказовъ и монастырскихъ слугъ. Послѣдніе и были дѣйствительно упомянуты въ указѣ 6 ноября 1719 г.; о первыхъ же нигдѣ

не было сказано. Наконецъ указомъ 10 ноября 1721 года основываются школы для подъячихъ. Крестьянскія дѣти были лишены права посѣщать школы. Естественнымъ послѣдствіемъ такого рода узаконеній явилось то, что къ концу первой половины XVIII вѣка цифирныя школы прекратили свое существованіе. При исключительно-профессіональной системѣ образованія элементарному общему не оказалось мѣста.

Рядомъ съ цифирными школами возникли школы для бѣдныхъ. Установленіе и содержаніе этихъ школъ сдѣлалось обязанностью монастырей. 31 января 1724 г. былъ изданъ указъ объ устройствѣ монастырями школъ для бѣдныхъ. По этому указу монастыри были раздѣлены на 3 разряда: 1) на монастыри для призрѣнія, именно больныхъ, старыхъ и увѣчныхъ, 2) на монастыри для первоначальнаго воспитанія дѣтей, лишенныхъ семьи, 3) на монастыри для элементарнаго образованія мальчиковъ. Вторая изъ этихъ задачъ, первоначальное воспитаніе дѣтей, лишенныхъ семьи, возлагалась на женскіе монастыри, гдѣ дѣти обоего пола остаются на „вскормленіи" до 5 лѣтъ; съ 5 лѣтъ обучаются грамотѣ, и 7 лѣтъ мальчики передаются въ монастыри 3-го разряда, а дѣвочки обучаются пряжѣ, шитью, плетенью кружевъ. Третья задача, элементарное образованіе мальчиковъ, была возложена на мужскіе монастыри. Они должны были выполнять ее въ „особливыхъ жилищахъ", „къ чему выведенные монастыри пригодны будутъ"; здѣсь мальчики должны обучаться, кромѣ вѣры и заповѣдей, ариѳметикѣ и геометріи. Средства на это дѣло опредѣлялись слѣдующимъ Указомъ, который Синодъ получилъ въ маѣ 1724 года: „Святѣйшій Синодъ! деньги, собираемыя за штрафъ съ раскольниковъ, безъ указу нашего ни на какіе расходы не держите, понеже оныя нужны нынѣ для строенія въ монастыряхъ и на ученіе сиротъ, пока вся экономія ваша окончится".

Общеобязательность прохожденія цифирныхъ школъ опредѣлялась тѣмъ постановленіемъ, что, не имѣя положеннаго свидѣтельства отъ учителя, нельзя было жениться. Угроза эта не оказала желаннаго дѣйствія. За первыя 10 лѣтъ существованія цифирныхъ школъ въ нихъ обучалось 1389 человѣкъ, а выучено 93 человѣка. Учителя, посланные правительствомъ въ провинцію, не находили себѣ учениковъ.

Тогда правительство въ 1719 г. приказало губернаторамъ „велѣть присылать ихъ безъ молчанія“. Въ силу этого указа дѣти, не явившіяся въ школу, содержались въ тюрьмахъ и за карауломъ; тамъ, гдѣ дѣти не были скрыты или не успѣли бѣжать, административныя власти схватывали и везли ихъ въ городъ. Результатомъ такихъ насильственныхъ мѣръ явились частые побѣги дѣтей изъ школы.

Учителями этихъ цифирныхъ школъ являлись ученики навигацкихъ школъ. Въ 1715 г. было опредѣлено отправить въ каждую губернію по 2 учителя; они должны были обучать дѣтей при архіерейскихъ домахъ, получая за это по 3 алтына и 2 деньги въ сутки, т. е. 36 рублей, сумма по тогдашнему не маленькая. Кромѣ того, по окончаніи ученія, учитель могъ получить съ каждаго ученика одинъ рубль.

Распоряженія Петра I касались не только обученія дѣтей свѣтскихъ родителей, но и дѣтей духовенства. По Духовному Регламенту (1721 г.) архіереямъ было предписано открыть въ эпархіяхъ при архіерейскихъ домахъ школы. Въ силу этого предписанія въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ (1721—1725) въ Россіи открылось до 46 архіерейскихъ школъ. Однако и въ эти школы учениковъ приходилось вербовать силою. Такимъ образомъ возникла борьба между обѣими школами: свѣтской и духовной. Синодъ потребовалъ, чтобы дѣти духовенства были возвращены въ епархіальныя школы. Такимъ образомъ былъ вызванъ отмѣченный выше указъ 1722 года объ исключеніи изъ цифирныхъ школъ дѣтей „дѣйствительно служащихъ поповъ и причетниковъ“. Опредѣливъ составъ духовныхъ училищъ, Правительство предоставило ихъ вполнѣ вѣдѣнію Синода, который придалъ имъ устойчивый характеръ. На почвѣ этихъ школъ и существовавшихъ прежде и развились впослѣдствіи среднія и высшія духовныя школы.

Отмѣтивъ судьбу цифирныхъ и архіерейскихъ школъ мы исчерпали мѣры Петра по отношенію къ народной школѣ. Неудача ея насажденія путемъ тѣхъ мѣръ, которыми пользовался Петръ I, не должна вызывать противъ него тяжелыхъ обвиненій. Мы видѣли, что въ до-Петровское время общество шло навстрѣчу потребностямъ государства и давало ему достаточный контингентъ людей сильныхъ перомъ, въ которомъ нуждалось правительство. Въ юго-запад-

ной Руси оно пошло даже дальше. Въ силу извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился православный юго-западъ въ 16 и 17 вв., общество создало здѣсь цѣлый рядъ братскихъ школъ, курсъ которыхъ постепенно повышался отъ простыхъ и болѣе понятныхъ предметовъ до изученія полнаго круга такъ называемыхъ 7 свободныхъ наукъ. Братскія школы являются чисто народными школами, въ которыхъ всякое учрежденіе было роднымъ и понятнымъ для цѣлаго общества, каждое учрежденіе ихъ отвѣчало на насущные запросы общества; онѣ заводятся не правительствомъ, а самимъ обществомъ, вполнѣ сознающимъ нужду въ нихъ. Нельзя сказать, чтобы Московской Руси было чуждо это сознаніе. Въ концѣ XVII в. въ Москвѣ сильно сказывается потребность въ просвѣщеніи вообще и въ народной школѣ въ частности. Петръ I тоже сознавалъ это, но вмѣсто того, чтобы разобраться въ условіяхъ существованія школы въ Московской Руси, онъ послѣдовалъ примѣру Западной Европы и перенесъ оттуда профессіональное образованіе; тамъ оно явилось вполнѣ естественно при существованіи дворянскихъ домовъ и сословій (рыцарскаго и бюргерскаго), но во время Петра I уже отживало свой вѣкъ. Впослѣдствіи, при Аннѣ и Елизаветѣ, государство пыталось вернуться къ системѣ древнихъ приходскихъ школъ, но эти попытки не привели ни къ чему. Народной школѣ суждено было вновь народиться лишь послѣ благодѣтельной реформы освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Н. Бызовъ.

Идеи Петра Великаго и коммерческое образованіе.

Петровское училище основано въ память двухсотлѣтія со дня рожденія Императора Петра I. Съ именемъ Петра связано великое преобразованіе Россіи во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Нѣтъ званія, нѣтъ состоянія въ государствѣ, нѣтъ предмета, занятія и ремесла, до которыхъ бы не коснулась рука великаго монарха. Благодаря реформамъ царя, стала у насъ развиваться промышленность и торговля, до того времени находившаяся въ зачаточномъ состояніи. Въ основѣ административной и законодательной дѣятельности Петра, было образованіе народа и развитіе экономической дѣятельности государства. Всѣ мѣры Преобразователя, органически связанныя между собой, были направлены на усиленія торговли и промышленности; путемъ усиленія вывоза, ограниченія привоза, путемъ учрежденія фабрикъ, заводовъ, путемъ развитія горнаго искусства, разными распоряженіями для обезпеченія интересовъ торговаго и промышленнаго сословія, — Петръ Великій пріучалъ народъ къ разнымъ отраслямъ производствъ, открывалъ новые источники доходовъ, расширялъ экономическую дѣятельность страны. „Наше Россійское государство, говорилъ онъ, предъ многими иными землями преизобилуетъ, и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы; паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ, такъ что многая польза и прибытокъ, который бы намъ и подданнымъ изъ онаго произойти могъ, пренебреженъ“ *).

*) Проф. Брикнеръ „Исторія Петра Великаго“. Спб., 1882 г., т. II. стр. 602 - 620.

По приказанію царя постоянно по всему государству разъѣзжали знатоки различныхъ товаровъ для отысканія предметовъ, необходимыхъ для производствъ, „чтобъ Божіе благословеніе,—по выраженію Преобразователя,—подъ землею втуне не оставалось“.

Искали и находили то серебряную руду, то краску „Марену“, то селитру, то торфъ, то каменный уголь, о которомъ пророчески замѣтилъ Петръ: „Сей минералъ, если не намъ, то нашимъ потомкамъ весьма полезенъ будетъ“.

Въ области производствъ и потребленія, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, Преобразователь былъ наставникомъ своего народа. При поощреніи той или другой отрасли промышленности, или земледѣлія, онъ всегда указывалъ на цѣль, имѣвшуюся при этомъ: онъ приглашалъ пастуховъ изъ Силезіи для развитія шерстяной промышленности, съ тою цѣлью, чтобы не платить лишнихъ денегъ за шерсть и за сукно англичанамъ; онъ устраивалъ мануфактуры шелковыхъ издѣлій въ тѣхъ видахъ, что привозъ таковыхъ обходится очень дорого; онъ училъ подданныхъ, какъ должно работать и, будучи во многихъ отрасляхъ технологіи экспертомъ, предписывалъ, какъ должно дѣйствовать въ качествѣ купца, ремесленника или земледѣльца.

Но самый важный законодательный актъ, такъ сказать вѣнецъ всей законодательной дѣятельности Петра Великаго по части заводско-фабричной промышленности, составляетъ изданіе Мануфактуръ-Коллегіи „Регламента“, обнимающаго всю экономическую дѣятельность страны. Въ силу этого регламента главное управленіе и надзоръ за всѣми мануфактурами и фабриками, а также и дѣлами до нихъ относящимися, сосредоточивается исключительно въ Мануфактуръ-Коллегіи.

Благодаря неутомимой дѣятельности царя, число фабрикъ, мануфактуръ, заводовъ росло быстро, такъ что къ концу царствованія его, въ Россіи дѣйствовало уже болѣе ста разныхъ фабрикъ и заводовъ, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ работало до трехъ тысячъ человѣкъ. Многіе предметы, которые раньше выписывались изъ за границы, стали производиться у насъ, какъ, напр., ружья, пушки, гранатъ, порохъ и пр. Нѣкоторыя русскія издѣлія не только успѣли вытѣснить подобнаго рода иностранные продукты, но даже

стали вывозиться въ большомъ количествѣ за границу. Такъ напр., по таможенному реестру того времени видно, что ежегодно за границу вывозилось болѣе шести милліоновъ аршинъ разнаго рода холста, полотна и т. д.

Съ пріобрѣтеніемъ Россіей балтійскихъ береговъ, съ учрежденіемъ флота, стали расширяться у насъ торговыя связи съ Европой. При Петрѣ впервые у насъ стали завязываться торговыя сношенія съ Испаніей, куда отправлены были русскіе корабли съ русскими товарами; въ Тулонѣ, Лиссабонѣ и прочихъ городахъ были учреждены Консульства; кромѣ заключенія торговыхъ договоровъ между Россіей и другими державами, Петръ намѣревался учредить колоніи на островахъ южной Азіи и на островѣ Мадагаскарѣ, но преждевременная кончина монарха помѣшала осуществленію его плановъ.

Все это свидѣтельствуетъ, какъ заботился Преобразователь объ усиленіи промышленности и торговли, и какъ широки были его взгляды по этому предмету.

Въ разработкѣ правилъ народной экономіи, Петръ боролся съ большими затрудненіями. Онъ часто жаловался, что „изъ всѣхъ дѣлъ администраціи, торговля представляетъ наиболѣе затрудненій“. Если вспомнить тѣ условія древней Руси, при которыхъ пришлось царю начать свою реформаторскую дѣятельность, то легко понять ту трудность, на которую Преобразователь указываетъ. Бѣдность страны, вслѣдствіе односторонняго земледѣльческаго труда, недостатокъ капиталовъ, непривычка къ ихъ соединенію, сословная рознь, плохое состояніе путей сообщенія и опасность ихъ отъ грабежей и разбоевъ была настолько велика, что когда приходилось отправляться кому нибудь за нѣсколько верстъ въ другой городъ или въ деревню, то, по свидѣтельству современниковъ, въ семьѣ поднимался плачъ и прощались, какъ съ человѣкомъ, идущимъ на войну. Недостатокъ въ людяхъ, которымъ бы можно было поручить дѣло, грубость нравовъ, неразвитость, враждебное отношеніе ко всему новому, какъ къ грѣховному, или какъ выражались въ старину: „Предано отцами—лежи во вѣки вѣковъ неподвижно“. Вотъ тѣ условія, вотъ тѣ взгляды, съ которыми пришлось бороться Преобразователю. Нужно было имѣть энергію Петра, его желѣзную силу воли, его гигантскій, не-

бывалый въ исторіи трудъ, чтобы вести борьбу со всѣми этими препятствіями, чтобы сломить вѣками сложившіеся взгляды и привычки и направить мысль и стремленія народа на новый путь, на новую жизнь. „Нашъ народъ,—писалъ Петръ въ одномъ изъ своихъ указовъ,—яко дѣти неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, благодарятъ, что ясно изо всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не всель неволею сдѣлано, и ужъ за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ".

Немало усложнялось дѣло преобразованія еще и тѣми безпрестанными войнами, которыя пришлось вести Россіи въ видахъ политическихъ и торговыхъ. Но, несмотря на всѣ трудныя обстоятельства, Великій Преобразователь твердо шелъ къ намѣченной имъ цѣли. „Въ работѣ пребывающій", какъ онъ самъ себя опредѣлилъ въ одномъ изъ первыхъ писемъ своихъ къ матери,—царь-работникъ дѣйствительно не зналъ усталости; своею энергіею, своею кипучею дѣятельностью онъ постоянно побуждалъ народъ къ труду и былъ всегда примѣромъ для всѣхъ участвовавшихъ въ управленіи государствомъ, для всѣхъ своихъ подданныхъ.

Признавая за знаніемъ силу и силу практическую, Преобразователь много также заботился и объ образованіи народа: заводилъ школы, вызывалъ иностранныхъ учителей, мастеровъ въ Россію, посылалъ за-границу русскихъ учиться, писалъ указы съ цѣлью побудить народъ къ ученію и пояснялъ наглядно значеніе ученія. Взглядъ Преобразователя на образованіе былъ по преимуществу утилитарнаго характера; онъ больше высказывался за такое ученіе, которое бы можно было тотчасъ примѣнить къ жизни, къ дѣлу, по средствомъ котораго бы могъ человѣкъ извлекать пользу, выгоду; Петръ стоялъ больше за образованіе спеціальное, техническое. Школа должна готовить къ различнымъ частямъ государственной службы, и поэтому должна быть профессіональной,—такова была основная идея преобразователя.

Прошло со дня рожденія Преобразователя болѣе двухсотъ лѣтъ. Великія начинанія, неутомимая дѣятельность царя-работника увѣнчались успѣхомъ: народъ выросъ, развился, возмужалъ и потребовалъ знанія и участія въ общей жизни образованныхъ народовъ; установились и отношенія съ другими государствами. Безъ помощи другого народа, безъ взаимныхъ отношеній съ другими государствами ни одинъ цивилизованный народъ не можетъ обойтись, какъ бы велики богатства его страны ни были. Это—всемірный историческій законъ. Но при этомъ задача каждаго народа въ экономическомъ отношеніи состоитъ въ томъ, чтобы утилизировать природныя богатства своей страны настолько, чтобы зависимость его отъ другихъ народовъ соотвѣтствовала зависимости послѣднихъ отъ него самого; другими словами, чтобы каждый народъ доставлялъ на международный рынокъ прежде всего столько же изъ собственныхъ произведеній, сколько ему потребно чужеземныхъ продуктовъ. Когда же равновѣсіе будетъ достигнуто, тогда необходимо озаботиться о расширеніи своего вывоза, объ увеличеніи количества продуктовъ, посылаемыхъ на иностранные рынки. Но для достиженія этой цѣли каждый народъ долженъ умѣть пользоваться данными своей страны, чтобы направить свои силы и стремленія на тѣ отрасли производства, которыя кроются въ ея природѣ. Съ этой точки зрѣнія Россіи предстоитъ еще немало приложить труда, чтобы идти въ уровень съ другими государствами западной Европы. Мы до сихъ поръ еще не можемъ выдерживать конкурренціи въ области промышленной и торговой съ иностранцами. Внѣшняя торговля, какъ привозная, такъ и отпускная, большею частью находится въ ихъ рукахъ. Внутренняя торговля въ значительной части также ведется иностранцами. Изъ предметовъ внутренней торговли въ рукахъ русскихъ купцовъ удержалась главнымъ образомъ торговля сырыми продуктами: хлѣбомъ, лѣсомъ, пенькою и проч. Въ торговлѣ же мануфактурными и колоніальными товарами иностранцы занимаютъ видное мѣсто.

Почти ни одно крупное промышленное предпріятіе не обходится безъ прямого или косвеннаго участія ихъ. Они являются главными дѣятелями въ большей части нашихъ акціонерныхъ обществахъ, въ желѣзнодорожныхъ компаніяхъ,

банкахъ. Въ области промышленной, не смотря на тарифы, субсидіи, намъ не удается поставить дѣло на твердую ногу, такъ что даже болѣе близкіе рынки намъ, такъ сказать, естественные, какъ Востокъ, уходятъ изъ нашихъ рукъ.

Спрашивается, въ чемъ же сила иностранцевъ? Почему они берутъ такой перевѣсъ надъ нами? Не даровитѣе ли они насъ? Не богаче ли ихъ природа? „Русскіе не хуже другихъ народовъ одарены отъ природы, — говорилъ Петръ Великій по свидѣтельству Корба — секретаря цесарскаго посольства. — У насъ такіе же руки, глаза и тѣлесныя способности, какъ у людей другихъ націй; если тѣ развили свой умъ, то почему же намъ не развить его: развѣ мы какіе-нибудь выродки человѣческаго рода. Умъ у насъ такой же, и успѣвать мы будемъ такъ же, если только захотимъ“ *). Мнѣніе Петра Великаго можно выразить словами поэта:

„Онъ не жалѣлъ, что мы не нѣмцы,
Онъ говорилъ: „во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней“.

Не обижены мы также и въ климатическомъ отношеніи, и какъ ни низка наша земледѣльческая культура, все же она даетъ избытки, въ силу которыхъ мы могли бы конкурировать съ другими. Если же русскіе торговцы и промышленники въ настоящее время уступаютъ иностранцамъ, то одною изъ главныхъ причинъ можно назвать недостатокъ общаго и спеціальнаго техническаго образованія, прямо приспособленнаго къ какой-либо практической отрасли дѣятельности.

Одною изъ такихъ отраслей, нуждающеюся въ спеціальной теоретической подготовкѣ, является торговля. Недостатокъ общаго и спеціальнаго коммерческаго образованія среди торговопромышленнаго класса очень вредно отражается какъ

---

*) П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья, стр. 152.

на самихъ коммерсантахъ, такъ и на всей русской торговлѣ и промышленности.

Сознаніе этой истины въ настоящее время все болѣе и болѣе проникаетъ въ среду самихъ коммерсантовъ. Это доказывается значительнымъ увеличеніемъ числа учащихся въ коммерческихъ училищахъ, въ коммерческихъ отдѣленіяхъ при реальныхъ училищахъ, при женскихъ институтахъ и, наконецъ, открытіемъ торговыхъ школъ, классовъ, открытіемъ новыхъ училищъ, въ томъ числѣ и нашего, по инціативѣ и на средства самого купечества, а также и на средства частныхъ предпринимателей. Въ то же самое время открываются коммерческіе, бухгалтерскіе и счетоводные курсы, техническія и ремесленныя учебныя заведенія, сельскія ремесленныя учебныя мастерскія, художественно-промышленныя и другія профессіональныя учебныя заведенія. За послѣднія двадцать лѣтъ однихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Финансовъ по учебному отдѣлу, открылось около 160, причемъ число учащихся въ нихъ свыше 30 тысячъ.

Къ этому явленію нельзя не сочувственно относиться. Распространеніе коммерческаго образованія между лицами торгово-промышленнаго класса не можетъ не отразиться самымъ благодѣтельнымъ образомъ не только на общемъ состояніи русской торговли и промышленности, но и на благосостояніи всего государства. „Свободная торговля и искусное рукодѣліе,—какъ сказалъ Петръ Великій,—составляетъ изобиліе и силу государства“.

Приливъ свѣжихъ, теоретически и, насколько возможно, практически подготовленныхъ силъ, внѣ всякаго сомнѣнія, подниметъ и разовьетъ духъ нашей экономической дѣятельности, подниметъ наши заграничные рынки и дастъ возможность намъ съ бльшимъ успѣхомъ бороться въ торговомъ и промышленномъ отношеніи съ другими государствами.

С.-Петербургское Купеческое Общество можетъ гордиться тѣмъ, что въ распространеніи коммерческаго образованія оно было одно изъ первыхъ. Еще 29-го мая 1872 г., наканунѣ юбилейнаго дня двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго, Собраніе Выборныхъ постановило ознаменовать столь памятный для Россіи день учрежденіемъ въ столицѣ

купеческаго училища имени Императора Петра I. Постановленіе было исполнено, и 1-го октября 1880 г. было открыто *Петровское Училище.*

Этимъ фактомъ Петербургское Купечество ясно показало, что оно дѣйствительно прониклось начинаніями Преобразователя и по силѣ своей старается слѣдовать тому пути, который Онъ указалъ своею дѣятельностью.

Ѳ. Матвѣевъ.

Петръ Великій въ русской поэзіи.

Въ исторіи каждаго народа въ высшей степени важнымъ является вопросъ о томъ, какъ относится этотъ народъ къ явленіямъ своей исторической жизни, какъ отражаются эти явленія въ сознаніи народа, въ душѣ его. Современники историческихъ событій, конечно, могутъ дѣятельно проявить свое отношеніе къ этимъ событіямъ. Отношеніе позднѣйшихъ поколѣній къ своему прошлому также представляется важнымъ: оно опредѣляетъ цѣнность историческаго событія, его глубину и важность въ народной жизни. Думы о своемъ прошломъ народъ ярко представилъ въ своей поэзіи, въ зеркалѣ своего сознанія. „Безсмертный стихотворцевъ гласъ" воскрешаетъ „дѣла давно минувшихъ дней" и свидѣтельствуетъ о „сердечныхъ движеніяхъ", сопровождающихъ воспоминанія объ историческихъ событіяхъ и лицахъ. Часто одна поэтическая „картинка" *), выясняетъ значеніе какого-нибудь событія въ жизни народа, заставляетъ и читателя опредѣленно отнестись къ историческому факту; одинъ поэтическій образъ часто замѣняетъ цѣлый рядъ кропотливо подобранныхъ историческихъ матеріаловъ. Разумѣется, сужденія народа объ историческихъ событіяхъ и лицахъ часто являются скороспѣлыми. Не зная многихъ обстоятельствъ, народъ, какъ и выразитель взглядовъ его—поэтъ, можетъ ошибаться въ оцѣнкѣ историческихъ явленій, но вѣдь нельзя же заставить народъ ждать, пока исторія разберется во всѣхъ подробностяхъ какого-нибудь событія. Въ такомъ случаѣ

---

*) Напр. „Картинка" Майкова: „Посмотри—въ избѣ, мерцая, свѣтитъ огонекъ..."

пришлось бы до сихъ поръ молчать и ждать окончательнаго приговора исторіи и объ Іоаннѣ Грозномъ, и о Борисѣ, и о самозванцѣ, и, конечно, о Петрѣ Великомъ. Народъ не можетъ „сковать свои мечты“, „попрать въ себѣ живые звуки“, рождаемые исторической жизнью,—и судитъ объ историческихъ событіяхъ по тому, что́ до него доходитъ отъ этихъ событій.

Еще при жизни Петра появляются произведенія, представляющія Великаго Царя и его дѣла: о немъ говорятъ проповѣдники, пишутъ поэты, поетъ народъ. Выпуски 8 и 9 „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“ (изданіе Общества любителей россійской словесности, редакція П. А. Безсонова), заключаютъ въ себѣ болѣе 200 пѣсенъ, относящихся къ Петру Великому. Позднѣйшіе собиратели (Бѣломорскія былины, собранныя А. Марковымъ. М. 1901.) представляютъ еще нѣсколько такихъ пѣсенъ. Очевидно, личность Царя сильно заинтересовала народъ. Да это и понятно. Царь, слушавшій прежде разговоры, происходившіе на красной площади, черезъ окно своего дворца *), вышелъ теперь въ народъ и попросту являлся и съ топоромъ на корабельной верфи, и съ „дубинкой“ на улицѣ, и съ рублемъ „на зубокъ“ на крестинахъ у матроса.

Такіе пріемы были основаны на знаніи народа, на простотѣ и искренности отношенія къ нему, и потому были понятны народу, не смущали, или, по крайней мѣрѣ, недолго и немного смущали своею новизной. Народъ видѣлъ дѣла Петровы, слышалъ о нихъ, переживалъ ихъ, и, очень скоро освоившись съ новыми пріемами царя, представилъ его въ своихъ пѣсняхъ „отъ колыбели до могилы“.

Въ нѣкоторыхъ чертахъ народная пѣсня не сходится съ исторіей.

„Быль народнаго творчества—не исторія внѣшней дѣй-

*) Такимъ царемъ неизвѣстный авторъ „Мыслей о Россіи“ представляетъ Алексѣя Михайловича, который смотрѣлъ изъ оконъ дворца на Красную площадь, гдѣ собирался народъ потолковать объ общественныхъ дѣлахъ. „Всякій день доносили ему, что замѣчательное было говорено на площади, и какъ народъ о томъ думаетъ... всѣ знали, что царь былъ свидѣтелемъ всего случившагося“. (Вѣстникъ Европы 1807 г., январь, № 1 и 2). Этотъ же обычай упоминается въ „Антидотѣ“ императрицы Екатерины. (Бартеневъ, Осьмнадцатый вѣкъ, IV, 293).

ствительности Петровской, какъ текла она сама въ себѣ и сама собою, не документы историческіе и акты Петровской эпохи, письменные или печатные съ самой минуты своего происхожденія, не тотъ матерьялъ для исторической науки, въ коемъ каждое показаніе отвѣчало бы внѣшнему событію, тѣмъ болѣе не плодъ историческаго личнаго сознанія или не историческая наука. Это исторія Петра, времени его, дѣятелей и дѣятельности эпохи, какъ протекла сія исторія въ жизни народной, отзываясь въ этой послѣдней изъ сферъ политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ. Это исторія существа и бытія народнаго въ данный Петровскій періодъ общей русской жизни", „исторія народная, во сколько она сознана общимъ народнымъ сознаніемъ цѣлаго народа". „Исторія Петра остается сама собою, при всемъ народномъ творчествѣ о немъ: наши историческія воззрѣнія могутъ пребывать неприкосновенными, наши взгляды и сложившіяся убѣжденія не склоняются и не преломляются сложенной пѣсней; приговоръ нашъ, даже неблагопріятный, сохраняетъ право на всю свою силу; наше сочувствіе, несочувствіе и безучастіе не уславливаются заявленіемъ былины; мы въ состояніи признать заблужденіе самого творческаго воззрѣнія. Но никому нѣтъ права — не признавать сего воззрѣнія, нѣтъ справедливости — отзываться о немъ невѣдѣніемъ, съ той минуты, какъ стало оно извѣстно". „Въ этомъ новомъ, прямо изъ устъ народа столь свѣжемъ еще памятникѣ, видимъ мы явную любовь народа къ Петру и искреннее къ нему сочувствіе,... встрѣчаемъ воплощенное представленіе всего величія тогдашнихъ событій и сознаніе, далеко проникающее впередъ, въ ожиданіи знаменательныхъ плодовъ отъ будущаго и съ терпѣніемъ предъ тугимъ ростомъ началъ новыхъ, крѣпкою рукою втиснутыхъ въ тогдашнюю почву Русской жизни" *).

Изображая обще-русскую радость при рожденіи Петра Алексѣевича, „Бѣлаго Царя", „Перваго Императора", народъ поетъ:

Ужъ какъ свѣтелъ-радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй царь —Михайловичъ:

---

*) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. 8, замѣтка П. А. Безсонова, стр. IX, IV—V и XVI.

Народилъ Богъ ему сына царевича,
Царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.
Всѣ то русскіе какъ плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали,—
Колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу.
А и нянюшки-мамушки,
Сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали,—
Шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату
Они краснымъ золотомъ.
А и тюрьмы съ покаянными (заключенными)—
Онѣ всѣ распущалися,
А и погребы царскіе
Они всѣ растворялися.
У царя благовѣрнаго
Еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися,
Бояра съѣзжалися
И дворяне сходилися:
А все народъ Божій на пиру
Пьютъ-ѣдятъ, прохлаждаются.
Во весельи въ радости
Не видали, какъ дни прошли,
Для младого царевича,
Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.

Самовольство стрѣльцовъ, съ которыми Петру пришлось столкнуться очень рано, изображается въ пѣснѣ о крестьянинѣ и стрѣльцахъ *). Задумали стрѣльцы пріобрѣсти себѣ кобылку соловую. Глядь—ѣдетъ крестьянинъ.

Подъ кресть яниномъ кобылушка солова.
Взглянули они—сами смѣхнулися:
„Что въ (у) Христа молили, то Господь намъ далъ!

*) „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ“, 9 вып., Щ.

„Ну-ка, сѣмъ-ка, мы, ребятушки,
„Навалимся!“

Хоть стрѣльцовъ было пятьдесятъ человѣкъ, но крестьянинъ не дался имъ въ обиду, выпрямилъ дугу и...

Всѣхъ перебилъ, будто волкъ переѣлъ,
Спины понабилъ...

Хотѣли горе-богатыри

Челобитную писать, къ Москвѣ посылать,
Къ Москвѣ посылать, ко царю подавать,

да вспомнили, что прошло для нихъ „то время золотое“, когда такая жалоба могла бы имѣть успѣхъ, и рѣшаютъ разойтись по домамъ, чтобы полѣчить свои спины отъ дубинныхъ ударовъ.

Понятно, почему, при существованіи такихъ отношеній, народъ, изображая грозную расправу со стрѣльцами, становится на сторону „надежи“—царя, который знаетъ, „кого любить, кого жаловать“ и кого „казнить и вѣшать“.

Пѣсня любуется молодецкимъ видомъ новой арміи государевой,

Государя царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

Съ сочувствіемъ представляетъ она добрыя отношенія, установившіяся между царемъ и его „солдатушками“ и „матросиками“. Государь-царь то „ходитъ-гуляетъ на легкомъ стругѣ вверхъ Невы-рѣки ко славному городу ко Шлюшину“, то плыветъ съ матросами, „легкими людьми“, къ Стекольному (Стокгольму), гдѣ гуляетъ „заморскимъ купчиной“ и, узнанный, чуть не попадаетъ въ плѣнъ. Солдатушки рады государю послужити:

Единъ за единаго умрети.

Военные подвиги царя, совершаемые имъ при участіи своей арміи, изображаются въ пѣснѣ, какъ старинные по-

двиги богатырскіе. Чтобы взять Азовъ, царь, по словамъ пѣсни, собралъ сорокъ тысячъ телѣгъ, нагрузилъ ихъ добрыми молодцами, укрылъ этихъ молодцевъ сукнами и въѣхалъ въ городъ подъ видомъ „богатаго гостя“ Ѳедора Ивановича, какъ будто

съ товарами со заморскими:
Со куницами пріѣхалъ и съ соболицами
Отворили ему Азовски крѣпки воротички:
Онѣ (телѣги) ѣхали во Азовъ-городъ трои суточки,
На четвертые суточки уставились.
Тутъ возговоритъ православный царь таково слово:
„Охъ вы гой естя извошшички, добры молодцы!
„Отдирайте суконцы во единой махъ!“
Отдирали они суконцы скоро-на-скоро,
Вылетали изъ кажней изъ телѣжки по пяти молодчиковъ,
Они сабли востры на-голо держутъ.
Испужалися Азовскіе начальнички:
„Ужъ ты батюшка нашъ, православный царь,
„Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
„Не мути ты нашъ тихой Донъ:
„Мы станемъ тѣ служить вѣкъ вѣрой-правдою,
„Вѣрой-правдою и какъ тѣ надобно“.

Другая пѣсня изображаетъ, какъ

„Не ясенъ соколъ по поднебесью—соколикъ летаетъ,
„Какъ Россійскій то Царь по своей армеюшкѣ вотъ онъ разъѣзжаетъ.“

Войско, воодушевленное царемъ, готово итти на трудное дѣло: взять „бѣлой грудью“ крѣпость (Орѣшекъ), къ которой нельзя ни подойти ни подъѣхать.

Тронулося войско ко стѣнѣ—
Полетѣли башни на берегъ,
Отворились вороты непродѣльны,
А проломаны изъ пушекъ ядрами.

Побѣдили силу Шведскую,
Положили городъ надобной.

Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ представлено полтавское дѣло. Изображается объявленіе войны, сборы въ походъ, предчувствія Шереметева. Но вотъ „грянулъ бой, Полтавскій бой!“ и народъ поетъ про него въ стилѣ „Слова о полку Игоревѣ“:

Подымалась Полтавска баталья.
Запалитъ Шведская сила
Изъ большого снаряда—изъ пушки;
Запалитъ Московская сила
Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
Не крупенъ чеснокъ разсыпался:
Смѣшалася Шведская сила,
Распахана Шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена Шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Преданіе о томъ, какъ три пули, летѣвшія въ Петра Великаго во время Полтавской битвы, не повредили ему, составляетъ содержаніе очень распространенной пѣсни, сочиненной извѣстнымъ составителемъ народнаго хора и исполнителемъ народныхъ пѣсенъ Иваномъ Евстратовичемъ Молчановымъ,

„Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья!“

Мы упоминаемъ объ этой пѣснѣ здѣсь потому, что она по ошибкѣ принималась за народную пѣсню даже при оффиціальныхъ празднованіяхъ (Петровскій юбилей въ

1872 г.), а также потому, что въ сборникахъ пѣсенъ, изданныхъ Молчановымъ, она называется „Пѣсня Русскаго Народа“. „Она разошлась по народу и принята „за свою“. Выдаваясь личнымъ талантомъ и искусствомъ пѣнія, сочинитель по крайности не выдается и не исключается изъ народа ни по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, ни по воспитанію, образу жизни и одеждѣ, языку и рѣчи,—и вотъ объясненіе того пути, которымъ пѣсня, сложенная хотя бы лицомъ единичнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ принимается народомъ, какъ его общее достояніе. Не знай мы этого, и не разскажи намъ о томъ самъ сочинитель,.. почтенный старецъ могъ бы скончаться, и пѣсня, оставшаяся въ народѣ, пожалуй, сочлась бы чисто-народною, безъ имени и памяти ея слагателя.

Въ Юбилей Петра (1872 г.) по народнымъ гуляньямъ и даже крупнымъ торжествамъ, въ исполненіи самого Молчановскаго хора и разныхъ кружковъ, пѣсня фигурировала на передней сцѣнѣ. И вездѣ, всѣми признавалась за народную, никто не растолковывалъ и не возражалъ“ *)

Умѣнье царя отыскать смышленаго человѣка во всякомъ званіи, простоту царя, обращающагося „безъ чиновъ“, народъ отмѣтилъ въ сказкѣ о томъ, какъ государь Петръ Алексѣевичъ разговорился съ мужикомъ, работавшимъ въ лѣсу. Мужикъ остроумно перечислилъ статьи своихъ расходовъ: „Въ домъ даю—двухъ сыновей кормлю; долгъ плачу—стараго отца и мать кормлю; а въ воду мечу—двухъ дочерей кручу“. **) „Ну, говоритъ ему царь,—умная ты голова, старичокъ!“ Но умному крестьянину не хватаетъ опредѣленныхъ знаній, чтобы съ природнымъ умомъ устроиться въ жизни, какъ слѣдуетъ. Онъ попадаетъ въ смѣшное положеніе. „Сведи меня въ степи“, говоритъ ему царь: „я дороги не знаю“. „Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, сверни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо.—„Этой я грамоты—говоритъ царь—не знаю; ты меня сведи.“ — А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого

---

*) Дополненія къ VIII и IX вып. пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ. Стр. XXXVII и XXXIX.

**) Собираю для нихъ приданое.

стоитъ.—„Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу".—А заплатишь, такъ поѣдемъ!"

Сѣли они на одноколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь у мужика выспрашивать: „Далече-ль, мужичокъ, бывалъ?"

— Кое-куда бывалъ, сударь.—„А видалъ ли царя?"—Царя не видалъ, а набъ (надо бы) посмотрѣть: согласился бы и помереть.—„Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ".—А какъ я царя узнаю?—„Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать, одинъ царь въ шапкѣ."

Какъ пріѣхали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза: двое стятъ въ шапкахъ; и спрашиваетъ:

— Кто же царь?
Говоритъ ему Петръ Алексѣичъ:
„Видно, кто нибудь изъ насъ царь!"

Конечно, дальняя дорога „на царскую службу" „въ незнаемую" страну Шведскую, „ко славному ко городу Петербургу" вызывала у народа иногда грустныя чувства, какъ всякое отправленіе съ милой родины въ дальній „походъ": приходилось разставаться съ близкими, съ дорогими сердцу. Съ грустью пѣлъ народъ и о „работѣ государевой"—рытьѣ Ладожскаго канала. Но опредѣленнѣе выражается горе новыхъ „государевыхъ солдатушекъ", когда терпѣть приходится не отъ тяжести работы, а отъ тяжести „начальства". Въ одной изъ пѣсенъ поется:

Государя царя мы прогнѣвили!
Ужъ какъ отдалъ насъ нерусскому началу,
Что нерусскому начальнику,—нѣмчину:
Онъ и бьетъ—губитъ солдатушекъ напрасно.

Съ жалостью поетъ народъ о судьбѣ царицы Евдокіи и казненнаго царевича *), но ни въ словахъ народа, ни въ словахъ, приводимыхъ отъ лица самой Евдокіи не слышится гнѣва на царя: царица въ пѣснѣ обвиняетъ не самого Петра:

---

*) Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ, 1901. стр. 296—303.

Я пострижена самимъ царемъ,
Я посхимлена Петромъ Первымъ
Черезъ его змѣю лютую. *)

Всеобщая, глубокая, трогательная жалость слышится въ народныхъ пѣсняхъ по поводу смерти Петра Великаго. Въ сборникѣ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ (8-й вып., стрр. 273—294) собраны такія пѣсни съ Урала, изъ губерній: Саратовской, Симбирской, Тульской, Московской и др.

„Честная вдова, государыня Катерина Алексѣевна“, „князья—бояре, попы—патріархи“, фельдмаршалы, генералы, все войско и вся „мать-Россеюшка“ изливаютъ свое глубокое горе и при послѣднихъ минутахъ царя и на его гробницѣ „въ соборѣ Петропавловскомъ“. Въ одной изъ такихъ пѣсенъ Петръ Великій трогательно сравнивается съ „молодымъ деревцомъ“, которое пышно распустилось подъ весенними и лѣтними лучами солнца, но рано было „позаломано“. Пѣсня эта заключается слѣдующими словами:

„Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
Разнесите съ небесъ снѣжки бѣлые,
Растолкните, вѣтры, бѣлъ-горючъ камень,
Расшатайте-ка мать сыру землю
Вы на всѣ на четыре стороны,
Расколите, вѣтры, гробову доску,
Разверните вы золоту парчу,
Распахните вы бѣлъ-тонкой саванъ!
Ужъ ты встань-проснись, православный царь,
Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
Подыми ты свою головушку,
Посмотри на свою силушку:
Твоя силушка во строю стоитъ,
Во строю стоитъ—не шелохнется,
По военному она обучается,
На войну она отлучается“.

Петръ В. является также въ малорусскихъ (Полтава, Мазепа, Палій, Искра, Кочубей) и сербскихъ народныхъ пѣсняхъ.

*) А. И. Соболевскій. „Великорусскія народныя пѣсни“ I, 390.

Имя его появляется не только въ пѣсняхъ о немъ, оно вплетается и въ старинныя пѣсни о Добрынѣ Никитичѣ, и и въ пѣсню объ умирающемъ отъ ранъ среди поля добромъ молодцѣ (позднѣе сержантѣ), посылающемъ послѣднее „прости" царю Бѣлому, Петру Первому; вплетается оно (очень нескладно) и въ нѣкоторыя пѣсни самаго послѣдняго времени, гдѣ, впрочемъ, указываетъ только на петербургское происхожденіе этихъ пѣсенъ.

Многія черты изъ жизни Петра Великаго сохранились въ формѣ анекдотовъ, которые вошли въ составъ многочисленныхъ сборниковъ и въ громадномъ числѣ изданій распространились въ народѣ. Матеріалъ этихъ сборниковъ заимствованъ во многихъ случаяхъ изъ сборниковъ Голикова („Анекдоты, касающіеся до государя императора Петра Великаго, собранные И. Голиковымъ. М. 1807, болѣе 500 стр.) и Штелина. (Переводъ анекдотовъ, собранныхъ Штелиномъ, изданъ въ 4-хъ частяхъ). Часто въ этихъ анекдотахъ историческая дѣйствительность измѣняется народнымъ воображеніемъ. Анекдоты эти входятъ въ составъ историческихъ повѣстей и драматическихъ произведеній вплоть до нашихъ дней *).

Въ Петровское время появляются произведенія, сближающія творчество народное съ личнымъ. Такими произведеніями нужно считать „канты"—„стихи". Эти „канты", положенные на музыку, должны были исполняться хоромъ, иногда въ нихъ выдѣлялись партіи solo. Это—то же, что мы теперь называемъ кантатами. Приписываются эти произведенія Ѳеофану Прокоповичу, Стефану Яворскому, Дмитрію Ростовскому. Но въ нѣкоторыхъ „общихъ частяхъ" канты существовали еще раньше, а позднѣйшіе писатели ихъ примѣняли къ событіямъ эпохи Петра Великаго, а потомъ и Елисаветы Петровны. При сравненіи съ народными произведеніями канты кажутся искусственными, дѣланными. Здѣсь употребляются тѣ же пріемы восхваленія, которые, мы находимъ въ проповѣдяхъ Яворскаго и Прокоповича. Тѣ же натянутыя сравненія, тѣ же аллегоріи: Петръ—камень, онъ же—Персей, „орелъ сокрушилъ льва", „царь Петръ сокруши льву Шведскому зубы" и т. п.

---

*) Романы и повѣсти Масальскаго, Мордовцева, Фурмана, Авенаріуса и др.

Если теперь еще вліяніе реформы и личности Петра Великаго такъ замѣтно въ нашей жизни, если теперь еще мы рады связать дѣятельность современныхъ учрежденій съ именемъ этого великаго историческаго дѣятеля, то нетрудно себѣ представить, насколько сильно было обаяніе личности Петра среди его современниковъ. Литература того времени, отражая жизнь, изображала Петра Великаго или его дѣла.

Горячее сочувствіе современниковъ дѣлу Петра, сочувствіе, выразившееся такъ ярко въ современной ему литературѣ, заставляетъ признать, что почва для дѣлъ Петровыхъ была благопріятна. Познакомившись съ этой литературой, мы приходимъ къ заключенію, что „въ гору тянулъ“ (по выраженію Посшкова) не одинъ царь, ему помогала и сочувствовавшая ему литература. Одушевленіе Великаго Преобразователя могло, конечно, поддерживаться и успѣхами дѣла и сочувствіемъ литературы.

Проповѣди, рѣчи, привѣтствія стремятся найти поэтическіе образы для прославленія Великаго при его жизни.

Смерть Петра повергаетъ современниковъ его въ глубокое горе. Въ 1725 году В. К. Тредіаковскій пишетъ „Плачъ о кончинѣ блаженныя и вѣчно-достойныя памяти государя імператора, и самодержца всероссійскаго Петра Великаго Отца Отечества“. (209 стиховъ). Петръ представляется здѣсь, какъ „новый государства своего творецъ“, какъ „мужъ сверхъ мужей“. Вселенная, Политика, Нептунъ, Марсъ, Минерва плачутъ о Петрѣ. Но живое чувство автора не можетъ съ достаточной яркостью высказаться въ этихъ напыщенныхъ выраженіяхъ и миѳологическихъ образахъ. Въ концѣ своего „Плача“ онъ говоритъ:

... Россія коль по Петрѣ печальна,
Описать толь живо никому нельзя:
Больше всѣхъ именъ скорбь ея сердечна!

Выросшій въ атмосферѣ обожанія Петра А. Кантемиръ изображаетъ въ своихъ сатирахъ Петровскую эпоху, какъ „золотой вѣкъ“. К. Н. Батюшковъ, изображая Кантемира бесѣдующимъ съ Монтескье, и аббатомъ В. („Вечеръ у Кантемира“), влагаетъ въ уста писателя слова, которыя даютъ

понятіе о характерѣ его литературныхъ произведеній, касающихся вопроса о состояніи современнаго общества. „Благодѣтель семейства моего, говоритъ въ названномъ сочиненіи А. Кантемиръ о Петрѣ, благодѣтель Россіи почиваетъ во гробѣ; но духъ его, сей дѣятельный, сей великій духъ не покидаетъ страны ему любезной, онъ всюду присутствуетъ, все оживляетъ, всему даетъ душу, и новую жизнь, и новую силу: онъ кажется мнѣ, безпрестанно вѣщаетъ Россіи: иди впередъ, не останавливайся на поприщѣ, мною отверзтомъ, и достигнешь великой цѣли, мною назначенной!“ Этотъ духъ оживляетъ и произведенія А. Кантемира: въ сатирахъ онъ сопоставляетъ несовершенство общества съ идеалами Петра Великаго, въ посвященіи своихъ сочиненій Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ онъ съ перваго слова именуетъ царицу „Отрасль Петра Перваго“, въ поэмѣ „Петрида“ *) представляетъ Петра, какъ воплощеніе идеала. Въ личности Петра, по словамъ этой поэмы, можно видѣть.

Мудрость, мужество къ случаю
Злу и благополучну, осторожность сильну,
Любовь, попеченіе, пріятность умильну,
Правдиваго судію, царя домостройна,
Друга вѣрна, воина, всѣхъ лавровъ достойна,
Словомъ: все, что-либо звать совершеннымъ можно.

Въ 1-й книгѣ (на этомъ Кантемиръ и оставилъ свою попытку написать большое эпическое произведеніе) этой поэмы разсказывается, какъ архангелъ Михаилъ, исполняя волю Бога, извлекаетъ изъ ада страшную болѣзнь Странгуріо и предаетъ Петра Великаго во власть этой болѣзни.

Дорогое всѣмъ истинно русскимъ людямъ дѣло Петра Великаго со смертью царя не находило поддержки у власть имѣвшихъ авантюристовъ, для которыхъ не существовало вопроса о благѣ Россіи, благѣ родины, родного народа, любовь къ Россіи, заботы о благѣ русскаго народа, желаніе служить ему всѣми своими силами было такъ же чуждо Би-

---

*) „Петрида, или описаніе стихотворное смерти Петра Великаго, Императора Всероссійскаго“.

рону и ему подобнымъ, какъ чужда была для нихъ и сама Россія.

Съ восторгомъ встрѣтили друзья народа восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы, смѣнившей эпоху временщиковъ. Господствующимъ голосомъ въ общемъ хорѣ славившихъ возвращеніе на престолъ „прямой отрасли Петра“ былъ голосъ М. В. Ломоносова.

Преданія о Петрѣ Великомъ, живо сохранившіяся на родинѣ Ломоносова, знакомство съ современниками Великаго Царя, наконецъ общее съ Петромъ Великимъ стараніе— ввести науку въ жизнь, во внѣшній и внутренній бытъ русскаго народа и вѣра въ то,

„Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать,—

все это дѣлало Ломоносова горячимъ, страстнымъ поклонникомъ „человѣка, каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка“.

Воплотивъ въ себѣ чаянія Петра Великаго, Ломоносовъ въ похвалахъ Петру доходитъ до крайняго предѣла.

„Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія“!

восклицаетъ онъ, и въ цѣломъ рядѣ стихотвореній развиваетъ мысль о геніальности, величіи, божественности Петра.

Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони,
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Петръ представляется въ томъ же стихотвореніи призывающимъ изъ-за горъ науки.

Смерть его производитъ глубокое впечатлѣніе на современниковъ.

Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!

Трудолюбіе, разнообразіе и напряженность работы являются чертами дѣятельности какъ Петра Великаго, такъ и самого Ломоносова. Естественно, что эти черты отмѣчаются Ломоносовымъ въ „Надписи къ статуѣ Петра Великаго“.

Се образъ изваянъ премудраго героя,
Что, ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и царствуя, служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ.
Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ супостатовъ;
И, словомъ, се есть Петръ, отечества отецъ.
Земное божество Россія почитаетъ,
И столько алтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Сколь много есть обязанныхъ сердецъ.

Слѣдуя ложно-классическому направленію, существовавшему въ то время въ литературѣ, Ломоносовъ задается цѣлью представить царствованіе Петра въ поэмѣ, но, какъ и Кантемиръ останавливается въ самомъ началѣ своего труда: онъ написалъ только двѣ первыя пѣсни, въ которыхъ изображается поѣздка царя къ Бѣлому морю и взятіе Шлиссельбурга. Программа всей поэмы приводится Ломоносовымъ въ началѣ ея.

Пою премудраго россійскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивыхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Ломоносовъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается указать на значеніе дѣла Петра Великаго. Ода, надпись, поэма—не удовлетворяютъ его, онъ пишетъ пространное „Похвальное слово“, но и тамъ весь арсеналъ реторики много мѣшаетъ выраженію искреннихъ мыслей. Лучшей похвалой Петру Великому является, конечно, вся совокупность трудовъ Ломоносова на пользу русскаго просвѣщенія. Въ эпоху, когда дѣло Петра Великаго попало въ руки преемниковъ, чуждыхъ его высокимъ стремленіямъ, Ломоносовъ своею дѣятельностью сумѣлъ поддержать лучшія, наиболѣе дорогія стороны этого дѣла, сумѣлъ возбудить и оправдать интересъ къ покровительству наукамъ, расширять которыя, подъ аккомпанементъ его лиры, „изволила Елисаветъ“.

Вслѣдъ за Ломоносовымъ воздаетъ Петру Великому хвалы и Сумароковъ во многихъ „надписяхъ“, и въ прозѣ, и стихахъ. Здѣсь опять мы встрѣчаемъ крайній гиперболизмъ, сравненіе съ божествомъ и т. п.

Сумароковъ сравниваетъ Петра В. даже съ Іисусомъ Христомъ.

Россійскій Виѳлеемъ, Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра произвело!

восклицаетъ онъ. И такое сравненіе не единственное. Личность Петра Великаго какъ бы подразумѣвается извѣстной, ярко и глубоко запечатлѣвшейся въ душѣ каждаго, и стихотворцы стараются окружить эту личность ослѣпительнымъ блескомъ, приготовленнымъ по рецепту ложно-классической литературы, блескомъ, иногда только мѣшающимъ видѣть дорогой образъ въ настоящемъ свѣтѣ.

Въ томъ же стилѣ выражаетъ свой восторгъ и Херасковъ („въ Россіадѣ“ котораго Іоаннъ Грозный ставитъ вопросъ о Петрѣ Великомъ, „се богъ или человѣкъ“), и второстепенные поэты того времени: Большаковъ, Лопухинъ, Николаевъ и др. Сравнивая значеніе Петра Великаго и Екатерины II, Херасковъ замѣчаетъ: „Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина—душу“ *).

Державинъ пишетъ стихотворенія на рожденіе и на смерть Петра В.; повторяетъ вопросъ: „не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?“ и въ стихотвореніи „Вельможа“ перечисляетъ его человѣческія черты.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.
Почтенъ и въ рубищѣ герой!

Нѣсколько странно звучатъ въ устахъ „пѣвца Фелицы“ слѣдующіе стихи „къ изображенію Петра Великаго“:

Богъ рѣдко, чудеса творя,
Подобныхъ въ свѣтъ мужей являетъ;
Создавъ Великаго Петра,
Понынѣ отдыхаетъ **).

Въ предисловіи къ поэмѣ „Россіяда“ Херасковъ говоритъ, что въ русской литературѣ должна быть поэма „Петръ Великій“, но считаетъ появленіе ея преждевременнымъ. Вслѣдъ за Кантемиромъ и Ломоносовымъ принимается за поэму о Петрѣ, Княжнинъ и также, какъ и первые два, останавливается въ началѣ своего труда. Поэмы о Петрѣ Великомъ, появляющіяся въ концѣ VIII и въ началѣ XIX столѣтія ***) незначительны въ литературномъ отношеніи. Лучшая изъ нихъ вызываетъ извѣстную эпиграмму К. Н. Батюшкова.

*) Нума, или процвѣтающій Римъ. М. 1768, стр. 180.

**) Соч. Державина, изд. Акад. Н., III, 329.

*) Сладковскій. Петръ Великій, героическая поэма въ VI пѣсняхъ. Шихматовъ. Петръ Великій, лирическое пѣснопѣніе въ VIII пѣсняхъ. 1803. Грузинцевъ. Петріада, поэма эпическая. (въ 10 пѣсняхъ).

Какъ хочешь имя дай своей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой,
Но только „Петръ Великій"
Ея не называй.

Въ одахъ этого времени (гр. Хвостова, кн. Долгорукаго и др.) слышатся тѣ же восклицанія, что и въ одахъ XVIII в., восклицанія, потерявшія интересъ новизны и оригинальности. Восхваленія Петра Великаго въ прозѣ, относящіяся къ этому времени, еще тяжелѣе для читателя. Таково, напр., „Похвальное Слово (на полутораста страницахъ) Петру Великому, отцу отечества, мудрому преобразователю Россіи", сочиненное Зубчаниновымъ.

Неяснымъ представляется образъ Петра Великаго и въ прозаической литературѣ того времени. Эта литература, подвергнувъ анализу личность Петра и его преобразовательную дѣятельность, начинаетъ колебаться въ оцѣнкѣ и преобразованій и преобразователя.

Въ это время въ русской поэзіи является Пушкинъ.

Мощный геній великаго поэта представляетъ намъ образъ Великаго царя съ такой необычайной простотой и вмѣстѣ съ такой поразительной силой, что образъ этотъ возникаетъ передъ нами, именно такимъ, какимъ его начерталъ Пушкинъ. „Александръ Македонскій завидовалъ Ахиллу, имѣвшему Гомера своимъ пѣвцомъ: въ глазахъ насъ, русскихъ, Петру некому завидовать въ этомъ отношеніи... Пушкинъ не писалъ ни одной „Петріады", но его „стансы" („Въ надеждѣ славы и добра"), многія мѣста въ „Полтавѣ", „Пиръ Петра Великаго" и... „Мѣдный Всадникъ" образуютъ собою самую дивную, самую великую „Петріаду", какую только въ состояніи создать геній великаго національнаго поэта *)". Личность Петра Великаго приковываетъ вниманіе Пушкина съ раннихъ лѣтъ его литературной дѣятельности, до послѣдняго дня его жизни. Онъ характеризуетъ отношеніе Петра къ человѣчеству (въ „Историческихъ замѣчаніяхъ" V, II **),

*) Бѣлинскій, соч., VIII т.

**) Томы и страницы указаны по изданію Литературнаго Фонда. (Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нужд. литер. и учен. подъ редакціею и съ объяснит. примѣч. П. О. Морозова. 1887.

собираетъ анекдоты о немъ (V, 264 и слѣд. стр.), представляетъ въ стихотвореніяхъ, приступаетъ къ историческому изученію Петра Великаго и его времени.

Отдѣльныя черты Петра соединялись поэтомъ въ одно художественное цѣлое, съ колоссальную фигуру генія царя. Пушкинъ понималъ, что Петръ великъ, оставаясь самимъ собою, не возводимый на небеса и не окружаемый страшащимся Марсомъ и дивящимся Нептуномъ. Въ общей характеристикѣ Петра, замѣчательной, единственной, можетъ быть, по своей сжатости и силѣ, онъ умышленно только перечисляетъ его труды,—и передъ нами встаетъ мощный, правдивый образъ великаго труженика земли русской, русскаго историческаго богатыря. По словамъ Пушкина,

. . . Правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

И вотъ Пушкинъ ближе подводитъ насъ къ этому, „привлекающему сердца" человѣку. Въ романѣ „Арапъ Петра Великаго" онъ представляетъ намъ царя въ его домашней жизни, въ его отношеніяхъ, къ семьѣ, къ близкимъ. Вліяніе, какое производитъ личность Петра на Ибрагима, объясняетъ намъ тотъ ореолъ, которымъ окружали личность царя его современники, умѣвшіе понять и оцѣнить его дѣло. Подъ этимъ вліяніемъ Ибрагимъ забываетъ свѣтскую праздную жизнь Парижа и всей душой уходитъ въ великое дѣло служенія своей новой родинѣ за-одно съ великимъ царемъ, его крестнымъ,

Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля.

Здѣсь же представляется, какъ враждебно настроенный по отношенію къ новшествамъ Ржевскій, подъ вліяніемъ Петра, соглашается отдать свою дочь замужъ за „арапа", царскаго крестника. Мы видимъ, что дѣло, трудное дѣло борьбы съ боярской спѣсью, улаживается здѣсь безъ „дубинки", безъ угрозъ; понимаемъ, что, благодаря этому вліянію и въ другихъ случаяхъ являлась возможность не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Правда царева выражается и въ искреннемъ нетерпѣніи царя, выѣхавшаго навстрѣчу своему образованному крестнику, и въ порицаніи, высказанномъ при большомъ обществѣ, на ассамблеѣ, щеголю Корсакову, научившемуся за границей только носить модное и дорогое платье, и въ намѣреніи „перевѣдаться" съ плутомъ Данилычемъ „за его проказы".

Въ этомъ же романѣ Пушкинъ представляетъ Петра въ часы досуга, среди окружающаго его общества: онъ является во время обѣда къ Ржевскому, и по-просту садится за столъ съ хозяиномъ и гостями, онъ на ассамблеѣ, покуривая трубку, играетъ въ шашки съ англійскимъ шкиперомъ. Здѣсь Петръ является тѣмъ же царемъ, установившимъ новые пріемы отношеній къ обществу, какимъ является онъ и въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, и въ анекдотахъ, и, отчасти, въ чудномъ, проникнутомъ радостью, стихотвореніи „Пиръ Петра Великаго", въ которомъ Пушкинъ изображаетъ, какъ царь,

Съ подданымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ—городкѣ,

И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Чуднымъ богатыремъ является Петръ Великій въ поэмѣ „Полтава". Поэма эта замѣчательна по исторической вѣрности представленнаго событія, порельефности изображенія, по художественному стилю и родству съ пріемами народнаго эпоса. Важность отдѣльныхъ моментовъ, центральное положеніе героя, преимущество передъ противникомъ, отношеніе къ побѣдѣ не какъ къ личной удачѣ, а какъ къ важному историческому шагу своего народа,—все это передано замѣчательными художественными пріемами. Эта художественность обработки тѣмъ болѣе замѣчательна, что вся поэма написана въ двѣ недѣли!

Если бы мы не знали, что Пушкинъ явился творцомъ того стиля и языка, какимъ написана „Полтава", еслибы произведеніе это по какой-нибудь игрѣ случая осталось безыменнымъ, какъ остались таковыми, напр., „Слово о Полку Игоревѣ", лѣтописныя сказанія, — то мы, навѣрное, приписали бы эту поэму перу очевидца самаго событія, до такой живости доходитъ передача отдѣльныхъ чертъ явленій, обстановки, лицъ, характера движеній этихъ лицъ.

Сила, высшая степень сознательности дѣйствій, увѣренность въ дѣлѣ, вѣра въ людей, воодушевленіе и радость, какъ слѣдствіе твердой надежды на успѣхъ, проникновеніе сознаніемъ важности момента въ жизни родины, — все видимъ мы въ чудномъ образѣ, когда изъ шатра

Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,

Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Образъ народной пѣсни:

„Не ясенъ соколъ по поднебесью-соколикъ—летаетъ,
Какъ Россійскій то Царь по своей армеюшкѣ вотъ
онъ разъѣзжаетъ“,

Представленъ у Пушкина въ чудномъ по силѣ и красотѣ выраженіи:

Равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра!
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.

Конченъ бой. Шведы побѣждены, нѣкоторые изъ нихъ взяты въ плѣнъ,—и Петръ Великій, великодушіемъ напоминая Илью Муромца, отпустившаго трехъ царевичей, въ шатрѣ своемъ

угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Извѣстно, что, редактируя „Журналъ или Поденную записку“, содержащую подробное описаніе походовъ, путешествій, сраженій и т. п., Петръ В. исключалъ изъ этого „Журнала“ все льстивое, всякое преувеличеніе побѣдъ. Ему не удалось скрыть отъ „вѣщихъ зѣницъ“ поэта свой великій образъ, славный „въ гражданствѣ Сѣверной Державы“.

Въ 1831 году Пушкинъ обратился къ изученію эпохи Петра Великаго по архивнымъ документамъ. Нѣкоторыя

черты царя, почерпнутыя изъ этихъ документовъ, вызывали у Пушкина сомнѣнія, колебаніе въ сужденіяхъ о личности и реформахъ Петра Великаго, но въ общемъ онъ относится къ Петру съ чувствомъ удивленія, преклоняется предъ его геніемъ, собирается создать ему „памятникъ" *). Въ 1834 г. Пушкинъ пишетъ: „къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ" **). Въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина, относящихся къ этой эпохѣ, Петръ является въ томъ же величіи, въ какомъ являлся и въ болѣе раннихъ произведеніяхъ.

Въ „Полтавѣ" онъ является передъ войскомъ, привѣтствующимъ вождя радостными криками, окруженный многочисленной свитой; въ „Мѣдномъ Всадникѣ" представлены его глубокія, творческія, пророческія думы наединѣ съ самимъ собою. Здѣсь нѣтъ его сподвижниковъ, „птенцовъ гнѣзда Петрова", здѣсь онъ одинъ, но

Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!

Поэтъ раскрываетъ эти думы и привѣтствуетъ ихъ осуществленіе въ стихахъ, составляющихъ вступленіе къ этой поэмѣ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,

*) Письмо Пушкина къ женѣ, 29 мая 1834 года.
**) Письмо къ М. П. Погодину, Петербургъ, 6 апрѣля 1834 года.

На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ".
Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ,
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ,—нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье;

Люблю твой строгій стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады.
И ясны спящія громады

Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой—
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Заставляя насъ сочувствовать герою этой поэмы бѣдному Евгенію, все счастье котораго уничтожено разсвирѣпѣвшею Невой, Пушкинъ указываетъ величіе идеи, одушевлявшей „мощнаго властелина судьбы“ Россіи, идеи просвѣщенія, государственнаго развитія. Эта идея должна быть поставлена выше личнаго счастья отдѣльныхъ гражданъ, если въ исключительныхъ случаяхъ осуществленіе ея враждебно сталкивается съ интересами этихъ отдѣльныхъ лицъ. „Эта поэма—апоѳеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только прійти въ голову поэту, вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи“ *).

При этомъ надо замѣтить, что „апоѳеоза“ эта не лишаетъ Петра Великаго жизненныхъ чертъ, не отрываетъ его отъ земли, а напротивъ, обоготвореннаго писателями ложноклассическаго направленія Петра облекаетъ въ плоть человѣческую и, служа такимъ образомъ правдѣ художественной и исторической, помогаетъ намъ ярче и правдивѣе представить себѣ образъ Великаго Царя.

По многимъ сочиненіямъ Пушкина (матеріалы для исторіи Петра Великаго, „Мысли на дорогѣ“, анекдоты, замѣтки, письма) мы видимъ, что далеко не всѣ замѣченныя имъ черты Петра Великаго изображены въ поэтическихъ произведеніяхъ. Объ этихъ послѣднихъ можно вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ сказать: „Жаль, что ихъ слишкомъ мало!“

Одинъ изъ современниковъ Пушкина, Н. В. Кукольникъ, представляетъ Петра Великаго и его время въ рядѣ повѣстей и въ одной изъ лучшихъ своихъ трагедій: „Генералъ-поручикъ Паткуль“. Въ повѣстяхъ его является или самъ Петръ, или общество, въ которомъ проводятся его реформы. Это проведеніе вызываетъ то драматическія, то комическія сцены. Въ повѣстяхъ „Лихончиха“ и „Капустинъ“ представлена крутая расправа Петра Великаго съ заговорщиками и корыстными судьями, а въ повѣсти „Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ“—съ глупымъ недорослемъ. Непониманіе духа и даже смысла распоряженій Петра, измѣняющихъ ста-

*) Бѣлинскій, соч., VIII.

ринные обычаи, и забавныя сцены, являющіяся слѣдствіемъ этого непониманія, представлены въ повѣстяхъ „Лѣтній садъ“ и „Новый годъ“. Заботы Петра Великаго о фабричномъ дѣлѣ, личное участіе и неустрашимость его въ трудахъ мореходства составляютъ содержаніе повѣстей „Позументы“ и „Остапъ и Ульяна“. Повѣсти Кукольника даютъ картину современнаго Петру Великому общества, зашевелившагося подъ вліяніемъ сильныхъ мѣръ, принимаемыхъ царемъ. Повѣсти эти хотя и не отличаются тонкой художественной обработкой, но по занимательности своей съ охотой читаются любителями историческихъ повѣстей и романовъ и возбуждаютъ интересъ къ изображаемой въ нихъ эпохѣ. Въ трагедіи Кукольника „Генералъ - поручикъ Паткуль“ представляется высокое значеніе русскаго государя въ глазахъ правителей сосѣднихъ странъ.

Нѣсколько раньше этой трагедіи была написана М. П. Погодинымъ трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, „Петръ I“. Въ трагедіи этой, по словамъ самого автора, представлена только свѣтлая сторона Петра.

Въ царствованіе Николая I вопросъ о личности и реформѣ Петра В. становится вопросомъ спорнымъ для представителей литературно-общественныхъ направленій, извѣстныхъ подъ именами славянофиловъ и западниковъ. Въ пылу спора тѣ и другіе старались рѣзче высказать только особенности своихъ взглядовъ и не замѣчали, что во взглядахъ этихъ есть много точекъ соприкосновенія. Сущность дѣятельности Петра Великаго—стремленіе къ благоденствію Руси путемъ водворенія въ ней свѣта разума—признавалась и славянофилами и западниками исторической задачей, равно дорогой и тѣмъ и другимъ. Спорили о характерѣ просвѣщенія. Славянофилы (К. Аксаковъ, И. Кирѣевскій и др.) видѣли въ реформѣ Петра слишкомъ крутой переломъ всего строя русской жизни, сложившейся и развивавшейся и раньше, но только развивавшейся на иныхъ, сравнительно съ Западомъ, самобытныхъ основахъ. Западники считали Петра Великаго реформаторомъ, которому „все надлежало создать самому: цѣли, средства, людей,—самого себя“, которому „общество ничего не дало ни для его намѣреній, ни для генія“.

Это—Божій посланникъ, принесшій милліонамъ людей слово истины и себя, какъ образецъ для послѣдованія" *)

Бѣлинскій полагалъ, что Петръ Великій вывелъ Россію, которая плелась по кривымъ, избитымъ тропинкамъ, „на столбовую дорогу всемірно-исторической жизни". „Для просвѣщенія Россіи была, по его мнѣнію, необходима насильственная реформа и отторженіе, хотя бы временное, отъ старины".

Въ поэзіи этого времени является не только образъ Петра, но и сужденія о его реформѣ, являются публицистическія статьи, при стихотворной формѣ которыхъ авторы не считаютъ для себя обязательнымъ строго обосновывать выраженныя въ этихъ статьяхъ мысли. Авторомъ одного изъ такихъ стихотвореній является представитель школы славянофиловъ, К. Аксаковъ. Онъ признаетъ геній Петра и его стремленіе къ благу отчизны. Обращаясь къ Петру, онъ говоритъ:

Могучій мужъ, желалъ ты блага,
Ты мысль высокую питалъ,
Въ тебѣ и сила, и отвага,
И духъ геройскій обиталъ!

Но автора естественно смущаетъ то, что „науки сѣмена" были „политы кровью", и онъ обращается къ Петру съ упрекомъ:

Ненавидя зло въ отчизнѣ,
Ты всю отчизну оскорбилъ.
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давилъ.
На благородный духъ стремленья
Не вызывалъ народъ ты свой **),

Въ его не вѣрилъ убѣжденья,
И весь покрылъ его собой.

---

*) В. Никитенко. Похвальное слово Петру Великому. 1838.

**) Противорѣча исторіи, авторъ противорѣчитъ и взгляду народа выразившемуся въ сказаніяхъ (см. 6 стр. этого очерка).

Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ
Тобою презрѣна была,
И на твоемъ великомъ дѣлѣ
Печать проклятія легла.

Исполненный какою-то суевѣрной любовью къ Москвѣ, Аксаковъ сулитъ Петербургу нелестное будущее. Ему кажется съ чего-то, что этотъ

Градъ разсыплется во прахъ.
Опять возстанетъ послѣ боя
Судьбой оправданный народъ.
Съ освобожденною (отъ кого или отъ чего?) Москвою,
И жизнь привычный приметъ ходъ.

Странно видѣть въ концѣ такого сердитаго стихотворенія выраженіе надежды, что

Любовь всѣ узы сокрушитъ.

Для любви не нужно ни боя, ни проклятій.

Въ послѣднихъ строкахъ стихотворенія выражена увѣренность, что

Отчизна процвѣтетъ счастливо,

и „народъ проститъ“ Петра. Автору, вѣроятно неизвѣстны были тѣ пѣсни народа, въ которыхъ онъ относится къ Петру Великому, Бѣлому царю и Первому Императору съ почтеніемъ и любовью, а не съ обвиненіемъ.

Если похвалы, „апоѳеоза“ Петра Великаго въ ложноклассическомъ духѣ кажутся слишкомъ искусственными, напыщенными, то тѣмъ болѣе неосновательными, безсодержательными являются „лирическія изліянія“, подобныя только что приведенному, если они являются результатомъ личнаго расположенія или нерасположенія и нѣкоторыхъ теоретическихъ соображеній, а не обоснованы опредѣленными историческими данными. При болѣе глубокомъ и разносто-

роннемъ изученіи эпохи Петра, будемъ надѣяться вмѣстѣ съ Аксаковымъ,

Все отпадетъ, что было лживо

или ошибочно, прибавимъ мы.

Въ другомъ тонѣ изображаетъ „чудный вѣкъ“ Петра А. Н. Майковъ въ одномъ изъ раннихъ своихъ произведеній („Чудный вѣкъ“). Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ Пушкинскихъ образовъ, поэтъ представляетъ этотъ вѣкъ въ такихъ чертахъ:

Въ тѣни дубовъ коломенскихъ, смиренно
Возросъ небесъ помазанникъ младой.
Тамъ изучалъ, въ тиши уединенной,
Всѣ язвы онъ страны своей родной,
И, прадѣдовъ ошибкой наученный,
Онъ скиптръ пріялъ, какъ Бога жезлъ святой,
Небесъ мечомъ перепоясалъ чресла,
Воззвалъ..., и Русь изъ бездны тьмы воскресла!
И самъ вѣнецъ онъ слилъ ей на главу;
Саардамскій млатъ скрѣпилъ ея основы
И выковалъ ей мечъ и булаву;
Петра топоръ громовый сбилъ оковы
Съ широкихъ вратъ въ Европу; а въ Неву
Пріялъ гостей младенецъ-городъ новый...
Былъ чудный вѣкъ, но золотымъ сей вѣкъ.
Потомковъ гласъ въ смущеньи не нарекъ *).

*) Ср. у Пушкина.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.

(„Полтава“).

Въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,

Дѣлъ Петра Великаго Майковъ касается и въ дальнѣйшей своей поэтической дѣятельности. Въ стихотвореніи „Ломоносовъ“ изображается горе, недоумѣніе, растерянность Руси, когда въ честь скончавшагося Императора

раздался
Послѣдній пушечный салютъ,
Свершилось, но въ сердцахъ остался
Вопросъ: чему же быть?.. Всѣ ждутъ...

Какъ будто послѣ бурной тучи
Осталась вся теперь страна,
Владыки мыслію могучей
Какъ молніей избраждена.

Вездѣ глубокія основы
И жизни новые пути—
И—нѣтъ Вождя! и мракъ суровый,
И неизвѣстность впереди!

Одинъ Онъ—кормчій былъ, который,
Куда вести корабль свой, зналъ,
Одинъ увѣренные взоры
Въ даль, въ безпредѣльность устремлялъ...

Дѣло, оказавшееся „не въ силу сильнаго сынамъ“ *), направилось безъ могучаго руководителя ложнымъ путемъ, и дошло до того, что

Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

(Тамъ-же).

Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно
Ногою твердою стать при морѣ,
Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ...

(„Мѣдный Всадникъ“).

Кантемиръ именно „златымъ вѣкомъ“ называлъ вѣкъ Петра.

*) Стихотв. Ѳ М. Дмитріева.

Средь смятенія и страха,
Средь казней, пытокъ и опалъ,
Ужъ руку къ бармамъ Мономаха
Курляндскій конюхъ простиралъ.

Ученый сынъ Архангельскаго рыбака, Ломоносовъ, представляется въ этомъ стихотвореніи „осуществленьемъ мечты Великаго Царя“.

Майкова интересовалъ образъ Петра Великаго, представленный въ народныхъ сказаніяхъ. Одно изъ его стихотвореній, „Сказаніе о Петрѣ Великомъ въ преданіяхъ Сѣвернаго края“, является пересказомъ преданія, записаннаго Е. В. Барсовымъ въ Онежскомъ краѣ *). Авторъ, подмѣтивъ стихи, которые „сами собой сквозятъ“ въ разсказѣ, записанномъ со словъ разсказчика, передаетъ этотъ разсказъ стихами былиннаго склада.

У Барсова это преданіе записано такъ:

„Досколь еще насъ на свѣтѣ не было да и дѣды дѣдовъ нашихъ не были, да на свѣтѣ не жили, а и народа то на земли была малость мальская,—цари въ ту пору дѣлили межъ собой свои владѣнія. Въ ты-то поры давнія наше мѣсто не завѣдомо было ни царемъ, ни бояриномъ, ни лихимъ человѣкомъ удалыимъ, а въ лѣсу звиря разводилося: что ни кустъ—лисица со куницею, что ни пень—медвѣдь съ волчищемъ; а и рыбы наплодилося хошь рукой имай, аль карцомъ черпай. Полюбилось то наше мѣсто привольное царю Свейскому. А и Петра русскій царь запримѣтилъ, что ручьи у насъ глубокіе, рѣки долгія, широкія, а морямъ и нѣтъ конца, да и жить у воды способнѣе; снарядится самъ на поиски, на своей лодкѣ крашеной, серебромъ пораскладеной, золотымъ рулемъ приправленой, съ боярами да вельможами. А Свейскій то царь заспесивился не поѣхалъ самъ, а послалъ за себя начальниковъ въ полонъ забрать ему воду съ рыбою, и лѣса со звѣремъ всякіимъ, чтобы владѣть ему по-вѣки. Ѣдетъ—катитъ Петра-царь на поиски, по морю Ладожскому, на лодкѣ съ боярами да съ вельможами,

*) Бесѣда, 1872 г., кн. 5.

а и самъ сидитъ въ кормѣ, золотымъ рулемъ поворачиваетъ, а стрѣчу ему какъ разъ и есть супостатъ, въ лодкахъ писаныхъ, съ шелковой покрышкой алою.

Не ясенъ соколъ налетѣлъ на лебедь бѣлую, не лебедь смутилъ воду синюю: то летятъ—воду рябятъ лодки свейскія на цареву лодку крѣпкую, съ шумомъ свистомъ порываючись; въ мелкой черень искрошить хотятъ цареву лодку дубовую. Не стерпѣлъ тутъ русскій царь, понасупился, очи ясныя поразсвѣтились и румянецъ сталъ во всю щеку; а и крикнетъ онъ баръ-вельможамъ своимъ: „поубавимъ что-ль спеси у Свейскаго царя? Силой ли сгубить ихъ, аль пустить съ бѣлымъ валомъ пучинистымъ? Промолвили тутъ бояре: „а и что царь брать грѣха на душу, хоть и не крещеную, да человѣческую, а пусть они умрутъ отъ витра—сивера да валовъ, разсыпчатыхъ. „Лишь промолвили бояре“ какъ тутотка взялъ царь—отвязалъ отъ ремня золотой рожокъ, протрубилъ на всѣ стороны громкимъ голосомъ... Разносился голосъ по морямъ далекіимъ, по водамъ темныимъ. Становилась вдругъ темень Божія, собиралися вѣтры въ тучу густую, расходились воды ярыя—валъ вала подталкиваетъ, гребни вѣтры имъ подтягиваютъ. Налетѣлъ вѣтеръ, посрывалъ покровы алые, побросалъ платье по морю, а тутъ нагнала ихъ вода ярая — валъ живой горой идетъ тянется, бѣлымъ гребнемъ отливается. Подошелъ тутъ первый валъ, приподнялъ стоймя лодки Свейскія, а второй валъ понакренилъ ихъ, а и третій ужъ какъ тутъ и былъ—захлеснулъ на вѣкъ начальниковъ. Разступилась вода на-двое, ушли камнемъ въ топь глубокую души грѣшныя, некрещеныя.

Съ той поры давней на Ладожскомъ по кажинный годъ на томъ мѣстѣ тонетъ человѣкъ—душа крещеная: собираютъ то силу утопшіе на войну съ Петромъ царемъ“.

Въ народномъ духѣ разсказываетъ Майковъ преданіе о Петрѣ Великомъ въ стихотвореніи „Кто онъ“? Это стихотвореніе помѣщается иногда въ хрестоматіяхъ въ редакціи слабой, со стертыми красками грубоватаго народнаго простодушія, съ «рулемъ за кормой челнока». Въ настоящей редакціи 1868 года оно читается такъ:

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ.
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый,
И бранился, и вздыхалъ

Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „Здравствуй, дѣдъ!"—
А старикъ, въ сердцахъ, чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди, да у моря сиди.

„Вамъ, вѣдь, все ничто боярамъ,
А челнокъ—для рыбака
То-жъ, что бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.

„Шведы-ль, наши-ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

„Чуть кого въ дали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь, грѣшно!
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...

„Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..

Изъ-подъ Пскова, вѣдь, на лѣто
Промышлять сюда идемъ".

Всадникъ прочь съ коня, и, молча,
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышелъ,
А, вѣдь, былъ, что рѣшето,

— „Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай".

„На Петрово! эко слово
Молвилъ—думаетъ рыбакъ
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ,
А по рѣчи... Какъ же такъ"?..

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

Образъ ворчуна—старика, который въ благоговѣніи передъ мастерскимъ трудомъ Чуднаго Плотника, „шапку снялъ и смотритъ", вслѣдъ чудесному гостю, художественно передаетъ то, сначала угрюмое, можетъ быть, народное недоумѣніе при первомъ знакомствѣ съ небывалымъ царемъ, которое потомъ вылилось въ пѣсняхъ и сказаніяхъ народа въ форму дружескаго почтенія къ „Царю Бѣлому, Петру Первому".

Тяжелыя минуты изъ жизни Царя, его предсмертныя минуты, изображаетъ А. А. Навроцкій *) въ полномъ драматизма, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ излишне рѣзкомъ по тону стихотвореніи „Смерть Петра Великаго“. Мучительныя думы царя о томъ, кому передать престолъ, образъ казненнаго сына, и другія темныя стороны личной, семейной жизни Петра, возникая въ умѣ царя, дѣлаютъ послѣднія его минуты по истинѣ ужасными. Голосъ совѣсти обвиняетъ царя за казнь сына, напоминая ему жизнь царевича слѣдующими словами:

„Дитя отвергнутой жены,
Онъ росъ въ преданьяхъ старины,
Среди прадѣдовскихъ утѣхъ,
Служа надеждою для всѣхъ,
Кто не погибъ еще въ борьбѣ
Съ твоею властью. Онъ тебѣ
Всегда былъ чуждъ; ты ничего
Для воспитанія его
Не сдѣлалъ самъ, хотя и зналъ,
Что въ немъ Господь ниспосылалъ
Тебѣ наслѣдника. Зачѣмъ,
Не воспрепятствовавъ ничѣмъ,
Ты далъ вполнѣ окрѣпнуть въ немъ
Понятьямъ прежнимъ и потомъ
Его казнилъ за то, что въ немъ
Былъ тотъ же непокорный нравъ,
Какъ и въ тебѣ“?..

Царь не можетъ избрать себѣ достойнаго наслѣдника изъ среды окружающихъ его „рабовъ-сподвижниковъ“, „алчущихъ наживы“, а не проникнутыхъ беззавѣтной любовью къ Русской землѣ, сподвижниковъ, знакомыхъ съ дѣлами правленія, но не воспитанныхъ въ сознаніи гражданскаго долга. Петръ думаетъ о нихъ:

*) А. А. Навроцкій. „Картины минувшаго“. СПБ. 1881.

— „Вы хороши въ моихъ рукахъ,
Пока царитъ надъ вами страхъ
Да гнѣвъ Петра“.

Возникаетъ мучительный для умирающаго царя вопросъ:

„Кому-жъ отдать
Тебя, Россія? Кто, какъ я,
Страна великая моя,
Тебя одну любить лишь станетъ,
И не споткнется, не устанетъ
Тебя вести какъ водитъ мать
Свое дитя? Кого избрать?..
. . . . . . Пусть изберетъ
Себѣ владыку самъ народъ,
Какъ было встарь... но только онъ
Ужъ слишкомъ мною пріученъ
Къ безмолвью рабства...?
. . . . . Въ этотъ мигъ
Часъ роковой его настигъ“.

Крутыя мѣры, предпринимаемыя Петромъ Великимъ, вспоминаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній гр. А. Толстой. Онъ приводитъ полные недоумѣнія и опасенія за будущее вопросы старой Руси, обращенные къ Петру, и его отвѣты. Пользуясь образомъ народной пословицы, авторъ съ оттѣнкомъ народнаго юмора представляетъ эти вопросы и отвѣты въ такой аллегорической сценѣ:

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что ты изволишь въ котлѣ варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупы достать?

— За моремъ, матушка, за моремъ.
За моремъ, сударыня, за моремъ!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?
— Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?
— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ солона?
— Солона, матушка, солона,
Солона, сударыня, солона!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А кто-жъ будетъ ее расхлебывать?
— Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки!

очувствіе А. Толстого просвѣтительному дѣлу Петра но замѣтить въ изображеніи сценъ изъ старо-московской ни („Потокъ-богатырь“, „У приказныхъ воротъ“ и др.), кже и въ стихотвореніи, характеризующемъ въ числѣ

многихъ проявленій русскаго духа и личность Петра Великаго, который, по замѣчанію Тургенева *), былъ по преимуществу русскій человѣкъ. Стихотвореніе это выражаетъ сочувствіе автора вообще широкому вольному розмаху русской удалой натуры, готовой

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча,
Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль стоять, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

Мы коснулись въ этомъ очеркѣ далеко не всего того, что говоритъ русская поэзія о Петрѣ Великомъ: взяли то, что казалось наиболѣе яркимъ изображеніемъ его личности въ произведеніяхъ разныхъ направленій.

Изъ этого обзора мы видимъ, что всякая эпоха выставляла поэтовъ, изображающихъ Великаго Царя. Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, Пушкинъ и ихъ современники и послѣдователи говорятъ о Петрѣ и его дѣлѣ. Сообразно съ условіями общественной жизни и господствовавшими литературными направленіями, Петръ изображался то какъ богъ— примѣръ властителямъ, отступившимъ отъ его дѣла или желающимъ за нимъ слѣдовать; то какъ царь, беззавѣтно любящій свою родину, отдававшій свои гигантскія силы даже

*) „Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо, то ему и нравится, что разумно — того ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно, Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы... — любопытный народецъ и поучиться у нихъ онъ готовъ". („Хорь и Калинычъ").

до послѣдняго своего часа на служеніе этой родинѣ; то какъ человѣкъ желѣзной воли, неутомимой энергіи, но унаслѣдовавшій черты грубой современности, несвободный отъ ошибокъ и грѣховъ. Образъ этотъ возникалъ то подъ обаяніемъ личности самого Петра, то подъ вліяніемъ близкаго знакомства съ нимъ по его дѣламъ, то на основаніи болѣе или менѣе тщательнаго изученія личности его по историческимъ памятникамъ и пособіямъ. Въ настоящее время памятники, относящіеся къ Петру, дѣлаются все болѣе и болѣе общедоступными *), и, нѣтъ сомнѣнія, поэзія воспользуется этой возможностью близко познакомиться съ личностью Петра и представить его съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ выяснится въ этихъ памятникахъ. Болѣе подробное, детальное художественное изображеніе Петра, какъ человѣка,—напр., представленіе его, какъ сына своего вѣка, въ условіяхъ обстановки, воспитанія, среды,—вызоветъ въ массѣ болѣе опредѣленное представленіе о немъ, и какъ объ историческомъ дѣятелѣ, и въ этомъ случаѣ поэзія поможетъ исторіи.

Чуткое сердце нашихъ поэтовъ не могло иногда спокойно отнестись къ нѣкоторымъ сторонамъ дѣятельности Великаго Царя. Это, кажется, можно объяснить тѣмъ, что мы еще не пережили эпохи реформъ Петра Великаго, намъ еще и теперь представляются вопросы, пойти ли въ томъ или другомъ случаѣ за нимъ или направиться въ другую сторону. Историческій опытъ приведетъ насъ къ правильному рѣшенію этихъ вопросовъ. Исторія укажетъ намъ свѣтлыя и темныя стороны прошлой русской жизни. Русскій человѣкъ сумѣетъ найти способъ отношенія къ прошлому, не закрывая глазъ при указаніи отрицательныхъ сторонъ этого прошлаго, но и не покидая эпическаго спокойствія ради нелестной роли обличителя мертвыхъ. Поэты наши будутъ способствовать созданію того настроенія, по отношенію къ эпохѣ Петра, какое господствовало и прежде у русскихъ людей по отношенію къ прошлому русской земли, настроенію, которое выражается въ томъ, что русскій человѣкъ

---

*) Напр., издаются Письма Петра Великаго

Своихъ царей великихъ поминаетъ
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляетъ.

Русскому народу есть чѣмъ вспомнить труды, слав добро Петра Великаго!

М. Трофимовъ.

Петръ Великій и Алексѣй Петровичъ.

(Эпизодъ русской исторіи въ освѣщеніи западно-европейской литературы).

I

Петръ Великій.

Геніальная личность великаго преобразователя Россіи всегда производила сильное впечатлѣніе на Западѣ. Нѣкоторые историки утверждаютъ, что въ началѣ царствованія Петра Западная Европа мало интересовалась имъ. Но грянулъ Полтавскій бой, и взоры всей Европы устремились на славнаго побѣдителя славныхъ въ то время полковъ шведскихъ. Вниманіе это къ Петру и его дѣятельности не ограничилось временемъ его жизни,—оно пережило его и живетъ еще понынѣ, какъ жива его слава у насъ на Руси. Энергичное и оригинальное осуществленіе идей его, клонящихся къ радикальному пересозданію русской дѣйствительности и приведшихъ Россію къ сближенію съ западной культурой, его славные военные подвиги и оригинальная личность —все это въ совокупности очень интересовало западъ. Результатомъ такого интереса явилась обширная литература о Петрѣ, цѣлый рядъ спеціальныхъ и популярныхъ историческихъ трудовъ, посвященныхъ изученію эпохи Петра Великаго или отдѣльныхъ направленій, фактовъ, эпизодовъ его царствованія.

Гораздо менѣе значительную, но всетаки довольно видную роль сыграла личность Петра и въ западно-европейской литературѣ: большое количество литературныхъ про-

изведеній, принадлежащихъ къ разряду изящной словесности, написано на темы изъ эпохи Петра Великаго, и въ большинствѣ ихъ самъ Петръ выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ.—Вотъ уже скоро минуетъ два вѣка какъ цѣлая обширная литература живетъ эпохой Петра и черпаетъ отъ этого источника.

А кто, если даже поверхностно изучилъ жизнь и время великаго царя, не знаетъ, сколько благодарныхъ мотивовъ для поэтическаго творчества таятъ они въ себѣ! Возьмемъ центральную личность эпохи, самого Петра, одно изъ самобытнѣйшихъ явленій русской жизни. Богатая натура его, характеръ его, весь его нравственный и умственный строй—изъ ряду вонъ выходящія явленія. Правда, Петръ полонъ противорѣчій. Но въ силу этихъ самыхъ противорѣчій характеръ Петра и представляетъ интересную проблему для поэта-психолога. Интересенъ характеръ Петра, не менѣе занимательны внѣшнія событія его жизни. Интересны и общественныя настроенія на Руси той эпохи, интересны фигуры сотрудниковъ и противниковъ Петра. Простая, не замысловато-написанная біографія Петра читается какъ интересный романъ. Припомните мелькомъ основные факты этой біографіи. Сколко заманчиваго матеріала для романиста, какіе богатые сюжеты для драматурга. Свободное воспитаніе вдали отъ роскоши царскаго двора, своеобразныя забавы и потѣхи, дружба съ иностранцами нѣмецкой слободы, наконецъ потрясающія событія, сопровождавшія его восшествіе на престолъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ интереснѣе становится матеріалъ. Онъ растетъ, становится все завлекательнѣе, все разнообразнѣе. Это на самомъ дѣлѣ романъ, романъ, въ которомъ сливается все, что трогаетъ человѣческую душу, гдѣ звенятъ всѣ струны ея, гдѣ дикія сцены ужаса быстро смѣняются идиллическими картинами, гдѣ суровый глубокій трагизмъ чуть не сливается въ одинъ аккордъ съ задушевнымъ, теплымъ юморомъ, переходящимъ часто въ безпечное, даже безшабашное веселье.

Вотъ слышится жизнерадостная мелодія съ юмористическимъ оттѣнкомъ, мелодія ясная, простая:—Петръ собирается за границу учиться, великій царь работаетъ плотникомъ въ Саардамѣ; но начинаютъ прорываться тревожныя нотки, онѣ начинаютъ господствовать, гонятъ жизнерадостное

настроеніе и слышатся грозные напѣвы:—Петръ караетъ стрѣльцовъ. Эти напѣвы рѣзко обрываются. Вдали неясно, глухо раздаются звуки: то звуки прелюдіи къ Великой сѣверной войнѣ; въ ней лейтмотивомъ проходитъ грустно—величественная пѣснь о несчастномъ Паткулѣ; грустные звуки смѣняются веселыми, шаловливыми:—на фонѣ великой войны рисуется Маріенбургская идиллія. Мелодія растетъ, вихремъ несется ритмъ—на русской почвѣ появился безпечный и отважный герой, послѣдній рыцарь Карлъ XII. Звуки льются все шире и шире, звучитъ maestoso, побѣднаго хорала: Полтавскій бой,—въ который вплетается рѣзкій диссонансъ: измѣна Мазепы.

Усердно учится Петръ за границей, славно воюетъ онъ противъ шведовъ, а тѣмъ временемъ на Руси растетъ измѣна. Невольно передъ нашими глазами всплываетъ обликъ несчастнаго царевича, а за нимъ длиннымъ рядомъ тянется вереница бородатыхъ, длиннополыхъ ревнителей сѣдой старины, всего исконно русскаго. Разыгрывается драма, въ которой отражается борьба двухъ и по сейчасъ еще непримиримо стоящихъ другъ противъ друга явленій русской жизни.

Около Петра группируются его сотрудники; среди нихъ многіе очень интересны въ силу своего характера или внѣшнихъ условій жизни. Укажемъ, напримѣръ, на Меншикова, жизнь котораго изобилуетъ чисто романическими подробностями.

Такой богатый матеріалъ не могъ остаться незамѣченнымъ и привлекъ вниманіе не только русскихъ поэтовъ и художниковъ, но и иноземныхъ: на него набросились нѣмцы и французы, итальянцы и англичане, голландцы и шведы. И вотъ въ Венгріи читаютъ на венгерскомъ языкѣ *) исторію возвышенія и паденія Меншикова, а въ знойной Испаніи ставятся драмы, героями которыхъ являются Петръ В. и Екатерина I. **).

---

*) Hoffman Fr., Gög elözte meg a bukast vagy Menczikoff emelkedese sobukasa. Nemetböl után fardidotta Birly Paulina. Pest 1861.

**) Comella, Luc. Franc. El hombre singular, ó Isabel Primer de Russia. drama. Мадридъ 1795; его-же: Pedro el Grande, Czar de Moscovia. drama. Барселона s. a.

Литературная обработка сюжетовъ изъ эпохи царствованія Петра Великаго началась приблизительно въ срединѣ XVIII в. и продолжается по сію пору. Количество работъ, относящихся сюда, весьма значительно. Матеріалъ, которымъ пользовался я при составленіи этого очерка, весь хранится въ отдѣленіи Rossica Императорской Публичной библіотеки, которая въ этомъ отношеніи является богатѣйшимъ собраніемъ міра. Я конечно не успѣлъ разобрать и изслѣдовать всего матеріала, который съ точки зрѣнія историка литературы является настоящимъ сырьемъ. Кромѣ того я заранѣе ограничилъ свою задачу, намѣтивъ къ разбору литературное отраженіе на западѣ одного эпизода изъ царствованія Петра. Несмотря на то, что я сосредоточивался на одномъ спеціальномъ вопросѣ, мнѣ всетаки при собираніи матеріаловъ пришлось познакомиться почти со всѣмъ составомъ изящной литературы о Петрѣ. Результатомъ такого бѣглаго обслѣдованія матеріала получился рядъ выводовъ, хотя и чисто внѣшняго характера, но безспорно подтверждающихъ многое изъ числа того, что мною было сказано выше. Попытаюсь въ кратцѣ описать и разбить на группы, имѣвшійся у меня подъ руками матеріалъ: *) всего въ отдѣленіи Rossica находится 139 №№ беллетристики, въ которыхъ играетъ роль Петръ Великій, разсказываются событія изъ его жизни или выступаютъ на сценѣ ближайшіе сотрудники Петра. Не вошли въ общій подсчетъ переводы подлинниковъ и повторныя изданія; подражанія же, даже очевидныя, я не рѣшился выдѣлить, ибо для этого потребовался бы детальный пересмотръ всего матеріала. Изъ числа всѣхъ этихъ произведеній самымъ раннимъ является романъ Rochonville'я L'heureux esclave ou histoire d'un gentil-homme lorrain ci devant capitaine des grenadiers à cheval du czar. Cologne (Кельнъ, 1721, нѣм. перев. 1758 г.), написанный еще при жизни Петра Великаго. Такихъ раннихъ произведеній въ собраніи Rossica болѣе не имѣется. Вторымъ по древности произведеніемъ, написаннымъ 38 лѣтъ спустя смерти Петра Великаго, является поэма Mainvillers'a: La

*) Всѣ нижепомѣщаемыя свѣдѣнія отнюдь не претендуютъ на полную точность. Я думаю, что къ каждому изъ высказанныхъ положеній могутъ быть внесены существенныя поправки.

Petreude ou Pierre le Créateur, Amsterdam 1763. Начиная съ этого года матеріалы тянутся почти непрерывно вплоть до 1900 г. Хронологическое распредѣленіе этого матеріала даетъ намъ любопытную картину постепеннаго роста и паденія на западѣ интереса къ сюжетамъ изъ эпохи Петра Великаго.

Изъ 139 произведеній: къ 18-му вѣку относятся всего 17, къ первой четверти 19-го вѣка (1800—25)—27, къ срединѣ этого вѣка (1825—75)—68 и наконецъ къ послѣдней четверти (1875—1900)—16 произведеній. Очевидно, интересъ къ разбираемымъ сюжетамъ растетъ постепенно, начиная со второй половины 18 в., достигаетъ своего апогея въ срединѣ 19-го вѣка (количество произведеній вдвое большее, чѣмъ въ первое и послѣднее двадцатипятилѣтіе того-же вѣка), и потомъ постепенно падаетъ. Ростъ интереса происходитъ, какъ мнѣ кажется, въ зависимости отъ культурнаго сближенія запада съ Россіей и вслѣдствіе нѣкоторыхъ удачныхъ указаній поэтовъ на выгодность и поэтичность нѣкоторыхъ мотивовъ.

Новѣйшія литературныя произведенія на темы Петровскія: 1. Duckmeyer, Fr., Der Arbeitskaiser, Trauerspiel in 5 Akten, 1892; 2. Ker, David, cosack and czar, 1892; 3. Whishow, Fred; Boris the Bear—hunter. A tall of Peter the Great and his times. 1895; 4. Launay, Louis, Les amours de Pierre le Grand, 1896; 5. Ross, Richard, Der Mohr des Czaren, Schausp. in 5 Aufzügen 1896; 6. Graham, Iames M., The son of the Czar, an historical roman, 1898; 7. Taylor, M., An Imperial lover 1899.

Участіе отдѣльныхъ народовъ въ разработкѣ упомянутаго матеріала выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: львиная часть падаетъ на долю Германіи, которая представлена 56 произведеніями; за ней слѣдуютъ: Франція съ 37, Италія съ 12, Англія съ 10, Швеція съ 7, Голландія съ 6, Данія съ 4, Поляки и Чехи, каждые съ 3 произведеніями.

Какъ по формѣ, такъ и по содержанію матеріалъ этотъ въ высшей степени разнообразенъ. Драма представлена здѣсь во всѣхъ видахъ, также и эпосъ. Безъ сомнѣнія существовала и лирика, вдохновлявшаяся Петромъ Великимъ, но отмѣчать лирическія произведенія въ данномъ очеркѣ нѣтъ никакой возможности. Мы встрѣчаемся съ трагедіями, драмами, комедіями, мимо-и мелодрамами, водеви-

лями, шутками, операми [1]). Мы находимъ романы, повѣсти и разсказы въ различныхъ формахъ: въ видѣ писемъ, дневниковъ и пр. [2]). Наконецъ цѣлый рядъ поэмъ [3]) и даже два героическихъ эпоса [4]).

По содержанію эти произведенія также очень разнообразны: нѣкоторыя изъ нихъ стараются изобразить всю жизнь Петра Великаго, придерживаясь болѣе или менѣе исторической истины, какъ напр. біографическій романъ Белани: Peter der Grosse, seine Zeit und sein Hof или повѣсть Берхенбаха: Der grosse Czar [5]). Другіе въ драматической формѣ пытаются исчерпать всѣ основныя факты изъ жизни Петра Великаго, освѣтить его характеръ со всѣхъ сторонъ, какъ напр. Дукмейеръ [6]) въ своей благосклонно принятой нѣмецкой критикой драмѣ „Der Arbeiterkaiser", показываетъ намъ Петра Великаго и за рабочимъ станкомъ, и за государственными дѣлами, участникомъ всепьянѣйшей коллегіи, и дипломатомъ, судьей сына и защитникомъ принцессы его супруги, наконецъ спасающимъ матросовъ и умирающимъ на берегу Финскаго залива на рукахъ своей первой жены Евдокіи. Есть такія попытки дать общую концепцію жизни и характера Петра Великаго. Изъ нихъ ни одно не выдается поэтическими достоинствами. Большинство же литературныхъ произведеній посвящено изображенію отдѣльныхъ сторонъ личности Петра Великаго и эпизодовъ изъ его жизни, причемъ наибольшей популярностью пользовались сюжеты намѣченные вначалѣ настоящей статьи.

Такъ очень много литературныхъ произведеній примкнуло къ путешествію Петра Великаго въ Саардамъ. Почти всѣ

---

1) Числомъ всего 72 произведенія драматическаго типа:

2) Всего 48 произведеній.

3) Всего 7 поэмъ. Остальныя 12 произведеній ни подъ одну изъ этихъ рубрикъ не подходятъ.

4) Mainvillers, La Petreude ou Pierre le Créateur, Amsterdam 1763: Denina, Carlo: La Russiade poema epico in prosa — edizione terza, Parigi 1810, очевидно переводъ предъидущаго.

5) Belani, H. P. d. G.; Seine Zeit..., historischer Lebensroman т. I—3 Лейпцигъ 1856; Berchenbach, W, Der grosse Zaar. Historische Erzahlung fur die Jugend. Regensburg 1878.

6) Duckmeyer, Fr: Der Arbeiterkaiser. Trauerspiel in 5 Akten, 1892.

легенды, создавшіяся на этой почвѣ, разрушены въ настоящее время скальпелемъ исторической критики. Но уже одна та истина, что царь работалъ на верфи, простымъ плотникомъ достойный мотивъ для любопытной повѣсти или интересной комедіи. На почвѣ этой Саардамской идилліи и выросла одна изъ популярнѣйшихъ и лучшихъ комическихъ оперъ Германіи; я подразумѣваю извѣстную и у насъ [1]) оперу Лорцинга: Czaar und Zimmerman, поставленную въ первый разъ въ Лейпцигѣ въ 1837 г. и шедшую послѣ того безчисленное количество разъ на нѣмецкихъ сценахъ. Аріи и куплеты изъ этой оперы скоро проникли въ народъ и распѣвались и наигрывались странствующими музыкантами повсемѣстно въ Германіи.

Либретто оперы, составленное самимъ Лорцингомъ, не оригинально: идея написать оперу на этотъ сюжетъ была ему навѣяна оперой фонъ Лихтенштейна: Frauenwerth oder der Kaiser als Zimmermann, поставленной въ 1814 году въ Страссбургѣ [2]). При сочиненіи же текста къ оперѣ ему послужили источниками: комедія Мельвиля „Le Bourgemestre de Saardam ou les deux Pierres“ (1818 г.), комедія сочиненная тѣмъ-же Мельвилемъ въ сотрудничествѣ съ Мерлемъ и Буари: „Le Bourgemestre de Saardam, ou le Prince Charpentier“ (1818) и опера Третри „Pierre le Grand“ (1790 г.), либретто для которой было составлено Бульи и которая пользовалась во Франціи одно время большимъ успѣхомъ.

Кромѣ только что упомянутыхъ оперъ въ третьемъ десятилѣтіи 19-го вѣка въ Италіи возникли три оперы на тотъ же самый сюжетъ: опера Вакаи „Pietro il Grande“ (первая постановка въ 1824 г.) и опера Меркаданте съ тѣмъ же заглавіемъ, шедшая впервые въ 1827 г. въ Лиссабонѣ. Въ 1827 г. самъ Донизетти написалъ оперу „Il borgomastro di Saardam“ (либретто Джилардоне), поставленную въ 1827 г. въ Неаполѣ

---

[1]) У насъ она шла въ измѣненномъ видѣ.

[2]) Самая древняя обработка этого сюжета кажется англійская мелодрама Фредерика Рейнольдса (Reynolds): The Burgomaster of Saardam. Ни текста Рейнольдса, ни текста Лихтенштейна въ отдѣленіи Rossica. Публичной библіотеки не имѣется.

Этимъ далеко еще не исчерпывается рядъ оперъ, воспользовавшихся для либретто мотивомъ путешествія Петра Великаго въ Саардамъ.

Еще больше количество комедій и водевилей, повѣстей и анекдотовъ, повѣствующихъ объ этомъ событіи. Выше была указана одна изъ самыхъ популярныхъ комедій. Это комедія Бульи, которая послужила источникомъ для оперы Лорцинга. Одна изъ раннихъ эпическихъ обработокъ этого сюжета: повѣсть г-жи Гэнаръ (Guénard): „Le charpentier de Saardam", вышедшая въ Парижѣ въ 1817 г.

Разсказъ о царѣ-плотникѣ въ силу его огромнаго воспитательнаго значенія былъ впослѣдствіи принаровленъ для дѣтскаго пониманія извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ для юношества Нирицомъ *), а другой авторъ: Людике сочинилъ изъ того же матеріала комедію для дѣтскаго театра.

Сравнительно меньшимъ успѣхомъ пользовалось другое событіе, по характеру своему рѣзко отличающееся отъ предъидущаго, — возстаніе стрѣльцовъ и жестокая расправа съ ними Петра Великаго. Этотъ сюжетъ породилъ 5 литературныхъ произведеній, изъ которыхъ я укажу на самое раннее по времени: драму Бабо, „Die Strelitzen" 1790 г. и на романъ Бартелеми, „Pierre le Grand et les Strélitz" (1820 г.).

Огромное количество произведеній возникло на почвѣ отношеній Петра В. къ Мартѣ Скавронской, будущей императрицѣ Екатеринѣ. Исторія ихъ сближенія и совмѣстной жизни обильно изукрашена легендой. Легенда снабжаетъ ливонскую плѣнницу нѣсколькими именами, изъ которыхъ самое обычное приведено мною выше. Вообще о судьбѣ ея до сближенія съ царемъ Петромъ почти ничего достовѣрнаго неизвѣстно и широкое поле открывается въ данномъ случаѣ разнымъ догадкамъ. „Это уже не романъ императрицы, это сказка изъ тысяча и одной ночи", какъ выразился одинъ критикъ. Для того, чтобы прослѣдить отраженія различныхъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ фактовъ изъ жизни Екатерины въ литературѣ, нужно было бы познакомиться подробно со всѣмъ литературнымъ матеріаломъ разбираемаго нами типа; къ этому слѣдовало бы присоединить изученіе мемуаровъ и

*) Повѣсть эта очень часто издавалась.

переписки Петра В. съ Екатериной и другими лицами *). Я укажу только на то, что изъ жизни Екатерины любимыми сюжетами поэтовъ были: взятіе Маріенбурга, въ числѣ жителей котораго, какъ всѣмъ извѣстно, находился пасторъ Глюкъ со своей служанкой Марфой (?) и несчастный Прутскій походъ Петра В., въ которомъ Екатерина по преданію своей расторопностью спасла Петра В. и войско русское отъ неминуемой гибели, подкупивъ великаго визиря. Оба факта передаются въ высшей степени разнорѣчиво не только поэтами, но и историками. Послѣдній теперь исторической критикой окончательно отнесенъ въ область легенды. Изъ числа имѣющагося у меня подъ руками матеріала 16 произведеній посвящены спеціально Екатеринѣ и большинство изъ нихъ трактуетъ вышеуказанные сюжеты. Кромѣ того Екатерина выступаетъ почти во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и при разборѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ послѣдствіи намъ придется остановиться подробнѣе на выясненіи концепцій ея характера поэтами запада.

Не мало интересныхъ литературныхъ памятниковъ породили и событія великой сѣверной войны. Почти каждый годъ этой долголѣтней войны отмѣченъ въ литературномъ творчествѣ какой нибудь поэмой, драмой или повѣстью. Но и въ этомъ полномъ событій историческомъ явленіи два эпизода преимущественно привлекали вниманіе поэтовъ: судьба Паткуля и судьба Мазепы. Судьба этихъ двухъ противоположныхъ по дѣятельности, характеру и нравственному достоинству лицъ отмѣчены и талантливымъ перомъ русскихъ творцовъ. Исторія жизни Мазепы, сама по себѣ романичная, изобилующая, какъ и жизнь Екатерины, массою легендарныхъ наслоеній, неразрывно связана съ самымъ выдающимся и славнымъ фактомъ сѣверной войны—съ Полтавскимъ боемъ. Въ связи съ нимъ она обыкновенно и разсказывается; но не всегда: такъ лучшая обработка этого матеріала—превосходная поэма Байрона „Мазепа"—излагаетъ

*) Объ Екатеринѣ см. исторію царствованія Петра В.—Устрялова; изслѣдованіе Семевскаго, Императрица Екатерина; Гротъ, Etudes sur les origines de l'imperatrice Catherine; Brückner, Peter des Grossen Briefwechsel mit Catharina (Raumers Taschenbuch, 5-te Serie).

судьбу героя до его прибытія въ Малороссію. Кромѣ этой выдающейся по художественности и поэтичности настроенія поэмы, назову еще драму Готтшаля: Mazeppa (1865) и трагедію Словацкаго подъ тѣмъ же заглавіемъ (1840). Изъ числа поэтическихъ воспроизведеній борьбы и смерти Паткуля первымъ долгомъ слѣдуетъ упомянуть трагедію извѣстнаго представителя молодой Германіи Карла Гуцкова: Patkul, выдержавшую въ Германіи нѣсколько изданій и переведенную на французскій языкъ (въ 1846). Самымъ раннимъ произведеніемъ въ этой области является драма Бонафона (Bonafont): Patkul oder der fremde Mann.

Обработкою этихъ основныхъ и популярнѣйшихъ сюжетовъ изъ эпохи Петра Великаго отнюдь не ограничиваются интересы западныхъ авторовъ въ личности великаго преобразователя. Такъ въ 1896 г. нѣмецкій драматургъ и романистъ Рихардъ Фоссъ, подхвативъ сюжетъ, затронутый уже Пушкинымъ, написалъ драму, въ которой героемъ выступаетъ Арапъ Петра В., и воспроизводится на сценѣ исторія (вымышленная, и очень скверно вымышленная) его любви. Характеръ драмы сентиментально—напыщенный. Въ этомъ же году французъ Луи Лонэ (Launay) написалъ обширный толстый романъ подъ заглавіемъ: Les amours de Pierre le Grand. Характеръ этого романа кольпортажный. Въ 1886 г. принцъ Любомирскій въ своихъ историческихъ фантазіяхъ трогательно разсказалъ про плачевную участь Маріи Гамильтонъ, причемъ изнасиловалъ, переходя всѣ предѣлы, историческую истину. Въ этомъ же году пресловутый, одно время и у насъ столь популярный Захеръ-Мазохъ въ своей повѣсти „Die letſten Tage Peters des Grossen“ разсказалъ о послѣднихъ дняхъ Петра Великаго и о трагедіи, разыгравшейся въ супружеской жизни Петра не задолго до его кончины *). Какъ ни незначительны по художественности воспроизведенія всѣ эти продукты, всетаки они свидѣтельствуютъ о томъ какъ интересовались и интересуются на западѣ личностью Петра не только историки, но и поэты, съ какихъ разныхъ противоположныхъ сторонъ пытаются они подойти къ уразумѣнію этой сложной, гигантской натуры.

---

*) Намъ придется этого факта коснуться при разборѣ трилогіи Иммерманна „Alexis“.

Общій взглядъ на Петра Великаго, несмотря на такое дѣятельное занятіе его личностью, по сію пору на Западѣ не установился. По сію пору тамъ находятся два лагеря, изъ которыхъ одни склонны къ Петру, другіе враждебны ему. Конечно, какъ склонность, такъ и враждебность эта въ настоящее время чувства вполнѣ платоническія, возникающія только случайно, хотя бы напр. послѣ прочтенія какой нибудь книги о Петрѣ, въ разговорѣ образованныхъ людей, когда коснешься личности Петра и пр. У насъ, конечно, дѣло это обстоитъ совсѣмъ иначе: въ нашей дѣйствительности Петръ живъ; живъ въ традиціяхъ одного направленія также, какъ живы противники Петра и ихъ традиціи въ политико-національномъ догматѣ другого направленія. У насъ вопросъ о Петрѣ по сію пору еще вопросъ острый. Мало-по-малу на западѣ стало проявляться третье примиряющее настроеніе, усматривающее въ Петрѣ на ряду съ его выдающимися качествами и не менѣе выдающіяся слабости его и недостатки. Намъ до такого объективнаго взгляда на Петра Великаго еще далеко. Есть отдѣльные представители его въ средѣ научной. Въ общество же онъ еще не проникъ и долго еще не проникнетъ: для одной части общества Петръ Великій по настоящее время еще какой-то миѳическій — полусказочный герой, „тянущій вся въ гору“, для другой—тиранъ, не уважающій традицій, самобытности и національной силы русскаго народа.

Перейду къ болѣе подробному разсмотрѣнію того сюжета, въ которомъ мы еще разъ станемъ лицомъ къ лицу съ намѣченнымъ только что вопросомъ касающимся оцѣнки личности и творчества Петра на западѣ. Этотъ эпизодъ изъ царствованія Петра, который я умышленно пропустилъ въ предшествующемъ перечисленіи, намѣреваясь посвятить его разбору цѣлую главу,—разладъ царя Петра съ сыномъ Алексѣемъ и судъ, учиненный царемъ надъ наслѣдникомъ престола.

II.

Царевичъ Алексѣй.

„Toute une littèrature, histoire, roman, drame, poésie, s'est essayée, dans tous les pays et dans toutes les langues, a évoquer l'image tragique du malheureux Tsarevitch".

(Walichewsky.)

Трагическая судьба царевича Алексѣя *), вотъ уже въ теченіе почти двухъ вѣковъ занимаетъ умы западной Европы. Цѣлый рядъ историческихъ и поэтическихъ произведеній старался выяснить намъ личность этого неудачнаго сына Петра Великаго и освѣтить отношенія, существовавшія между отцемъ и сыномъ. Популярность этого эпизода объясняется основной, голой темой самого факта: отецъ предаетъ сына своего, наслѣдника престола суду. Этотъ голый фактъ уже самъ по себѣ—краснорѣчиво говоритъ о чемъ-то необыкновенномъ и выходящимъ за предѣлы обыденнаго ума. Но къ этому голому факту примыкаетъ тысяча разныхъ подробностей, которые осложняютъ фактъ, запутываютъ его и этимъ самымъ даютъ пищу для пытливаго ума. Не мое дѣло въ данномъ случаѣ вдаваться въ разборъ историческихъ книгъ и изслѣдованій, касающихся этого вопроса и существующихъ въ большомъ количествѣ въ западной литературѣ. Но я не могу, не указать на то обстоятельство, что среди этихъ ученыхъ историческихъ сочиненій встрѣчаются такія, въ которыхъ мы нашли бы гораздо больше художественности чѣмъ среди массы завѣдомо ничтожныхъ литературныхъ продуктовъ, незаслуженно украсившихъ себя ярлычками „драма", „романъ„ и въ теченіе долгаго времени забавлявшихъ западную публику **). Считаться же съ исто-

*) О царевичѣ Алексѣѣ вообще см. Исторію Петра Великаго—Устрялова, т. VI (гдѣ помѣщены и всѣ документы, относящіеся къ суду надъ царевичемъ); Исторію Россіи Соловьева т. XVII; Herrman, Peter der Grosse und der Tsarevitsch Alexei, Лейпцигъ, 1880. Brückner, Der Tsarevitsch Alexei.

**) Къ такимъ интереснымъ и художественно изложеннымъ книгамъ

рической постановкой вопроса о царевичѣ Алексѣѣ мнѣ придется даже при моей чисто историко-литературной точкѣ зрѣнія. Обусловливается эта необходимость—качествомъ матеріала.

Матеріаломъ поэта въ данномъ случаѣ является историческій фактъ. Поэтъ безусловно имѣетъ право распоряжаться своимъ матеріаломъ, группировать его по своему, присочинять новыхъ дѣйствующихъ лицъ, идеализировать историческихъ и пр. Поэту предоставлена обширная свобода дѣйствія: но свобода эта отнюдь не безгранична. Гдѣ находятся эти границы свободы — указать невозможно. Ихъ намъ не укажетъ—ни читатель, ни критикъ, ни самъ творецъ. Общей формулы, закона къ данному случаю подъискать нельзя. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, зная историческій фактъ, образованный читатель или зритель, умѣющій критически отнестись къ воспринимаемому, можетъ сказать преступилъ ли поэтъ эти границы или нѣтъ. Также и талантливый, умный, образованный писатель чувствуетъ эти невидимыя грани и, руководствуясь этимъ чутьемъ, предохраняетъ себя отъ ихъ нарушенія. Онъ знаетъ, что нарушая эти грани, онъ нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ правду, не историческую правду, а ту, безъ которой поэтическое произведеніе—не художественно, правду поэтическую, художественную. Эта поэтическая правда, очевидно, находится въ зависимости отъ правды дѣйствительной, исторической. Какова эта зависимость, какъ уже выше замѣчено, я рѣшать не берусь.

Подробный разборъ изящной литературы, касающейся царевича Алексѣя привелъ меня къ заключенію, что во многихъ случаяхъ иностранные авторы, нарушая черезъ мѣру или не въ попадъ историческую правду, потеряли и правду поэтическую. А вмѣстѣ съ этимъ и ихъ произведенія потеряли значеніе художественныхъ произведеній.

Помѣщаемый мной ниже списокъ произведеній, относящихся къ царевичу Алексѣю, преслѣдуетъ главнымъ образомъ слѣдующія цѣли: ознакомить читателя съ наличностью матеріала, установить хронологическую связь и этимъ облегчить дальнѣйшій разборъ матеріала.

о царевичѣ Алексѣѣ принадлежитъ книга виконта Мельхіора де Вогюэ, Le fils du Pierre le Grand, Парижъ 1884 г. Въ этой же книгѣ помѣщенъ и литературно-историческій очеркъ Вогюэ о Мазеппѣ.

№ 1. Vatan . . . . 1767 г.
Amilka ou Pierre le Grand, tragédie par M. Dorat, Paris 1767; повт. изд. 1779 г. и 1780 г.; голландскій перев. подъ заглавіемъ: Peter de Grote, treurspel, Dordrecht, 1772 г. (Въ предисловіи къ этой трагедіи Дора помѣстилъ отрывки старинной драмы Ватана (Vatan), въ которой главную роль играетъ царевичъ Алексѣй).

№ 2. Carrion Nisas . . . . 1804 г.
Pierre le grand, tragédie par Carrion Nisas, Paris 1804 г. (къ ней: Un petit mot sur Pierre le Grand, tragédie (de M. Carrion Nisas) par A. A. F. Pillon, Paris 1804 г.).

№ 3. Zschokke . . . . 1804 г.
Die Prinzessin von Wolfenbüttel. Vom Verfasser des Alamontade Heinrich Zschokke, 2 т. Цюрихъ 1804 г.; повт. изд. 1805 г.; 1810 г. и т. д. Переводы: франц. 1806 г.; датск. 1812 г.; испанскій 1833 г.

№ 4. Bertuch . . . . 1812 г.
Alexei Petrowitsch, Trauerspiel v. H. Bertuch, Gotha 1812.

№ 5. Eustaphieve. . . . . 1812 г.
Reflections, notes and anecdotes illustrating the character of Peter the Great. To which is added a tragedy entitled Alexis, the Czarewitseh by Alexis Eustaphieve Boston. 1812 г.

№ 6. Immermann . . . . 1832 г.
Alexis. Eine Trilogie von Karl Immermann. Düsseldorf 1832 г.

№ 7. Livry . . . . 1836 г..
Madame Peterhoff. Vaudeville-anecdote par Ch. de Livry, Antonin et Roche. s. a.

№ 8. Roobol. 1839 г.
Christina van Russland en Milna Peterhoff, of de Vorstin en de Kamerjuffer. Vrij gevolgd naar het Fransch. Amsterdam 1839 г.

№ 9. Otto . . . . 1843 г.
Allexei Petrowitsch. Ein Trauerspiel von Ernst Otto. Leipzig 1843 г.

№ 10. Foucher . . . . 1849 г.
L'héritier du Czar, drame historique par Paul Foucher, Paris 1849 г.

№ 11. Grandjean. 1851 г.
Peter der Grosse und sein Sohn. Drama. Nach dem Französischen des Paul Foucher v. Grandjean Berlin 1851 г.

№ 12. Birch Pfeiffer . . . . 1854 г.
Santa Chiara. Oper v. Charlotte Birch-Pfeiffer. (Musik v. Ernst, Herzog zu Sachsen Coburg-Gotha) s. a.

№ 13. Schmidt . . . . 1856 г.
Drei Dramen von Elise Schmidt. Berlin 1856 г. (Въ числѣ ихъ драма: Peter der Grosse und sein Sohn).

№ 14. ? . . . . 1856 г.
Alexei. Tragisk dram af Forfatteren til Ruth. Kjobenhavn 1856 г.

№ 15. Belani . . . . 1856 г.
Russische Hofgeschichten. Von Peter dem Grossen bis auf die neuere Zeit. Ein historischer Novellencyklus. 3 Bde, Leipzig 1856 г. (№ 3 сборника: Alexei. Eine historische Novelle aus Peters des Grossen Leben).

№ 16. Sayve . . . . 1857 г.
Pierre le Grand, drame historique par le comte Sayve, Paris 1857 г.

№ 17. Canuel . . . . 1858 г.
Le fils du Czar, tragédie par Marcellus Canuel, Loudun et Partiers 1858 г.

№ 18. Lumello . . . . 1863 г.
I due Romanoff. Dramma storico di Gius. Lumello. Torino 1863 г.

№ 19. A. M. . . . . 1880 г.
Alexei Petrowitsch. Historisches Trauerspiel in 5 Aufzügen von A. M., Hamburg 1880 г.

№ 20. Othmar . . . . 1881 г.
Alexei, Czarewitsch von Russland. Historisches Trauerspiel in 5 Aufzügen von Karl Othmar, Leipzig 1881 г.

№ 21. Graham . . . . 1898 г.
The son of the Czar, an historical roman by Iames M. Graham, London and New-York, 1898 г.

№ 22. Berge . . . . ?
Alexei. Trauerspiel in 5 Aufzügen von Elisabeth Berge Leipzig s. a.

Кромѣ этихъ произведеній, посвященныхъ изображенію царевича Алексѣя спеціально, существуетъ еще много такихъ, въ которыхъ выступаетъ царевичъ какъ второстепенное дѣйствующее лицо эпизодически. Такъ напр. въ упомянутой выше драмѣ Дукмейера—отношенія царевича къ отцу и его кончина являются, хотя и не основнымъ, но всетаки довольно значительнымъ элементомъ драмы. Такихъ произведеній, въ которыхъ эпизодически выступаетъ царевичъ, очень много. Разсматривать ихъ я не буду, а ограничусь только разборомъ вышеприведенныхъ произведеній. Изъ числа ихъ только одно—трилогія Иммерманна—значительно по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, остальныя являются или посредственными, или совершенно неудовлетворительными поэтическими продуктами. Несмотря на то они во многихъ отношеніяхъ интересны, иногда какъ курьезы, иногда какъ культурныя явленія, создавшей ихъ эпохи.

Во взглядахъ на поступокъ Петра Великаго съ сыномъ въ обществѣ Зап. Европы существуютъ съ давнихъ поръ двѣ противоположныя точки зрѣнія, исключающія другъ друга: одна безусловно враждебная Петру, осуждающая его поступокъ и защищающая сына, другая—наоборотъ сочувственная Петру, усматривающая въ его поступкѣ актъ великой государственной мудрости, а въ сынѣ его,—нежелательный, задерживающій дѣло преобразователя элементъ. Эти два взгляда отразились и въ литературѣ, положившей въ основу свою этотъ сюжетъ изъ исторіи Россіи. Согласно этому мы имѣемъ произведенія, въ которыхъ производится идеализація личности царевича, и наоборотъ такія, въ которыхъ Алексѣй Петровичъ выведенъ ограниченнымъ безсиль-

нымъ трусомъ, или даже мелодраматическимъ злодѣемъ. По основной фабулѣ произведенія эти такъ-же не сходны. Далеко не всѣмъ послужили мотивомъ заключительные звуки трагедіи, разыгравшейся между отцомъ и сыномъ, т. е. не во всѣхъ произведеніяхъ центральнымъ событіемъ является судъ надъ царевичемъ и его смерть. Нѣкоторые изъ поэтовъ избрали сюжетомъ для творчества другой эпизодъ изъ жизни царевича—бракъ Алексѣя Петровича съ принцессой Шарлоттой Вальфенбюттельской. Наконецъ третьи соединили въ своихъ произведеніяхъ оба элемента: отношенія царевича къ Петру и къ Шарлоттѣ. Мы получаемъ слѣдовательно три типа произведеній.

I. Основной сюжетъ: бракъ царевича Алексѣя и смерть его супруги Шарлотты.. Сюда относятся произведенія подъ №№ 3, 7, 8, 12 вышеприведеннаго списка.

II. Основной сюжетъ: судъ надъ царевичемъ и его смерть. Сюда относятся произведенія подъ №№ 1, 2, 5, 6, 9, 13, 14, 16, 17, 19.

III. Сліяніе обоихъ сюжетовъ. Сюда относятся произведенія подъ №№ 4, 10, 11, 15, 20, 21, 22.

Обратимся къ разбору произведеній перваго типа. Здѣсь наряду съ царевичемъ центральное мѣсто занимаетъ принцесса Шарлотта Вольфенбюттельская *)—жена Алексѣя Петровича, а въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ царевичъ даже совсѣмъ отсутствуетъ, какъ напр. въ водевилѣ Ливри (№№ 7 и 8) и мы получаемъ о немъ только косвенныя свѣдѣнія. Петръ Великій также отодвигается на задній планъ. Фактъ этотъ объясняется легендарными наслоеніями, которыми была снабжена исторія принцессы Шарлотты, въ особенности исторія послѣднихъ дней ея жизни и которыя, освободивъ ее отъ оковъ ненавистной супружеской жизни, представляли себѣ ее живущей внѣ предѣловъ Россіи, внѣ зависимости отъ тирана мужа—счастливою, спокойною жизнью. Легенда въ данномъ случаѣ пыталась какъ бы вознаградить этимъ принцессу за все горе, перенесенное ею на Руси. Трогательная судьба несчастной прицессы очень привлекала умы Зап. Европы. Въ изображеніи ея нравственнаго облика почти всѣ (за исключеніемъ одного Бертуха № 4) творцы

*) О ней см. изслѣдованіе Cuerrier, Die Kronprincessin Charlotte, 1875.

согласны: это благородная, несчастная женщина. Въ оцѣнкѣ же отношеній, существовавшихъ между царевичемъ и принцессой, мнѣнія опять-таки очень разнорѣчивы. Говорятъ, и во многихъ литературныхъ произведеніяхъ это также упоминается, что Петръ Великій умышленно женилъ своего сына на Вольфенбюттельской принцессѣ, ожидая, что иностранная, образованная и культурная жена повліяетъ на строй мыслей царевича въ желательномъ для Петра направленіи. Надежды Петра не оправдались. Идея сама по себѣ, можетъ быть, и была правильной, но избранное для проведенія ея Петромъ лицо, не обладало совсѣмъ необходимыми для сего качествами. Не отличавшаяся ни красотой, ни особеннымъ умомъ Шарлотта, судя по описаніямъ современниковъ, все-таки была очаровательной женщиной. Добрая любящая она имѣла мягкій характеръ, отличалась задушевностью въ обращеніи, но совсѣмъ была лишена силъ духовныхъ и душевныхъ, необходимыхъ для борьбы съ тѣми тяжелыми обстоятельствами, среди которыхъ ей пришлось жить. Ея нѣжная организація не выдержала физическихъ и нравственныхъ, мукъ, и она преждевременно сошла въ могилу, не сыгравъ никакой роли въ улучшеніи отношеній между отцомъ и сыномъ, ни на шагъ не подвинувъ впередъ дѣло ихъ сближенія. „Elle ne saura que souffrir et mourir“, выразился одинъ историкъ, хорошо освѣтивъ этой краткой фразой, характеръ принцессы. 14 Октября 1711 г. въ Торгауѣ былъ заключенъ этотъ несчастный бракъ. Царевичъ, очень неохотно вступилъ въ бракъ съ иностранкой, но несмотря на то, въ началѣ своей супружеской жизни относился къ женѣ хорошо. Одно время онъ, кажется, даже любилъ ее, насколько вообще былъ способенъ любить. Въ этотъ періодъ своей супружеской жизни Шарлотта была очень счастлива: она искренно любила своего мужа, несмотря на всѣ его странности и дикое для ея понятій, поведеніе. Она вѣрила въ него, свидѣтельствомъ чему могутъ служить нѣкоторыя письма принцессы къ ея роднымъ. Такъ въ одномъ изъ нихъ она пишетъ, что „она станетъ невыразимо несчастной если потеряетъ своего мужа“, въ другомъ „что готова слѣдовать за нимъ на край свѣта, чтобы остаться съ нимъ“. Но уже въ 1712 г., годъ спустя вѣнчанія, положеніе принцессы становится тяжелымъ: она начинаетъ находить

его ужаснымъ, она чувствуетъ, что замужемъ за человѣкомъ „который никогда не любилъ ее“, что человѣкъ этотъ недостоинъ ея, и пишетъ роднымъ,—что она уже не пытается обманывать себя относительно характера царевича, что „маска теперь упала“. Царевичъ обманываетъ жену, опять начинаетъ вести свой прежній невоздержный образъ жизни и очень грубо обходится съ женой. Въ московскомъ обществѣ, среди котораго жила наслѣдная чета, несчастная Шарлотта также не пользуется симпатіями: на нее смотрятъ какъ на чужую пришелицу, представительницу ненавистнаго режима, который насаждаетъ Петръ. Самъ же Петръ Великій, кажется, хорошо относился къ своей невѣсткѣ. Въ 1715 г. смерть освободила Шарлотту изъ ея труднаго положенія. Она умерла, даровавъ жизнь мальчику. Фактъ смерти принцессы изукрашенъ легендою: разсказываютъ, что принцесса не умерла, что данъ ей былъ снотворный порошокъ, погрузившій ее въ состояніе близкое къ смерти (по другимъ версіямъ она якобы впала въ глубокій обморокъ, похожій на летаргическое состояніе). Затѣмъ она была похищена тайнымъ образомъ изъ склепа и препровождена за границу. Ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ принимали одна свитная дама принцессы, графиня Варбекъ *) и французскій офицеръ d'Auban, который еще до замужества принцессы съ Алексѣемъ страстно любилъ ее. Въ эту легенду одно время вѣрили въ Европѣ, и во многихъ историческихъ сочиненіяхъ легенда эта разсказывалась очень подробно и какъ историческій фактъ.

Разсказываютъ, что принцесса вышла впослѣдствіи замужъ за того же самого Auban'а. Она совершила съ нимъ путешествіе въ Парижъ. „Въ Парижѣ ее узналъ одинъ придворный, видѣвшій ее раньше при русскомъ дворѣ. Этотъ придворный хотѣлъ сообщить о своемъ открытіи королю, но Шарлотта взяла съ него обѣщаніе молчать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ это время ей удалось все приготовить къ бѣгству и она бѣжала на островъ Бурбонъ, куда поступилъ на службу ея мужъ. Король, которому сообщена была новость, далъ знать объ этомъ австрійской императрицѣ Маріи-Терезіи, доводившейся родственницей Шарлоттѣ. Она пред-

*) Нѣкоторыя версіи этой легенды называютъ другое лицо.

ложила Шарлоттѣ убѣжище въ своихъ владѣніяхъ подъ условіемъ отреченія отъ того, чье имя она носила. Но госпожа d'Auban отказалась отъ этого предложенія. Послѣ смерти своего мужа она возвратилась во Францію (въ 1760 г.) и жила здѣсь, въ мѣстечкѣ Vitry, очень уединенно, получая пенсію отъ австрійской короны и занимаясь благотворительными дѣлами. Въ 1773 г. госпожа d'Auban умерла. Французскія газеты помѣстили пространные некрологи, въ которыхъ описывалась жизнь покойной госпожи d'Auban, бывшей царевны Россійской *).

Вольтеръ, занимаясь составленіемъ своей исторіи Россіи въ эпоху Петра Великаго, заинтересовался этимъ эпизодомъ и обращался за разъясненіями по поводу него къ министру герцогу Шуазелю. Министръ не могъ ему сообщить ничего положительнаго, онъ былъ тогда также освѣдомленъ въ этомъ дѣлѣ какъ и самъ Вольтеръ, т. е., онъ не могъ ручаться въ достовѣрности разсказа. Но Вольтеръ еще при жизни мнимой принцессы разувѣрился въ правдоподобности ея разсказовъ и въ своихъ письмахъ къ госпожамъ Fontaine и Bassewitz смѣется надъ легковѣріемъ парижанъ и утверждаетъ, что кавалеръ d'Auban сталъ жертвой хитрой авантюристки польскаго происхожденія. Но въ другихъ сочиненіяхъ, претендующихъ на значеніе историческихъ и научныхъ, легенда эта разсказывается какъ истинное происшествіе. Первымъ разсказалъ ее Chevalier Bossu въ своихъ Nouveaux Voyages dans l'Amérique septentrionale. Съ его счастливой руки эпизодъ этотъ утвердился въ исторической литературѣ 18-го и начала 19-го вв. Изъ исторіи легенда проникла въ поэзію: поэты не преминули завладѣть столь интереснымъ матеріаломъ. Изъ числа упомянутыхъ мною выше произведеній 6 слѣдуютъ этому сюжету, т. е. полагаютъ, что Шарлотта разыграла роль мнимо-умершей. Впервые эта тема была поэтически обработана въ Германіи, гдѣ очень популярный въ свое время новеллистъ Генрихъ Цшокке написалъ и выпустилъ въ 1804 г. повѣсть подъ заглавіемъ: Die Princessin von Wolfenbüttel. Повѣсть эта очевидно понравилась, о чемъ свидѣтельствуетъ большое количество изданій и переводовъ (см. списокъ произведеній, помѣщенный выше № 3). Въ предисловіи

*) Journal de Paris, 15 февраля 1771 г.

къ своей повѣсти Генрихъ Цшокке указываетъ какъ на источники своего произведенія на сочиненія вышеупомянутаго Боссю, на книгу: „Piéces interessantes et peu connues pour servir a l'histoire" (Брюссель—Парижъ, 1781 г.) и на разсказъ „Die deutsche Princessin", помѣщенный въ журналѣ: „Flora, Deutschlands Töchtern geweiht" за 1797 г. Изложеніе Цшокке сдѣлано не безъ таланта; не взирая на то, чтеніе этого произведенія должно быть очень утомительнымъ для современнаго читателя вслѣдствіе ея длиннотъ и чрезмѣрной сентиментальности. Къ Петру Великому Цшокке относится очень сочувственно: онъ ставитъ его выше Александра Великаго. Въ своемъ разсказѣ онъ излагаетъ событія совсѣмъ по той схемѣ, которая изложена мной выше. Затрагиваетъ онъ попутно и эпизодъ суда надъ царевичемъ, причемъ оправдываетъ Петра, находя поступокъ его вынужденнымъ обстоятельствами. Коснуться этого эпизода ему пришлось для того, чтобы благополучно повѣнчать страдалицу-бѣглянку съ ея возлюбленнымъ кавалеромъ Auban'омъ. Въ послѣсловіи къ повѣсти разсказывается о житьѣ-бытьѣ вторично овдовѣвшей Шарлотты въ Vitry. Гораздо фантастичнѣе драма Foucher (№ 10) и романтическая опера г-жи Бирхъ Пфейфферъ (№ 12), очень популярной актрисы и плодовитой писательницы первой половины 19-го столѣтія въ Германіи. Герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій заказалъ Шарлоттѣ Бирхъ, которая пользовалась уже тогда славой опытнаго драматурга, либретто для задуманной имъ оперы на сюжетъ изъ жизни царевича Алексѣя. Г-жа Бирхъ Пфейфферъ написала романтическую оперу: Santa Chiara, а герцогъ Эрнстъ снабдилъ ее музыкой. 2 апрѣля 1854 г. опера была впервые поставлена въ герцогскомъ театрѣ въ Готѣ, съ большимъ успѣхомъ. Либретто составлено умѣлой рукой и довольно сценично, но объ удовлетвореніи высшимъ требованіямъ драматическаго искусства конечно не можетъ быть и рѣчи. Даже участіе самого Густава Фрейтага, который, какъ утверждаютъ нѣкоторые критики *), помогалъ г-жѣ Бирхъ Пфейфферъ при составленіи этого либретто, не въ состояніи убѣдить насъ въ серьезности этого воистину „романтическаго"

*) Т. напр. Карлъ Фридрихъ Виттманъ въ своемъ изданіи либретто „Sancta Chiara", Лейпцигъ, s. a.

литературнаго продукта. Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе этого произведенія:

Царевичъ Алексѣй живетъ со своей супругой Шарлоттой въ Москвѣ. Царевна несчастна, потому что мужъ дурно обращается съ ней. Между прочимъ, царевичъ требуетъ отъ жены, чтобы она зачислила его возлюбленную въ свой придворный штатъ. Шарлотта отказываетъ въ этой просьбѣ царевичу на отрѣзъ. Она вскорѣ думаетъ освободиться отъ ненавистнаго мужа и возвратиться на родину. Но вотъ прибываетъ изъ-за границы ея посолъ и повѣренный Гербертъ съ печальнымъ извѣстіемъ, что отецъ Шарлотты, герцогъ, боится настаивать передъ Петромъ Великимъ на расторженіи брака дочери своей съ его сыномъ и отказывается дать убѣжище Шарлоттѣ въ своихъ владѣніяхъ. Одновременно съ Гербертомъ прибываетъ ко двору царевича посолъ Петра Великаго Викторъ де С. Обанъ, который по порученію царя долженъ провѣрить ходящіе въ обществѣ слухи о дурномъ обращеніи царевича съ женой. Обанъ предстаетъ предъ лицомъ царевны и, ужасно пораженъ: онъ узнаетъ въ женѣ царевича ту дѣвушку, съ которой онъ однажды, будучи еще за границей, встрѣтился въ одномъ изъ лѣсовъ Гарца и которую онъ полюбивъ до сихъ поръ забыть не можетъ. Между тѣмъ царевичъ Алексѣй задумываетъ при помощи отравы освободиться отъ неудобной для него царевны и поручаетъ это дѣло своему врачу, греку Аврелію. Но послѣдній многимъ обязанъ царевнѣ (она спасла какъ-то отъ гнѣва царскаго— единственнаго сына его Аврелія) и даетъ ей вмѣсто яда снотворное средство, отъ котораго царевна впадаетъ въ глубокое обморочное состояніе. Во время похоронныхъ торжествъ въ церкви мнимо умершая принцесса просыпается; ее на глазахъ у всѣхъ (!) похищаютъ изъ гроба и увозятъ въ Италію. Здѣсь она живетъ подъ именемъ Chiara счастливо и спокойно; народъ ее прозвалъ за ея доброе сердце: Santa Chiara. Здѣсь она встрѣчается въ послѣдній разъ со своимъ мужемъ, который гонимый угрызеніями совѣсти, скитается по свѣту. При появленіи Шарлотты онъ думаетъ, что призракъ ея возсталъ изъ гроба съ цѣлью мести; царевичъ заноситъ кинжалъ, чтобы разрушить призракъ. Въ этотъ моментъ подоспѣваютъ офицеры де ла Бордъ и Обанъ, которые извѣщаютъ царевича о произнесеніи надъ нимъ смертнаго

приговора за измѣну царю и отечеству. Царевичъ умерщвляетъ себя. Шарлотта замужъ за Обана не выходитъ. Все изложенное говоритъ само за себя и въ комментаріяхъ не нуждается: царевичъ типичный злодѣй изъ мелодрамы, царевна—чуль-ли не святая.

Первая по времени обработка второго сюжета: суда надъ царевичемъ и смерти его — очевидно драма Ватана (Vatan), отрывки которой сохранились въ предисловіи къ драмѣ Dorat „Amilka“ (см. въ спискѣ № 1). Полной драмы Vatan'a я нигдѣ не обрѣлъ, а какого-либо заключенія на основаніи этихъ отрывковъ я дать не могу. Я скажу нѣсколько словъ о ней попутно въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Драма Eustaphieve, помѣщенная въ приложеніи къ его размышленіямъ, замѣткамъ и анекдотамъ о Петрѣ (по списку № 5)—вещь очень слабая и мало интересная. Я обойду ее молчаніемъ. За то слѣдующему по времени произведенію, освѣтившему поэтически эту тему, трилогіи Иммерманна: „Alexis“ я думаю посвятить особую главу, въ которой произведу обстоятельный разборъ содержанія и идеи этого произведенія. Остальныя произведенія, относящіяся къ этому разряду—какъ продукты поэтическіе, не имѣютъ особеннаго значенія. Такъ напр. драма А. М.: „Alexei Petrowitsch“ (по списку № 19), шедшая даже на сценѣ гамбургскаго театра, самаго снисходительнаго цѣнителя удовлетворить не можетъ. Не говоря уже о массѣ несообразностей, о полномъ нарушеніи мѣстнаго колорита, отсутствіи всякой идеи, произведеніе это къ тому же написано не только банальнымъ и деревяннымъ, но и неправильнымъ нѣмецкимъ языкомъ. Изъ курьезовъ отмѣчу одинъ: авторъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ вводитъ двухъ епископовъ, изъ которыхъ имя одного—Новгородъ, а другого—Даневъ. Съ подобнымъ же курьезомъ мы встрѣчаемся въ драмѣ Sayve'a (№ 16), которая, какъ по формѣ, такъ и по содержанію стоитъ уже несравненно выше предыдущей: у него въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находится: Rostow, archévequе, frère de Gleboff. Очевидно авторъ подразумѣваетъ подъ этимъ Ростовомъ—Досикея, архіепископа Ростовскаго, принимавшаго дѣятельное участіе въ пропагандѣ антипетровскихъ взглядовъ. Кромѣ того выводитъ онъ дѣйствующимъ лицомъ нѣкоего Запукина (очевидно Лопухина) и сына царевича Алексѣя, который принимаетъ

участіе въ ходѣ пьесы (!) Авторъ въ предисловіи указываетъ на то, что онъ въ изложеніи событій слѣдовалъ мемуарамъ Брюса, вышедшимъ въ Лондонѣ въ 1782 г. Несмотря на то, изложеніе его далеко отъ истины. Личность Петра имъ непонята совсѣмъ. Вотъ какими словами напр. характеризуетъ себя самъ Петръ Великій:

Oui, je suis un tyran et mon sceptre cruel
A violé les lois de la terre et du ciel;
Bourreau d'un peuple libre où tout respirait l'ordre,
J'ai fait sa servitude et forgé son désordre.

Такія строки вложить въ уста Петра Великаго могъ только человѣкъ, который совсѣмъ не уяснилъ себѣ роли великаго царя въ русской исторіи. Считать Петра Великаго „палачомъ свободнаго народа, въ средѣ котораго раньше дышало все порядкомъ", на это едва ли отважится даже самый рьяный противникъ Петра Великаго. До такого сужденія не доходилъ въ своей отрицательной оцѣнкѣ Петра Великаго даже Герценъ. Если съ первымъ тезисомъ, что Петръ былъ „тираномъ и скипетръ его былъ суровымъ", согласится большинство, со вторымъ, что Петръ „нарушилъ законы земные и небесные", многіе, то съ третьимъ, приведеннымъ выше, я думаю, не согласится никто. Нужно быть слишкомъ оптимистомъ, чтобы усматривать въ жизни русскаго народа до Петра Великаго, какой то идеальный порядокъ. Исторія этому во всякомъ случаѣ не учитъ. Крайне странно еще то обстоятельство что авторъ эти слова влагаетъ въ уста Петра Великаго: ибо дальнѣйшее поведеніе Петра Великаго, который отнюдь не является тираномъ и палачомъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ своему сыну совсѣмъ не соотвѣтствуетъ его словамъ. Онъ прощаетъ царевичу все, онъ даже соглашается на его бракъ съ пресловутой Афросиньей, которая здѣсь, какъ и въ большинствѣ случаевъ, сильно идеализована, онъ самъ приводитъ ее въ темницу къ сыну и благословляетъ ихъ. У Sayve'а самъ царевичъ произноситъ надъ собой смертный приговоръ: его неустойчивость, отсутствіе въ немъ всякаго нравственнаго начала—являются его палачами. Сейчасъ же послѣ трогательной сцены съ отцомъ и невѣстой, онъ, внемля наущеніямъ своего друга,

бѣжитъ изъ темницы и примыкаетъ къ заговорщикамъ въ Суздалѣ. Этимъ онъ самъ себя казнитъ. Концепція характера царевича въ данномъ произведеніи гораздо вѣрнѣе концепціи характера Петра: основная черта характера Алексѣя—это отсутствіе воли. Онъ является игрушкой въ рукахъ партіи недовольныхъ. Но и другія качества, сказывающіяся въ немъ, приближаютъ набросанный Sayve'омъ обликъ къ исторической истинѣ. Царевичъ трусливъ, царевичъ эгоистиченъ. Онъ неспособенъ любить крѣпко и искренне: сына своего онъ отталкиваетъ, ни въ чемъ неповинную искренно любящую Афросинью упрекаетъ несправедливо. Личность мелкая, безъ великихъ пороковъ и великихъ добродѣтелей; человѣкъ не знающій къ чему онъ стремится: безцвѣтная былинушка въ чистомъ полѣ.

Совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи является царевичъ въ драмѣ Елизаветы Берге (№ 22). Здѣсь Долгорукій слѣдующимъ образомъ отзывается о немъ:

„Und er, der diesen Funken werfen könnte
Dess Name alles mit sich reissen würde,
Der Peters grimmsten Feind, den Schwedenkönig,
Mit einen (!) Wink an seine Fahnen bannte,
Steht seitwärts, schaut nur grollend zu“.

Очевидно Долгорукій вѣритъ въ способности царевича и ожидаетъ отъ его дѣятельности великихъ результатовъ. Самъ Долгорукій изображенъ очень живо: онъ въ глубинѣ души таитъ чувство мести, а извнѣ носитъ личину покорности. Мстить онъ хочетъ за смерть отца, который за участіе въ Стрѣлецкомъ бунтѣ палъ отъ руки Петра Великаго. Царевичъ въ этой драмѣ любящій и преданный сынъ, любовь и преданность эта къ сожалѣнію распространяется только на мать его. Отношенія царевича къ Шарлоттѣ подернуты поэтической дымкой. Когда Петръ Великій настаиваетъ на бракѣ сына съ иноземной принцессой, Алексѣй не хочетъ согласиться на это. Но Петръ твердо стоитъ на своемъ. Тогда царевичъ проситъ отца разрѣшить ему познакомиться съ нареченной невѣстой и отпустить его для того за границу. Петръ отказываетъ сыну въ просьбѣ. Тогда царевичъ бѣжитъ тайкомъ, и на границѣ происходитъ встрѣча его съ

Шарлоттой. При первомъ свиданіи въ сердцахъ молодыхъ нареченныхъ загорается чувство сильной любви. Алексѣй готовъ примириться съ отцомъ и благодаренъ ему за выборъ такой невѣсты. Тѣмъ временемъ Меншиковъ интригуетъ противъ Алексѣя и Шарлотты, совѣтуя Петру самому жениться на принцессѣ. Петръ встрѣчается съ принцессой, и въ немъ также, какъ и въ Алексѣѣ, возникаетъ сильное чувство любви къ ней. Онъ начинаетъ преслѣдовать ее брачными предложеніями. Алексѣй съ невѣстой бѣгутъ въ Суздальскій монастырь. Отсюда царевичъ направляется въ Малороссію въ Почевскій монастырь, надѣясь здѣсь собрать вокругъ себя приверженцевъ старины и свергнуть съ престола Петра. Замыселъ его не удается. Въ этой драмѣ, какъ видно изъ конспективнаго изложенія ея содержанія, обостреніе враждебныхъ чувствъ отца и сына происходитъ на почвѣ эротической. Отецъ и сынъ являются соперниками въ чувствѣ любви. Этотъ конфликтъ и ведетъ къ окончательной катастрофѣ. Разница въ политическихъ убѣжденіяхъ служитъ только благодарной почвой для осложненія этого конфликта. Не могу согласиться, что подобное измѣненіе основной идеи фабулы—углубленіе сюжета. Это измѣненіе должно было повысить характеръ Алексѣя; открытое возмущеніе его противъ отца, получаетъ съ введеніемъ этого факта соперничества болѣе реальную благородную подкладку. Царевичъ мститъ царю за попранныя послѣднимъ священнѣйшія чувства человѣка. Психологическая мотивировка послѣдняго поступка царевича въ данномъ случаѣ также вполнѣ удовлетворительна. При существованіи уже натянутыхъ отношеній, подобное издѣвательство должно было переполнить чашу терпѣнія царевича. Въ личности Петра авторъ въ началѣ драмы особенно напираетъ на преобладаніе въ немъ идеала государственности. Реплики, въ родѣ: „Erst der Herrscher, dann der Vater“; „Nichts frag' ich nach dem Sohne“ часто повторяются устами Петра В. Къ сожалѣнію авторъ заставилъ этотъ идеалъ пасть подъ первымъ впечатлѣніемъ красоты принцессы Шарлотты. Жаль также, что авторъ ставитъ въ интеллектуальномъ отношеніи Петра ниже царевича. Жаль, что драма мѣстами написана банальнымъ и даже неправильнымъ языкомъ. Безъ этихъ недочетовъ она могла бы сойти за порядочную драму.

Какъ видно изъ всего изложеннаго выше, поэты не брали матеріала цѣликомъ изъ исторіи; не воспроизводили они и одну опредѣленную легендарную традицію: дѣятельность ихъ распространялась не только на освѣщеніе враждебныхъ отношеній между царемъ-отцомъ и царевичемъ-сыномъ, но и на присочиненіе къ историческому и традиціонному легендарному матеріалу новыхъ фактовъ, являющихся плодомъ ихъ поэтической фантазіи. Мы встрѣчаемся почти во всѣхъ произведеніяхъ съ оригинальностію замысла, какъ въ построеніи фабулы, такъ и въ мотивировкѣ поступковъ и характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ. У Sayve'а царевичъ является слабовольнымъ, трусливымъ человѣкомъ, идущимъ на заговоръ по наущенію друзей своихъ, у Берге—онъ умный и благородный юноша, возставшій на отца главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что царь надругался надъ его священнѣйшимъ чувствомъ. Въ этомъ отношеніи пьеса Берге немного сходна съ пьесой Ватана, упомянутой выше, гдѣ разладъ между царемъ и царевичемъ происходитъ на почвѣ любви. Только предметъ любви въ драмѣ Ватана у нихъ не общій. Также разнообразны содержаніе, мотивы и характеры дѣйствующихъ лицъ и во всѣхъ остальныхъ драмахъ. Въ одной изъ старѣйшихъ драмъ—драмѣ Carrion Nisas (№ 2) Алексѣй мститъ за смерть матери, умирающей здѣсь противу всѣмъ традиціямъ раньше сына, устраиваетъ заговоръ и покушается на жизнь царя. Петръ Великій, какъ и у Берге, является носителемъ идеи государства.

Постановивъ смертный приговоръ надъ сыномъ, онъ восклицаетъ:

Tu sais bien, juste Dieu! toi qui lis dans mon coeur,
Que je venge l'état et non pas l'empereur.

Только Глѣбовъ почему то у него епископъ и патріархъ. Конечно, это опять историческій курьезъ. Въ драмѣ Отто (№ 9) царевичъ не соглашается принимать участія въ возмущеніи, онъ невольно оказывается среди заговорщиковъ вслѣдствіе неудачнаго стеченія обстоятельствъ. „Ich suchte Ruhe, und du stellst mich in den Mittelpunkt der Empörung“, говоритъ онъ Кикину. Царь убѣждается въ непричастности сына къ заговору и спѣшитъ въ крѣпость, чтобы даровать

ему свободу. Но уже поздно: Афросинія, крѣпко любящая царевича, подмѣшала въ его питье яду, чтобы спасти его отъ позора казни. Царевичъ и Афросинія умираютъ. Чудовищнымъ, нравственно вполнѣ извращеннымъ выставленъ Меншиковъ, кровожадными изображены почему то и монахи: они мечтаютъ о томъ какъ бы „погрузить холодную сталь въ сердце Петра". Драма Canuel'я (№ 17) отличается отъ остальныхъ драмъ, между прочимъ, тѣмъ, что Екатерина недружелюбно, даже враждебно относится къ царевичу. Въ остальныхъ драмахъ она повсюду изображена или индифферентной по отношенію къ царевичу, или сочувствующей ему. Во многихъ драмахъ она выступаетъ въ качествѣ заступницы пасынка передъ отцомъ. Въ ней не проявляется особой жажды власти, и въ лицѣ царевича она не видитъ помѣхи своимъ желаніямъ. Въ драмѣ Берге она спокойна и вполнѣ увѣрена въ неотразимости своего вліянія на Петра, въ прочности своего положенія, созданнаго ею во время прутскаго похода. У Canuel'я же послѣ смерти царевича Екатерина радостно восклицаетъ: Il meurt... je reste impératrice et mon fils empereur!

Въ драмѣ Отмара (№ 20) заговоръ учиняется двумя царедворцами, которыхъ авторъ снабдилъ вымышленными фамиліями; Алексѣй вполнѣ безъ вины. Но тѣнь подозрѣнія падаетъ на него и его мать Евдокію. Въ послѣдствіе продѣлки двухъ интригановъ открываются. Царь направляется въ тюрьму, чтобы освободить сына. Туда же приходитъ и Шарлотта, жена царевича съ дѣтьми. Шарлотта, вопреки исторіи, жива и любитъ своего мужа. Дѣти ласкаются къ отцу. Происходитъ трогательная сцена, которую непріятно нарушаетъ вѣсть о кончинѣ Евдокіи. Она умерла отъ радости, услышавъ вѣсть о снятіи съ нея подозрѣнія. Сообщеніе о смерти матери производитъ на изнуреннаго заключеніемъ царевича такое впечатлѣніе, что онъ падаетъ въ обморокъ или... умираетъ. Сцена построена авторомъ очень неясно. Положимъ, царевичъ говоритъ о смерти, онъ собирается покинуть навсегда дѣтей и жену. Но мало-ли что можетъ сказать въ трогательную минуту истомленный тюрьмою человѣкъ, очевидно несильный тѣломъ, подъ наплывомъ столькихъ настроеній, радостныхъ и грустныхъ. Если авторъ намѣревался оставить царевича въ живыхъ,

то это было бы изъ ряда вонъ выходящимъ видоизмѣненіемъ сюжета, на которое не рѣшился ни одинъ изъ авторовъ. Очевидно и г-нъ Отто удержался отъ этого, предоставляя право самому читателю такъ сенсаціонно обновить избитую развязку сюжета.

Мы видимъ какъ разнообразится матеріалъ; каждый изъ поэтовъ даетъ что нибудь новое. Но до чего додумался въ своей обработкѣ Бертухъ, до того не додумывался никто: онъ привелъ царевича Алексѣя въ связь съ Мазепой и заставилъ Мазепу играть въ Кремлѣ роль привидѣнія. Но, къ сожалѣнію, царевичу отъ такого сближенія съ Мазепой не поздоровилось: онъ умеръ. Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе этой архиромантической драмы. Царевичъ подъ конвоемъ Толстого и Румянцева препровождается изъ-за границы въ Россію. Они останавливаются въ одномъ шинкѣ въ Малороссіи. Мазепа, какимъ то образомъ соединившись съ Кикинымъ, хочетъ спасти царевича и появляется въ шинокъ съ своими казаками. Они освобождаютъ царевича. Но торжество ихъ не продолжительно: подходитъ войско царя, опрокидываетъ шайку Мазепы и уводитъ царевича въ Москву. Петръ рѣшаетъ предать царевича суду. Но у Алексѣя находится цѣлый рядъ защитниковъ: во-первыхъ Ушаковъ, шутъ Петра В., непримиримый врагъ Меншикова, во-вторыхъ Екатерина и наконецъ Мазепа, который и играетъ въ данномъ случаѣ роль привидѣнія, чтобы, такъ сказать, сверхъестественнымъ образомъ повліять на царя. Соединеннымъ усиліямъ этихъ лицъ удается испросить царевичу помилованіе, которое даруется ему царемъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ назвалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ. Если же онъ задумаетъ скрыть имя хотя бы одного изъ нихъ, ему нечего разсчитывать на милость. Жена царевича, Христина, еще жива. Она страдаетъ отъ равнодушія мужа, который любовь свою даритъ простой дѣвушкѣ Афросиніи. Auban, который также находится въ числѣ дѣйствующихъ лицъ драмы, уговариваетъ царевну бѣжать за границу, но царевна не соглашается. Алексѣй, который застаетъ царевну въ разговорѣ съ Aubanʼомъ, подозрѣваетъ ее въ измѣнѣ, и между мужемъ и женой возникаетъ крупная ссора. Тѣмъ временемъ царь отдалъ приказаніе вторично арестовать царевича за неискренность показаній. Его застаютъ съ Афро-

синіей и Мазепой въ саду какъ разъ въ то время, когда послѣднему уже удалось уговорить Алексѣя и Афросинію искать спасенія въ бѣгствѣ. Царевича и его возлюбленную берутъ подъ стражу. Снаряжается судъ подъ предсѣдательствомъ Меншикова, и царевичу выносятъ смертный приговоръ. Но Ушакову за шахматной игрой вторично удается склонить Петра къ помилованію сына. Но когда царь съ словами прощенія на устахъ входитъ въ келью царевича, онъ его застаетъ умирающимъ. Его убилъ Мазепа для того, чтобы избавить его отъ позорной казни.

Построеніе драмы безусловно оригинальное; но не могу сказать, чтобы оно было особенно удачнымъ. Авторъ самъ чувствовалъ очевидно это и снабдилъ свое произведеніе предисловіемъ, въ которомъ защищаетъ созданную имъ фабулу.

Этой драмой я закончу общій обзоръ произведеній, которымъ послужила сюжетомъ судьба царевича Алексѣя, и обращусь къ детальному разбору того произведенія, въ которомъ этотъ сюжетъ получилъ самое полное, талантливое и глубокое по замыслу изображеніе, а именно къ трилогіи Иммермана: Alexis. (№ 6).

III.

Трилогія Иммерманна: «Alexis».

> „Vielleicht hat nie ein Mensch tiefer das Unendliche, welches im Menschen liegt, gefühl als Peter der Grosse, und vielleicht war nie einer durch die Schranken seines Wesens und durch eine feindliche Umgebung unglückseliger gefesselt“.
>
> *(Immermann).*

20 и 21 Апрѣля 1835 г. въ Дюссельдорфѣ на сценѣ городского театра шла съ большимъ успѣхомъ трилогія „Alexis“. Авторомъ этой трилогіи былъ Карлъ Иммерманнъ *), одинъ

*) Иммерманнъ, род. въ 1796 г. въ Магдебургѣ, умеръ въ 1840 г. въ Дюссельдорфѣ.

изъ талантливѣйшихъ и умнѣйшихъ представителей эпохи эпигоновъ. Талантъ его преимущественно эпическаго склада и въ области эпоса онъ далъ Германіи классическія произведенія. Но несмотря на то, онъ чувствовалъ какое то непреодолимое влеченіе къ драматургіи, въ области которой ему такъ и не удалось создать ничего вѣчнаго, ничего такого, что бы могло стать въ ровень съ его эпическими твореніями. Самъ, зная отлично сцену, мастерски руководя постановками Шекспировскихъ драмъ и комедій въ Дюссельдорфѣ, оставивъ намъ рядъ остроумныхъ и дѣльныхъ замѣчаній въ области театральнаго искусства—онъ въ своихъ драмахъ не далъ намъ хорошо построенныхъ, вполнѣ годныхъ для сцены произведеній. Нѣтъ въ поэтическомъ дарованіи Иммерманна еще одного столь важнаго для драматурга качества—способности концентраціи: ходъ дѣйствія у него почти всегда расплывается. Если прибавить къ этому еще элементъ ума, выражающійся часто въ драмахъ его въ расхолаживающемъ доктринерствѣ, чрезмѣрно навязчивыхъ указаніяхъ на свои мысли—то этимъ мы исчерпываемъ отрицательную сторону драматическаго таланта Иммерманна. Не слѣдуетъ удивляться, что всѣ его драмы пользовались лишь только условнымъ успѣхомъ и скоро сходили со сцены. Все вышесказанное мы можемъ въ точности прослѣдить на его трилогіи „Alexis“, которая является отнюдь не рядомъ идеально построенныхъ драмъ, но въ достаточной мѣрѣ страдаетъ отсутствіемъ драматической экономіи, излишней рефлексіей, чрезъ мѣру пространной мотивировкой поступковъ дѣйствующихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе произведеніе его стоитъ несравненно выше всѣхъ вышеупомянутыхъ и по глубинѣ идеи и по блестящей характеристики какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и настроеній общества. На всей трилогіи, какъ на всемъ творчествѣ Иммерманна, лежитъ печать разлада, оттискъ съ внутренняго состоянія поэта, до конца своихъ дней не съумѣвшаго добиться гармоніи. Иммерманнъ не мастеръ въ смыслѣ Гетевскаго самоограниченія, познавшій себя и свой талантъ и поставившій самъ своему творчеству рамки.

Лѣтъ восемьнадцать тому назадъ въ Мюнхенѣ была сдѣлана попытка возобновить постановку „Alexis'а“, для чего трилогія была передѣлана въ пятиактную драму Вильгельмомъ Бухгольцомъ. Максъ Кохъ, присутствовавшій на этомъ

спектаклѣ, высказался по поводу него слѣдующимъ образомъ: „Отдѣльныя сцены производили сильное впечатлѣніе, впечатлѣніе же жизнеспособности сочиненіе, во мнѣ по крайней мѣрѣ, не вызвало". Пусть будетъ такъ: пусть этотъ плодъ выдающагося таланта будетъ потерянъ для сцены, въ чтеніи онъ всегда будетъ интереснымъ, и я считаю непотерянными тѣ часы, которые будутъ посвящены кѣмъ либо на прочтеніе этой вещи, великой по замыслу, замѣчательной по характеристикѣ, глубокой по сказывающемуся въ ней пониманію исторіи.

Дѣйствіе трилогіи Иммерманна происходитъ въ Москвѣ и Петербургѣ и окрестностяхъ обѣихъ столицъ и относится къ 1717 г., году трагической кончины царевича Алексѣя. Послѣдняя часть трилогіи, носящая заглавіе „Евдокія", происходитъ въ годъ смерти Петра Великаго. Первая часть, драма подъ заглавіемъ „Бояре", служитъ какъ бы экспозиціей для главной части—трагедіи „Судъ въ Петербургѣ". Всѣ три драмы имѣютъ не только внѣшнюю, но и внутреннюю связь между собой: мы усматриваемъ во всей трилогіи — одинъ основной сюжетъ, одну основную идею и одного главнаго трагическаго героя. Является ли главнымъ героемъ ея то лицо, которое дало названіе всей трилогіи,—это мы увидимъ впослѣдствіи.

Въ первой части трилогіи, происходящей почти всецѣло въ Москвѣ, поэтъ знакомитъ насъ въ лицѣ разныхъ представителей отъ народа, городскихъ людей и боярскаго сословія съ тѣми элементами, которые несочувственно относились къ дѣлу великаго преобразователя, и съ тѣмъ настроеніемъ общества, которое, какъ грозовая туча, висѣло надъ Москвой. На почвѣ этого враждебнаго Петру настроенія выростаетъ заговоръ, душою котораго является умный, дальновидный Стефанъ Глѣбовъ, фаворитъ покинутой царицы Евдокіи. Около него группируются менѣе видные представители недовольныхъ изъ бояръ и духовенства,—все ревнители старины: Василій Долгорукій, Кикинъ, Авраамъ Лопухинъ, братъ Евдокіи, Досиѳей, епископъ Ростовскій и др. Среди нихъ находится и царица Евдокія, которая пылаетъ чувствомъ ненависти къ Петру и жаждой мести. Глѣбовъ распространяетъ ложную вѣсть о кончинѣ царя, свершающаго путешествіе за границу. Бояре рѣшаютъ возвести на престолъ царевича

Алексѣя, который послѣ возвращенія съ побѣга и дарованія ему царемъ помилованія мирно, вдали отъ политическихъ дѣлъ живетъ въ Кремлѣ съ своей возлюбленной Афросиньей. Царевичъ сперва подъ вліяніемъ различныхъ психическихъ моментовъ и, вѣря въ смерть отца, соглашается на принятіе короны, но потомъ, когда въ народѣ разносится молва о томъ, что царь живъ, отказывается отъ престола. Въ моментъ отреченія царевича отъ короны передъ глазами испуганныхъ бояръ, изъ которыхъ часть повидимому до послѣдней минуты остается непосвященной въ тайну Глѣбова, выростаетъ грозная фигура царя.

Царь одинъ—безъ войска, безъ свиты. Глѣбовъ, подстрекаемый Евдокіей, обнажаетъ саблю: онъ не останавливается даже передъ цареубійствомъ. Его примѣру слѣдуютъ и остальные бояре. Тогда царевичъ грудью своей защищаетъ царя отъ мечей крамольныхъ бояръ. Но отецъ отстраняетъ его со словами: „я не хочу защиты недостойныхъ", а мать совѣтуетъ боярамъ не щадить слабосильнаго сына ея. Она готова идти къ намѣченной цѣли по трупу своего сына. Этотъ фактъ ведетъ къ первому трагическому надлому души царевича: одинъ изъ числа тѣхъ двухъ свѣточей, которые по собственному его признанію озаряютъ его жизнь, вѣра въ въ любовь матери—угасъ. Но тѣмъ не менѣе мужество его и твердая увѣренность въ самомъ себѣ не падаютъ въ немъ, напротивъ онъ еще болѣе интенсивно начинаетъ чувствовать что среди жестокостей, которыми только и въ состояніи царь удержать за собой свое положеніе, среди сплошнаго эгоизма, лжи и корысти, въ которые одинаково погрязли какъ его приверженцы, такъ и сподвижники царя—онъ единственная нравственная сила. Онъ такъ проникается сознаніемъ своего превосходства и своей правоты, что не принимаетъ помилованія отъ отца, который тѣмъ временемъ пришелъ къ убѣжденію, что сынъ его къ этому заговору былъ не причастенъ, а требуетъ суда надъ собой.

Судъ надъ царевичемъ является центральнымъ событіемъ второй части трилогіи. Соединенное собраніе духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ Петра выноситъ сыну его обвинительный приговоръ. Главное участіе въ агитаціи противъ царевича принимаютъ Меншиковъ и Ягужинскій изъ личной ненависти къ нему, и Толстой изъ ненависти ко всему, что существуетъ. Та-

кимъ ярымъ пессимистомъ изображаетъ его почему то Иммерманъ. Суровый и съ исторической точки зрѣнія несправедливый судъ творитъ поэтъ надъ сотрудниками Петра, въ особенности надъ Меншиковымъ, который является въ его освѣщеніи инкарнаціей лжи, носителемъ наглыхъ циничныхъ идей во всѣхъ сферахъ жизни. Шагъ за шагомъ съ изумительной послѣдовательностью развиваетъ авторъ трагизмъ въ положеніи Петра В., окруженнаго несочувстіемъ, непониманіемъ и неискренностью. Постановленіе надъ сыномъ обвинительнаго приговора на основаніи мелочи, на основаніи того, что онъ на первомъ допросѣ, которому былъ подвергнутъ послѣ возвращенія съ побѣга за границу, умолчалъ о причастности матери своей Евдокіи къ его побѣгу—повергаетъ Петра въ уныніе. Онъ считаетъ этотъ приговоръ постыднымъ. Тучи сгущаются вокругъ головы Петра Великаго, все темнѣе и темнѣе становится горизонтъ. Не гроза собирается съ ея могучими раскатами грома, сверкающими молніями, опустошительнымъ ливнемъ, не гроза, которая возмутитъ на время природу и послѣ которой вновь засіяетъ жизнь еще въ большей красѣ и свѣжести: нѣтъ, моросить, дождикъ, сѣрая непроницаемая мгла ложится на поля и стогна, окутывая все въ туманъ. Не грозный врагъ угрожаетъ царю русскому и не возстаніе народное — общее, повсемѣстное и страшное въ своихъ проявленіяхъ не мощный умъ и не глубокая нравственная сила возстаетъ противъ него, нѣтъ рядъ мелкихъ эгоистовъ стараются пошатнуть власть царя, тупой народъ возстаетъ противъ непонятыхъ имъ нововведеній, безнравственные интриганты лицемѣрятъ вокругъ него. Ужасное положеніе!—Что царь не могъ довѣрять московскимъ боярамъ и своему сыну и принужденъ былъ круто поступить съ ними, это его не поразило. Онъ шелъ на борьбу съ этими элементами. Что народъ московскій примкнулъ къ заговорщикамъ, его не удивило. Народъ теменъ и легко подпадаетъ различнымъ вліяніямъ. Отъ Евдокіи онъ не заслужилъ дружбы: она въ правѣ мстить ему. Но что сказать относительно его ближайшихъ сотрудниковъ, тѣхъ лицъ, которыми онъ окружилъ себя видя въ нихъ достойныхъ помощниковъ, съ которыми онъ работалъ такъ много вмѣстѣ, которые помогали ему осуществлять его замыслы, которыя такъ блестяще выполняли

различныя возложенныя на нихъ порученія, составляли грандіозные и гуманные проекты. Онъ не ожидалъ въ нихъ встрѣтить такое нравственное ничтожество. Онъ зналъ Меншикова и считалъ его уже ранѣе плутомъ! Но остальные? Толстой, Шафировъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Чѣмъ они лучше? Вѣдь единогласно постановленъ постыдный приговоръ. Правда Петръ ожидалъ, что резолюція суда будетъ не выгодной для царевича, онъ предостерегалъ его. Но вѣдь онъ не былъ тогда такъ убѣжденъ въ невиновности своего сына, какъ теперь. Вѣдь онъ не слыхалъ еще изъ устъ Толстого, что въ царевичѣ нѣтъ вины, что ее ищутъ, но немогутъ найти. И вотъ теперь вина его найдена и заключается она въ умолчаніи незначительнаго факта, все осужденіе его построено на мелочи. Царю противно, противно тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ подобномъ случаѣ поступилъ бы также: и онъ бы не выдалъ своей матери. Вѣра въ приближенныхъ своихъ поколебалась въ Петрѣ: онъ заглянулъ на дно. А тамъ цѣлый лѣсъ, дремучій лѣсъ пороковъ и мелкихъ страстишекъ. Жутко царю! Осталась у него жена, которую онъ любитъ и которой вѣритъ. Вотъ единственное убѣжище отъ нравственныхъ мукъ...

Екатерина любитъ мужа, она преклоняется передъ его геніальною личностью и считаетъ великимъ то дѣло, которое проводитъ Петръ. Въ ней безусловно больше чувства государственности чѣмъ у остальныхъ сподвижниковъ Петра. Но она кромѣ того нравственно чище ихъ и она негодуетъ на судьбу, которая ея жизненный путь тѣсно связала съ жизнью Меншикова. По отношенію къ своему вѣрному совѣтчику она чувствуетъ непреоборимую гадливость, но она боится открыто показать ему свою ненависть. Но есть въ ней желаніе, мечта, которой она въ состояніи принести все въ жертву, для достиженія которой она готова прибѣгнуть къ хитрости, лицемѣрію, лжи. Рельефнѣе всего высказывается это въ ея отношеніи къ царевичу Алексѣю. До суда Екатерина, влекомая искреннимъ порывомъ, пытается спасти царевича отъ грозящей ему участи. Съ этой цѣлью она ночью навѣщаетъ его въ темницѣ и совѣтуетъ ему просить помилованіе у отца, который, какъ ей извѣстно изъ одной бесѣды съ нимъ, любитъ сына, радъ тому, что допросъ обнаружилъ полную невиновность сына и охотно проститъ ему. Благія намѣренія

царицы разбиваются о упорство царевича, который именно вслѣдствіе того, что не знаетъ за собой никакой вины, не хочетъ идти на компромиссы, а съ нетерпѣніемъ ожидаетъ дня суднаго, который долженъ стать для него „днемъ чести", днемъ боя, изъ котораго онъ долженъ вынести вѣнецъ побѣдителя. Кромѣ того онъ не желаетъ помощи и содѣйствія той, которая вытѣснила его мать изъ хоромъ царскихъ. Онъ отвѣчаетъ на идущій отъ сердца призывъ Екатерины обидой. Онъ коритъ ее низкимъ ея происхожденіемъ и клянется водворить ее въ прежнее состояніе, какъ только станетъ царемъ. Екатерина не только глубоко возмущена словами своего пасынка, она чувствуетъ также, какая опасность угрожаетъ ей отъ будущаго восшествія на престолъ Алексѣя. Съ этого момента Екатерина—становится врагомъ царевича. Но послѣ произнесенія надъ Алексѣемъ смертнаго приговора мы съ удивленіемъ видимъ ее вторично въ роли защитницы своего обидчика: она говоритъ за сына передъ лицомъ самого царя. Чѣмъ объяснить себѣ это странное поведеніе? Между тѣмъ оно объясняется совершенно просто: заступничество ея за царевича—лицемѣріе, всѣ ея рѣчи сводятся къ хитро придуманной, ловкой аргументаціи, конечная цѣль которой вынудить у царя согласіе на казнь сына. Пользуясь тѣмъ, что царь возмущенъ гнуснымъ приговоромъ, она якобы проситъ за сына. Царь соглашается ему даровать помилованіе, но она указываетъ на то, что помилованіе неумѣстно тамъ, гдѣ нѣтъ вины, что изъявленіе милости въ данномъ случаѣ можетъ быть истолковано какъ слабость со стороны царя, что раздадутся въ народѣ голоса, которые сочтутъ его такимъ же слабымъ, простымъ смертнымъ, который грозитъ, а потомъ раскаивается. Исходъ для Петра по ея мнѣнію можетъ быть только двоякій: казнить сына, т. е. привести въ исполненіе приговоръ или подвергнуть суду всѣхъ участниковъ верховнаго судилища. Она проситъ царя разорвать постыдный приговоръ и бросить его къ ногамъ осудившихъ царевича. Царь на отрѣзъ отказываетъ Екатеринѣ въ ея просьбѣ: царевичъ долженъ умереть. Онъ теперь даже не находитъ возможности помиловать его. Ясно, что это намѣреніе созрѣваетъ въ Петрѣ подъ вліяніемъ словъ Екатерины. Онъ приходитъ къ заключенію, что царевичъ былъ осужденъ de facto уже тогда, когда былъ назначенъ судъ. Каково бы

ни было рѣшеніе суда, царевичъ долженъ былъ погибнуть. „Призналъ бы судъ его невиннымъ, то я въ глазахъ народа сталъ бы тираномъ, а онъ—мученикомъ. Милость или уничтоженіе приговора, и то и другое можетъ послужить послѣ моей смерти къ ужаснымъ междуусобіямъ“,—говоритъ Петръ. Онъ, какъ очевидно, развиваетъ далѣе мысли Екатерины и развиваетъ ихъ вполнѣ согласно сокровеннымъ ея желаніямъ. Глубоко лицемѣрно поведеніе Екатерины, когда она задаетъ царю вопросъ: „Итакъ, я проиграла...“ Она ничего не проигрывала, она достигла того, къ чему стремилась, она достигла еще большаго,—того, о чемъ пока смѣла только мечтать. Заступничество Екатерины за Алексѣя, ея умныя, гордыя, исполненныя истиннаго царскаго достоинства рѣчи—производятъ сильное впечатлѣніе на Петра. „Вотъ гдѣ мы могли бы найти то, чего ищемъ. Здѣсь замѣтна искра отъ нашего пламени, плоть отъ нашей плоти... Я хотѣлъ бы одарить тебя и могу принести тебѣ въ даръ лишь нужду и заботы. Но я владѣю Россіей!—хочешь ее?“

Чѣмъ объяснить себѣ эту тароватость Петра? Петръ вѣритъ Екатеринѣ и искренности ея мотивовъ, онъ видитъ, чувствуетъ все ея величіе и испытываетъ приливъ мощнаго, радостнаго чувства, которое является на смѣну тому мрачному пессимистическому настроенію, которое охватило его по прочтеніи приговора, въ которомъ такъ ясно выразилась вся нравственная немощь его сотрудниковъ. Послѣ цѣлаго ряда крушеній, на краю бездны, наполненной пошлостью, мелочностью и эгоизмомъ—онъ встрѣчается съ свѣтлымъ обликомъ альтруизма. За нѣсколько мгновеній до окончательной гибели вѣры въ человѣчество—эта вѣра спасается, спасается его женой. Въ награду за это спасеніе царь и даетъ ей такой цѣнный подарокъ. Онъ радъ, что нашелъ среди фальшивыхъ эгоистовъ—человѣка, достойнаго замѣстить его въ послѣдствіи, продолжить его дѣло. Роковая ошибка! Онъ самъ скоро начинаетъ сознавать ее: сомнѣнія проникаютъ въ душу царя. „Она горячо говорила за него (т. е. за царевича), очень горячо, слишкомъ горячо“ повѣствуетъ царь Гордону. Петръ опять начинаетъ колебаться, опять склоняется въ пользу сына; въ немъ даже зарождается мысль привести въ исполненіи совѣтъ Екатерины: поставить на судъ всѣхъ осудившихъ царевича. Все дѣло портитъ депутація

представителей русскихъ городовъ, прибывшая въ Петербургъ съ цѣлью требовать отъ царя сохранности жизни царевича. Неумѣстнымъ и неумѣлымъ заступничествомъ они окончательно губятъ царевича. Царь утверждается теперь въ первомъ своемъ намѣреніи: казнить Алексѣя. На Алексѣя смертный приговоръ произвелъ потрясающее впечатлѣніе: онъ не ожидалъ такого исхода дѣла. Еще незадолго до дня суда онъ вполнѣ былъ увѣренъ въ своемъ оправданіи. Онъ никого не боялся и считалъ себя единственнымъ свободнымъ человѣкомъ въ Россіи, въ то время, какъ всѣ остальные, начиная съ самого царя и кончая послѣднимъ солдатомъ, боятся чего нибудь, слѣдовательно не свободны. Еще болѣе сражаетъ царевича то обстоятельство, что поводъ къ его осужденію даетъ показаніе его возлюбленной Афросиніи. Она, выслѣженная Меншиковымъ и доставленная къ Толстому, бѣжитъ съ допроса прямо къ царю и въ подавленномъ состояніи разсказываетъ ему все, что знаетъ о царевичѣ. Въ припадкѣ психическаго разстройства эта женщина, сильно идеализованная поэтомъ, налагаетъ на себя руки. Гаснетъ и второй свѣточъ, озарявшій одинокую жизнь царевича: любовь къ Афросиніи. Когда на судѣ выступаетъ царь Петръ, вызванный Толстымъ въ качествѣ свидѣтеля, и показываетъ на сына на основаніи данныхъ, полученныхъ имъ отъ Афросиніи, тогда происходитъ и мгновенное крушеніе въ царевичѣ его самоувѣренности, мужества, оптимизма. Онъ теряетъ почву и безчувственно выслушиваетъ произнесеніе смертнаго приговора.

Царевичъ умеръ! Екатерина коронована! Тѣни казненныхъ бояръ не тревожатъ царя. Но на берегахъ Ладожскаго озера появилась пророчица, предсказывающая скорую гибель царю: эта пророчица—Евдокія! Физическая и нравственная гибель Петра служитъ сюжетомъ третьей части трилогіи. Петръ умираетъ на рукахъ своего вѣрнаго спутника Гордона, разочарованнымъ пессимистомъ, въ тотъ моментъ, когда вдали раздаются голоса, провозглашающія царицей Екатерину. Онъ не успѣлъ отстранить ее, въ ничтожествѣ которой ему пришлось убѣдиться въ послѣдокъ дней своихъ, отъ престола: смерть налагаетъ на него свою сильную, хладную руку, когда онъ хочетъ впервые примѣнить вновь изданный имъ законъ о правѣ государя избирать самому наслѣдника престола.

Вотъ въ краткихъ словахъ та канва, по которой авторъ вышиваетъ красивые, иногда причудливые узоры. По конспективной передачѣ содержанія этой драмы нельзя себѣ составить даже приблизительнаго понятія о выдающихся красотахъ оригинала. Характеристика дѣйствующихъ лицъ блестяща. Въ особенности хорошо проведено развитіе характера Петра Великаго, личность котораго съ каждымъ шагомъ выростаетъ передъ нашими глазами и проходитъ длинный и разнообразный путь сложныхъ и сильныхъ аффектовъ. Не менѣе интересны характеры женщинъ: Евдокіи, Афросиніи и Екатерины, крамольныхъ бояръ и сотрудниковъ Петра.

Если сопоставить содержаніе трилогіи Иммерманна съ исторіей, то станетъ совершенно яснымъ, насколько авторъ измѣнилъ въ своемъ твореніи историческую традицію. Измѣнены авторомъ не только частности, но и основные крупные факты. Несмотря на такое свободное отношеніе къ историческому матеріалу, мы всетаки должны сознаться, что произведеніе дышетъ историческимъ духомъ. Историческіе курьезы, въ такомъ обиліи встрѣчающіеся въ другихъ произведеніяхъ, здѣсь почти совсѣмъ незамѣтны. Какъ общее настроеніе, такъ и частныя настроенія, господствовавшія въ тѣ времена въ отдѣльныхъ кругахъ русскаго общества, вѣрно схвачены и переданы поэтомъ. Въ концепціи характеровъ дѣйствующихъ лицъ, конечно, мы замѣчаемъ также рѣзкое отклоненіе отъ исторической истины, но ни одно изъ нихъ не построено на безусловной фикціи: въ основѣ каждаго характера лежитъ доля исторической правды. Первымъ, самымъ главнымъ видоизмѣненіемъ во внѣшнемъ ходѣ событій слѣдуетъ считать объединеніе лицъ причастныхъ къ дѣлу царевича съ главными героями суздальской трагедіи *) въ одномъ общемъ дѣлѣ—заговорѣ противъ Петра. Кикинъ и Глѣбовъ, Долгорукій и Досиѳей — никогда не дѣйствовали вмѣстѣ и между ними не было никакого тайнаго соглашенія. Евдокія совершенно не была причастна къ бѣгству царевича и агитаторской дѣятельности враждебной Петру партіи. Фактъ

*) Дѣло царицы-инокини Евдокіи и Стефана Глѣбова, обнаружившееся одновременно съ розыскомъ по дѣлу о побѣгѣ царевича. Оба эти дѣла никакой связи между собой не имѣли. См. Соловьевъ, Исторія Россіи т. XVII, стр. 213.

самаго заговора отнесенъ поэтомъ ко времени пребыванія царевича въ Москвѣ до его отправленія въ Петербургъ, когда, на самомъ дѣлѣ, никакого заговора въ Москвѣ не было. Съ поэтической точки зрѣнія подобное выдѣленіе ряда дѣйствующихъ лицъ въ одно общее направленіе оправдывается вполнѣ: оно способствуетъ концентраціи дѣйствія и уничтожаетъ эпизодичность, которая должна была бы возникнуть, еслибы поэтъ сталъ точно слѣдовать исторической традиціи. Главными дѣйствующими лицами въ средѣ заговорщиковъ являются Глѣбовъ и Евдокія. Дѣятельность и характеры ихъ совсѣмъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Глѣбовъ и Евдокія никогда не играли той роли, какую приписываетъ имъ авторъ. Если сравнить историческую Евдокію съ Евдокіей Иммерманна, то становится совершенно яснымъ, что передъ нами совсѣмъ новое лицо, продуктъ фантазіи поэта. Тоже самое можно сказать и о Глѣбовѣ, причемъ характеръ его снабженъ кромѣ того разными черточками несоотвѣтствующими русской дѣйствительности той эпохи: онъ атеистъ, не любитъ ходить въ церковь, невыноситъ запаха ладона. Можно указать еще на цѣлый рядъ измѣненій историческихъ истинъ въ трилогіи. Я отмѣчу только нѣкоторыя. Постояннымъ и вѣрнымъ спутникомъ царя въ трилогіи является Гордонъ, между тѣмъ онъ умеръ уже въ 1699 г.; Меншиковъ по Иммерманну—воспитатель царевича, ошибка которую дѣлаютъ почти всѣ поэты запада; депутація представителей городовъ и тетрадь шута Кости, обличающая сановниковъ Петра Великаго—фикціи поэта, вызовъ царя въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу сына и посѣщеніе Алексѣя въ тюрьмѣ Екатериной тоже. Характеры Екатерины и Афросиніи—также далеко ушли отъ дѣйствительности: и та и другая идеализованы поэтомъ. Рядъ такихъ примѣровъ удаленія отъ истины можно было бы пополнить еще въ значительной мѣрѣ; но я считаю достаточнымъ сказаннаго мною.

Всѣ эти погрѣшности отнюдь не свидѣтельствуютъ о незнаніи Иммерманномъ исторической традиціи: всѣ измѣненія суть плодъ размышленій поэта, намѣренно произведены имъ. Что, напротивъ, авторъ хорошо изучилъ эпоху и пользовался при составленіи своей трилогіи даже источниками, объ этомъ свидѣтельствуютъ многія мѣста его драмъ. Возьму

для примѣра одно. Въ разговорѣ своимъ съ Толстымъ (I, сц. 4) Петръ на предложеніе Толстого, рѣшать дѣло самому, отвѣчаетъ: „Сегодня ты несчастливъ, Толстой, въ твоихъ совѣтахъ!.. Онъ (т. е. царевичъ) вѣдь самъ захотѣлъ того (т. е. суда). Я позволилъ, потому что намѣренъ слѣдовать совѣту врача. А это послѣдній не ищетъ самъ средствъ для исцѣленія своей болѣзни. Нѣтъ! онъ, который помогалъ тысячамъ, требуетъ для себя помощи отъ другого. А это дѣло— моя болѣзнь. И я призвалъ васъ исцѣлить ее." Сравните съ этимъ слѣдующее мѣсто изъ объявленія, даннаго Петромъ 13 іюля духовенству и министрамъ. „Понеже вы нынѣ уже слышали о малослыханномъ въ свѣтѣ преступленіи сына моего противъ насъ, яко отца и государя своего, и хотя я довольно власти надъ ономъ по божественнымъ и гражданскимъ правамъ имѣю, а особливо по правамъ Россійскимъ, учинить за преступленіе по волѣ моей, безъ совѣта другихъ; однакожъ боюсь Бога, дабы не погрѣшить; ибо натурально есть что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе въ ихъ. Такожъ и врачи: хотябъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лѣчить, но призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ и мы сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося лѣченія оной, боясь вѣчныя смерти". *) Этотъ примѣръ вполнѣ подтверждаетъ, какъ добросовѣстно авторъ изучалъ матеріалъ. Подобныхъ примѣровъ, которые свидѣтельствуютъ о тщательномъ изученіи историческаго матеріала, можно привести еще много.

На одинъ общій источникъ трилогіи Иммерманна указать нельзя: его нѣтъ. Поэтическое освѣщеніе какъ фактовъ, такъ и характеровъ, вполнѣ оригинально. Очень немного заимствовалъ Иммерманнъ и у своихъ предшественниковъ — поэтовъ, которые до него обрабатывали сюжетъ о судѣ и смерти царевича. Его же драма послужила во многихъ отношеніяхъ образцомъ для послѣдователей. Читая позднѣйшія драмы, въ основу которыхъ легъ разобранный нами сюжетъ, постоянно наталкиваешься на эпизоды и отдѣльныя черты, заимствованныя авторами изъ трилогіи „Alexis". Иммерманнъ въ этомъ отношеніи даже создалъ извѣ-

---

*) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVII стр. 220.

стнаго рода литературную традицію. Разбирать исторію этой традиціи я и не буду, а скажу въ заключеніе нѣсколько словъ относительно точки зрѣнія Иммерманна на Петра и Алексѣя. Первоначально главнымъ героемъ трилогіи предполагался имъ царевичъ. Въ первой части ея царевичъ безусловно тщательнѣе и подробнѣе обрисованъ, чѣмъ Петръ Великій. Но въ теченіе дальнѣйшей обработки съ Иммерманномъ случилось нѣчто подобное, что произошло съ Шиллеромъ за его работой надъ „Донъ Карлосомъ“: предположенная центральная личность драмы теряетъ интересъ для автора и замѣщается другой. Любопытно, что произошло это сходное явленіе въ двухъ работахъ, изъ которыхъ обѣ были посвящены идеализаціи двухъ державныхъ принцевъ, къ которымъ отцы относились враждебно. Эта двойственность настроенія отразилась на драмѣ Иммерманна въ такой же сильной степени, какъ и на драмѣ Шиллера. Ни тому ни другому не удалось провести до конца своей идеализаціи. Объясняется это на мой взглядъ, во первыхъ безусловно неудачнымъ выборомъ героя лица завѣдомо отличавшагося отсутствіемъ дѣеспособности. Одна изъ причинъ слѣдовательно кроется въ сущности самого матеріала. Другая и въ данномъ случаѣ гораздо болѣе значительная заключается въ особенностяхъ склада ума упомянутыхъ поэтовъ.

Какъ Шиллеръ, такъ и Иммерманнъ отличались глубокимъ пониманіемъ историческихъ явленій: это были умы преимущественно исторически образованные. Изъ этого основного качества ихъ ума и вытекаетъ какъ слѣдствіе, что идеализація и возвеличеніе дѣйствующаго лица вопреки всѣмъ историческимъ даннымъ противорѣчило основнымъ укладамъ ихъ міросозерцанія. Мнѣ могли бы замѣтить: если поэты эти обладали такимъ исключительнымъ глубокимъ проникновеніемъ въ смыслъ историческихъ процессовъ, то неужели у нихъ такъ слабо было развито историческое чутье, которое предохранило бы ихъ отъ постановки себѣ завѣдомо невыполнимыхъ задачъ? Это возраженіе я считаю несущественнымъ. Историческое чутье, даже если оно очень хорошо развито, никогда не можетъ замѣнить знаніе и часто вовлекаетъ въ заблужденіе человѣка. Чутье играетъ безусловно важную роль въ дѣлѣ всякаго творчества, какъ мо-

ментъ намѣчающій матеріалъ, путь къ обработкѣ матеріала и проч.; но всетаки оно не можетъ считаться вполнѣ непогрѣшимымъ руководителемъ. Изъ области творчества вообще можно указать на массу примѣровъ, когда чутье показывало вѣрный путь и вело къ достиженію положительныхъ результатовъ, какъ-то: созданію шедевровъ въ области искусства, къ великимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ. Но я вполнѣ увѣренъ, что столько же случаевъ (если не больше) можно привести, въ которыхъ чутье ошибалось. Первые случаи, конечно, гораздо рельефнѣе и ихъ больше въ памяти у каждаго. Иммерманну чутье историческое вполнѣ правильно подсказало интересный драматическій сюжетъ-исторію отношеній царя Петра къ сыну, оно его оставило при выборѣ центральнаго лица: героя драмы. Максъ Кохъ, въ предисловіи къ другой исторической драмѣ Иммерманна: „Трагедіи въ Тиролѣ" указываетъ еще на одинъ фактъ, якобы повлекшій за собою децентрализацію трилогіи, смѣщеніе центральнаго интереса съ личности царевича и перемѣщеніе его на личность Петра. „Когда, говоритъ онъ, іюльская революція такъ скоро утратила свой великій характеръ, Иммерманнъ „подъ вліяніемъ невыносимой дѣйствительности далъ себѣ обѣтъ, никогда больше въ жизни не вѣрить, что великое можетъ изойти отъ массъ, а держаться своего стараго символа, что великое по духу происходитъ отъ отдѣльныхъ выше массы стоящихъ лицъ". Этимъ опредѣленно высказаннымъ взглядомъ Иммерманна Кохъ объясняетъ себѣ, что, начиная со второй части трилогіи, сочувствіе автора къ Петру Великому растетъ все болѣе и блоѣе, что Петръ Великій, несмотря на всѣ свои слабости, въ его глазахъ такая выше массъ стоящая личность, созидающая великое дѣло; „противъ него выступаетъ тупая масса народа и эгоистичная безнравственная группа бояръ, куклой которыхъ является Алексѣй". Взглядъ этотъ въ окончательномъ выводѣ вѣренъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что народъ выведенъ Иммерманномъ въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ: въ первой сценѣ первой части трилогіи, это толпа праздныхъ, любопытныхъ зѣвакъ, на которыхъ вѣсть о кончинѣ царя производитъ только впечатлѣніе новинки. Немного выше по интеллекту, но еще вполнѣ въ рамкахъ отжив-

шихъ традицій и обычнаго права изображены тѣ представители города, депутація которыхъ является передъ Петромъ Великимъ съ цѣлью спасти принца. Замѣчательно тонко и умно использовано это съ благими намѣреніями явившееся посольство къ ускоренію катастрофы. Желая спасти царевича—они губятъ его. Царевичъ гибнетъ слѣдовательно въ концѣ концовъ вслѣдствіе поступка своей собственной партіи. Старый, отжившій режимъ разрушается самимъ собой, увлекая въ своемъ паденіи единственнаго симпатичнаго, но абсолютно пассивнаго своего представителя. Замѣчательно искусное примѣненіе трагической ироніи!—Таковъ народъ! Что сказать относительно бояръ? Выведено ихъ достаточное количество! Все рельефные, своеобразные характеры, намѣченные твердой и вѣрной рукой: трусливый, ограниченный Кикинъ, смѣлый, гордый Долгорукій и наконецъ Глѣбовъ, хитрый, умный Глѣбовъ! Несмотря на полное различіе ихъ характеровъ, основа ихъ поступковъ, ихъ мотивы вполнѣ одинаковы—они выростаютъ у всѣхъ на почвѣ эгоизма. За исключеніемъ одного Лопухина, который безкорыстно отстаиваетъ старину, всѣ остальные жаждутъ одного: устранить ненавистный режимъ и править. Трусливый и ограниченный епископъ Досиѳей, представитель духовенства также руководится только личными эгоистичными цѣлями. И этотъ слой партіи недовольныхъ слабъ, ничтоженъ, неспособенъ къ борьбѣ вслѣдствіе полнаго отсутствія идеаловъ, всякаго пониманія государственности. Среди ихъ партіи царитъ полнѣйшій разладъ, возникающій на почвѣ эгоизма и отсутствія высшихъ руководящихъ идей. Стоитъ только припомнить фактъ, ведущій къ катастрофѣ въ первой части трилогіи: Долгорукій вопреки совѣтамъ Глѣбова не отсылаетъ семеновцевъ изъ Москвы и этимъ готовитъ Петру орудіе противъ самого себя и товарищей. Изо всего сказаннаго ясно, что и эту партію Иммерманнъ старался изобразить неспособной къ жизни.

Въ изображеніи царевича Алексѣя авторъ позволилъ себѣ вполнѣ сойти съ исторической точки зрѣнія. Почему это онъ сдѣлалъ, вполнѣ ясно. Онъ хотѣлъ спасти своего героя. Спасти его ему не удалось.

Истиннымъ героемъ, трагическимъ героемъ всей трилогіи является Петръ. Человѣкъ, который, руководимый великой идеей, не щадитъ ничего, что мѣшаетъ осуществленію этой

идеи. Онъ готовъ ей принести въ жертву все, включая самого себя. И онъ, творя расправу надъ боярами, обрекая на смерть своего сына, правъ передъ самимъ собой, потому что глубоко и твердо увѣренъ въ правдивости своей идеи, а проведеніе ея требуетъ такихъ крутыхъ мѣръ. Онъ весь въ дѣлѣ, онъ для дѣла. Таковъ Петръ у Иммерманна. Въ чемъ же заключается трагизмъ его положенія? Въ его одиночествѣ. Окруженъ измѣной, несочувствіемъ народныхъ массъ и духовенства, безъ продолжателя своего дѣла — онъ опирается на своихъ сотрудниковъ. Онъ въ началѣ вѣритъ имъ. Но потомъ эта рукопись шута Кости, которую на судѣ передаетъ царю Алексѣй, и которая изобличаетъ всѣхъ его сановниковъ, начиная съ Меншикова и кончая Шафировымъ, въ постыдныхъ дѣяніяхъ и приговоръ надъ царевичемъ, приговоръ, основанный на пустякѣ, къ которому несмотря на то, примыкаютъ всѣ судьи — отнимаютъ у него вѣру въ своихъ сотрудниковъ. Чувство гадливости поднимается въ Петрѣ. Отсюда ясенъ смыслъ восторженныхъ словъ въ концѣ той, сцены Петра съ Екатериной, въ которой послѣдняя зашищаетъ его сына, въ которой Петръ, слѣдуя своей импульсивной натурѣ, предлагаетъ женѣ въ подарокъ Россію! Чѣмъ объяснить приподнятость настроенія духа Петра въ этой сценѣ? Екатерина послѣ всего случившагося пробуждаетъ въ немъ вновь вѣру въ человѣка. Потеря этой вѣры окончательно неминуемо должна сломить царя. Петръ жестокъ, суровъ—Иммерманъ не забываетъ этого,—но Петръ все-таки идеалистъ. Онъ не идеалистъ-мечтатель, онъ идеалистъ-дѣятель! Возьмите у такого идеалиста вѣру въ человѣка—и онъ потеряетъ вѣру въ себя. И Петръ теряетъ ее. Въ послѣдней части трилогіи происходитъ послѣдній великій конфликтъ въ душѣ великаго человѣка—онъ теряетъ вѣру въ ту, которая спасла ему когда-то эту вѣру и которой онъ дарилъ Россію. Кому онъ подаритъ ее теперь? Кому завѣщаетъ великое свое дѣло? Никого нѣтъ! Меншиковъ будетъ обкрадывать ее, Екатерина—обманывать ее—его Росію. Онъ чувстуетъ то глубокое безъисходное одиночество, когда человѣку не къ кому идти. Погибла вѣра въ людей — погибла и вѣра въ самого себя. Душа жаждетъ правды и она чувствуетъ приближеніе ея, но это правда неземная, эта правда вѣчная, которую несетъ съ собою смерть. Какая широкая проблема! Между первымъ по-

явленіемъ Петра въ сценѣ на морѣ, гдѣ онъ еще полонъ энергіи и жизненнаго задора и послѣдней на террассѣ близъ моря-же гдѣ онъ больной и извѣрившійся въ жизни человѣкъ — цѣлое море душевныхъ бурь и страданій, цѣлая скала переходныхъ ступеней отъ жизнерадостнаго дѣятельнаго идеализма до полнаго пессимизма, призывающаго на смертномъ одрѣ наслѣдникамъ своего дѣла хаосъ.

Г. Линсцеръ.

Изъ переписки дипломатовъ Петровскаго времени.

(А. П. Бестужевъ, А. И. Остерманъ; вопросъ о зундской пошлинѣ).

Заручиться свободнымъ выходомъ къ морю было завѣтнымъ стремленіемъ московскихъ государей еще задолго до Петра Великаго. Руководясь этимъ стремленіемъ, московское правительство не всегда ставило себѣ, однако, цѣлью обладаніе берегомъ Балтійскаго моря, а попытки въ этомъ направленіи зачастую не увѣнчивались желаемымъ успѣхомъ. Начатая война Іоанна Грознаго съ Ливонскимъ Орденомъ, превратившаяся послѣ распаденія послѣдняго въ борьбу Москвы съ Польшей и Швеціей, имѣла своимъ результатомъ лишь переходъ послѣднихъ прибалтійскихъ владѣній Россіи подъ шведское владычество. Возсоединеніе этихъ владѣній съ Москвою въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича было непродолжительно, и въ XVII вѣкѣ, при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, Москва должна была довольствоваться, какъ и ранѣе въ концѣ царствованія Грознаго, берегами болѣе отдаленнаго моря — Бѣлаго и открывавшимся оттуда кружнымъ путемъ къ гаванямъ наиболѣе развитыхъ въ торговомъ отношеніи странъ Запада въ XVII вѣкѣ — Англіи и Голландіи.

Насколько ясно сознавалось неудобство подобнаго положенія вещей московскими политиками начала XVII вѣка — сказать трудно. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, однако, повидимому назрѣваетъ уже мысль о необходимости вернуться къ традиціямъ Іоанна Грознаго и заботу о возвращеніи прибалтійскихъ владѣній Россіи положить въ основу русской дипломатической программы. Свѣтило

русской дипломатіи этого времени, бояринъ Ординъ-Нащокинъ идетъ далѣе и мечтаетъ уже о завоеваніи всей Ливоніи съ городомъ Ригою, т. е. о томъ, что позднѣе стало цѣлью всѣхъ стремленій Петра Великаго, но что было имъ высказано открыто лишь послѣ полнаго крушенія шведскаго могущества въ 1709 г. Во взглядахъ Ордина-Нащокина, такимъ образомъ, традиціонная задача московскаго правительства—обезпечить за Москвою свободный выходъ въ море—уступаетъ мѣсто широкимъ планамъ о преобладаніи Россіи на балтійскомъ побережьѣ.

Во время Ордина-Нащокина эти планы были удѣломъ лишь отдѣльныхъ геніальныхъ личностей, и не могли быть приняты за исходную точку въ ближайшихъ практическихъ мѣропріятіяхъ русской дипломатіи. Россія не оправилась еще вполнѣ отъ бѣдствій Смутнаго времени, ея счеты съ Польшей не были еще окончены, а въ то же время Швеція, пожиная богатые плоды смѣлой и дальновидной политики Густава-Адольфа, стояла твердою ногою въ Ливоніи и Помераніи и крѣпко, казалось, держала въ своихъ рукахъ гегемонію на Сѣверѣ. При такихъ условіяхъ надѣяться на завоеваніе остзейскаго побережья было трудно.

Въ серединѣ XVII вѣка на это не разсчитывала московская дипломатія, и этого не предвидѣла еще въ то время дипломатія европейская. Въ первую половину XVIII вѣка это стало совершившимся фактомъ. Въ царствованіе Петра Великаго балтійскій вопросъ былъ разрѣшенъ — и довольно неожиданно—въ смыслѣ крушенія шведскаго могущества на Сѣверѣ Европы и—еще болѣе неожиданно—въ смыслѣ перехода преобладающаго значенія на Балтійскомъ морѣ отъ Швеціи къ Россіи.

Если долгіе годы Сѣверной войны были заключительнымъ моментомъ въ исторіи борьбы Россіи за выходъ къ Балтійскому морю, то короткій четырехлѣтній періодъ, истекшій отъ Ништадскаго мира до смерти Петра Великаго—первые шаги Россіи на дипломатическомъ поприщѣ въ новомъ для нея положеніи владычицы Балтійскаго побережья.

Эти шаги ясно показывали, что Россія не считаетъ своей задачи на Балтійскомъ морѣ законченной. Если вся предшествующая ея борьба за морское побережье имѣла по преимуществу характеръ борьбы за политическіе интересы и за

обладаніе извѣстной территоріей, то теперь, первое время послѣ Ништадтскаго мира, выступаютъ интересы торговаго характера. Къ началу XVIII вѣка Балтійское море само по себѣ потеряло уже то выдающееся торговое значеніе, какое оно имѣло въ болѣе раннія историческія эпохи. Къ этому времени относится развитіе океанической торговли европейскихъ націй, и только то государство, чьи корабли бороздили океанъ, получало право на названіе морской державы. Seemächte—терминъ, который въ XVIII вѣкѣ прилагался по преимуществу къ Англіи и Голландіи. Для Россіи, утвердившейся на Балтійскомъ морѣ, открывалась лишь возможность создать болѣе благопріятныя условія для своей внѣшней торговли. Однимъ изъ обстоятельствъ, мѣшавшихъ созданію подобнаго рода условій, являлась необходимость уплачивать при проходѣ на ряду съ другими державами Балтійскаго моря черезъ Зундъ пошлину взиманіе которой составляло старинную привиллегію Даніи. Извѣстно, что тотчасъ послѣ Ништадтскаго мира Петромъ Великимъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, клонящихся съ одной стороны къ сосредоточенію русской внѣшней торговли во вновь завоеванныхъ гаваняхъ и, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, а съ другой стороны къ развитію болѣе активнаго участія въ этой торговлѣ самого русскаго населенія *). Первыя изъ этихъ мѣръ шли навстрѣчу тому уси-

*) Изъ этихъ мѣръ надо отмѣтить, конечно, прежде всего указъ 5 декабря 1721 г., распредѣляющій болѣе точнымъ образомъ между Архангельскомъ и гаванями Балтійскаго моря вывозъ товаровъ изъ внутреннихъ областей имперіи, и указъ 1722 г. о закрытіи Архангельскаго порта. Одновременно съ этимъ съ конца 1721 г. все чаще и чаще начинаютъ попадаться извѣстія о переговорахъ торговаго характера между Россіей и иностранными державами. Такъ напр., торговыя соображенія занимали видное мѣсто въ начавшихся въ то время переговорахъ о союзѣ между Россіей и Франціей.—Пребываніе въ Голландіи кн. Б И. Куракина разсматривалось, какъ имѣющее своею чуть ли не единственною цѣлью защиту торговыхъ интересовъ Россіи и прежде всего самого царя (Королевскій рескриптъ прусскому посланнику въ Россіи бар. Мардефельду отъ 22 ноября 1721 г.—Прус. Госуд. Архивъ въ Берлинѣ, Russland, 1721). Само русское правительство, наконецъ, не упускало случая намекнуть на желательность болѣе активнаго участія въ міровой торговлѣ на ряду съ англичанами и голландцами другихъ европейскихъ націй, а въ числѣ послѣднихъ и Россіи. (Разговоръ Шафирова съ французскимъ посланникомъ Кампредономъ.—Сборникъ Рус. Имп. Истор. Общ. т. XI стр. 318).

лившемуся интересу къ Россіи, который замѣчается въ торговыхъ сферахъ Запада послѣ 1721 г.; Россія обращала на себя вниманіе, какъ страна, изъ которой можно было вывозить ея естественныя богатства, и черезъ которую могъ установиться удобный путь для торговли съ Дальнимъ Востокомъ. Вторыя—должны были имѣть въ виду созданіе болѣе благопріятныхъ условій для конкурренціи въ будущихъ торговыхъ сношеніяхъ экономически слабаго русскаго купеческаго класса съ купечествомъ такихъ развитыхъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ странъ, какими были Англія и Голландія *).

Однимъ изъ такихъ средствъ и могло быть освобожденіе кораблей, принадлежащихъ русскимъ подданнымъ, отъ уплаты Зундской пошлины, что дало бы возможность понизить цѣны на товары, вывозимыя на этихъ корабляхъ изъ гаваней Балтійскаго моря. Подобнаго рода требованіе и было предъявлено, какъ извѣстно, Петромъ Великимъ датскому правительству почти тотчасъ послѣ заключенія Ништадтскаго мира *) и настойчиво поддерживалось имъ въ теченіе всего послѣдующаго времени его царствованія. Это требованіе, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило рѣзкій отпоръ, со стороны Даніи, усмотрѣвшей въ немъ посягательство на одну изъ самыхъ дорогихъ ея привиллегій, уступка которой могла нанести ей значительный матеріальный ущербъ **). Русско-

*) Въ вывозномъ торгѣ восточными—главнымъ образомъ китайскими и персицкими товарами. Само русское населеніе принимало болѣе, чѣмъ скромное участіе. Правда, иностранцамъ было запрещено пріѣзжать самимъ для закупокъ товаровъ въ Сибирь и Астрахань, и имъ приходилось ожидать прибытія каравановъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Здѣсь, однако привезенные товары, предназначенные къ вывозу, перекупались почти исключительно зажиточнымъ купечествомъ и направлялись—гамбургскими фирмами черезъ Любекъ, англійскими и голландскими черезъ Зундскій проливъ. Весь торгъ въ гаваняхъ Балтійскаго моря находился опять-таки всецѣло въ рукахъ англичанъ и голландцевъ, на долю которыхъ и приходился наибольшій процентъ барыша (Реляц. датскаго посл. Вестфалена 14 Авг. 1722 г.—Датск. госуд. архивъ въ Копенгагенѣ; Russland, Relationes 1721—22).

**) Этотъ ущербъ могъ получить особенно внушительные размѣры теперь, когда значительная часть архангельской торговли переходила въ гавани Балтійскаго моря.—Тревога Даніи усиливалась еще вслѣдствіе того, что со времени заключенія Даніей послѣдняго мира (1720) со Швеціей, когда Швеція отказалась отъ своего права не уплачивать Зундской

датскіе переговоры о зундской пошлинѣ и составляютъ существенное содержаніе балтійской политики послѣднихъ четырехъ лѣтъ царствованія Петра Великаго и могутъ служить лишнею чертою для характеристики заботъ этого государя о торговомъ развитіи своей страны. Смерть прервала его жизнь ранѣе, чѣмъ вопросъ о Зундской пошлинѣ былъ разрѣшенъ въ ту или другую сторону, и окончательное разрѣшеніе его принадлежало болѣе позднему времени, когда къ тому же этотъ вопросъ уступилъ мѣсто другимъ и не привлекалъ уже въ такой степени вниманіе на себя русскаго правительства, въ какой имъ интересовался Петръ Великій. Тѣ обостренныя отношенія, какія создались между Россіей и Даніей послѣ 1721 г. по поводу этого вопроса о ея выходѣ въ океанъ, грозили порою создать между ними такое же открытое столкновеніе, въ какое пришла передъ этимъ Россія со Швеціею, добиваясь своей традиціонной цѣли—свободнаго выхода въ море *).

Приводимый ниже отрывокъ изъ реляціи русскаго резидента въ Копенгагенѣ, Алексѣя Петровича Бестужева отъ 7 ноября 1721 г. и письмо къ нему въ отвѣтъ на эту реляцію тайнаго совѣтника Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, барона Андрея Ивановича Остермана отъ 12 декабря того же года знакомятъ насъ съ первымъ возникновеніемъ въ русской политикѣ Зундскаго вопроса. Рѣчь о зундской пошлинѣ заходила уже не разъ, тотчасъ же послѣ того, какъ Россія начала утверждаться на берегахъ Балтійскаго моря. Еще въ началѣ 1721 г. Пруссія и Голландія побуждали Петра Великаго предъявить Даніи требованіе объ отмѣнѣ этой пошлины, разсчитывая, очевидно, сами вслѣдъ за этимъ предъявить въ свою очередь, подобное же требованіе **). Мысль объ освобожденіи отъ этой пошлины кораблей, идущихъ подъ русскимъ флагомъ, была возбуждена точно так-

---

пошлины—а на этомъ и основывала свои притязанія Россія — не одинъ остзейскій корабль не успѣлъ еще пройти черезъ проливъ и уплатить пошлину, а поэтому нельзя было и сослаться на это, какъ на прецедентъ.—Реляц. А. П. Бестужева.—Московск. Арх. М. И. Д. Данія 1722 № 5.

*) Соловьевъ „Исторія Россіи" нов. изд. т. IV стр. 729 слѣд.

**) Des Etats Raths Westphalen allerunterthänigste Vorstellung über des Czaaren Vues und Absichte nach seinem nunmehro geschlossenen Frieden mit der Crohn Schwedens. Kopenhagen, 28 octob. 1721.—Дац. Госуд. Арх. въ Копенг. Relat. Russland 1721.

же самимъ остзейскимъ купечествомъ еще до заключенія ништадтскаго мира *). Молодой русскій дипломатъ А. П. Бестужевъ, прошедшій служебную карьеру въ тяжелые годы Сѣверной войны, и призванный къ охраненію русскихъ интересовъ въ Даніи, умѣло пользуется моментомъ и менѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца послѣ заключенія Ништадтскаго мира опредѣленно формулируетъ въ своей реляціи на имя царя отъ 7 ноября, давно уже назрѣвшую мысль Зундской пошлины, мысль, которой суждено было сдѣлаться основною темою балтійской политики Петра Великаго въ послѣдніе годы его царствованія **).

Предложеніе Бестужева нашло полное сочувствіе у Петра Великаго, и 10 декабря ему былъ посланъ соотвѣтствующій рескриптъ за собственноручною царскою подписью ***). Черезъ день послѣ этого отправилъ къ Бестужеву свое частное письмо Остерманъ ****). Иностранецъ, вступившій на русскую службу при Петрѣ Великомъ и честно служившій Россіи до конца своей жизни, Остерманъ обладалъ рѣдкою способностью всегда давать себѣ ясный отчетъ въ международныхъ отношеніяхъ, какъ бы сложны и запутаны эти отношенія въ данный моментъ ни были, и точно и детально формулировать то, что у другихъ, а иногда и у самого Петра

---

*) Еще 1-го сентября 1721 г. нов. ст. дацкое правительство предупреждало своего консула въ Россіи Тиргольма о проискахъ подобнаго рода рижскаго и ревельскаго купечества. При этомъ Тиргольму предписывалось при случаѣ дать понять, что Данія никогда не согласится на это требованіе, и что короля крайне задѣло бы, если бы объ этомъ зашла рѣчь.—Московъ. А. М. И. Д. Данія 1721 № 7.

**) М. А. М. И. Д. Данія 1721 № 6.

***) М. А. М. И. Д. Данія 1721 № 3. На находящемся здѣсь протоколѣ этого рескрипта читаемъ: „Такой оригинальный рескриптъ подписанъ Е. И. В—вомъ собственною рукою. А ниже того приписано Е. И. В—ва собственною рукою слѣдующее: Еще что къ сему надлежитъ, писалъ къ Вамъ Остерманъ, почему съ искусною твердостью поступай. — Тайный Совѣтникъ баронъ Андрей Остерманъ". 5 января 1722 г. Петромъ Великимъ была отправлена грамота къ дацкому королю Фредерику IV заключавшая въ себѣ повтореніе того же требованія, какое было высказано въ рескриптѣ 7 ноября. М. А. М. И. Д. Данія 1721 № 2 (копіи царскихъ грамотъ).

****) М. А. М. И. Д. Данія 1721 № 3 (въ бумагахъ архива сохранился лишь черновикъ письма).

не приняло еще форму вполнѣ опредѣленной и разработанной мысли. Въ своемъ письмѣ отъ 12 декабря 1721 г. Остерманъ точно также подробнѣе развиваетъ мотивы, изложенные въ царскомъ рескриптѣ Бестужеву отъ 10 декабря. Онъ одобряетъ предложеніе Бестужева воспользоваться при переговорахъ съ датскимъ правительствомъ о зундской пошлинѣ побочными обстоятельствами, какъ напримѣръ, притязаніями герцога Голштинскаго, но рекомендуетъ пользоваться ими лишь какъ угрозою и не дѣлать, такимъ образомъ, чуждыхъ русскимъ государственымъ интересамъ вопросовъ очередными задачами русской дипломатіи*).

И Остерману и Бестужеву, суждено было, какъ извѣстно, вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго, принять на себя роль руководителей русской внѣшней политики Оба они — дѣятели Петровской школы. Печатаемые ниже документы рисуютъ ихъ намъ съ выгодной стороны, обнаруживая ихъ умѣніе пользоваться обстоятельствами, стоять на стражѣ русскихъ интересовъ и дѣйствительно служить этимъ послѣднимъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. Въ дни, посвященные юбилею „Петра творенья“, не лишнее — помянуть добрымъ словомъ и этихъ двухъ „птенцовъ гнѣзда Петрова“, на дипломатическомъ поприщѣ. Эту цѣль и преслѣдуетъ какъ настоящее краткое введеніе, такъ и помѣщаемые ниже документы.

М. Поліевктовъ.

---

*) Во время Сѣверной войны Данія заняла Шлезвигъ, принадлежавшій несовершеннолѣтнему въ то время герцогу Голштинскому Карлу Фридриху, племяннику Карла XII шведскаго отъ его старшей сестры. Послѣ смерти послѣдняго шведскіе государственные чины передали шведскій престолъ его младшей сестрѣ, Ульрикѣ Элеонорѣ. Герцогъ Голштинскій, считавшій себя претендентомъ на шведскую корону, былъ также этимъ обиженъ. Все это время онъ искалъ заступничества у Петра Великаго. Послѣдній разрѣшилъ ему пріѣхать въ Петербургъ и въ концѣ своего царствованія согласился даже на обрученіе съ герцогомъ своей старшей дочери, царевны Анны Петровны. — Послѣдніе годы Сѣверной Войны герцогъ былъ въ рукахъ русскаго царя угрозою противъ шведовъ, которою Петръ Великій пользовался, чтобы вынудить шведовъ на болѣе выгодныя условія мира. Послѣ Ништадтскаго мира онъ дѣлается такою же угрозою Россіи въ притязаніяхъ, предъявленныхъ ею Даніи.

I. Изъ реляціи А. П. Бестужева 7 ноября 1721 года.

Всемилостивый Царь Государь.

...Яко моя всеподаннѣйшая должность о Высочайшихъ интересахъ Вашихъ неусыпное попеченіе имѣть, коимъ бы образомъ возможно было оные умножить, и тако я усмотрѣлъ изъ мирнаго трактату, учиненнаго въ Нейштадтѣ между Вашимъ Царскимъ Величествомъ, королемъ и короною Швецкою, а именно въ 4-мъ артикулѣ, постановлено и утверждено, что король и корона швецкая означенныя въ помянутомъ артикулѣ провинціи, земли и города уступаютъ Вашему Царскому Величеству и Высочайшимъ потомкамъ Вашимъ въ вѣчное владѣніе въ такой силѣ, что генерально со всѣми принадлежностями, и что ко онымъ зависитъ, правами и прибытками, во всемъ ничего въ томъ не исключая, и какъ корона шведская владѣла, пользовалась и употребляла.

Вашему Царскому Величеству довольно о томъ извѣстно, что оныя провинціи Лифляндія, Эстляндія, Ингерманландія, Корелія и протчіе всѣ городы, мѣста и пристани, которые нынѣ Вашему Царскому Величеству въ вѣчное владѣніе уступлены, имѣли права, прибытки и пользованіе оное, что всѣ корабли купецкіе безпошлинно Зундъ проходили. И тако Ваше Царское Величество предъ всѣмъ свѣтомъ неспоримо претензію имѣете, дабы торговымъ кораблямъ изо всѣхъ завоеванныхъ портовъ безпошлинно Зундъ проходить, ибо хотя корона Швецкая въ мирномъ трактатѣ оныя права, прибытки и пользованіе здѣшней коронѣ уступила, что яко и протчіе онымъ пользоваться не будутъ, чтобъ корабли ихъ безпошлинно проходили, однако, оный трактатъ ни мало до оныхъ провинцій не касается, которыхъ Швеція лишена была, да и не возможно изъ чужого владѣнія какія ни есть древнія права уступать. И тако швецкая корона правы уступила токмо за тѣ земли, которыми тогда владѣла. И ежели по сему моему всеподданнѣйшему доношенію Ваше Царское Величество соизволите, дабы о вольномъ проходѣ Зунда отъ здѣшняго двора требовать и о такомъ важномъ дѣлѣ и томъ Вашему Царскому Величеству зѣло авантажномъ съ здѣшнимъ дворомъ формальный трактатъ учинить, да повелите

всемилостивѣйше изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ опредѣлить меня обстоятельнымъ указомъ. И понеже здѣшній дворъ о пребываніи при дворѣ Вашего Царскаго Величества князя Голштинскаго Высочества еще въ опасности и великомъ страхѣ обрѣтается, и тако чрезъ присутствіе въ Санктъ Питеръ Бурхѣ вышепомянутого принца, а особливо ежели Ваше Царское Величество для лица ко оному толь паче милостиво являть себя изволите, о счастливомъ успѣху безпошлиннаго проходу сквозь Зундъ не сумневаюсь. А ежели паче чаянія здѣшній дворъ въ томъ заупрямится, то ничѣмъ его тако потревожить не можно, яко вышеозначеннымъ принцомъ, и изъ подъ страху единаго, дабы Ваше Царское Величество за онаго принца не вступились, уповаю, что здѣшній дворъ по волѣ и во удовольствіе Вашему Царскому Величеству учинитъ, на что ожидая Всемилостивѣйшаго указа со всеподданнѣйшимъ респектомъ пребываю

Вашего Царскаго Величества
Всеподданнѣйшій рабъ
Алѣксей Бестужевъ.

Копенгагенъ,
7 ноября 1721.

II. Письмо бар. А. И. Остермана къ А. П. Бестужеву. 12 декабря 1721.

Благородный Господинъ Резидентъ,
Мой Государь.

Когда Е. И. В-ство изъ вашего благородія реляціи въ Кабинетъ усмотрѣлъ, что вы надѣетесь при нынѣшнихъ полезныхъ конъюнктурахъ Е. В-ство короля дацкаго къ тому привесть, что онъ на безпошлинный проходъ кораблей купеческихъ здѣшнихъ провинцій позволитъ, то онъ не токмо вашего благородія доношеніе всемилостивѣйше апробовалъ, но и въ приложенномъ указѣ повелѣлъ вамъ о томъ при дацкомъ дворѣ формально домогаться. Е. В-ство полагается въ томъ на Васъ, что вы, мой государь, не оставите вѣрные свои труды въ томъ прилагать, и что вы всѣ пристойные способы

употреблять будете, которые къ счастливому успѣху и полученію сего намѣренія служить могутъ; во отправленномъ къ вашему благородію указѣ именно изображено, какія представленія въ семъ дѣлѣ чинить надлежитъ.—Дѣло собою явно: оныя провинціи всегда не-порывно сію привилію имѣли и Его Королевское Величество Дацкое по справедливости въ томъ отказать не можетъ. Единой аргументъ, которымъ отговариваться могутъ, состоитъ въ томъ, что корона швецкая чрезъ послѣдній миръ сію привилію уступила, но ваше благородіе можетъ сверхъ того, что въ указѣ содержано, еще и сіе на то объявить, что не токмо Швеція и право и власть не имѣла уступить привиліи тѣхъ земель, которыя не у нея въ рукахъ, но за Е. И. В-ствомъ были, но такожде оная корона никогда къ тому намѣренія не имѣла, какъ то отъ полномочныхъ министровъ швецкихъ на нейстатскомъ конгрессѣ многократно декляровано, и хотя бы корона швецкая то учинить и хотѣла (еже не было, и о здѣшнихъ провинцей въ трактатѣ съ Даніею не упомянуто), то однако-жъ сіе Е. И. В-ству и здѣшнимъ провинціямъ предосужденія принесть не можетъ, ибо никто того уступить не можетъ, чѣмъ онъ самъ не владѣетъ. Ваше благородіе можете дацкому двору при семъ случаѣ приличнымъ образомъ внушить, что хотя у его Е. И. В-ства, какъ отъ герцога Голштинскаго, такъ и отъ многихъ другихъ и сильныхъ державъ, которые за него, герцога, заступаются, довольныя домогательства чинятся, дабы Его Величество въ какія королю дацкому противныя мѣры привесть, однакожъ Е. И. В-ство оставя всѣ двора дацкаго прежніе къ нему несклонные поступки до сего времени не токмо отъ того удалялся, но и его, герцога, и другихъ отъ онаго удерживалъ, и весьма готовъ и склоненъ съ Е. Кор. В-ствомъ въ отмѣнной доброй дружбѣ пребывать, токмобъ съ страны Е. К. В-ства взаимно къ нему поступлено было, и Е. К. В-ство нынѣ имѣетъ случай Е. И. В-ства при такихъ полезныхъ и добрыхъ сентиментахъ удержать и утвердить, когда въ сей его справедливой претензіи ему надлежащее удвольство покажетъ. И можете, ваше благородіе, усмотря, что съ страны дацкой ко удовольствованію Е. В-ства никакой склонности не показываютъ, искуснымъ образомъ дать знать, что по такомъ ихъ поступку Е. И. В-ство явно усмотрѣть можетъ, что его дружба не велика

ставится, и что причину подать может, что Е. В-ство свои мѣры предвоспріиметъ и взаимно такимъ же образомъ къ Е. Кор. В-ству поступитъ, ибо онъ въ сей своей справедливой претензіи уступить весьма не намѣренъ, а насупротивъ того, ежели Е. Кор. В-ство въ семь дѣлѣ Е. И. В-ству надлежащее удовольство покажетъ, то и онъ при прежнихъ своихъ доброжелательныхъ намѣреніяхъ къ Е. К. В-ству останется. В. Благородіе изволите сіе, усмотря по тамошнему состоянію дѣлъ и склонности ко удовольствованію Е. В-ства пристойнымъ образомъ объявить и стараться намѣреніе Е. В-ства о семъ дѣлѣ получить, и что въ томъ отъ времени до времени произойдетъ о томъ доносить, дабы потому потребные указы къ вамъ отправлены быть могли.— Я вамъ, государь мой, благодарствую за почтенное ваше ко мнѣ писаніе и за свидѣтельствованіе о вашей ко мнѣ продолжающейся склонности.

Взятіе Ніеншанца и основаніе Петербурга.

Нева издавна имѣла большое значеніе въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ. Съ нея начинался „великій путь изъ Варягъ въ Греки“, способствовавшій оживленнымъ сношеніямъ древней Руси съ Западомъ.

Нева входила въ составъ Новгородскихъ владѣній; въ ея бассейнѣ жили славяне и финны. Первымъ твердымъ оплотомъ въ территоріи Ладожскаго озера является русскій городъ Ладога, основанный, по сказанію лѣтописца, въ 862 году. Нева раздѣляла земли Еми (финляндцевъ) и Руси и встрѣчается поэтому не разъ при описаніи пограничныхъ стычекъ, иногда довольно крупныхъ, между враждовавшими сосѣдями. Въ 1226 году великій князь Ярославъ Всеволодовичъ предпринялъ большой походъ „за море на Емь, гдѣ же ни единъ отъ князь русскихъ не взможе бывати и всю землю ихъ плѣни, и возвратися Новугороду, славля и хваля Бога“. Однако, русскіе имѣли болѣе сильнаго врага, чѣмъ Емь: за обладаніе Невою пришлось имъ столкнуться со шведами. Первое серьезное столкновеніе произошло въ 1240 году, когда сынъ Ярослава Всеволодовича Александръ Невскій разбилъ шведовъ, по преданію, близъ Усть-Ижоры. За Невской побѣдой послѣдовала упорная борьба русскихъ со шведами изъ-за обладанія Невой и особенно ея устьемъ. Въ 1300 году сильный шведскій отрядъ высадился на Невѣ, у устья рѣки Охты, и заложилъ крѣпость, наименовавъ ее Ландскроною, или Вѣнцомъ земли, по переводу русскаго лѣтописца. Отвѣтомъ на этотъ рѣшительный шагъ явился походъ великаго князя Андрея Александровича (сына Але-

ксандра Невскаго), который въ 1302 году уничтожилъ шведскую крѣпость.

Лѣтопись говоритъ объ этомъ событіи такъ: „князь городокъ нѣмечьскій взялъ и Неву, и раскопати повелѣлъ (очевидно, крѣпость), а самихъ нѣмецъ избили, а иныхъ руками полонили, а князя ихъ убили“. Мы не будемъ перечислять многочисленныя дальнѣйшія столкновенія русскихъ со шведами. Достаточно сказать, что перевѣсъ въ борьбѣ долгое время былъ на сторонѣ русскихъ, которые твердо обосновываются на Невѣ и ближайшемъ побережьѣ Балтійскаго моря, закладываютъ здѣсь города: Орѣшекъ, Ямъ, Копорье, Ивангородъ и другіе. Съ паденіемъ самостоятельности Новгорода, его владѣнія съ конца XV вѣка входятъ въ составъ Московскаго государства. Торговыя сношенія съ Западомъ, правда, сокращаются; но правительство Московское умѣетъ цѣнить важность своихъ новыхъ владѣній и защищать ихъ отъ посягательствъ сосѣдей. Мало того: при Іоаннѣ IV дѣлается попытка, правда неудачная, пріобрѣтенія Ливоніи.

Устьэ Невы не оставалось пустыннымъ. На мѣстѣ нынѣшней Охты при концѣ владычества Новгорода было пять небольшихъ деревень. По переписи 1500 года одна изъ деревень „Кулза“ наименована селомъ; кромѣ нея, перечислены 7 деревень и одно сельцо, заключающія въ себѣ свыше 40 дворовъ, т. е. около 250 человѣкъ населенія. Въ концѣ XVI вѣка поселенія на Невѣ были распредѣлены между нѣсколькими русскими помѣщиками, которые очень сильно страдали отъ набѣговъ шведовъ.

Конецъ XVI вѣка и начало XVII были тяжелою эпохою въ русской исторіи. Шведы воспользовались смутнымъ временемъ и заняли берега Невы. Знаменитый полководецъ шведскій Делагарди представилъ королю планъ возобновленія крѣпости на Невѣ. Планъ этотъ былъ одобренъ и приведенъ въ исполненіе послѣ того, какъ по Столбовскому миру 1617 года Россія уступила Швеціи берега Балтійскаго моря и Неву.

Король шведскій Густавъ-Адольфъ высоко цѣнилъ значеніе новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній Швеціи. Вотъ его слова: „Великое благодѣяніе оказалъ Богъ Швеціи тѣмъ, что русскіе, съ которыми мы изстари жили въ неопредѣ-

ленномъ состоянiи и въ опасномъ положенiи, теперь навѣки должны покинуть гнѣздо, изъ котораго такъ часто насъ безпокоили... Большiя озера—Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, 35 миль обширныхъ болотъ (т. е. Ижорская земля) и сильныя крѣпости отдѣляютъ наше отечество отъ него; у Россiи отнято море и, Богъ дастъ, русскимъ теперь трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ. Кексгольмъ (Корела по-русски), Нотебургъ, Ямъ, Копорье и Ивангородъ составляютъ ключи Финляндiи и Лифляндiи и заграждаютъ Балтiйское море отъ Россiи. Если бы мы возвратили Нотебургъ или Ивангородъ, или оба города вмѣстѣ, и еслибъ Россiя подозрѣвала собственное свое могущество, то близость моря, рѣкъ и озеръ дали бы ей возможность не только вторгнуться въ Финляндiю со всѣхъ сторонъ и во всякое время года, но даже, благодаря ея огромнымъ средствамъ и неизмѣримымъ предѣламъ, покрыть Балтiйское море своими кораблями, такъ что Швецiя безпрестанно бы подвергалась опасности" *).

Вопреки предположенiямъ знаменитаго шведскаго короля, Россiя при Петрѣ Великомъ, въ сознанiи своего могущества, отвоевала обратно отнятыя у нея земли...

Уступая Швецiи Ижорскую землю (Ингрiю) до Наровы, Невы и до Ладожскаго озера, Россiя теряла территорiю пространствомъ около трехъ уѣздовъ, съ населенiемъ до двадцати тысячъ человѣкъ.

Въ 1632 году шведами построена была на лѣвомъ берегу рѣки Охты, при впаденiи ея въ Неву крѣпость Нiеншанцъ (по-шведски Ньюсканцъ); это мѣсто русскiе назвали Канцы.

Главнымъ городомъ края при шведскомъ владычествѣ была Нарва. Оставшiеся въ предѣлахъ Ингрiи русскiе, за исключенiемъ немногихъ, перешедшихъ въ протестантство, сохранили православную религiю, несмотря на то, что шведы принимали мѣры къ распространенiю лютеранства. „Еще до заключенiя Столбовскаго мира Густавъ-Адольфъ велѣлъ двумъ своимъ придворнымъ проповѣдникамъ устроить въ Ивангородѣ религiозную бесѣду съ русскими священниками

---

*) П. Бобровскiй: Петръ Великiй на устьѣ Невы. Спб. 1903, стр. 3—4. Ср. ст. Я. К. Грота: Извѣстiя о Петербургскомъ краѣ до завоеванiя его Петромъ Великимъ. (Труды Я. Грота. Т. IV. Спб. 1901, стр. 74).

и составить описаніе вѣроисповѣданія и богослуженія шведскаго прихода съ тѣмъ, чтобы оно тотчасъ переведено было на русскій языкъ; сверхъ того имъ поручено было склонять русскихъ, посредствомъ увѣщаній, къ оставленію нѣкоторыхъ, несогласныхъ съ лютеранскими, уставовъ и обрядовъ. На выборгскаго епископа возложено было завѣдывать религіозными дѣлами Ингерманландіи и подъ рукою, съ должною осторожностью, наставлять жителей въ лютеранскомъ ученіи. Для облегченія средствъ къ тому король учредилъ въ Стокгольмѣ русскую типографію, съ цѣлію печатать и распространять между православными жителями Кореліи и Ингерманландіи лютеранскія духовныя книги, частію въ русскомъ переводѣ, а частію на финскомъ языкѣ, но все же напечатанныя славянскими буквами, какъ болѣе извѣстными православному духовенству" *).

Тяжело жилось русскимъ людямъ и православнымъ финнамъ подъ шведскимъ владычествомъ и въ экономическомъ отношеніи, вслѣдствіе притѣсненій и поборовъ шведскихъ властей, и въ религіозно-нравственномъ, такъ какъ православное населеніе, несмотря на усиленныя просьбы, не имѣло особаго епископа, свѣдущихъ священниковъ и не посѣщало никакихъ школъ.

Петръ Великій, стремясь къ морю и не довольствуясь далекимъ и негостепріимнымъ Бѣлымъ моремъ, обратилъ свое вниманіе на устье Невы и побережье отъ устья Невы до Наровы, составлявшія какъ мы видѣли, давнее владѣніе Россіи, которое находилось подъ властью шведовъ менѣе ста лѣтъ. Борьбу за возвратъ этого владѣнія царь началъ, обезпечивъ сперва Россіи миръ съ Турціей и заключивъ союзъ съ Даніей и Польшей. Первыя дѣйствія русскихъ на театрѣ войны были неудачны: русскія войска потерпѣли сильное пораженіе подъ Нарвой 19 ноября 1700 года.

1701 и 1702 годы были болѣе удачны: Шереметевъ занялъ почти всю Лифляндію, Апраксинъ подвигался къ Нотебургу (Орѣшку), лежавшему при истокахъ Невы. 11 октября 1702 года Нотебургъ былъ взятъ русскими и переименованъ въ Шлиссельбургъ, ставшій ключомъ ко всей Невѣ и къ морю.

---

*) Труды Я. К. Грота. Т. IV, стр. 78.

Къ дальнѣйшимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ Петръ готовился полгода: онъ поджидалъ подкрѣпленій войсками, припасами, боевыми снарядами, лѣкарствами. Дѣло предстояло трудное: но оно было подготовлено опытною и настойчивою рукою.

23 апрѣля 1703 г. фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ выступилъ изъ Шлиссельбурга съ двадцати-тысячнымъ войскомъ *).

По сказкѣ ладожанъ, торговыхъ людей, опрошенныхъ въ 1701 году, русскіе имѣли слѣдующія свѣдѣнія о Ніеншанцѣ:

„Крѣпость Канцы стоитъ въ устьѣ Охты; валъ старый, башенъ нѣтъ; за валомъ—рогатки деревянныя и ровъ; изо рва къ валу палисады сосновые; крѣпость земляная, небольшая,—земли подъ нею всего съ десятину. Охта течетъ изъ болотъ, впадаетъ въ Неву ниже крѣпости, близко ея стѣны; ходятъ по ней шкуны большія и корабли, но съ половиною груза. Противъ крѣпости, за Охтою, стоитъ посадъ (городъ) Канецкій. Чрезъ Охту сдѣланъ мостъ подъемный,—на ночь поднимаютъ на врата градскія. На посадѣ всѣхъ дворовъ съ 400. Вверхъ по Охтѣ съ полверсты, амбары большіе—торговыхъ людей и королевскіе, числомъ со 100, съ хлѣбомъ и другими припасами. Пушекъ въ Канцахъ много желѣзныхъ. Въ крѣпости только одинъ воеводскій (комендантскій) домъ, да солдатскихъ дворовъ съ 10. На посадѣ каменныхъ палатъ нѣтъ, все деревянныя. Недошедъ до Канецъ отъ Невы сажень за 300, зачатъ у нихъ валъ земляной, отъ Невы къ Охтѣ, но не додѣланъ. Подъ Канцами, между Невою и Охтою, гдѣ стать, земля сухая, песочная: шанцы копать и валъ валить мочно“.

Первыхъ успѣшныхъ дѣйствій русскіе достигли уже въ ночь на 25-е апрѣля, когда посланный (водою) для рекогносцировки отрядъ капитана Глѣбовскаго напалъ на шведскій постъ изъ 150 драгунъ у самой крѣпости и, обративъ его въ бѣгство, овладѣлъ наружнымъ валомъ. Въ тотъ же день прибыли главныя силы Шереметева, а съ 26-го апрѣля генералъ-инженеръ Ламбертъ началъ копать апроши (канавы

---

*) Подробности похода изложены въ упомянутой уже нами книжкѣ П. Бобровскаго „Петръ Великій на устьѣ Невы“.—Срв. также подробный „Дневникъ основанія Петербурга“, начатый Гр. Немировымъ въ № 9753 „Новаго Времени“ (23 апрѣля) и продолжающійся въ дальнѣйшихъ апрѣльскихъ и майскихъ нумерахъ этой газеты.

для подхода въ крѣпость) и строить шанцы, несмотря на огонь шведовъ.

26 апрѣля изъ Шлиссельбурга пріѣхалъ Петръ, который находился при взятіи крѣпости въ чинѣ капитана бомбардирской роты. Въ день своего пріѣзда царь осмотрѣлъ укрѣпленія непріятельскія и наши и въ тотъ же день успѣлъ написать А. Д. Меншикову слѣдующее письмо: „Mein Herz! Мы сегодня пріѣхали, слава Богу, счастливо, часа за два до вечера. Наши шанцы сажень за 50 или больше зачаты и мало не кругомъ всего города обведены. Урону, слава Богу, немного: только 8 человѣкъ убито да нѣсколько ранено, да инженеръ Смоленскій убитъ. Городъ гораздо больше, какъ сказывали, однако-жъ не будетъ съ Шлюссельбургъ. Про новый валъ сказывали, что низокъ, который (однако) выше нежели городъ самъ (т.-е. выше, чѣмъ старыя крѣпостныя стѣны), весь зачатъ и выведенъ равно изрядною фортификаціею, только лишь дерномъ не обложенъ; а ободомъ больше Ругодива (Нарвы). Стрѣльба зѣло рѣдка. Piter".

Еще до взятія Ніеншанца Петръ успѣлъ нѣсколько разъ объѣхать Невскіе острова и побывать на взморьѣ. 30-го апрѣля были окончены русскими окопы. На предложеніе сдать крѣпость комендантъ отвѣтилъ, что крѣпость поручена ему для защиты, а не для сдачи. Русскіе приступили къ бомбардировкѣ. Утромъ 1 мая шведы начали переговоры о сдачѣ. Переговорами были установлены слѣдующія условія сдачи: крѣпость сдается русскимъ 1 мая; комендантъ Яганъ Апеловъ (потомокъ русскаго дворянина), съ офицерами и всѣмъ гарнизономъ свободно выступаетъ изъ крѣпости при барабанномъ боѣ съ распущенными знаменами, съ оружіемъ, съ провіантомъ на мѣсяцъ, съ двумя желѣзными пушками въ Выборгъ.

Ніеншанцъ былъ переименованъ русскими въ Шлотбургъ. Первая русская газета „Вѣдомости" 1703 года сообщила объ этомъ важномъ событіи въ письмѣ изъ Шлютенбурга отъ 10-го мая: „Московское войско, между иными, славную Свѣйскую крѣпость Канцы (у которыя изрядная корабельная пристань) за Божіею помощью взяли мая въ первый день; потому что хотя и многое число было осадныхъ людей, однако же отъ пушечной стрѣльбы и отъ метанія бомбъ принуждены знакъ къ сдачѣ учинить, и по

прошенію ихъ пожалованы животомъ, отпущены на волю, и Московское войско вошло въ крѣпость, а колько какія казны въ ней, будущее время окажетъ" *).

Второго мая въ русскомъ лагерѣ служили благодарственное молебствіе, послѣ котораго русскія войска вошли въ крѣпость. Шведскій комендантъ поднесъ фельдмаршалу ключи отъ города на серебряномъ блюдѣ.

Итакъ, Петръ Великій овладѣлъ устьемъ Невы перваго мая 1703 года.

Царь приказалъ оповѣстить въ иностранныхъ газетахъ, что шкиперамъ трехъ торговыхъ судовъ, пришедшихъ первыми въ Шлотенбургъ, царь выдастъ въ награду 500, 300 и 150 золотыхъ дукатовъ. Такъ велико было желаніе царя тотчасъ же воспользоваться плодами своей побѣды и привлечь къ новой русской гавани иноземныхъ купцовъ.

Однако Шлотбургъ (бывшій Ніеншанцъ) оставался далеко небезопаснымъ со стороны моря. Уже второго мая на взморьѣ показались непріятельскіе военные корабли. Они дали условный у шведовъ сигналъ двумя пушечными выстрѣлами; изъ Ніеншанца, по приказанію Шереметева, отвѣтили также двумя залпами. „По сему лозунгу—разсказываетъ современникъ—присланъ былъ на берегъ съ адмиральскаго корабля ботъ для лоцмановъ россійскихъ войскъ; караулъ, скрывшійся въ лѣсу, поймалъ одного изъ шведскихъ матросовъ (прочіе же ушли), отъ котораго свѣдали, что тою эскадрою командуетъ вице-адмиралъ Нумерсъ; потомъ пришли два шведскія военныя судна и стали предъ устьемъ Невы рѣки. Увѣдомленный о семъ, царь Петръ Алексѣевичъ, яко капитанъ бомбардирской роты, и поручикъ Меншиковъ, въ тридцати лодкахъ, съ гренадерами и солдатами Преображенскаго и Семеновскаго полка, отправился туда и, въ вечеру прибывъ на устье, скрылся за островомъ противъ деревни Калинкиной къ морю. На разсвѣтѣ государь съ половиною лодокъ поплылъ греблею подлѣ Васильевскаго острова подъ прикрытіемъ лѣса и объѣхалъ сіи суда отъ моря, а другой половинѣ велѣлъ пуститься на нихъ сверху. Непріятель, увидѣвши сіе, вступилъ въ бой и на парусахъ пробивался къ

---

*) „Вѣдомости времени Петра Великаго", изд. М. Синод. типографіи. Вып. VI. М. 1903, стр. 15.

эскадрѣ. Однако его величество, догнавъ сіи суда и не взирая на жестокую стрѣльбу изъ пушекъ, одною ружейною стрѣльбою и гранатами оба судна взялъ и привелъ въ лагерь къ фельдмаршалу. На одномъ было десять пушекъ, а на другомъ—четырнадцать. Государь, возблагодаря за сію первую морскую побѣду Богу при троекратной стрѣльбѣ изъ пушекъ, послѣ молебна, фельдмаршалу и прочимъ генераламъ говорилъ: „Я рекомендую вамъ, господинъ фельдмаршалъ, бывшихъ со мною офицеровъ и солдатъ; сія побѣда храбростію ихъ получена. Благодаря Вышняго, небывалое сбылось: мы лодками начинаемъ уже брать непріятельскіе корабли". За сію викторію бомбардирской капитанъ и поручикъ Меншиковъ сдѣланы кавалерами ордена святаго Андрея, также и господинъ постельничій Головкинъ, который въ той же партіи находился. Кавалеріи наложены были на нихъ чрезъ адмирала графа Головина, яко перваго кавалера сего ордена, а офицерамъ даны золотыя медали съ цѣпьми, солдатамъ же—медали безъ цѣпей" *).

Эта первая морская побѣда, одержанная Петромъ Великимъ 7 мая, имѣла большое нравственное значеніе. Тѣмъ не менѣе, со свойственною царю скромностью и, очевидно, по его желанію, „Вѣдомости" дали объ этомъ событіи довольно блѣдный разсказъ: „Господинъ капитанъ бомбардирской, роты, по приказу фельдмаршала, ходилъ на устье морское съ немногими людьми и нашелъ тамъ 9 кораблей непріятельскихъ съ людьми и всякимъ запасомъ, и по нарочитомъ бою, за Божіею помощью, взяли у непріятеля два фрегата со всѣмъ запасомъ и людей, кои въ нихъ были, побили, а остальныхъ взяли въ полонъ" **).

Появленіе непріятельскаго флота, болѣе сильнаго и болѣе освѣдомленнаго о положеніи дѣлъ у русскихъ, могло быть очень опаснымъ для новозанятаго края. Приходилось поэтому серьезно подумать о возможно болѣе сильномъ укрѣпленіи и защитѣ устья Невы. Первоначально, повидимому, предполагалось только значительно увеличить укрѣпленія Шлотбурга. Но, осматривая занятую мѣстность, царь обратилъ вниманіе на островъ Котлинъ, который могъ-бы слу-

---

*) Л. Н. Майковъ: Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Спб. 1891, стр. 21—29.

**) „Вѣдомости времени Петра Великаго". М. 1903.

жить прекрасной защитой устья Невы. Въ связи съ этимъ явилось предположенiе о перенесенiи города и крѣпости ближе къ морю. Въ началѣ мая Петръ осмотрѣлъ острова Васильевскiй и Березовый (нынѣшняя Петербургская сторона) и остановился на послѣднемъ, какъ наиболѣе удобномъ для устройства крѣпости и города. На Березовомъ островѣ (по-фински Койву-саари) находилось, какъ показываютъ шведскiя карты конца XVII и начала XVIII в., семь небольшихъ деревень.

Днемъ основанiя Петербурга было шестнадцатое мая. Это утверждаетъ вполнѣ достовѣрный источникъ „Журналъ или Поденная Записка Петра Великаго, напечатанная со списковъ Кабинета, исправленныхъ собственною рукою Его Императорскаго Величества". (Изд. 1770 г., ч. 1-я, стр. 69). Вотъ что читаемъ тамъ:

„По взятiи Канецъ отправленъ воинскiй совѣтъ, тотъ ли шанецъ крѣпить, или иное мѣсто удобнѣе искать (понеже оный малъ, далеко отъ моря, и мѣсто не гораздо крѣпко отъ натуры), въ которомъ положено искать новаго мѣста, и по нѣсколькихъ дняхъ найдено къ тому удобное мѣсто островъ, который назывался Люстъ-Елантъ (то-есть веселый островъ), гдѣ въ 16-й день маiя (въ недѣлю Пятидесятницы) крѣпость заложена и именована Санктпетербургъ, гдѣ осталась часть войска (которыми брали Канцы) съ генераломъ княземъ Репнинымъ".

Столь категорическое свидѣтельство оффицiальнаго документа, казалась, не должно было бы возбуждать никакихъ сомнѣнiй. Тѣмъ не менѣе, сомнѣнiя явились по связи съ вопросомъ, былъ ли Петръ на устьѣ Невы 16 мая. Дѣло въ томъ, что по „Журналу" царь былъ 16 мая на Сяси, а между тѣмъ его присутствiе при закладкѣ города нѣкоторыми историками считается обязательнымъ *).

---

*) Сомнѣнiя эти высказаны были впервые П. Н. Петровымъ въ статьѣ „Петербургское житье—бытье въ старину" („Всемiрный Трудъ" 1896 г.) и въ его „Исторiи С.-Петербурга" (1885 г.) и поддержаны были г. Н. Энгельгардтомъ въ статьяхъ „Когда праздновать юбилей Петербурга"? „День Петербургскаго юбилея", „Къ вопросу о Петербургскомъ юбилеѣ", „Золотой ковчегъ Петра Великаго" („Новое Время" №№ 9652, 9722, 9727, 9732) и въ недавней статьѣ „Двухсотлѣтiе Петербурга" („Историческiй Вѣстникъ" 1903, май). Эти статьи вызвали разъясненiя

Авторъ „Исторіи С.-Петербурга“ П. Н. Петровъ призналъ днемъ основанія столицы 29 іюня, хотя есть нѣсколько болѣе раннихъ свидѣтельствъ (съ половины іюня) о „новозаложенной крѣпости“. Интереснѣе же всего сопоставить слѣдующія двѣ выписки изъ „Журнала Петра Великаго“ уясняющія этотъ вопросъ.

„Сего іюня 22 дня отъ Канецъ полки отъ гвардіи, такожъ и генералъ Репнинъ, съ знатною частью пѣхотныхъ полковъ приблизились къ вышеупомянутой новозакладной крѣпости С.-Петербургъ“.

„Праздникъ апостоловъ Петра и Павла (т. е. 29 іюня) Его Царское Величество изволилъ торжествовать съ набоженствомъ и веселіемъ звычайнымъ въ вышеупомянутой С.-Петербургской крѣпости; банкетъ былъ въ новыхъ казармахъ, которыхъ тогда въ больверкѣ генералъ-губернатора Александра Даниловича Меншикова нѣсколько уже сдѣлано было“.

Ясно, что 29 іюня состоялось особое торжество по случаю именинъ Петра Великаго и окончанія нѣкоторыхъ частей заложенной ранѣе, т. е. 16 мая, крѣпости. Постройка ея шла такъ успѣшно, что менѣе чѣмъ въ полтора мѣсяца были готовы уже казармы для гвардіи и для „знатной части“ пѣхотныхъ полковъ.

Что же извѣстно о дѣйствіяхъ Петра около 16 мая?

11 мая Петръ сухимъ путемъ пошелъ къ Шлиссельбургу.

13 мая совершена имъ поѣздка по Ладожскому озеру „верстъ десять и больше“.

16 мая, въ праздникъ св. Троицы, пошли (разумѣется, Петръ и его рота); 17—мая пріѣхали на Лодейную пристань.

въ „Письмѣ въ редакцію“ П. Ѳ. Платонова („Новое Время“ № 9723), въ статьяхъ Г. Немирова „Дни празднованія юбилея Петербурга“ и „Петръ Великій при основаніи Петербурга“ (тамъ же, №№ 9660 и 9728), замѣтку А. В. Половцова „Петръ В. былъ при основаніи Петербурга“ (Тамъ же, № 9730) и статьи П. О. Бобровскаго: „Къ вопросу объ основаніи С.-Петербурга“ и „Гдѣ находился Петръ Великій въ день закладки крѣпости С.-Петербургъ“ (тамъ-же, №№ 9729 и 9744). Ср. еще статью Лѣтописца: „Когда былъ основанъ С.-Петербургъ“, („С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 91). Наиболѣе обоснованнымъ мы считаемъ мнѣніе П. О. Бобровскаго, что Петербургъ заложенъ 16 мая 1703 года, въ отсутствіи царя.

20 мая Петръ былъ уже въ Шлотбургѣ.

Причина отбытія царя въ Лодейную пристань въ день закладки С.-Петербурга очень хорошо объяснена П. О. Бобровскимъ. Царь спѣшилъ туда, чтобы поторопить постройку военныхъ судовъ въ виду угрожающей русскимъ флотилiи Нуммерса. Послѣ торжествъ освященія крѣпости и побѣды (7 іюня) у рѣки Сестры надъ генераломъ Кроніортомъ царь опять спѣшитъ къ Лодейной пристани *).

Въ заключеніе нашей замѣтки скажемъ нѣсколько словъ о С.-Петербургской крѣпости.

По свидѣтельству Голикова, крѣпость состояла изъ шести больверковъ (т. е. бастіоновъ), носившихъ имена: Петра, Меншикова, Головина, Зотова, Трубецкого и Нарышкина. Названныя лица и наблюдали за постройкою больверковъ ихъ имени.

Кромѣ деревянной церкви во имя Петра и Павла, въ крѣпости построены были: домикъ Петра Великаго, а также дома ближайшихъ его сотрудниковъ. Такъ скромно было начало нашей столицы.

По плану Петра Великаго главную часть города должны были составить Петербургская Сторона и Васильевскій Островъ, какъ ближайшія мѣстности къ морю. На лѣвомъ берегу Невы предполагалось главнымъ образомъ устроить адмиралтейство для постройки судовъ и морскія казармы.

Время видоизмѣнило этотъ планъ. Главная часть столицы въ настоящее время растянулась на далекое пространство по лѣвой сторонѣ Невы; Петербургская Сторона только въ послѣднее время стала значительно оживленнѣе; что же касается древнѣйшей части Петербурга, Охты, то она доселѣ является самой неблагоустроенной.

А. Лященко.

---

*) П. Бобровскій. Гдѣ находился Петръ Великій въ день закладки крѣпости С.-Петербургъ? („Новое Время“, № 9744).

	DATE DUE		
SPRING 1983			

